

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Т. 15 № 3 2019

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2019

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 3 2019

Редакционный совет

- Д. Андерсон, PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Т. Гебел, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Дж. Зайкер, PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Р. Лозей, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Т.Ю. Номоконова, PhD, лектор Университета Британской Колумбии – Оканаган (Канада)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Д. Эрдэнэбаатар, PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

- Главный редактор** – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
А.В. Вебер, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
А.В. Ганин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
А.А. Иванов, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
А.А. Сирина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Х. Като, PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <http://ildt.istu.edu/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в «Каталоге российской прессы» – 31987

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**JOURNAL
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES**

Vol. 15 no. 3 2019

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2019

JOURNAL
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 15 no. 3 2019

Editorial council

- D. Anderson, PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
T. Goebel, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
J. Ziker, PhD, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
R. Losey, PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
T.Yu. Nomokonova, PhD, University of British Columbia – Okanagan (Canada)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
D. Erdenebaator, PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

- Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
A.W. Weber, PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
A.V. Ganin, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.A. Ivanov, Doctor of History, Associate Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
A.A. Sirina, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
H. Kato, PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: <http://ildt.istu.irk.ru/>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication – quarterly

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Irkutsk National Research Technical University”

Subscription index in the “Catalog of the Russian Press” – 31987

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 3 2019

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Мороз П.В., Верещагин С.Б. Функциональный анализ бифаса из дымчатого кварца (25 культурного горизонта поселения Усть-Менза-1).....	9
Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите	28
Горюнова О.И., Мархаева Д.А., Новиков А.Г. Керамика посольского типа с поселений побережья Чивыркуйского залива озера Байкал.....	47
Боковенко Н.А., Ковалев А.А. Ритуальные сооружения мунх-хайрханской культуры на могильнике Маральское 2 в горах Западного Саяна	62
Клементьев А.М., Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Именохоев Н.В., Дикий Я.В. Локальная археозоология Удинского острога: содержимое тарасной конструкции.....	84
Дмитриев А.Г. Геофизическое обеспечение археологического обследования территории бывшего лютеранского кладбища в г. Иркутске	103

ЭТНОЛОГИЯ

Бравина Р.И., Соловьева Е.Н. Древнее письмо якутов (конец XIX – начало XX в.): идеограммы	115
--	-----

ИСТОРИЯ

Каркотко А.Ю. Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Часть 2. Битый Лог.....	129
Кискидосова Т.А. Профессиональное образование в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет)	143
Гарашенко Л.В. Повышение квалификации учителей в Иркутске в начале XX века	155
Иванов А.А. «...Как воинская часть, призванная для трудной и ответственной работы»: жандармы Забайкальской железной дороги в начале XX в.	167
Синиченко В.В. Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны).....	177
Дементьев А.П. Избирательная кампания 1919 г. в городские думы Енисейской губернии: подготовка, ход и итоги	190
Звягин С.П., Макачук С.В. Юристы времен «Белой Сибири» Н.И. Дмитраш и П.Я. Сечкин: штрихи к биографии (по архивным источникам)	200
Мильбах В.С., Назаренко И.С. Поставки советской авиационной техники Китайской Республике по «северному» маршруту как часть плана военно-технического сотрудничества в 1937–1938 гг.	209
Протасов Е.Т. Региональные структуры Бурят-Монгольской АССР в 1943–1945 годах.....	221
Воронцов В.Н., Суханова М.С. Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах в 1945–1953 гг. (на материалах Восточной Сибири и Монголии)	233

РЕЦЕНЗИЯ

Корчевина Л.В. Важное историографическое событие: рецензия на монографию Сергея Бирюка «Март 1944. Битва за Псков»	243
Чирикова М.В. Нестереотипный взгляд на императора Николая II и его правление: рецензия на монографию «История России, которую приказали забыть. Николай II и его время» А.А. Борисюка	248

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

JOURNAL of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 15 no. 3 2019

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

- Moroz P.V., Vereshchagin S.B.** The functional analysis of biface from a smoked quartz (25 cultural horizon of Ust-Menza-1 site) 9
- Karmanov V.N.** The Eneolithic heat treatment of flint in Far Northeast Europe 28
- Goriunova O.I., Markhaeva D.A., Novikov A.G.** Posolsk type pottery of Chivyrkuisky Bay coast settlements of Lake Baikal 47
- Bokovenko N.A., Kovalev A.A.** Ritual structures of Munkh-Khairkhan culture in Maral'skoe 2 burial ground situated in western Sayan mountains 62
- Klementiev A.M., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Imenokhoev N.V., Dikiy Ya.V.** Local archaeozoology of the Udinsky Fort: contents of defensive wall 84
- Dmitriev A.G.** Geophysical support for archeological survey of the territory of former Lutheran cemetery in Irkutsk city 103

ETHNOLOGY

- Bravina R.I., Solovyova E.N.** Ancient writing of the Yakuts (late XIX – beginning of the XX centuries): ideograms 115

HISTORY

- Karkotko A.Yu.** Episodes of the Polish Uprising of 1863–1864 in the Vileyschina. Pt. 2. Bityi Log 129
- Kiskidosova T.A.** Vocational education in the cities of the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries (on materials of Siberian newspapers) 143
- Garashchenko L.V.** Advanced training of teachers in Irkutsk at the beginning the XX century 155
- Ivanov A.A.** «...As a military unit designed for the difficult and responsible work»: Gendarmes of the Transbaikal Railway at the beginning of XX century 167
- Sinichenko V.V.** Armed invasion of Chinese illegal formations in Russia in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War) 177
- Dement'ev A.P.** Election campaign 1919 in the city dumas of the Yeniseisk gubernia: preparation, running, results 190
- Zvyagin S.P., Makarchuk S.V.** Lawyers of the times of “White Siberia” N.I. Dmitrash and P.Ya. Sechkin: touches on biography (according to archival source) 200
- Milbach V.S., Nazarenko I.S.** Deliveries of soviet aircraft to the Republic of China via the Northern route, as part of a plan of military-technical cooperation in 1937–1938 209
- Protasov E.T.** Regional Government Departments of the Buryat-Mongol ASSR in 1943–1945 221
- Vorontsov V.N., Sukhanova M.S.** Party and political work in the Soviet armed forces in 1945–1953 (on the materials of Eastern Siberia and Mongolia) 233

REVIEW

- Korchevina L.V.** Important historiographic event: review of the monograph by Sergei Biryuk “March 1944. The Battle of Pskov” 243
- Chirikova M.V.** Non-stereotypical view of Emperor Nicholas II and his reign: a review of the monograph Borisuk A.A. “The history of Russia, which was ordered to forget. Nicholas II and his time” 248

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 3 2019

Уважаемые читатели!

**Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».**

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- рецензия,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

JOURNAL of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 15 no. 3 2019

Dear Readers!

**We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Journal of the Laboratory of Ancient Technologies».**

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Journal of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Review,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article

УДК 902.2 (571.55)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-9-27>

Функциональный анализ бифаса из дымчатого кварца (25 культурного горизонта поселения Усть-Менза-1)

© П.В. Мороз, С.Б. Верещагин

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация: Статья посвящена описанию результатов функционального анализа бифаса, найденного в 25 культурном горизонте поселения Усть-Менза-1, расположенного в Красночикийском районе Забайкальского края. Бифас изготовлен из кристалла дымчатого кварца и является в настоящее время единичной находкой в пределах Усть-Мензинского археологического комплекса. В результате проведения функционального анализа выявлены девять зон микроизноса, включающего микрофасетки, микровыкрошенности и микрозаломы, которые маркируют рабочий край инструмента. Все девять зон расположены на одной плоскости орудия, непосредственно вдоль предполагаемого лезвия инструмента. В 8-й зоне, помимо микрофасеток, микровыкрошенностей и микрозаломов, выявлен короткий микрослед, заложенный от рабочего края инструмента. Микрозаполировку на каких-либо участках рабочего края выявить не удалось, поэтому для более надёжного определения обрабатываемого материала был проведён эксперимент. Для этого был получен отщеп из дымчатого кварца близкого оттенка и осуществлено снятие мяса с кости в течение 6 минут, более интенсивное скобление лопатки – 10 минут, а также скобление трубчатой кости в течение 10 минут. Это позволило получить микроизнос, идентичный обнаруженному на бифасе. В результате удалось определить функцию срезания/скобления мяса с кости.

Ключевые слова: Забайкалье, Усть-Менза-1, поздняя пора верхнего палеолита, бифас, дымчатый кварц, трасология, эксперимент, микроследы, микрофотография

Благодарности: Авторы выражают благодарность за предоставленный материал и помощь в проведении работ доктору исторических наук профессору М.В. Константинову.

Информация о статье: Дата поступления 15 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 20 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Мороз П.В., Верещагин С.Б. Функциональный анализ бифаса из дымчатого кварца (25 культурного горизонта поселения Усть-Менза-1) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 9–27. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-9-27

The functional analysis of biface from a smoked quartz (25 cultural horizon of Ust-Menza-1 site)

© Pavel V. Moroz, Sergey B. Vereshchagin

Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the description of the results of the functional analysis of the biface, found in the 25th cultural horizon of the Ust-Menza-1 site located in the Krasnochikoysky district of the Trans-Baikal region. The biface is made of a smoked quartz crystal and is currently a single find within the Ust-Menza archaeological complex. As a result of the functional analysis, nine zones of micro-wear were identified, including micro facets, micro stains and micro logjams, which mark the working edge of the instrument. In the 8th zone, in addition to the micro facets, micro stains and micro logjams, a short micro-trace was found, laid on the working edge of the instrument. It was not possible to identify the micro polish on any parts of the

working edge; there for an experiment was conducted to determine the processed material more reliably. For this purpose, a flake was obtained from smoked quartz of a similar shade and the removal of meat from the bone was carried out within 6 minutes, more intensive scraping of the scapula – 10 minutes, as well as scraping of the tubular bone within 10 minutes. This made it possible to obtain a micro-wear identical to that found on the biface. As a result, it was possible to determine the function of cutting / scraping meat from bone.

Keywords: Transbaikalia, Ust-Menza-1, later time to the Upper Paleolithic, biface, smoked quartz, functional analysis, experiment, microwear, photomicrography

Acknowledgements: The authors are grateful for the provided material and assistance in the work of the Doctor of Historical Sciences, Professor M.V. Konstantinov.

Article info: Received April 15, 2019; accepted for publication May 20, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Moroz P.V., Vereshchagin S.B. 2019. The functional analysis of biface from a smoked quartz (25 cultural horizon of Ust-Menza-1 site). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 9–27. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-9-27

Введение

Активное изучение влияния минерального сырья на облик индустрий каменного века стало трендом в палеолитоведении с 80-х годов прошлого века (Demars, 1982; Sieveking 1983). В настоящее время эти исследования оформились в самостоятельное направление, получившее название петроархеология (Miller, 2001), а также появились новые методологические разработки на пересечении археологии и минерагии. Забайкалье, как и территория Восточной Сибири, является полисырьевым регионом без четкой ориентации древних обитателей на какой-либо отдельный вид сырья высокого качества по причине отсутствия запасов мелового кремня и обсидиана (Мороз, Юргенсон, 2016). На этом общем фоне в Забайкальском крае на первый план выступают вулканические источники сырья, размещённые, прежде всего, в центральной и восточной частях региона (Мороз, 2014а; Мороз, Юргенсон, 2015). В подобной ситуации отдельный интерес представляет технология производства бифасов и применяемое для этого минеральное сырьё в индустриях поздней поры верхнего – финального палеолита. В настоящее время наиболее известны бифасы сухотинских памятников (Окладников, Кириллов, 1980), однако плоско-выпуклые бифасы присутствуют и на западе региона в 14 культурном горизонте поселения Усть-Менза-1 (Мороз, 2008), известного наличием одноочажного жилища (Разгильдеева, 2018, С. 51).

Длина этих орудий превышает 10 см, а изготовлены они либо из роговиков, в случае сухотинских бифасов, либо из микрокварцита, в случае орудия из Усть-Мензы. Эти горные породы использовались из коренных залеганий, а исходные размеры блоков сырья позволяли изготавливать крупные орудия. Иное дело более высококачественное, но менее крупное по своим линейным размерам сырьё, бифасы из халцедона и кремня в палеолитических памятниках Забайкальского края до недавнего времени обнаружены не были. Таким образом, находка бифаса, выполненного из дымчатого кварца, является примечательным событием, ранее не фиксируемым в материалах Усть-Мензы-1 за период исследований в конце прошлого века (Константинов, Шлямов, 1987), а беря во внимание высокие петрофизические свойства этого сырья, было целесообразно проведение функционального анализа найденного артефакта.

Многослойное поселение Усть-Менза-1 расположено на северо-западной окраине Хэнтэй-Чикойского нагорья, занимающего северо-восточную часть Монголии (Центральный, Хэнтэйский аймак) и юго-западную часть Забайкалья (Красночикойский, Кыринский районы Забайкальского края). Объект входит в состав Усть-Мензинского археологического комплекса, представленного группой многослойных поселений, располагающихся на правобережных террасовых уровнях р. Менза, при впадении её в р. Чикой. По-

селение находится в 12,5 км юго-западнее с. Архангельское (Качёны), Красночуйского района Забайкальского края. Открыто в 1980 году Чикойским археологическим отрядом Читинского государственного педагогического института (ЧГПИ) под руководством М.В. Константинова и планомерно изучалось на протяжении 1980-х годов Л.В. Сёминой (Екимовой). Исследование объекта продолжено в 2007, 2009, 2014 гг. Общая вскрытая площадь за все годы работ составила 700 м² (Константинов, 2010. С. 7¹; Константинов, 2015. С. 4²).

Геоархеологический объект Усть-Менза-1 приурочен к отложениям высокой поймы и 1-й надпойменной террасы р. Менза. В отложениях мощностью 4,5 м выявлено 25 культурных горизонтов. Горизонты 11–25 связаны с плейстоценовым аллювием, а горизонты 1–10 с полигенетическими и покровными отложениями голоценового возраста. Нижний горизонт (25) базируется непосредственно на русловом галечнике, верхний (1) – заключён в современную почву (рис. 1) (Константинов, 1994. С. 105; Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев, Екимова, Разгильдеева, 2003. С. 22).

В целом культурные горизонты поселения Усть-Менза-1 отнесены исследователями к следующим периодам: 25–13 – поздняя пора верхнего палеолита – не древнее 13 тыс. л. н., 12–10 – ранний мезолит, 9 – поздний мезолит, 8–7 – ранний неолит, 6 – средний неолит, 5–3 – поздний неолит, 2–1 – эпоха бронзы – ранний железный век, где в горизонтах поздней поры верхнего – финальном палеолите, на начало века, выявлено 4 одноочажных жилища (Константинов, 2001, С. 210). Ещё одно, связанное с 25 культурным горизонтом, обнаружено в ходе работ последних лет. Ряд культурных горизонтов датированы по углю: 1 – 2080 ±140 (ГИН-4577); 2 – 2630 ±50 (ГИН-4579); 11 – 10380 ±250 (ГИН-5459); 13 – 11350 ±250 (ГИН-5503); 14 –

11820 ±120 (ГИН-7161) (Константинов, 1994. С. 105; Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев, Екимова, Разгильдеева, 2003. С. 22; Константинов, 2010. С. 10³; Константинов, 2015. С. 7⁴). В 2014 году коллективом исследователей (Buvit, Terry, Konstantinov, Konstantinov, Ekimova, Razgildeeva, 2014, С. 27) Усть-Мензинского комплекса были опубликованы калиброванные даты для поселения Усть-Менза-1, представленные в таблице.

Таблица
Данные абсолютного датирования для поселения Усть-Менза-1

Table
Absolute dating data for the Ust-Menza-1 site

	Lab Number	14C Age BP	Cal Age BP	Cultural Layer
1	GIN-4577	2080 ±140	2080±180	1
2	GIN-4579	2630± 50	2775±30	2
3	GIN-5459	10 380±250	12 120±420	11
4	GIN-5503	11 350±250	13 260 ±260	13
5	GIN-7161	11 820±120	13 740±180	14

Условия обнаружения бифаса

Артефакт обнаружен в ходе работ 2009 года, в раскопе № 3. При изучении очажной конструкции, базирующейся непосредственно на русловом галечнике (культурный горизонт 25). При расчистке песчано-илистого перекрытия поверхности руслового галечника у очажного камня обнаружен бифас, предварительно определённый как скребло-нож (Константинов, 2010. С. 23)⁵.

³ Константинов М.В. Древнее поселение Усть-Менза-1 в Забайкалье // Научный отчёт о полевых исследованиях. Чита, 2010. 71 с.

⁴ Константинов М.В. Исследования Усть-Мензинского археологического комплекса в Забайкалье в 2014 г. Поселение Усть-Менза-1 // Научный отчёт о полевых исследованиях. Чита, 2015. Т. 3. 133 с.

⁵ Константинов М.В. Древнее поселение Усть-Менза-1 в Забайкалье // Научный отчёт о полевых исследованиях. Чита, 2010. 71 с.

¹ Константинов М.В. Древнее поселение Усть-Менза-1 в Забайкалье // Научный отчёт о полевых исследованиях. Чита, 2010. 71 с.

² Константинов М.В. Исследования Усть-Мензинского археологического комплекса в Забайкалье в 2014 г. Поселение Усть-Менза-1 // Научный отчёт о полевых исследованиях. Чита, 2015. Т. 3. 133 с.

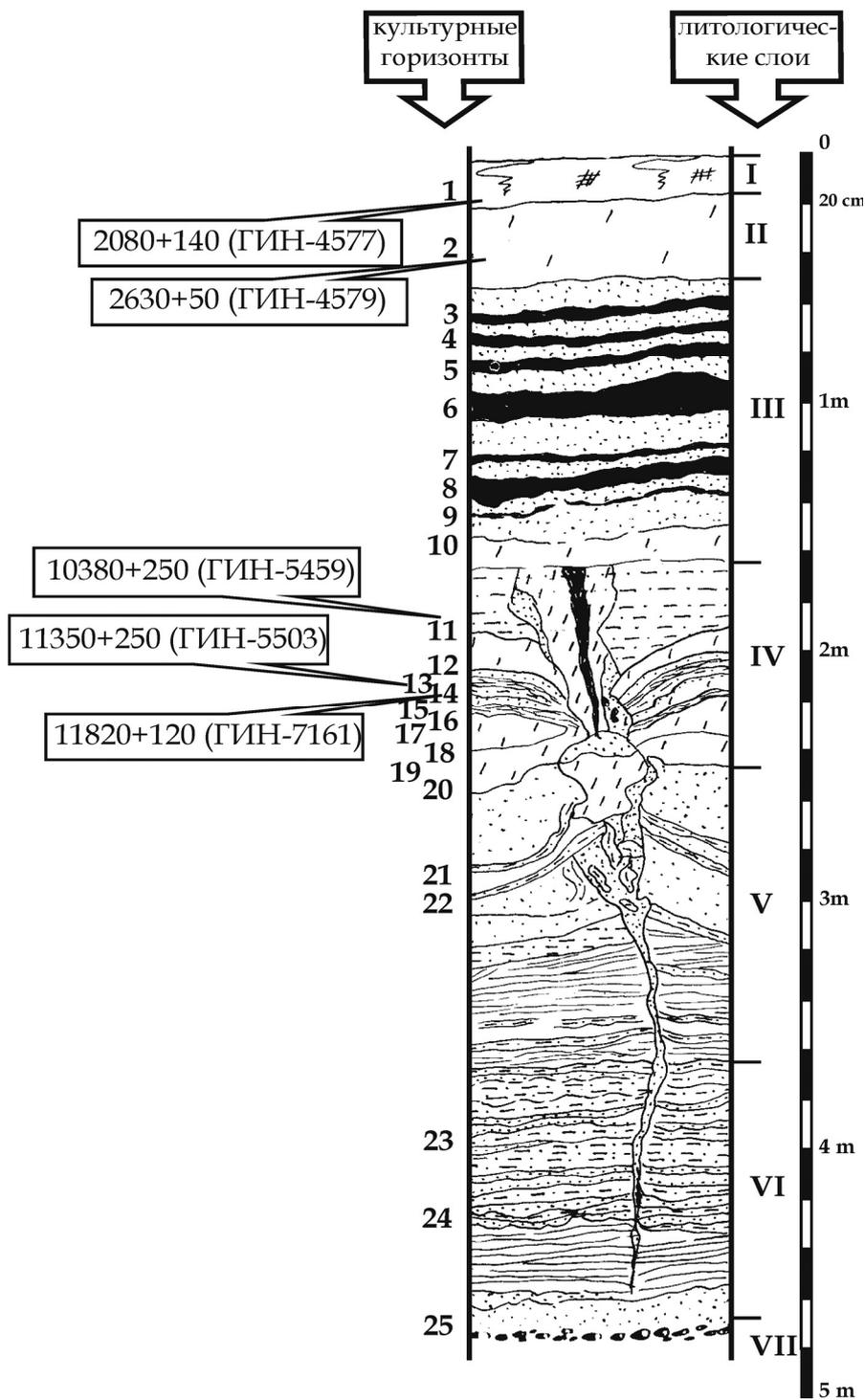

Рис. 1. Стратиграфический разрез Усть-Мензы-1 (по: Константинов, 1994)
 Fig. 1. The stratigraphic section of Ust-Menza-1 (by Konstantinov, 1994)

В состав изученной очажной обкладки входят 15 камней различных размеров (от 10 – до 40 см), представленных хорошо окатанными валунами и слабо окатанными глыбами. Очаг овальной формы. Диаметр обкладки по линии С-Ю – 0,95 м, по линии 3-В – 1,6 м. Углисто-сажистое заполнение – мало-мощное, до 0,2 см. С очагом и околоочажным пространством связаны также следующие артефакты: фрагмент ретушированного изделия на отщепе, 4 торцовых микронуклеуса, три из которых клиновидные; 4 концевых скребка на миниатюрных отщепах дисковидной формы; 3 боковых реберчатых скола с микронуклеусов; остриё на отщепе ромбовидной формы; обломок углового резца на микропластинке, 9 фрагментов микропластинок, 6 отщепов с ретушью, пластинка с ретушью, 57 отщепов, 2 чоппера, отбойник на гальке подпрямоугольной формы, фрагменты колотых трубчатых костей (Верещагин, 2011. С. 36). Несмотря на то, что материалы Усть-Мензы-1 становились ранее объектом функционального анализа (Кузнецов, 1996⁶; Мороз, 2014b), находка бифасиального изделия из дымчатого кварца потребовала отдельного исследования.

Материалы и методы исследования

Главным объектом исследования является плоско-выпуклый бифас размерами L – 5, M – 3, N – 1.1. Здесь и далее размеры в см. Отношение длины к ширине составляет 1,6(6). Орудие изготовлено из кристалла дымчатого кварца размерами не менее 6–7 см по длинной оси. Материал, использованный при изготовлении орудия, довольно распространен в Забайкалье, однако в индустриях поздней поры верхнего финального палеолита использовался не массово. Так, для индустрий Усть-Мензы-1 чётко фиксируется применение горного хрусталя, отличающегося от дымчатого кварца прозрачностью. Его доля в индустриях Усть-Мензы-1 составляет

порядка 1 % (Мороз, 2014b. С. 154–158). Кроме того, наличие последнего фиксируется не в каждом культурном горизонте памятника. Следует сказать, что устаревшим термином, всё ещё применяемым к дымчатому кварцу, является понятие «раухтопаз». Этот термин происходит из немецкого языка и дословно означает «дымчатый топаз», что неверно трактуется как дымчатый кварц, т. к. данный минерал, производная кварца, ничего общего с топазом, представляющим алюмосиликат, не имеет. Также они отличны по твёрдости. Для дымчатого кварца это 7 единиц по шкале Мооса, а для топаза – 8. Есть разница и в характере излома, что крайне важно для расщепления этого материала. Если дымчатый кварц обладает раковистым, но при этом не ровным изломом, то топаз колется классическим раковистым изломом. Дымчатый кварц обладает выразительным цветом от бурого до чёрного (непрозрачный чёрный дымчатый кварц традиционно называется морионом), стеклянным блеском и неясной спайностью по ромбоэдру. Подобный тип спайности накладывает свой отпечаток на возможность обработки кристалла дымчатого кварца, делая бифас длиной 5 см незаурядным артефактом.

Предварительное изучение материалов, представленных в статье, проведено с помощью тринокулярного микроскопа Микромед MC2 Zoom 2CR. В результате чего полностью изучен периметр орудия с обеих сторон, а также весь рельеф как с дорсальной, так и вентральной поверхности. При этом отмечено недавнее переоформление рабочего края изделия, что исключило наличие следов долговременного использования. Также проблематично установление возможности неутилитарного износа от транспортировки. Это связано с тем, что свойства дымчатого кварца, как и кварца в целом, разлагать белый цвет на цветовые составляющие, что образует на поверхности расщеплённого кристалла, чем и является рассматриваемый бифас, интенсивную интерференцию, т. е. чередующиеся в пространстве максимумы и минимумы освещённости поверхности предмета. При работе с бинокулярным и металлографическим микроскопами подобный эффект проявляется в виде интен-

⁶ Кузнецов О.В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 22 с.

Kuznetsov O.V. Pozdnepaleoliticheskie industrii Zapadnogo Zabaikal'ya [Late Paleolithic industries of Western Transbaikalia]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1996. 22 p.

сивной засветки отдельных участков, как правило, рёбер предмета и плоскостей между ними. При первом взгляде и отсутствии опыта работы с кварцевыми и обсидиановыми артефактами подобное физическое явление вполне можно принять за крайне интенсивную микрозаполировку, чем оно ни в коей мере не является.

Дальнейший анализ проводился на металлографическом микроскопе OLYMPUS HB с увеличением до 500х по традиционной методике (Keeley, 1980). Основными рабочими увеличениями при производстве микрофотографий являлись 50, 100 и 200 крат. Одна фотография микроследа выполнена с увеличением 500х. В качестве фотоприставки использованы цифровые фотоаппараты CANON EOS 450 и 80 D с сетевым адаптером АСК-Е5. Обработка микрофотографий производилась в программе Helicon Focus v. 5.3 x 64. Эта программа позволяет из выборки микрофотографий, сделанных с разной фокусировкой путём её наложения, получить сфокусированный микрообъект, такой как микрослед, микрозалом или микрофасетка.

В ходе работы с тринокулярным микроскопом просмотрены обе поверхности бифаса и периметр орудия, также изученный с двух плоскостей. В результате чего было установлено отсутствие выраженных следов микрозаполировки, а также классических линейных следов от обработки. По всей видимости, это во многом связано с недавним переоформлением орудия, о чём свидетельствуют острые, без следов макроизноса грани и широкие поверхности негативов сколов как с вентральной, так и с дорсальной стороны бифаса. Тем не менее при увеличении более 40х по одному из краёв был выявлен отчётливый макроизнос. Он был дислоцирован только с одной поверхности орудия и просматривался на одном из краёв. Другие края подобного макроизноса не имели, что дало основание изучить его более подробно под металлографическим микроскопом.

В результате работы с увеличениями от 50х и выше удалось выяснить, что макроизнос, расположенный на одном из маргиналов и дислоцирующийся в 9 зонах, равномерно расположенных вдоль лезвия, маркируют рабочий край инструмен-

та (рис. 2). Следует заметить, что макроизнос фиксируется только с одной поверхности и по одному краю орудия, что позволяет сделать вывод о том, что именно эта зона вступала в контакт с обрабатываемым материалом и представляет собой чётко фиксируемый рабочий край. В пользу этого вывода свидетельствует полное отсутствие любого макроизноса на других краях и широких поверхностях орудия и во многом исключает механический характер появления выявленного износа вследствие соударения орудия с другими материалами в результате транспортировки.

Макроизнос рабочего края проявлен в виде мелких фасеток шириной от 1 до 1,5 мм, микрофасеток, шириной от 0,2 до 1 мм, микрозаломов и микровыкрошенностей по лезвию рабочего края. Как правило, все выявленные зоны несут несколько генераций подобного рода повреждений, где более мелкие выкрошенности располагаются внутри более крупной фасетки. Изучение рабочего края проводилось от его центра к нижнему и верхнему концу путём перемещения предметного столика микроскопа вверх и вниз, т. к. за один проход вся длина рабочего края не могла быть обследована. Этим и обусловлено расположение и нумерация выделенных зон дислокации макроизноса (рис. 2).

Первая зона расположена на 1 см ниже условного центра рабочего края и представляет собой три совмещённые микрофасетки размерами порядка 1 мм. Внутри микрофасеток по лезвию фиксируются отдельные мельчайшие (менее 0,1 мм) повреждения. Вторая зона представлена отдельной микрофасеткой шириной до 0,8 мм и комплексом микрозаломов, существенным образом модифицирующих лезвие рабочего края справа и слева от микрофасетки. Она расположена в 1,4 см от центра рабочего края. Третья зона по своей морфологии во многом напоминает ранее описанную, расположена в 2,2 см от центра рабочего края. Она состоит из микрофасетки шириной 0,7–0,8 мм, которая окружена макроизносом. Помимо этого, в нижней части зоны образовалась совмещённая с основной микрофасеткой шириной порядка 0,2 мм. Верхняя часть зоны интенсивно разрушена от соприкосновения с твёрдым материалом. Характер

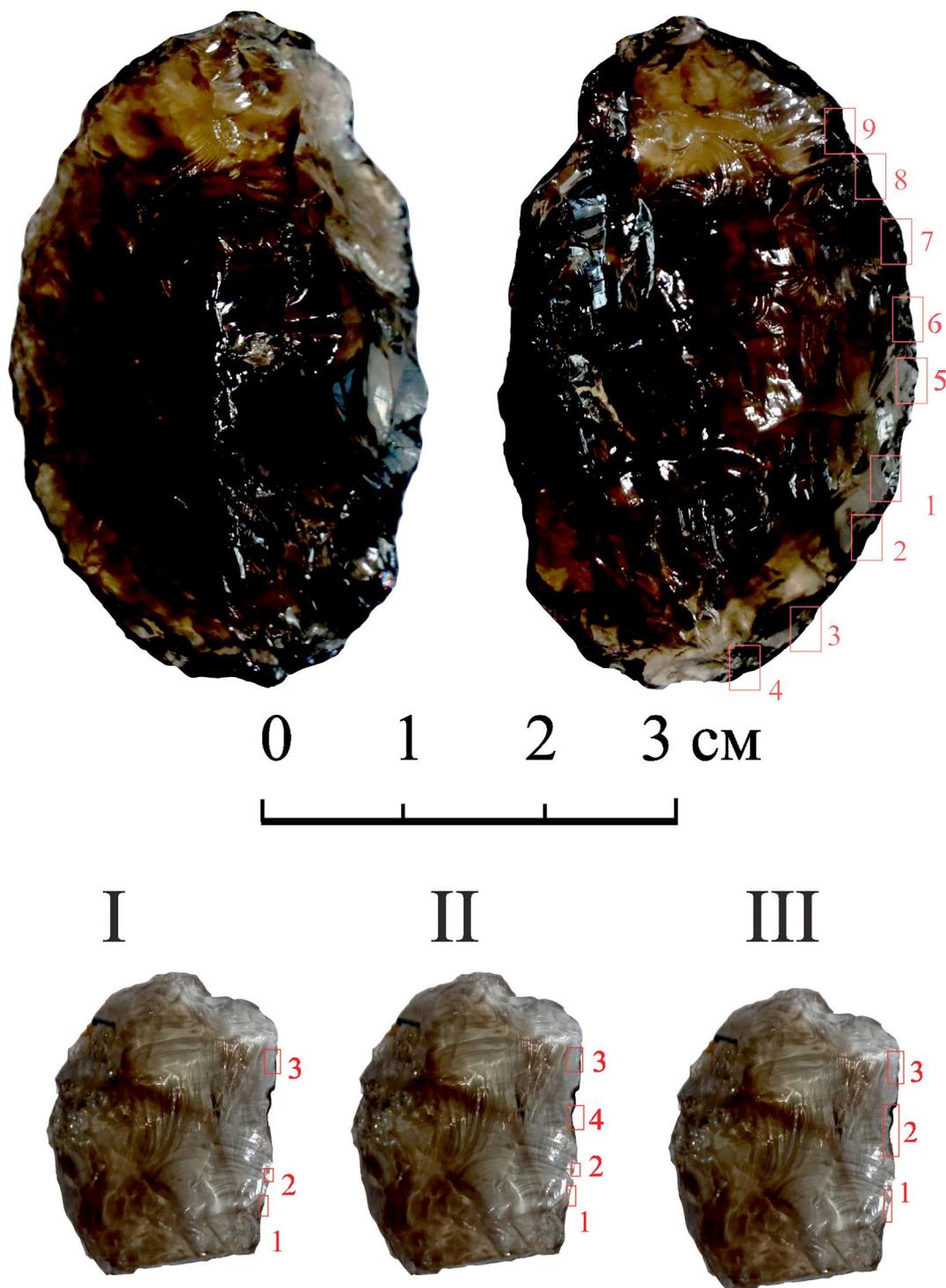

Рис. 2. Бифас и экспериментальный скол с выделенными участками
Fig. 2. Biface and experimental flake with marked areas

видоизменения поверхности говорит не о раковистом изломе, формирующем микрофасетки, а представляет собой интенсивную выкрошенность. Четвёртая зона фиксации макроизноса представляет собой небольшой участок шириной до 2 мм в 2,7 см от центра рабочего края. Это крайняя нижняя зона распространения макроизноса представляет собой полосу микровыкрошенностей, возникших вследствие контакта с твёрдым материалом.

Пятая зона расположена в 1 мм ниже центра рабочего края и представляет собой незначительный выступ поверхности, несущий на себе центральную микрофасетку шириной до 1 мм. Она окружена микрозаломами и микровыкрошенностями, наиболее мелкие из которых расположены в верхней части участка. Шестой участок расположен на 2 мм выше условного центра лезвия и состоит из двух микрофасеток шириной от 1,2 до 0,8 мм. Лезвие рабочего края внутри микрофасеток также сохранило мельчайшие выкрошенности. Седьмая зона расположена в 0,7 см выше условного центра рабочего края и представляет собой небольшой, шириной до 2 мм, микроучасток вогнутой поверхности рабочего края, модифицированный многочисленными мелкими (шириной порядка 0,2–0,1 мм) микрофасетками и микрозаломами. Четыре основные микрофасетки, размерами порядка 0,2 мм, окружены более мелкими повреждениями и выкрошенностями (рис. 3). Размерность и плотность макроизноса безусловно свидетельствует об его утилитарном происхождении.

Восьмой участок находится в 1,3 см от условного центра рабочего края орудия и является наиболее показательным из всех (рис. 4). Здесь можно наблюдать три генерации микроследов, где внутри крупной фасетки, шириной порядка 2 мм, расположены микрофасетки, шириной порядка 0,2–0,1 мм. Кроме того, в верхней части зоны расположен единственный, выявленный в ходе проведения функционального анализа с применением металлографического микроскопа, микрослед. Он заложен из дистальной части микрофасетки второй генерации и расположен под углом порядка 35° от вектора приложения силы, сформировавшей мик-

рофасетки как первой, так и второй генерации, однако микрослед расположен практически перпендикулярно относительно рабочего края орудия. Само по себе образование микроследов на таком твёрдом материале, скорее всего, свидетельствует о том, что он образован отколовшимся от орудия микрофрагментом, который и сформировал не глубокий след в виде короткой борозды. Тем не менее данный микрослед – единственный на всём протяжении рабочего края. Наиболее отчётливо он прослеживается на микрофотографии с увеличением 500х (рис. 5). Здесь чётко видно, как микрослед заложен из угла микрофасетки и, в отличие от естественных для кварца секущих поверхность прожилков (рис. 6), которые возникают естественным образом во время расщепления и расположены субпараллельно друг к другу, а их толщина увеличивается при удалении от рабочего края, имеет более широкое основание и затухает на удалении от края. Также при увеличении 500х видна относительная неровность микроследа, а его внутренняя поверхность говорит о процарапывании борозды. Девятый участок (рис. 6), являющийся крайним верхним и расположен на расстоянии 1,6 см от центра рабочего края. Здесь отмечается наиболее интенсивное видоизменение рабочего края множественными микрозаломами.

Таким образом, рабочий край орудия имеет слегка округлую форму, а его общая длина, ориентируясь на расположение крайних зон макроизноса, составляет 5 см. Главной проблемой для определения материала обработки в данном конкретном случае является отсутствие фиксируемой микроразполировки. Тем не менее судя по характеру микро- и макроизноса рабочего края, нами был сделан вывод об обработке кости. Для подтверждения этого вывода был осуществлён эксперимент. В качестве сырья был использован кристалл дымчатого кварца размером 5 см близкого по насыщенности цвета, при расщеплении которого была получена серия отщепов. Один из них, размерами L – 2,3 М – 1,7 N – 0,5, был использован для эксперимента. После расщепления предполагаемый рабочий край был обследован под металлографическим микроскопом на предмет наличия

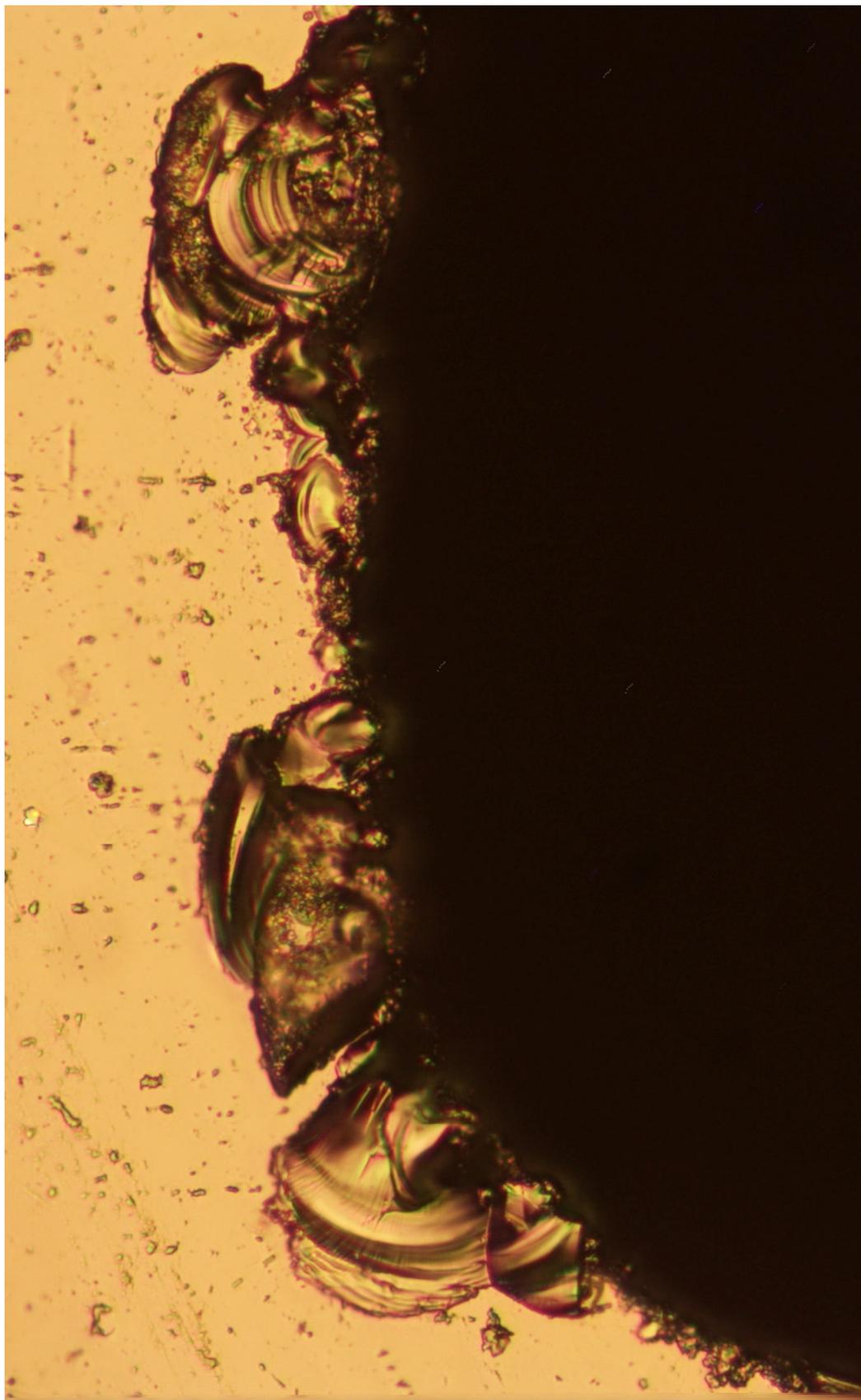

Рис. 3. Бифас. Седьмая зона с микроизносом. X 200. Helicon Focus
Fig. 3. Biface. The seventh zone with micro-wear. X 200. Helicon Focus

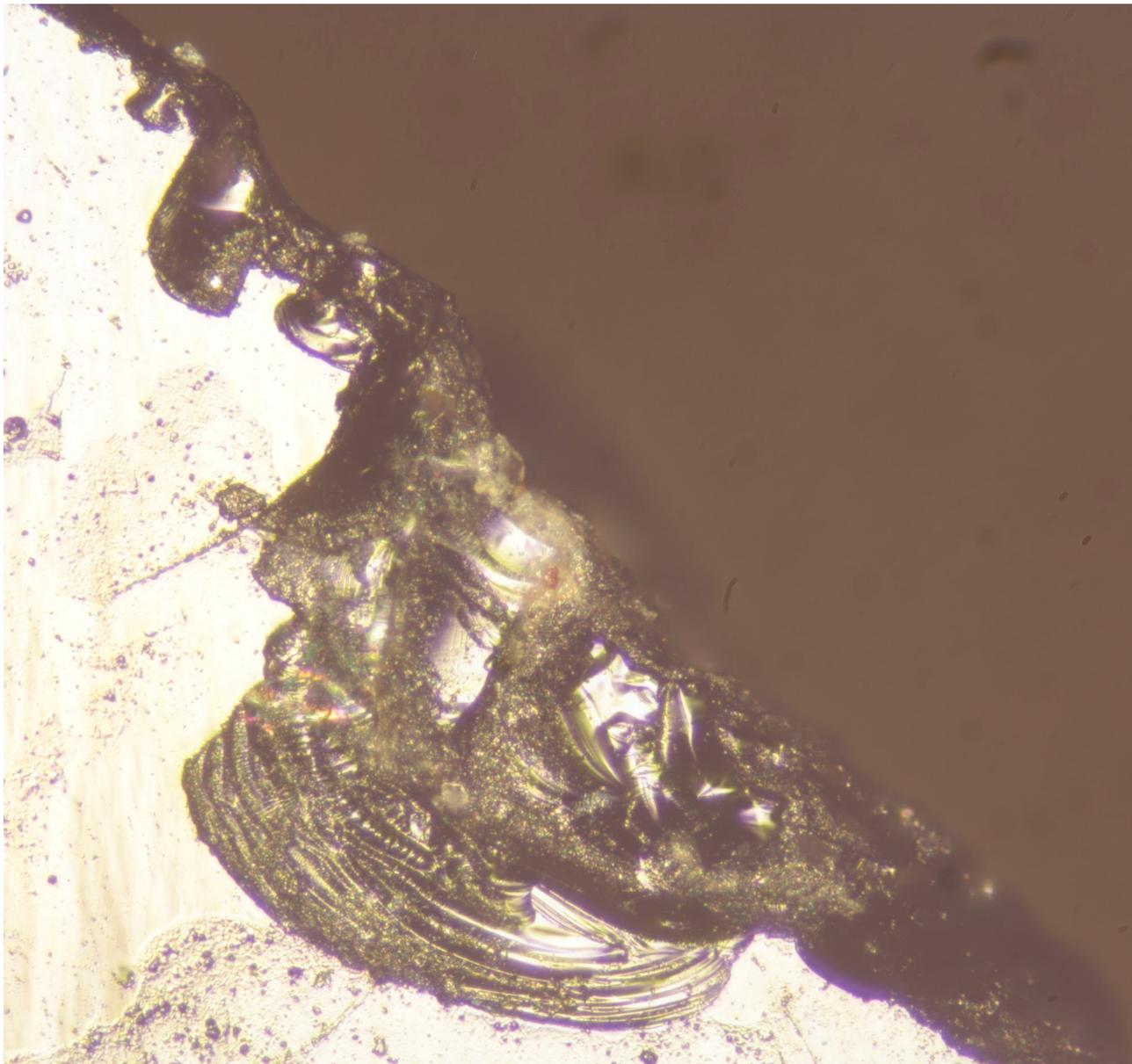

Рис. 4. Бифас. Восьмая зона с тремя генерациями следов микроизноса. X 50. Helicon Focus
Fig. 4. Biface. The eighth zone with three generations of traces of micro-wear. X 50. Helicon Focus

возможных микроповреждений. Повреждения выявлены не были и скол помещён в пластиковый пакет.

Затем он использован для снятия мяса с говяжьей лопатки. Суммарное время работы составило 6 минут до полного отделения мяса. В ходе работы отщепом он неоднократно соприкасался с костью, в основном по бокам рабочего края. Затем отщеп был исследован под металлографическим микроскопом. Это позволило выявить 3 зоны мик-

ро- и макроизноса поверхности, ранее отсутствовавшие на отщепе (рис. 2). Первая зона представляла собой выкрошенность (рис. 7), вторая отдельную микрофасетку шириной до 1,1 мм (рис. 8), а третья – спаренные фасетки шириной 1,2 и 1,5 мм. Затем эксперимент был продолжен. Тем же рабочим краем продолжено скобление лопатки, которое проводилось на протяжении 10 минут. Результатом этого стало разрастание износа на имеющихся участках в виде появления его вторичных форм

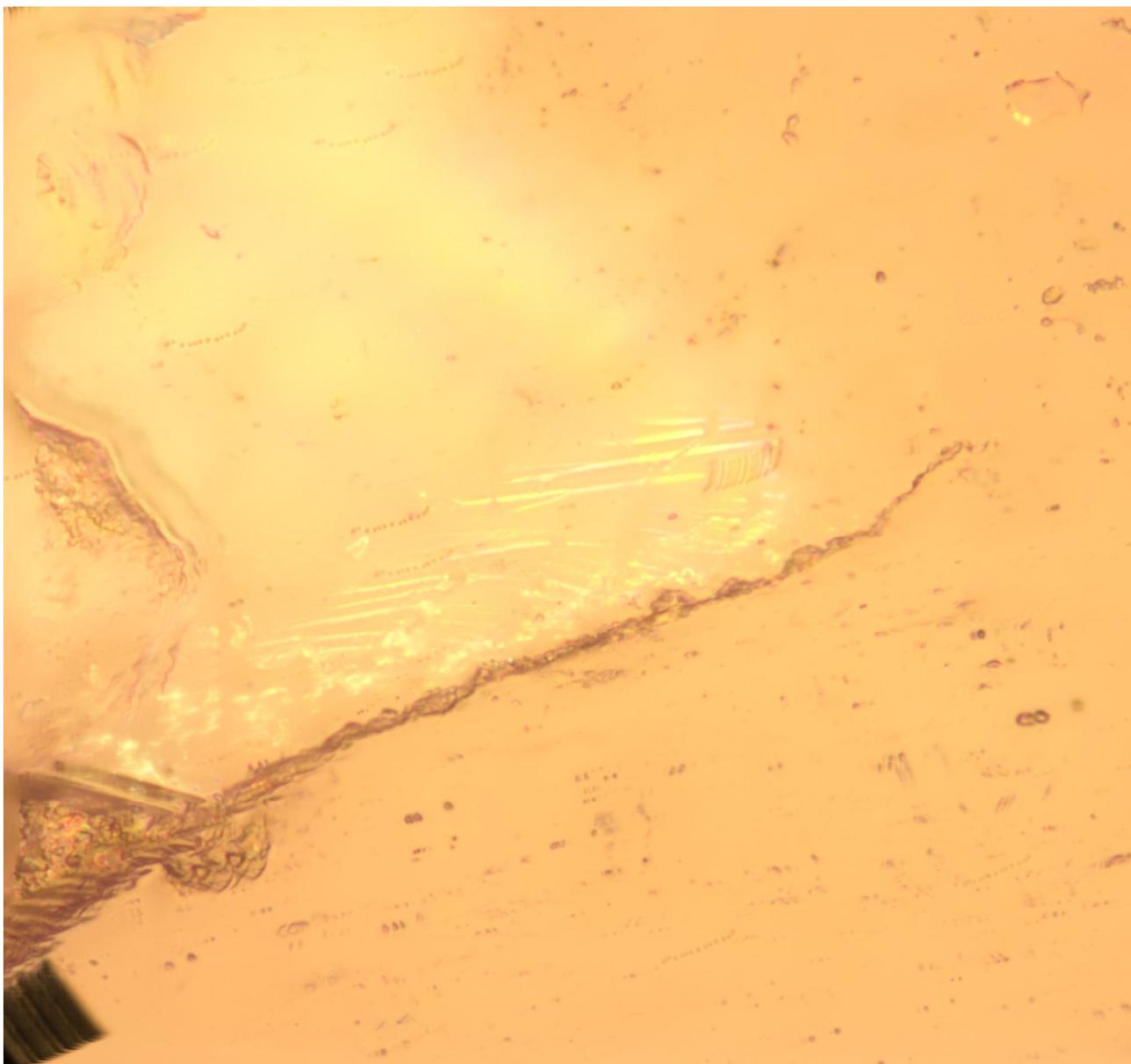

Рис. 5. Бифас. Восьмая зона. Линейный след. X 500. Helicon Focus
Fig. 5. Biface. The eighth zone. Linear trace X 500. Helicon Focus

и нового участка, в центре рабочего края (рис. 9). Он состоял из двух микрофасеток, одна – первой генерации, а на второй наблюдаются вторичные сколы. Затем было произведено скобление трубчатой кости в течение 10 мин. Первый участок приобрёл вид во многом близкий к картине, зафиксированной в 7-й зоне бифаса. Это множественные мелкие микрофасетки, соединённые в единый участок интенсивного износа с микрозаломами и микровыкрошенностями (рис. 10). Участки 2 и 4 объе-

дились в один, шириной порядка 5 мм с многочисленными фасетками первой и второй генерации. Третий участок также расширился и приобрёл износ второй генерации, наложившийся на микрофасетки, образовавшиеся ранее после работ по отделению мяса.

Заключение

Таким образом, основываясь на данных эксперимента, которые продемонстрировали харак-

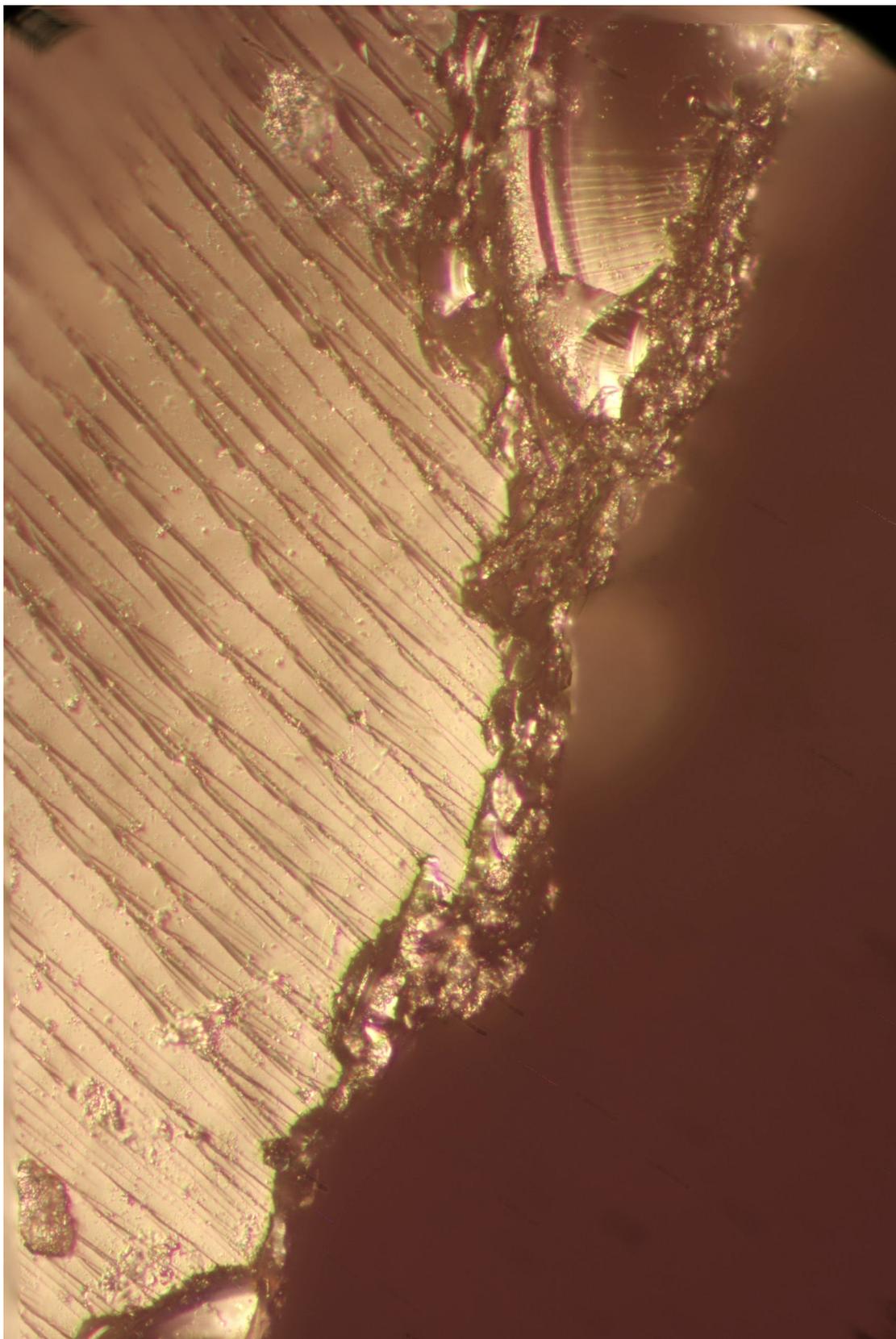

Рис. 6. Бифас. Девятая зона. Участок с субпараллельными трещинами естественного происхождения. X 200. Helicon Focus
Fig. 6. Biface. The ninth zone. Section with subparallel cracks of natural origin. X 200. Helicon Focus

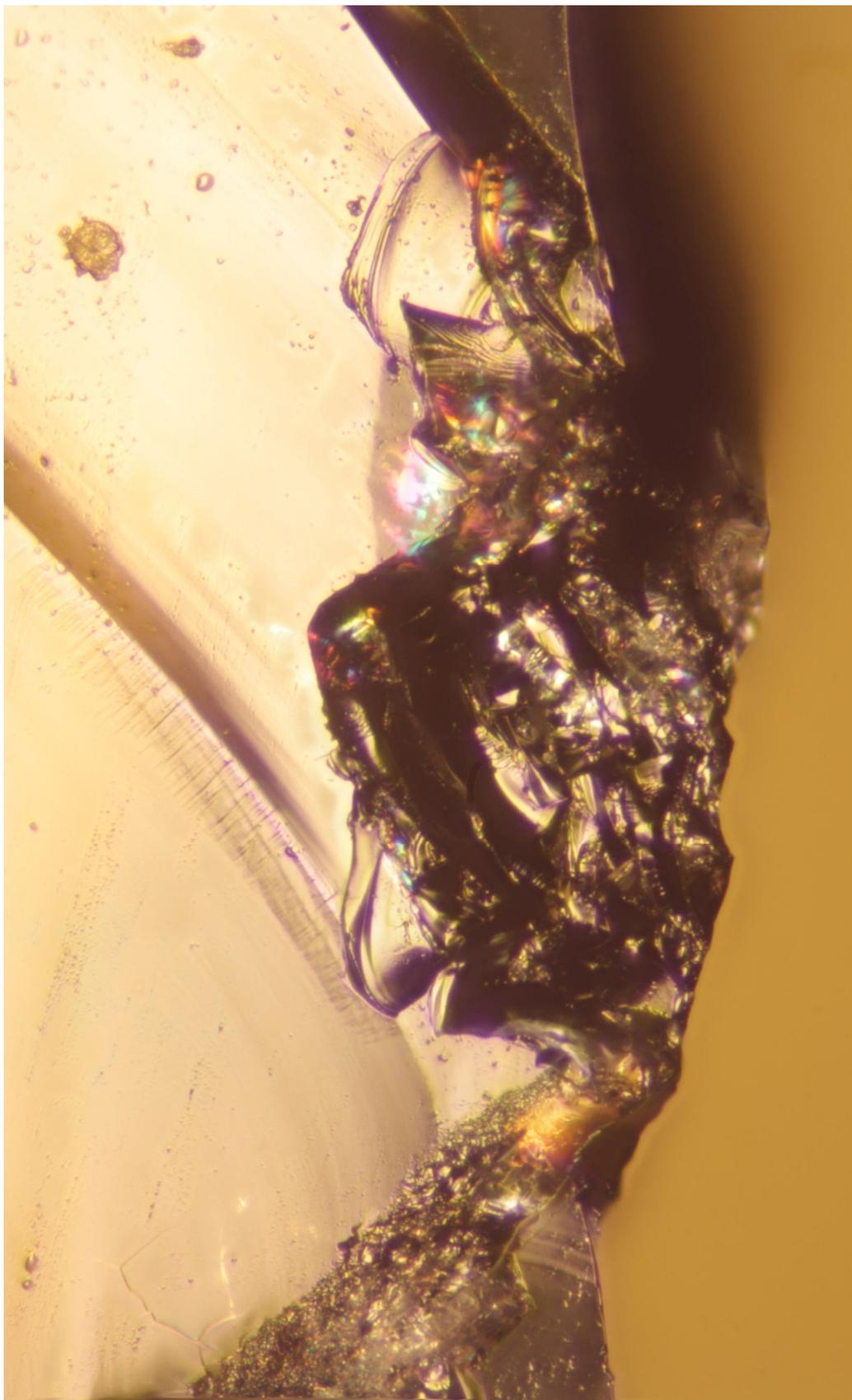

Рис. 7. Экспериментальный скол. 9 минут работы. Первый участок. X 100. Helicon Focus
Fig. 7. Experimental flake. 9 minutes of work. The first area. X 100. Helicon Focus

Рис. 8. Экспериментальный скол. 9 минут работы. Второй участок. X 100. Helicon Focus
Fig. 8. Experimental flake. 9 minutes of work. The second area. X 100. Helicon Focus

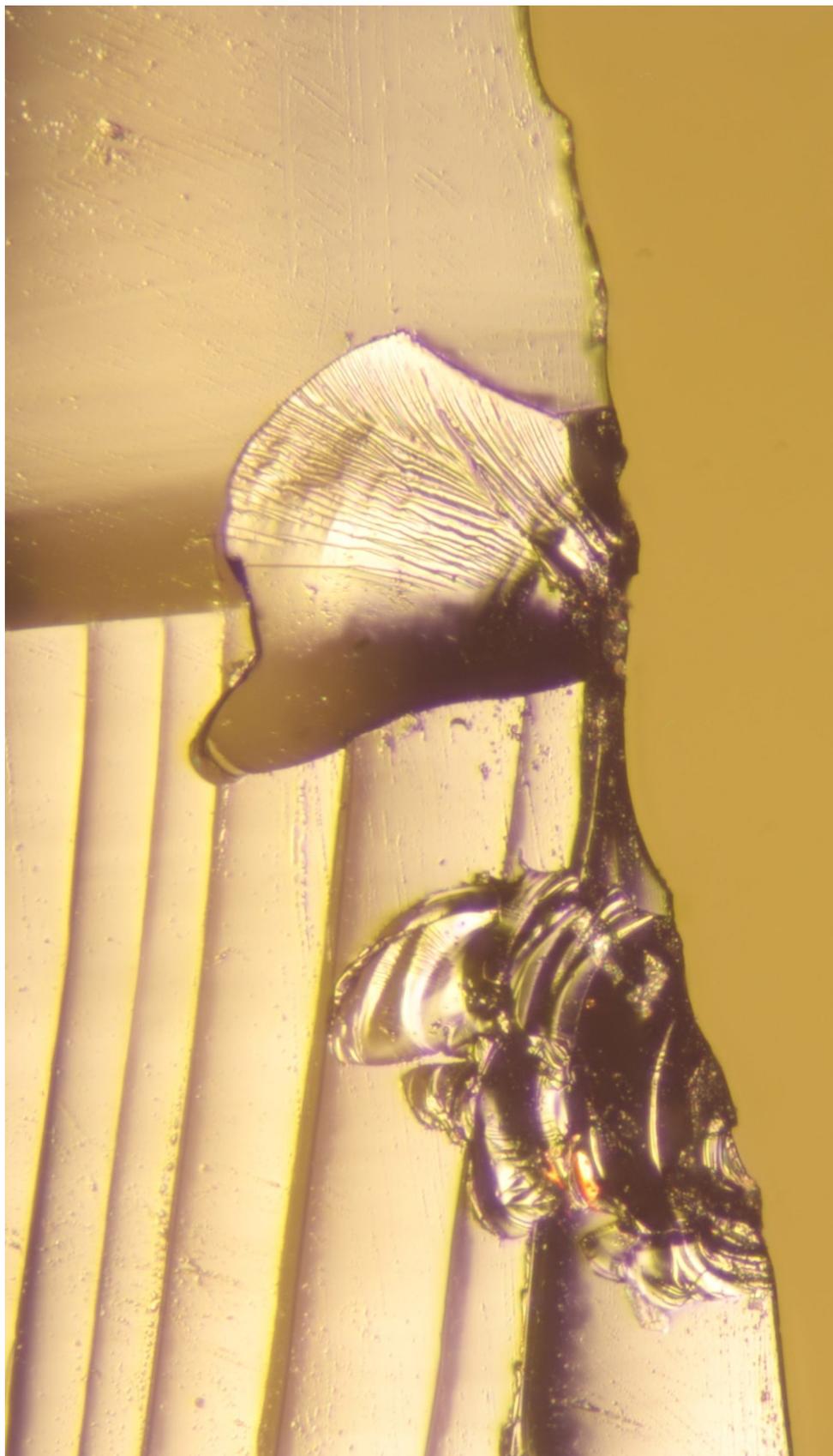

Рис. 9. Экспериментальный скол. 16 минут работы. Четвёртый участок. X 100. Helicon Focus
Fig. 9. Experimental flake. 16 minutes of work. The fourth area. X 100. Helicon Focus

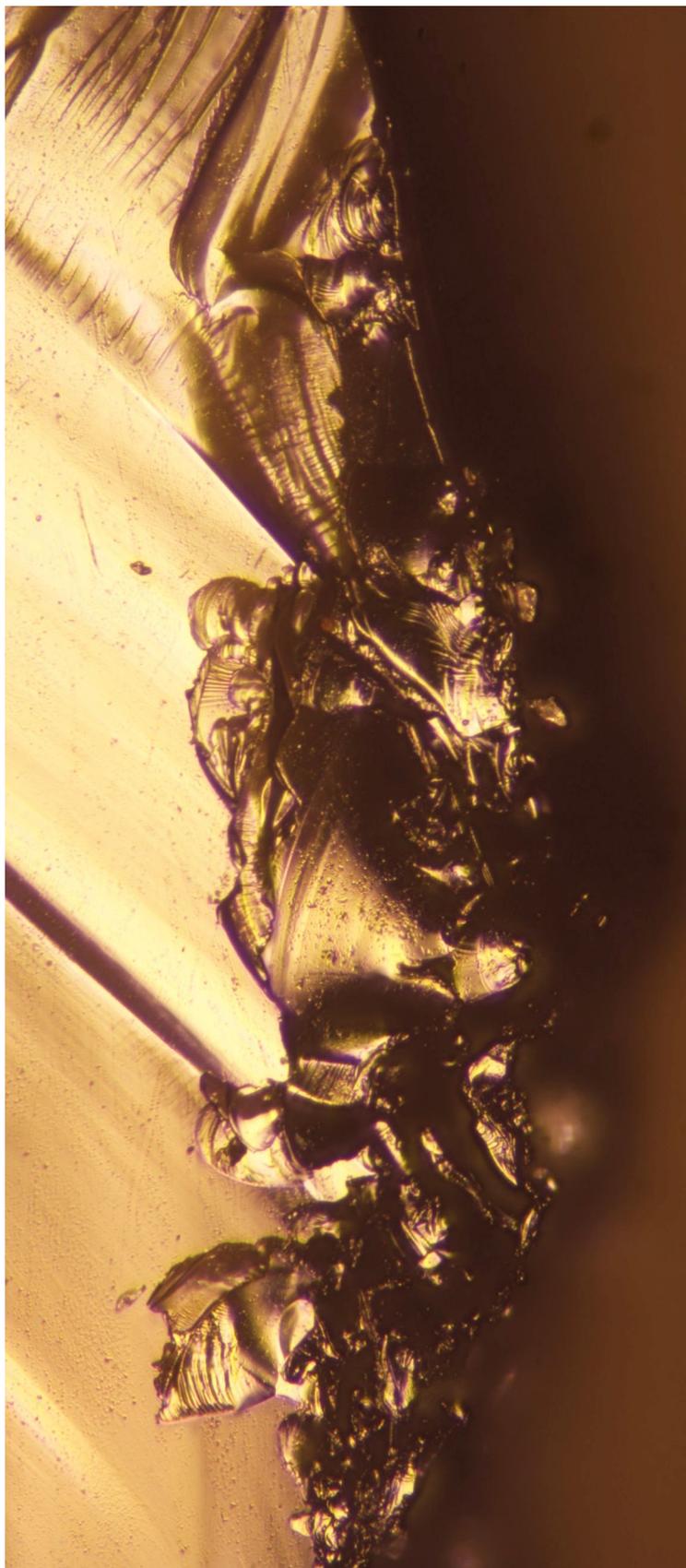

Рис. 10. Экспериментальный скол. 26 минут работы. Первый участок. X 100. Helicon Focus
Fig. 10. Experimental flake. 26 minutes of work. The first area. X 100. Helicon Focus

тер и динамику образования износа, можно заключить, что бифас не длительное время, по нашему мнению, не более 30–40 минут использовался в качестве ножа для отделения мяса путём скобления/срезания с костей. В пользу этого довода свидетельствует относительно слабо выраженный износ поверхности орудия, локализованный на одной поверхности в 9 самостоятельных зонах. Об этом говорит и выявленный микрослед, расположенный практически перпендикулярно к рабочему краю инструмента. При длительном использовании орудия по скоблению кости, судя по данным эксперимента, выявленные зоны должны были соединиться в меньшее количество участков, но при этом они должны стать более широкими. Поэтому время использования инструмента, по нашему мнению, примерно соответствует времени эксперимента, но из-за безусловной ценности бифаса он использовался крайне избирательно, своего рода в виде «персонального кухонного ножа». Характер повреждений в виде микрофасеток, микровыкрошенностей и микрозаломов и динамика их образования по данным эксперимента применима, как полагаем, и по отношению к бифасу. При соприкосновении участка рабочего края с костью при кинематике движения по срезанию/скоблению образуется микрофасетка или две. Затем, при дальнейшем соприкосновении участка с микрофасетками с костью их ширина увеличивается и образуется вторая генерация микрофасеток, внутри

первичных. На следующей стадии поверхность рабочего края справа и слева начинает приобретать комплекс микрозаломов.

Возможность определения контакта инструмента и его длительности с мясом/шкурой отсутствует ввиду относительно недавнего переоформления/изготовления бифаса. Кроме того, учитывая твердость дымчатого кварца в 7 единиц для образования устойчивой микрозаполировки необходимо весьма длительное использование инструмента, исчисляемое десятками часов. Поэтому по такому незначительному износу более точных выводов сделать нельзя. Также нельзя ничего сказать о возможном неутилитарном износе на этом орудии. Несмотря на большое количество прецедентов и отработанную методику определения на различных видах сырья (Гиря, Акимова, Харевич, Стасюк, 2018; Карманов, Гиря, 2018) напрямую выявить неутилитарный износ на данном инструменте крайне сложно как по причине физических свойств кварца, так и в результате слабой степени использования орудия. Для решения этой задачи требуются длительные и многочисленные эксперименты по переносу изделий из кварца близких линейных размеров. Несмотря на это, полученные в ходе функционального анализа результаты обоснованы и проверены экспериментом, что позволяет говорить о наличии функциональной составляющей у бифаса из 25 горизонта поселения Усть-Менза-1.

Библиографический список

Верещагин С.Б. Результаты изучения 25 горизонта поселения Усть-Менза-1 // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. С. 35–36.

Гиря Е.Ю., Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В. Клад каменных орудий с позднепалеолитической стоянки Притубинск I (юг Красноярского края) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 24–43. DOI: 10.26516/2227-2380-2018-23-24

Карманов В.Н., Гиря Е.Ю. Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобработывающей мастерской энеолита Угдым Iб (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская Археология. 2018.

References

Vereshchagin S.B. 2011. The results of a study of the 25th horizon of the Ust-Menza-1 settlement. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. St. Petersburg-Moscow-Velikii Novgorod. Vol. 1. Pp. 35–36. (In Russ.)

Girya E.Yu., Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasyuk I.V. 2018. Trove of Stone Paleolithic Tools of Pritubinsk 1 Site. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. Vol. 23. Pp. 24–43. (In Russ.) DOI: 10.26516/2227-2380-2018-23-24

Karmanov V.N., Girya E.Yu. 2018. Artifacts with general non-utilitarian wear traces in the assemblage of the Eneolithic flint workshop Ugdyim I b (the Middle Vychegda, Republic of Komi). *Povolzhskaya Arkheologiya* [Volga ar-

№ 3 (25). С. 139–156. DOI: 10.24852/2018-3-25-9-139-155

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.

Константинов А.В., Шлямов К.О. Палеолит Усть-Мензинского комплекса (Возраст и характер) // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. Улан-Удэ, 1987. С. 150–167.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ-Чита: Читинский государственный педагогический институт им. Н.Г. Чернышевского, 1994. 163 с.

Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев С.Г., Екимова Л.В., Разгильдеева И.И. Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью // Путеводитель по полевой экскурсии международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». Чита: Экспресс-типография. 2003. 53 с.

Мороз П.В. Технология производства плоско-выпуклых бифасов в индустрии Усть-Мензы I (Западное Забайкалье) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради, № 23(54). 2008. С. 145–149.

Мороз П.В. Сырьевой фактор в верхнем и финальном палеолите Забайкалья // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014а. С. 245–259.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: Экспресс-издательство, 2014б. 181 с.

Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Палеовулканы как источники минерального сырья в палеолите Забайкалья // Методы изучения каменных артефактов. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015. С. 184–188.

Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Сырьевые предпочтения в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus. 2016. № 1. С. 65–79.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Забайкальский государственный университет. Чита: ЗабГУ, 2018. 208 с.

Buvit I., Terry R., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V., Ekimova L.V., Razgildeeva I.I. The Ust-Menza archaeological complex // Topical issues of the Asian Paleo-

archaeology]. No. 3 (25). Pp. 139–156. (In Russ.) DOI: 10.24852/2018-3-25-9-139-155

Konstantinov A.V. 2001. Ancient dwellings of Transbaikalia (Paleolithic, Mesolithic Age). Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.)

Konstantinov A.V., Shlyamov K.O. 1987. Paleolithic of Ust-Menzinsky complex (Age and nature). *Prirodnaya sreda i drevnii chelovek v pozdnem antropogene* [Natural environment and ancient people in the late anthropogen]. Ulan-Ude. Pp. 150–167. (In Russ.)

Konstantinov M.V. 1994. Stone Age of the Eastern part of Baikal Asia. Ulan-Ude–Chita: Chitinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im N.G. Chernyshevskogo. 163 p. (In Russ.)

Konstantinov M.V., Konstantinov A.V., Vasil'ev S.G., Ekimova L.V., Razgil'deeva I.I. 2003. Under the auspices of the Big Shaman: an archaeological journey through Transbaikalia. *Putevoditel' po polevoi ekskursii mezhdunarodnogo simpoziuma "Drevnie kul'tury Azii i Ameriki"*. [Guide to the field trip of the international symposium "Ancient cultures of Asia and America"]. Chita: Ekspress-tipografiya. 53 p. (In Russ.)

Moroz P.V. 2008. The technology of production of plano-convex bifaces in the industry of Ust-Mensa I site (Western Transbaikalia). *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradi* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Graduate notebooks]. No. 23(54). Pp. 145–149. (In Russ.)

Moroz P.V. 2014a. The raw material factor in the Upper and Final Paleolithic of Transbaikalia. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Historical Department of Saint Petersburg University]. Pp. 245–259. (In Russ.)

Moroz P.V. 2014b. Lithic industries at the turn of Pleistocene-Holocene in Western Trans-Baikal. Chita: Ekspress-izdatel'stvo. 181 p. (In Russ.)

Moroz P.V., Yurgenson G.A. 2015. Paleovolcans as sources of mineral raw materials in the Paleolithic of Transbaikalia. *Metody izucheniya kamennykh artefaktov* [Methods for the Study of Stone Artifacts]. Sankt-Petersburg: IIMK RAN. Pp. 184–188. (In Russ.)

Moroz P.V., Yurgenson G.A. 2016. The raw material preferences in the Paleolithic of Transbaikalia: cultural continuity or technological need? *Stratum Plus*. No. 1. Pp. 65–79. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. 1980. Southeastern Transbaikalia in the Stone Age and Early Bronze. Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Razgil'deeva I.I. 2018. The planigraphical analysis of dwelling-economic complexes of the Upper Paleolithic of Transbaikalia. *Zabaikal. gos. un-t.* [Transbaikal State University]. Chita: ZabGU. 208 p. (In Russ.)

Buvit I., Terry R., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V., Ekimova L.V., Razgildeeva I.I. The Ust-Menza archaeological complex // Topical issues of the Asian Paleo-

lithic: Proceedings of the International Symposium that was held in Krasnoyarsk on the 6th – 12th of July 2012. Novosibirsk, Publishing Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2014. pp. 23–29.

Keeley L.H. Experimental determination of stone tools uses. A microwear analysis. – Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Miller R. Lithic resource management during the Belgian Upper Paleolithic: effects of variable raw material context on lithic economy // ERAUL. – 2001. – N 91. – 220 p.

Sieveking G. The human uses of flint and chert Proceedings of the Fourth International Flint Symposium, held at Brighton Polytechnic. - Cambridge Cambridgeshire and New York: Cambridge University Press, 1983. 263 p.

Demars P.Y. L'utilisation du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation. Cahiers du Quaternaire. – 1982. N 5. 253 p.

Сведения об авторах

Мороз Павел Валерьевич,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории, Забайкальский государственный университет, Россия, 672039, Забайкальский край, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30,
e-mail: frostius.81@mail.ru

Верещагин Сергей Борисович,

заведующий Музеем археологии Забайкалья Научно-образовательного музейного центра ЗабГУ, Забайкальский государственный университет, Россия, 672039, Забайкальский край, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30,
e-mail: forevich@inbox.ru

Критерии авторства

П.В. Мороз провёл трасологический анализ бифаса из дымчатого кварца из 25 культурного горизонта Усть-Мензы-1 и эксперимент по отделению мяса от кости и скобление кости. Совместно с С.Б. Верещагиным на основании полученных результатов авторы провели обобщение и подготовили рукопись к печати. Имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

lithic: Proceedings of the International Symposium that was held in Krasnoyarsk on the 6th – 12th of July 2012. Novosibirsk, Publishing Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2014. Pp. 23–29.

Keeley L.H. Experimental determination of stone tools uses. A microwear analysis. – Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Miller R. Lithic resource management during the Belgian Upper Paleolithic: effects of variable raw material context on lithic economy // ERAUL. – 2001. – N 91. – 220 p.

Sieveking G. The human uses of flint and chert Proceedings of the Fourth International Flint Symposium, held at Brighton Polytechnic. - Cambridge Cambridgeshire and New York: Cambridge University Press, 1983. 263 p.

Demars P.Y. L'utilisation du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation. Cahiers du Quaternaire. – 1982. N 5. 253 p.

Information about the authors

Pavel V. Moroz,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of National History, Transbaikalian State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya Str., Chita 672039, Transbaikalian region, Russian Federation,
e-mail: frostius.81@mail.ru

Sergey B. Vereshchagin,

Head of the Museum of Transbaikalian archaeology, Scientific and Educational Museum Center of Transbaikalian State University, Transbaikalian State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya Str., Chita 672039, Transbaikalian region, Russian Federation,
e-mail: forevich@inbox.ru

Attribution criteria

P.V. Moroz conducted a functional analysis of a smoked quartz biface from 25 Ust-Menzy-1 cultural horizon and an experiment on the separation of meat from bone and scraping bone. Together with S.B. Vereshchagin, on the basis of the obtained results, the authors conducted a synthesis and prepared a manuscript for publication. They own copyright on this article and are fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 903.01

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-28-46>

Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите

© В.Н. Карманов

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия

Аннотация: В статье публикуются результаты продолжающегося исследования о применении тепловой обработки кремня для его подготовки к дальнейшему расщеплению в каменных индустриях Крайнего Северо-Востока Европы (Республика Коми и Архангельская область с Ненецким автономным округом). В результате изучения кремнеобрабатывающего комплекса Угдым IБ на р. Вычегде автору удалось определить предметы, изготовленные при помощи тепловой обработки и выявить контекст, включающий места, где она производилась. На основе планиграфии кремневых артефактов, изучения их поверхностей и морфологии охарактеризованы формы, отбираемые для намеренного нагрева; способы их дальнейшей обработки и ситуации использования после такового; описан технологический и геоархеологический контексты этого приема камнеобработки и определено его место в региональной культурно-хронологической схеме. Установлено, что для тепловой подготовки целенаправленно отбирались разно размерные естественные и намеренно подготовленные отдельности сырья. Проявление использования этого приема выражается на макроуровне в разнице характера поверхностей намеренных снятий, созданных до и после нагрева: появлении глянца, реже изменении цвета. Планиграфия культурных остатков и их связь с выявленными структурами позволили интерпретировать следы очагов как остатки мест для термообработки кремня. Здесь она применялась в технологии бифасиального расщепления для изготовления наконечников стрел и копий, ножей.

Ключевые слова: энеолит, Крайний Северо-Восток Европы, река Вычегда, кремнеобрабатывающая мастерская, углубленное жилище, очаг, кремень, термическая обработка кремня, кремневый бифас, бифасиальная индустрия

Благодарности: Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Археологическое наследие Европейского Северо-Востока России: выявление, научное описание и систематизация» (2017–2020 гг.) №АААА-А17-117021310069-5.

Информация о статье: Дата поступления 17 января 2019 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 28–46. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-28-46

The Eneolithic heat treatment of flint in Far Northeast Europe

© Victor N. Karmanov

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar, Russian Federation

Abstract: The paper reports data on the use of heat treatment of flint to prepare them for further knapping in the stone industry of the Early Metal Age in far northeast Europe (Komi Republic, Arkhangelsk Region with Nenets Autonomous Area). As a result of studying the flint workshop of Ugdyim I settlement at the Vychegda river (Komi Republic), the author was able to identify items made by means of heat treatment and to find the context, including where it was produced. He analyzed the planigraphy of cultural remains and the surfaces of flint artefacts, described forms, which were selected for intentional heating, modes for their further treatment and the situation of usage of tools after its application. The results of use-wear studies, data on knapping technology and geoarchaeological context were applied as well. In the conclusion the place of heat treatment of

flint in the regional cultural and chronological scheme was defined. It was found that for the thermal preparation the ancient flintknappers selected both natural and intentionally prepared partings of flint. In the studied assemblages the occurrences of use of this method are expressed at the macro level the difference between the nature of the surfaces, created before and after heating: the appearance of gloss, less color change. Spatial distribution of artefacts and their association with the identified structures have allowed interpreting the studied traces of hearths of Ugdym IB as the remains of places to heat the pieces of flint. The regarded materials indicate the use of thermal treatment within secondary bifacial thinning, directed mainly on the manufacture of arrowheads and knives.

Keywords: Eneolithic, far northeast Europe, Vychegda River, flint workshop, subterranean dwelling, fireplace, flint, heat treatment of flint, flint biface, bifacial industry

Acknowledgements: The study was carried out as part of the theme of the research work “Archaeological Heritage of the European North-East of Russia: Revealing, Scientific Description and Systematization” (2017–2020) №АААА-А17-117021310069-5.

Article info: Received January 17, 2019; accepted for publication February 25, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Karmanov V.N. 2019. The Eneolithic heat treatment of flint in Far Northeast Europe. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 28–46. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-28-46

Введение

Массовые свидетельства тепловой подготовки кремня для его дальнейшего расщепления на территории Крайнего Северо-Востока Европы (далее КСВЕ) были впервые выявлены автором в материалах памятников среднего неолита (Карманов, 2018). Опыт их изучения позволил выявить ее признаки в ходе раскопок комплекса энеолита на поселении Угдым I на р. Вычегде (Республика Коми). Дальнейшее сопоставление данных о качественных и количественных характеристиках коллекции памятника, пространственном распределении находок, их связи с исследованными структурами позволило интерпретировать обнаруженные следы очагов как места для намеренного прокаливания отдельностей кремневого сырья. До этого момента исследователи могли лишь предполагать возможность выявления таких объектов. Так, Н.Б. Васильева высказала предположение о том, что один из объектов поселения эпохи раннего металла Павшино 2 – очаг с углублением – мог служить местом для термической подготовки кремня (Васильева, Суворов, 2005а).

В настоящей статье преследуется, прежде всего, задача публикации первичных данных о намеренной тепловой обработке, зафиксированных в изученных материалах. Особое внимание уделяется описанию ее археологического контекста, при-

знаков проявления, характеристике отбираемого для нее сырья и его обработки после прокаливания, морфологии изделий, изготовленных с помощью нее, а также попытке определения места намеренного нагрева кремня в технологическом и историко-культурном контекстах. Кроме того, имеющиеся результаты изучения неолитических материалов (Карманов, 2018) провоцируют на сопоставление данных по разным археологическим периодам.

Источники и наблюдения

Стоянка Угдым I находится на левом берегу р. Вычегды, напротив с. Нёбдино Корткеросского района Республики Коми (рис. 1). В 1980 г. Э.С. Логинова выявила две впадины – остатки заплывших котлованов углубленных построек (Археологическая карта Республики Коми, 2014. С. 74). Одну из них (№ 1, комплекс Угдым IB) исследовал В.Н. Карманов в 2010–11 гг. раскопом площадью 138 кв. м (рис. 2, 3). В результате изучены остатки слабо углубленной постройки прямоугольной формы в плане размерами 4,5 x 12,5 м и площадью около 58 кв. м. Следы котлована сооружения имели вид пятна, неоднородного по структуре и цветности песка, окаймленного полосами белесого песка на фоне желтого иллювиального горизонта. Центральную часть котлована занимает линза белесого

Рис. 1. Местоположение памятника Угдым IB
Fig. 1. Location of Ugdyim IB site

песка – результат почвообразования на месте разрушенного сооружения (рис. 3).

Коллекция Угдым IB включает 15084 кремневых изделия, 15 предметов из некремневых пород, семь фрагментов двух керамических сосудов и 18 обломков кальцинированных костей птиц или рыб. Из некремневых пород (ближе не определялись) изготовлено всего три орудия: абразив, нож и тесло.

Среди кремневого инвентаря (табл.) преобладают чешуйки, термические осколки и отщепы преимущественно мелких (до 3 см) размеров. Более половины отщепов – сколы бифасиального утончения. Также в коллекции присутствуют бифасы на разных стадиях расщепления, в том числе завершённые. Орудий из кремня в коллекции Угдым IB – 79 экз. В основном это отщепы с ретушью и ретушью утилизации по краю. Они, возможно, выполняли функции ножей и скребков (табл.). Из 47 отщепов мелких размеров, включая 27 диагностированных сколов бифасиального утончения, изготовлено основное количество орудий.

Морфологически выраженные изделия включают бифасы, в числе которых наконечники стрел (6 готовых орудий и 9 незавершённых, в т. ч. 7 в обломках, 4 из которых подобраны друг к другу (рис. 4; 5.1–5; 6.1, 4); наконечник копья или кинжала (рис. 6.3), нож или переоформленный наконечник копья с обломанным острием (рис. 6.5), наконечник копья (фрагмент) (рис. 6.2), фигурный кремь (1) (рис. 6.6). В совокупности с морфометрией за-

вершённых двусторонне обработанных изделий эти данные указывают на то, что на памятнике представлена технология вторичного бифасиального утончения. Она была направлена, прежде всего, на изготовление наконечников стрел и дротиков или копий и ножей (рис. 4–6). Прочие орудия оформлялись на сколах, сопутствующих производству бифасов.

Технико-типологические показатели керамической посуды (пористая структура керамики, Т-образный или грибовидный в сечении венчик, разреженный гребенчатый орнамент) (рис. 7), а также морфология бифасов позволяют отнести комплекс Угдым IB к гаринской культуре 3-го – первой четверти 2-го тысячелетия до н. э.¹ В пределах КСВЕ ее памятники В.С. Стоколос обособил в чойновтинскую культуру (Стоколос, 1997. С. 229–240). Остатки постройки Угдым IB представляют собой один из немногочисленных полностью изученных комплексов с пористой керамикой энеолита на р. Вычегде.

По центральной оси постройки зафиксированы следы трёх конструктивно не оформленных очагов. Они сохранились в виде линз бурого спекшегося песка (рис. 3.8). Фрагменты древесного угля при промывке их заполнения не обнаружены. Культурные остатки энеолита, найденные преимущественно в пределах изученного сооружения, залегали неравномерно, концентрируясь на трех участках, приуроченных к этим очагам (рис. 2. а, б). При этом состав находок на этих местах был различен.

Следы очага № 1 имели неправильную в плане форму из-за деформации корневодами (рис. 8). Размеры зафиксированной линзы бурого песка составляют здесь 0,65 x 0,55, а мощность – 0,27 м. В ней залегали немногочисленные термические осколки кремня, а рядом расчищено скопление сравнительно равномерно распределенных на плане находок (участок кв. 3, 4/4–6). Оно имело округлую форму и диаметр около 2,5 м (рис. 2.а). В его границах обнаружены 1169 изделий, среди которых –

¹ Здесь и далее календарный возраст указан с учетом калиброванных радиоуглеродных дат. Для приведения радиоуглеродных дат к календарному возрасту использовалась программа OxCal v. 3.10 (Bronk Ramsey, 1995; 2000).

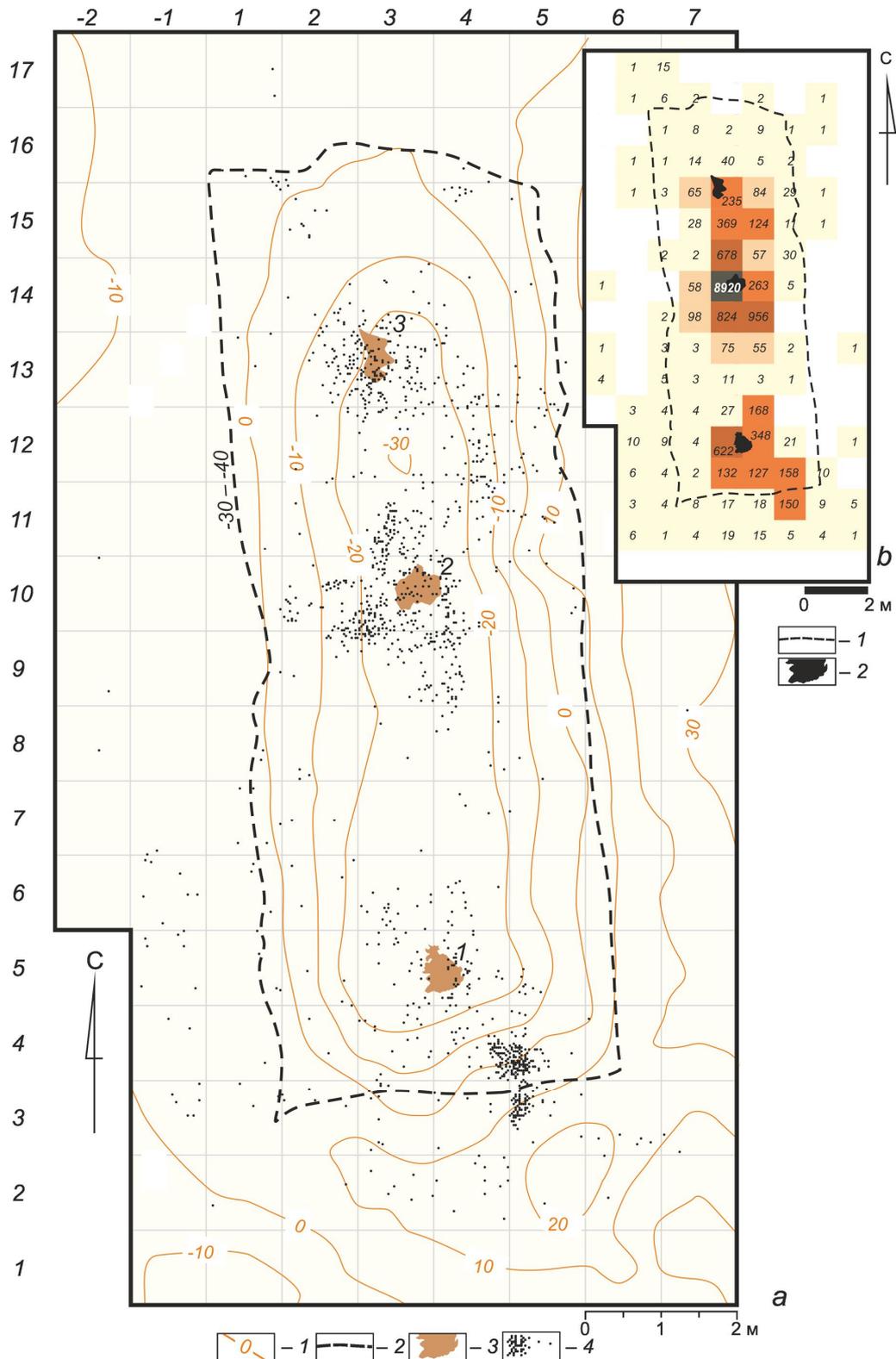

Рис. 2. Угдым IB: а – план раскопа 2010–11 гг. 1 – рельеф современной дневной поверхности; 2 – границы котлована постройки; 3 – остатки очагов; 4 – артефакты. б – плотность находок. Цифрами обозначено количество предметов на 1 кв. м; 1 – границы котлована постройки; 2 – остатки очагов
Fig. 2. Ugdyum IB: а – Excavation plan of 2010–11; 1 – relief of a modern surface; 2 – the boundaries of the structure; 3 – the remains of the hearths; 4 – artifacts. б – the density of finds. The numbers indicate the amount of items per 1 m²; 1 – the boundaries of the structure; 2 – the remains of the hearths

Рис. 3. Угдым IB. Поверхность раскопа 2010 г. Остатки постройки. Стрелками отмечено местоположение очагов. Масштабная рейка – 3 м. Снимок с юга
Fig. 3. Ugdym IB. Excavation surface of 2010. Remains of feature. The arrows indicate the location of the hearths. Scale rail – 3 m. View from the south

восемь орудий (табл.). Среди технологически значимых продуктов расщепления здесь найдены три отдельности сырья, восемь бифасов в начальной стадии расщепления, два обломка незавершенных тонких бифасов (наконечников стрел), один обломок завершено бифаса, 53 отщепа – скола бифасиального утончения. Кроме того, обнаружены фрагменты керамического сосуда (рис. 7).

К описанному выше пятну находок примыкало микроскопление размерами 0,6 x 1,2 м, деформированное корневодом (кв. 4, 5.3, 4). В его составе залежали 339 предметов, среди которых всего пять орудий, 71 скол бифасиального утончения, пять кусков кремня, 34 бифаса в начальной стадии расщепления.

Сравнивая размеры скопления и микроскопления у очага № 1, а также состав и количество находок в них, можно предположить, что пространство вокруг этого очага убиралось, по крайней мере, единожды, и кремневые изделия после такой уборки были перемещены в угол постройки. Для характеристики особенностей камнеобработки Угдым IB имеет значение то, что часть бифасов в

начальной стадии расщепления и отдельностей сырья, найденных вблизи него, представляла собой пережженный кремль белесого цвета с поверхностной трещиноватостью или пористой структурой (рис. 9). Таких изделий насчитывается 23 из 49 найденных здесь. Еще 22 предмета из этой категории имеют явные свидетельства теплового воздействия: разницу в характере поверхностей негативов снятий. Залегание таких изделий вне очага, и более того в составе компактного скопления, указывает на то, что их термическая обработка – результат намеренных действий, а не случайного попадания кремня в кострище. Для сравнения на рисунке 10 приведены образцы кремневых изделий без признаков термического воздействия.

Следы очага № 2 сохранились в виде линзы бурого песка округлой в плане формы диаметром около 0,6 м. Его мощность 0,25 м. В ней очень компактно залежали многочисленные (3861 экз.) термические осколки, возможно, составляющие одну растрескавшуюся отдельность сырья (ремонтаж не производился, форма не определена), 14 мелких фрагментов кальцинированных костей птицы или

Таблица

Угдым IB. Состав кремневого инвентаря

Table

Ugdym IB. Structure of flint assemblage

Состав коллекции	Общее количество	Скопление №1	Микро-скопление	Скопление №2	Скопление №3	Предметы с признаками термического воздействия	Переженные предметы
Изделия без вторичной обработки							
Чешуйки	9081	964	64	6795	847	-	-
Отщепы, в т.ч.:	1216	107	198	405	228	446	112
<i>Мелкие</i>	1113	99	187	391	206	415	94
<i>Средние</i>	81	6	9	12	20	28	13
<i>Крупные</i>	22	2	2	2	2	3	5
<i>Сколы бифасиального утончения</i>	664	53	71	260	109	251	25
Пластинки неправильные	93	6	11	41	15	51	15
Осколки термические	4565	71	22	4005	111	-	4565
Бифасы на разных стадиях расщепления	101	10	34	22	13	68	26
Отдельности сырья (плитки, гальки, куски)	22	3	5	1	2	3	6
ВСЕГО:	15078	1161	334	11269	1216	568	4724
Орудия							
Тонкие бифасы, в т.ч.:	14	1	0	1	11	8	4
<i>Наконечники стрел</i>	9	1	0	1	7	3	3
<i>Наконечники дротиков или копий</i>	2	0	0	0	2	3	1
<i>Фигурный кремь</i>	1	0	0	0	1	1	0
<i>Ножи</i>	2	0	0	0	1	1	0
Ножи на отщепах и пластинках	36	4	2	13	14	25	4
Отщепы и пластинки с ретушью на конце	14	2	1	8	1	9	1
Скребки на отщепах	2	0	0	1	1	2	0
Отщепы с ретушированными выемками	4	0	0	0	2	3	0
Скобель на отщепе	1	0	1	0	0	0	0
Орудия неопределимые, мелкие фрагменты	8	1	1	0	1	1	1
ВСЕГО:	79	8	5	23	30	48	10

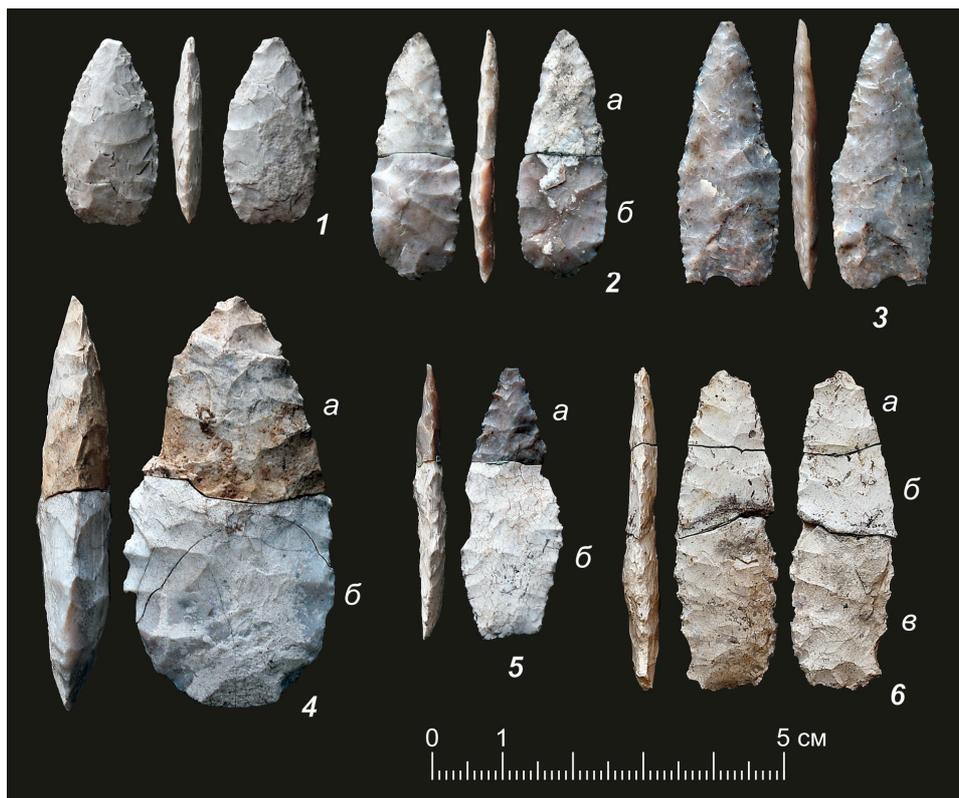

Рис. 4. Угдым IB. Скопления № 1 и № 2: Наконечники стрел, изготовленные с применением тепловой обработки; 4–6 – незавершенные изделия, сломавшиеся в процессе расщепления (?), их фрагменты (4б, 5б, 6в) подверглись повторному, возможно, не намеренному обжигу

Fig. 4. Ugdym IB. Clusters 1 and 2: arrowheads made using heat treatment; 4–6 – Incomplete products that broke during the knapping (?), their fragments (4b, 5b, 6c) were subjected to repeated, possibly unintentional firing

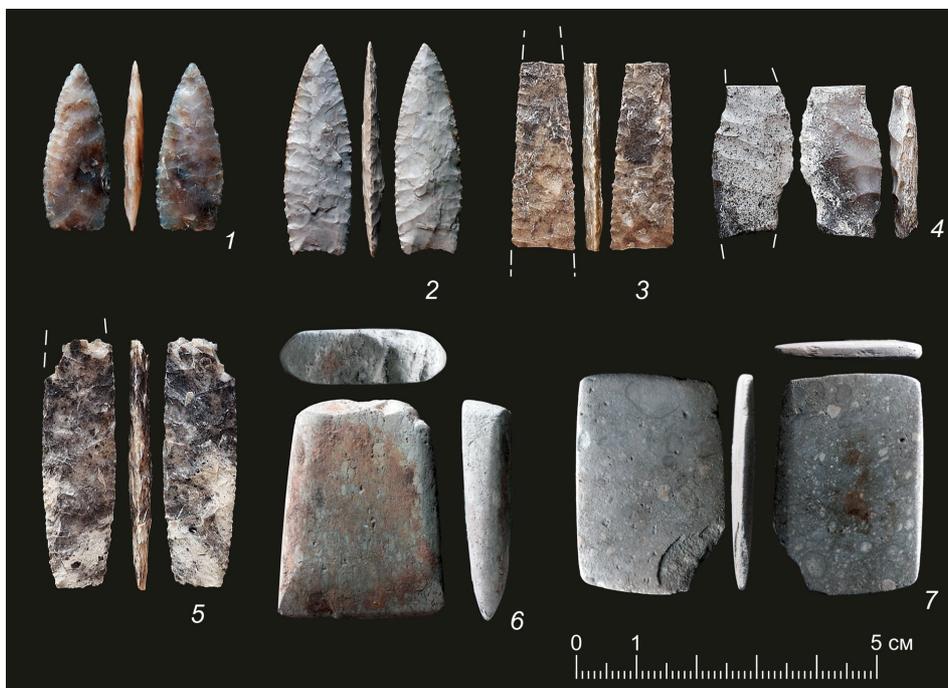

Рис. 5. Угдым IB. Скопление № 3: 1–5 – наконечники стрел; 6 – тесло; 7 – нож. 1–5 – кремль; 6, 7 – некремнёвая порода (ближе не определялась)

Fig. 5. Ugdym IB. Cluster 3: 1–5 – arrowheads; 6 – axe-adze; 7 – knife. 1–5 – flint; 6, 7 – non-siliceous rock (not closer defined)

Рис. 6. Угдым IБ. Клад кремневых предметов с выраженными следами общего неутилитарного износа, изготовленных с применением тепловой обработки
Fig. 6. Ugdym IB. Cache of flint artifacts with pronounced traces of general non-unitary wear made using heat treatment

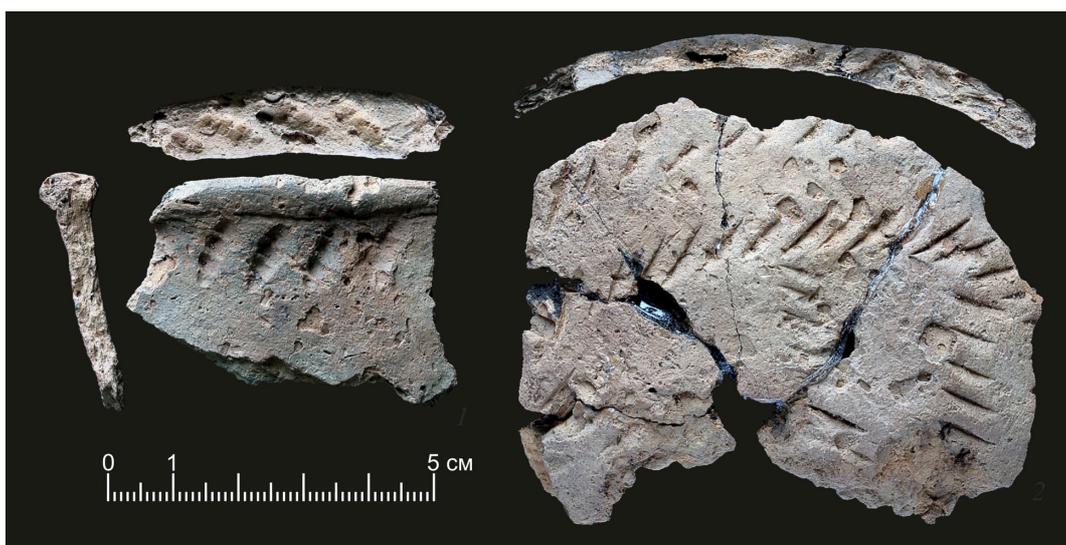

Рис. 7. Угдым IБ. Фрагменты керамических сосудов
Fig. 7. Ugdym IB. The potsherds

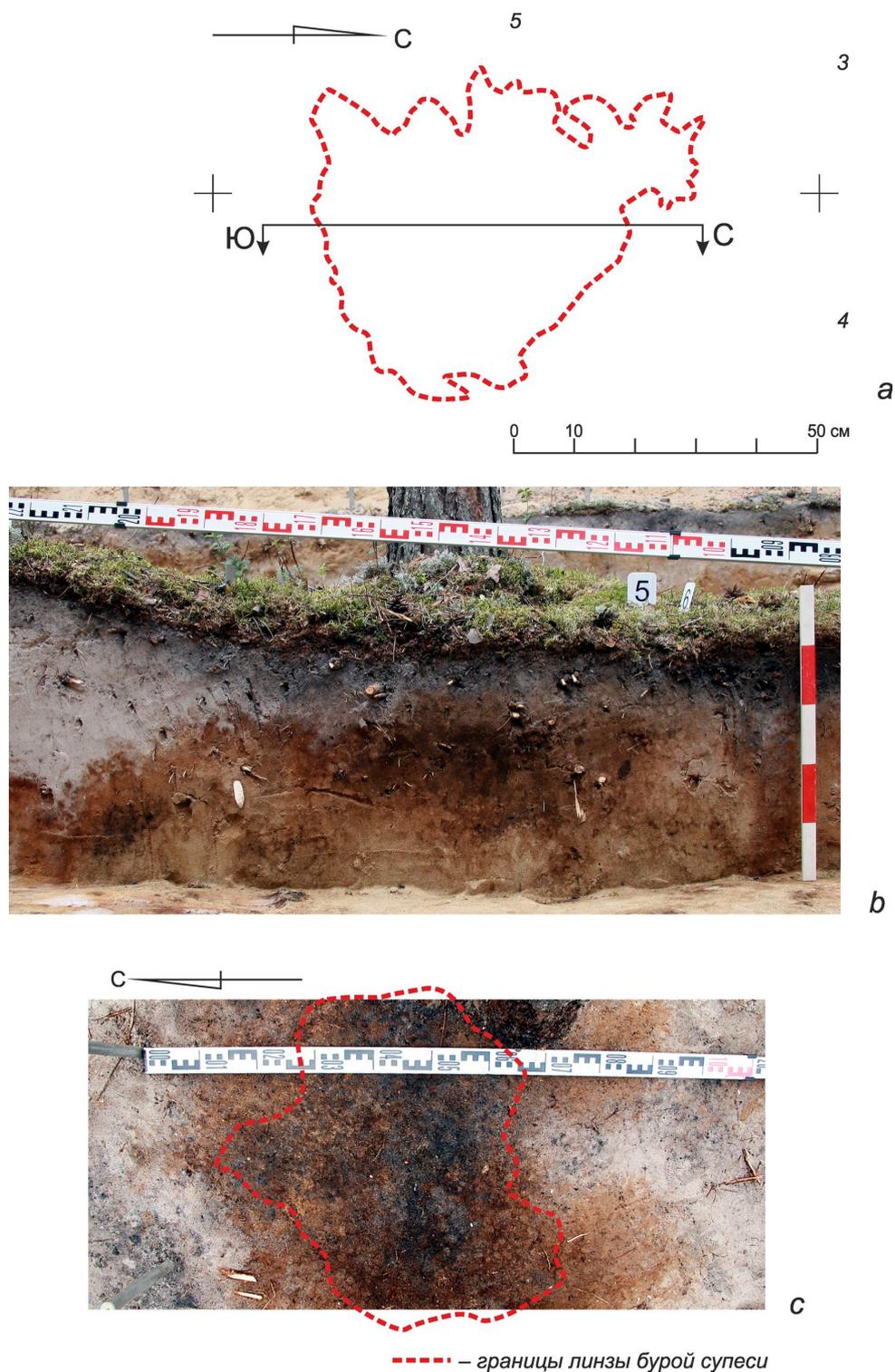

Рис. 8. Угдым IB. Следы очагов, сохранившиеся в виде линз бурой супеси: а – план очага №1 (кв. 3, 4/5); б – разрез очага №1, вид с востока; с – вид сверху на остатки очага №2 (кв. 3/10, продольная бровка раскопа), в котором была найдена крупная отдельность сырья, сильно фрагментированная в результате перегрева в ходе намеренной термической обработки

Fig. 8. Ugdym IB. Traces of hearth preserved in the form of lenses of brown sandy loam: a – plan of hearth 1 (3, 4/5); b – section of the hearth 1, view from the east; c – a top view of the remnants of the hearth 2 (3/10, the longitudinal section of the excavation), in which a large separate raw material was found, which was highly fragmented as a result of overheating during the intentional heat treatment

Рис. 9. Угдым IB. Скопление №1. Пережженные куски и крупные отщепы, непригодные для дальнейшего расщепления

Fig. 9. Ugdym IB. Cluster 1. Overburdened pieces and large flakes, unsuitable for further knapping

Рис. 10. Угдым IB. Образцы кремневых изделий, не подвергшихся тепловой обработке

Fig. 10. Ugdym IB. Samples of flint artefacts not subjected to heat treatment

рыбы и обломок керамического сосуда. За границами очага артефакты, по всей видимости, изначально залегали в виде компактного скопления округлой в плане формы диаметром 1,0–1,5 м, но впоследствии они были смещены в разные стороны корневодами, в настоящее время не сохранившимися (рис. 2.а). Общее количество находок в скоплении помимо упомянутого выше дебитажка из самого очага составляет 7431 экз. (табл.). Среди них выделяются 23 орудия из кремня, обломок гальки-отбойника, 260 сколов бифасиального утончения, семь незавершенных наконечников стрел (бифасов) в обломках (рис. 4.4, 5), медиальная часть, возможно, готового наконечника, а также отдельность сырья и 15 бифасов в начальной стадии расщепления. Последние несут следы намеренного нагрева, выражающиеся в разнице поверхности негативов снятий. Эти данные, в особенности, залегание отдельности сырья в заполнении очага в очередной раз свидетельствуют о намеренности термической обработки. Состав находок в скоплении (сравнительно высокое количество чешуек и мелких отщепов, включая сколы бифасиального утончения) указывает на то, что вблизи очага производилось наиболее интенсивное расщепление, а конкретнее – окончательное оформление бифасов.

Следы очага № 3 имели аморфные очертания и поскольку его верхи в значительной мере были разрушены многочисленными мелкими корневодами, то зафиксированы лишь наиболее сохранившиеся низы линзы бурого песка. Контакты с фоновыми отложениями при этом сильно размыты. Размеры пятна бурого песка – 0,4 x 0,7 м, но, принимая во внимание деформацию корневодами, первоначально были меньше. Пятно находок, приуроченное к очагу, имело подовальную в плане форму и размеры 1,4 x 1,7 м. Часть артефактов из него была смещена к востоку корнями деревьев (рис. 1.а). В пределах пятна найдены 1246 изделий (табл.), среди которых выявлены 30 орудий из кремня. Всего по одному экземпляру представлены галька и кусок кремня с пробными снятиями, а незаконченных двусторонне обработанных орудий найдено всего два, в обломках. Здесь находилось

сравнительно компактное залегание кремнёвых бифасов: 6 наконечников стрел (рис. 5.1–5; 6.1), наконечник копья (фрагмент) (рис. 6.2), наконечник копья или кинжал (рис. 6.3), фигурный кремь или крупный наконечник стрелы (рис. 6.4), нож или переоформленный наконечник копья с обломанным острием (рис. 6.5), фигурный кремь (рис. 6.6). На этих предметах выявлены явные следы общего недифференцированного неутилитарного износа. Последний определяется как «износ поверхностей любых артефактов, не связанный с каким-либо технологическим процессом (с орудийной деятельностью)» и связан с транспортировкой предметов. Эти следы формируются на поверхности предметов в результате намеренных или ненамеренных манипуляций, когда их поверхности подвергаются воздействию ударов, давления, истирания, царапания и т. д. (Гиря, 2015. С. 255²; Карманов, Гиря, 2018). Также в составе описанного компактного скопления залегали шлифованные изделия из некремнёвой породы: тесло (рис. 5.6) и плитка с приостренным краем (нож?) (рис. 5.7) трапецевидной и прямоугольной в плане формы соответственно.

Количественный и качественный состав находок в скоплениях показывает, что на участках, соответствующих им в разной степени интенсивности, изготавливались тонкие бифасы, прежде всего, наконечников стрел. Наиболее активное расщепление велось вблизи очага № 2, где найдено наибольшее число чешуек, сколов бифасиального утончения и обломков незаконченных изделий. Особенность залегания бифасов в начальной стадии расщепления со следами термического воздействия показывает, что на месте первого и второго очагов велась намеренная тепловая подготовка

² Гиря Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.

Girya E.Yu. 2015. Traces as type of archaeological sources (abstract of unpublished lectures. Traces in the history. Dedicated to 75 anniversary of Viacheslav E. Shchelinsky. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Pp. 232–268.

ка отдельностей сырья. Часть из них отбраковали и не подвергали дальнейшему расщеплению из-за ошибок в обработке и/или из-за качества сырья, имевшего скрытую трещиноватость. Готовые изделия концентрировались около очага № 3, рядом с которым обнаружен также комплекс изделий с неутилитарным износом, что определяет его особую роль в контексте изученной постройки (Карманов, Гирия, 2018).

В коллекции присутствуют сборки частей незавершенных бифасов (рис. 4.4–6). Отдельные фрагменты таких предметов имеют белесый цвет с характерной поверхностной трещиноватостью – признаки перегрева; другие несут негативы снятий с гладких блестящих поверхностей. Вероятно, обломки неудавшихся изделий подвергались уже ненамеренному термическому воздействию, что, в свою очередь, свидетельствует о неоднократном использовании очагов для «запекания» кремня. Об этом же говорит особенность залегания пережженных кусков, залегавших вне очагов. Также на местах очагов обнаружены немногочисленные мелкие обломки кальцинированных костей и фрагменты керамических сосудов, поэтому не исключены использование кострищ для приготовления пищи и намеренное добавление в состав продуктов горения костей для создания более высокой температуры.

На предмет наличия свидетельств намеренного нагрева визуально и с помощью лупы были изучены 5997 кремневых изделий. В выборку не включены составляющие большую часть кремневого инвентаря чешуйки (9081 экз.). В результате были выявлены 5662 предмета со следами теплового воздействия (табл.). Из них большую часть составляли термические отщепы и осколки (4565 экз.), включая упомянутые выше многочисленные (3861 экз.) фрагменты отдельности сырья, извлеченные из очага № 2. Все эти предметы имеют характерные признаки термического расщепления: это обломки белесого цвета с сеткой мелких трещин на поверхности, с маслянистым блеском или пористой структурой, без ударной волны. Кроме того, к явно пережженным кремням отнесены еще 162 изделия, среди которых выделяются отдельно-

сти сырья (гальки и куски кремня) и бифасы в начальной стадии расщепления. Именно эти отбракованные предметы дают нам представление о том, какие формы подвергались намеренному нагреву, поскольку технология вторичного бифасального утончения предполагает практически полное уничтожение первичной формы и поверхности заготовки. Так, судя по ним, термическому воздействию подверглись как естественные формы (гальки разной морфологии и степени окатанности, щебни и плитки), так и специально подготовленные оббивкой куски кремня (9), а также крупные отщепы (11). При этом два наиболее крупных и массивных куска, первоначально оформленные оббивкой, имели размеры 123 x 198 x 57 и 125 x 158 x 76 мм (рис. 10).

В коллекции Угдым 1Б выявлено 609 изделий с разницей характера поверхностей негативов намеренных сколов: остатками матовых шероховатых преповерхностей и гляцевыми (до зеркального блеска) гладкими негативами снятий покрывающих ее (рис. 11). Кроме того, отмечены отличия в цветности между участками поверхности, сформированными до тепловой обработки и после таковой. Так, преповерхности имели серый или темно-серый цвет, а участки, оформленные после намеренного нагрева, имели более контрастную окраску с участками светло-серого и розоватого, иногда малинового цвета. На некоторых предметах визуально фиксируются малиновые точки на фоне светло-серых поверхностей.

Среди изделий с признаками намеренной термической обработки выделяются две группы изделий: 1) продукты расщепления, подвергнутые тепловому воздействию; 2) сколы, снятые с таковых. В числе первых – преимущественно неподготовленные отдельности сырья (галька, плитки (3), куски и их фрагменты (27)), отщепы средних (6) и крупных размеров (19). Характер их обработки в контексте индустрии памятника Угдым 1Б позволяет интерпретировать их как формы для изготовления тонких бифасов. Сопоставление характеристик их поверхности (цвета, наличие глянца) позволяет выделить в изучаемой коллекции завершенные изделия, изготовленные из кремня, прошедшего

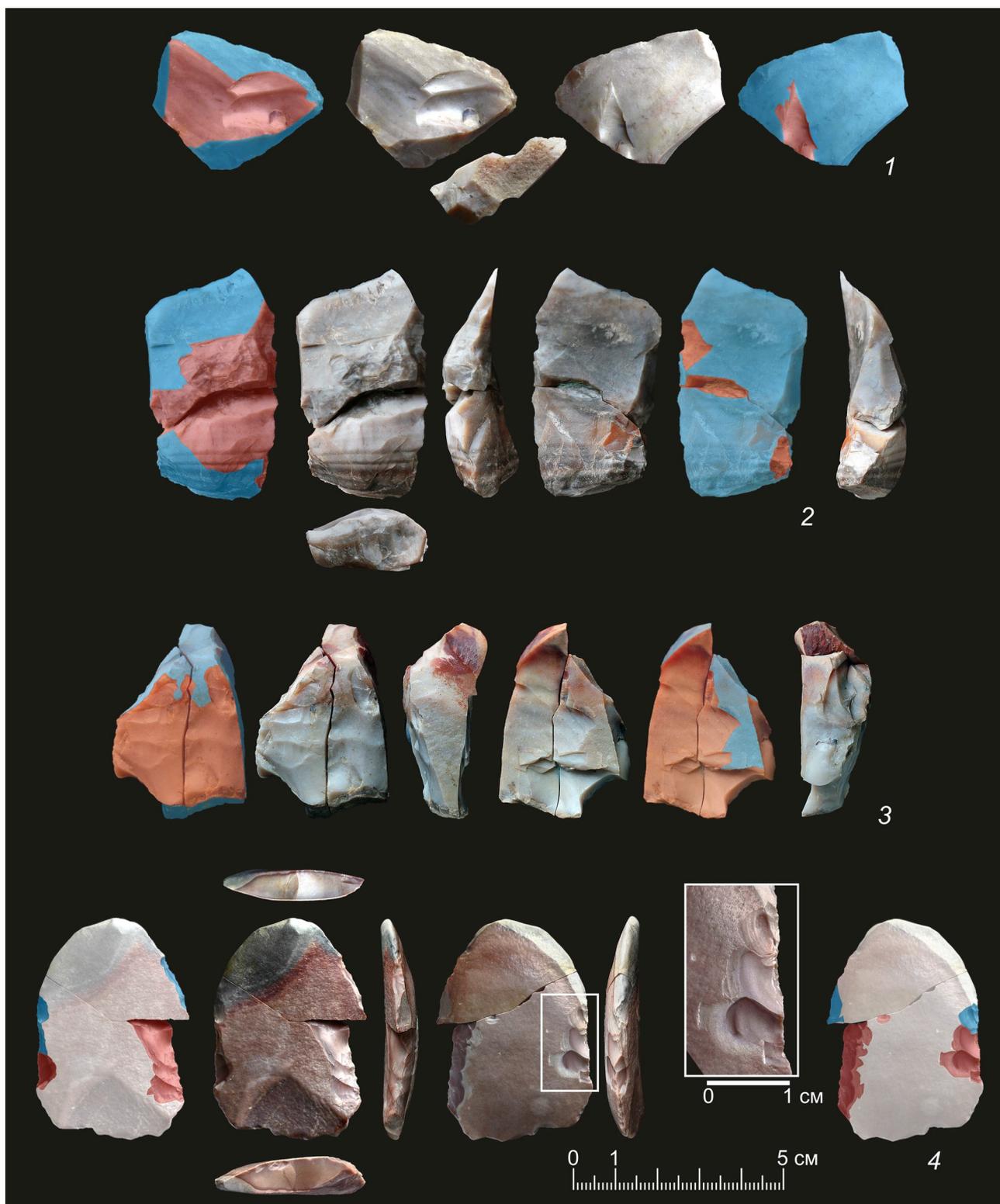

Рис. 11. Угдым ИБ. Скопления № 1 и № 2. Кремневые изделия, заготовки для которых прошли намеренную тепловую обработку: 1 – отщеп с ретушью утилизации; 2–4 – неудавшиеся бифасы на отщепе (2), куске (3) и гальке (4). Синим цветом выделены поверхности, сформированные до тепловой обработки, красным – после таковой
Fig. 11. Ugdym IB. Clusters 1 and 2. Flint items, which blanks have undergone intentional heat treatment: 1 – flake with traces of utilization; 2–4 – failed bifaces on the flake (2), gravel (3) and pebbles (4). Surfaces formed before heat treatment are highlighted in blue, red – after it

тепловую подготовку (рис. 11.1, 2, 4–7). Вполне вероятно, что с применением намеренного нагрева, хотя и на стороне, были изготовлены предметы с неутилитарным износом (рис. 6). Ко второй группе относятся сколы мелких (440) и средних (41) размеров, неправильные пластинки (57). Около половины (251) этих снятий диагностированы как сколы оформления бифасов (сколы бифасиального утончения, удаления межнегативных ребер и ступенчатых заломов на поверхности бифасов и т. п.). И именно артефакты этой группы составили большую часть диагностированных заготовок (27 экз.) для изготовления кремневых орудий Угдым IB. Это преимущественно морфологически невыраженные изделия – отщепы и пластины с ретушью, ретушью утилизации и ретушированными выемками на различных участках (краях и дистальных концах) сколов. Они, вероятно, выполняли функции ножей, скребков и скобелей. Таким образом, эти орудия оформлялись на сколах, сопутствующих бифасиальному расщеплению, и специально для их изготовления намеренный нагрев не применялся. Все эти данные в совокупности с данными планиграфии, количественного и качественного состава кремневого инвентаря указывают на использование намеренной тепловой обработки для подготовки как естественных, так и специально подготовленных отдельностей сырья, для изготовления на памятнике Угдым IB тонких бифасов – наконечников стрел и копий (или дротиков).

К сожалению, восстановить детали производственного процесса по материалам этого памятника не представляется возможным. Негативную роль сыграли не только деформация остатков очагов корнями деревьев и дальнейшими процессами педотурбации, но и периодическое извлечение отдельностей сырья из очагов первобытными мастерами. По имеющимся данным пространственного положения следов очагов, а также оставленному в очаге № 2 сырью, можно предположить, что материал для намеренного нагрева закладывался в грунт на небольшую глубину – не более 25 см. Сооружалась ли при этом какая-либо насыпь – точно сказать нельзя, равно как и судить о времени, затрачиваемом на это. Источником таких сведений

могут служить данные успешных экспериментов по тепловой обработке кремнистых пород (Crabtree, Butler, 1964; Гиря, 1994; 1997. С. 52–56; Lee, 2001; Васильева, Суворов, 2005b). Согласно им сырье закладывали в яму с плоским дном с последующей засыпкой мощностью 5–10 см (Гиря, 1994. С. 171; 1997. С. 52–56) или закапывали в грунт на 10–15 см (Васильева, Суворов, 2005b. С. 37). Затем на поверхности разводили костер, который поддерживался не менее суток. Кремь извлекали после длительного и равномерного остывания не менее чем через сутки. При этом важно было избежать резких перепадов температуры, негативно влияющих на результативность тепловой обработки. Таким неблагоприятным фактором, например, мог быть дождь. Поэтому примечательно, что места для намеренного нагрева на Угдым IB функционировали в закрытом помещении, что позволяло избегать резких колебаний температуры.

Результаты и обсуждение

На материалах двух памятников – Пезмогты ЗА (Карманов, 2018) и Угдым IB – изучены различные ситуации применения тепловой обработки кремня для его подготовки к дальнейшему расщеплению. Ее применение доказывается наличием большого количества изделий с признаками намеренного нагрева. Эти признаки выявлены и доказаны на различных археологических материалах разных периодов и территорий, а также в ходе многочисленных экспериментов (Crabtree, Butler, 1964; Mandeville, Flenniken, 1974. P. 146–148; Bleed, Meier, 1980. P. 502–507; Domanski, Webb, 1992. P. 601–614; 1994, P. 177–208; Гиря, 1994; Васильева, Суворов, 2005а, 2005b). Они выражаются, прежде всего, в наличии на одном предмете негативов намеренных сколов с разными поверхностями. При этом серия сколов, сформировавших преповерхность, будет иметь в большинстве случаев матовый неоднородный цвет (серо-розовый, темно-серый, коричневатый). Негативы последующих снятий – более однородные, гладкие с различной степенью глянца, иногда создающие впечатления полированных поверхностей. При этом изменение цвета некоторых видов сырья после намеренного нагре-

ва не происходит, но всегда остается один верный признак: наличие глянца. Все эти данные, несомненно, отражают результат изменения внутренней структуры кремня.

Для установления факта применения приема тепловой обработки на материалах конкретного памятника, очевидно, необходим анализ всех кремневых артефактов и их контекста. Наличие в коллекции единичных предметов с признаками термического воздействия еще не свидетельствует об его намеренном использовании. Согласно представленным материалам Пезмогты 3А и Угдым 1Б, этот контекст включает не только завершённые или незаконченные изделия, но и сопутствующие продукты расщепления и даже мелкий дебитаж. Таким образом, выявленные на артефактах этих памятников признаки позволяют достоверно диагностировать их намеренный нагрев без применения специального оборудования и естественнонаучных анализов. Кроме того, на Угдым 1Б удалось выявить остатки мест для намеренного нагрева кремня. Возможно, подобная структура существовала и в жилище неолитической стоянки, но ее прямые свидетельства не выявлены. Можно лишь предполагать здесь наличие очагов для «запекания» кремня на месте повышенной концентрации кальцинированных костей и термических осколков. Хотя полученные данные и не позволяют детально охарактеризовать сам процесс термической обработки, но служат поводом для поиска аналогичных структур в материалах изученных памятников и руководством для будущих раскопок.

В сооружении на стоянке Пезмогты 3А велась разнообразная хозяйственная деятельность, включая расщепление кремня, в то время как в постройке Угдым 1Б преимущественно производилась камнеобработка. Это обуславливает разницу в подходах к использованию кремневого сырья. Для каменной индустрии памятника неолита характерно экономное отношение к нему, его интенсивная утилизация (Карманов, Галимова, 2017). Набор орудий, изготовленных из сырья, подвергнутого тепловой обработке, здесь соответственно разнообразнее и многочисленнее. Возможно, с разницей в типе памятников связан и отбор отдельно-

стей сырья для намеренного нагрева и их размерности. Для комплекса Угдым 1Б наблюдается тенденция отбора более крупных отдельностей сырья, специально подготовленных оббитых кусков, а на неолитическом памятнике при этом преобладают отщепы крупных и средних размеров и даже утилизированные орудия. Очевидно, что от размеров и морфологии сырья зависели степень нагрева и его продолжительность, поэтому не исключено, что на рассмотренных материалах получены свидетельства применения двух стратегий тепловой обработки кремня – «быстрой» и «медленной», возможность которых была установлена в ходе экспериментов (Mercieca, Hiscock, 2008).

Изученные памятники относятся к двум разновременным культурным образованиям – льяловской культуре ямочно-гребенчатой керамики среднего неолита и гаринской культуре пористой керамики эпохи раннего металла. Таким образом, достоверно определяются пока два момента использования тепловой обработки сырья на памятниках КСВЕ: 1) первая половина V тысячелетия до н. э. (например, дата стоянки Пезмогты 1А: 5840 ± 100 ^{14}C л. н. (ГИН-11914)); 2) IV – первая половина II тысячелетия до н. э. (даты контекста Угдым I (комплекс Г, жилище 2) – 3480 ± 190 ^{14}C л. н. (ГИН-14592), Павшино 2 – 4000 ± 100 ^{14}C л. н. (ГИН-8608) и 3920 ± 110 ^{14}C л. н. (ГИН-8609) (Васильева, Суворов, 2005b. С. 38), Черная Речка 1 – 4370 ± 240 л. н. (ЛЕ-4001), 4360 ± 370 л. н. (ЛЕ-4002) (Верещагина, 2008. С. 128). Эти материалы документируют повсеместное использование на КСВЕ намеренного нагрева в камнеобработке. К сожалению, выявленные свидетельства о нем освещены в литературе слабо и ограничены пока небольшим количеством публикаций (см. напр.: Мурыгин, Карманов, 2014. С. 87, 88; Лузгин, Мурыгин, Карманов, 2015. С. 55, 56). Отличие описанных в этих статьях инвентарей от материалов Угдым 1Б состоит в том, что тепловая подготовка сырья применялась здесь, в том числе и для изготовления скребков.

Свидетельства генетической преемственности носителей льяловской и гаринской культур в регионе пока не выявлены. Но их памятники объединяет технология вторичного бифасиального утон-

чения, направленная на изготовление тонких бифасов – наконечников стрел, дротиков, копий и ножей. Именно с ней связаны массовые случаи использования термической обработки кремнистых пород, что обусловлено наибольшим соответствием морфометрии исходных форм сырья и заготовок, используемых для бифасиального расщепления и возможностью контролируемого успешного «запекания» сырья.

Согласно известным автору публикациям ни на одном из памятников льяловской или гаринской культур за пределами КСВЕ свидетельства намеренного нагрева кремня пока не выявлены. Следует упомянуть жилища гаринской культуры Павшино 2 на р. Юге (река вместе с Сухоней, образующая Северную Двину), также содержавшие явные признаки намеренной тепловой обработки и, вероятно, места для его прокаливания. Но они территориально очень близки памятникам КСВЕ. За пределами региона проявление признаков тепловой обработки кремня зафиксировано лишь на мезолитической стоянке Лиственка 3Б на р. Колпь в Ленин-

градской области (Васильева, Суворов, 2005b). Это исключение не только географическое и хронологическое, но и технологическое, поскольку тепловая обработка ассоциируется в этом случае с микропластинчатой индустрией. Возможность намеренного нагрева в таком технологическом контексте можно допустить в отношении использования сравнительно некрупных отдельностей сырья или нуклеусов, в особенности торцовых. Хотя этот единично выявленный пример не позволяет пока утверждать о широком распространении тепловой подготовки кремня в мезолите или раннем неолите, но провоцирует исследователей обращать внимание на такую возможность при анализе не только бифасиальных, но и микропластинчатых индустрий.

Пока массовые свидетельства применения тепловой обработки кремня для его подготовки к дальнейшему расщеплению ограничены по географии КСВЕ. Несомненно, это отражает степень изученности этого интересного явления, хотя не исключено, что это обусловлено и особенностями

Рис. 12. Пример выхода кремнистых пород в долине р. Вычегды. Вид с юго-запада. Дата съемки: сентябрь 2012 г.
1 – уровень залегания галечно-валунного материала

Fig. 12. Ugdym IB. An example of the output of siliceous rocks in the valley of the Vychegda River. View from the southwest. Date: September 2012. 1 – level of deposition of pebbles and boulders

региона. Например, известные здесь выходы кремнистых пород приурочены к обнажениям морен, флювиогляциальных или валунно-галечных аллювиальных отложений и доступны исключительно благодаря боковой эрозии рек на бечевниках, косах и в обнажениях берегов (Майорова, Волокитин, 2005. С. 118–119). Пример такого источника сырья и примерный состав кремней в нем представлен на рисунке 12. Как правило, это конкреции, куски и гальки разных размеров и качества. Другие выходы кремня, в том числе залегающие сырьем одной разновидности в виде пласта, в регионе пока не выявлены. Такой непостоянный доступ и специфика кремневого сырья обусловили его разнообразие в коллекциях. В связи с этим предварительная тепловая обработка как технологическая инновация позволяла улучшать его свойства и соответственно повышать адаптивные возможности первобытных коллективов, менее зависящих в такой ситуации от особенностей сырьевой базы.

Библиографический список

Археологическая карта Республики Коми / отв. ред. В.Н. Карманов. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014. 416 с.

Васильева Н.Б., Суворов А.В. Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению на стоянках каменного века Вологодской области (по материалам мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и энеолитического поселения Павшино-2) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: материалы научной конференции (Вологда, 5–6 февраля 2004 г.). Вологда: Вологодский институт права и экономики, 2005а. С. 26–32.

Васильева Н.Б., Суворов А.В. Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению (по материалам энеолитического поселения Павшино 2 на реке Юг) // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы международного семинара (Сыктывкар, 30 мая – 4 июня 2005 г.). Сыктывкар: Геопринт, 2005б. С. 37–39.

Верещагина И.В. Структура поселений мезолита – раннего металла на северо-западе России (Бассейн Северной Двины) // Записки Института истории материальной культуры. 2008. № 3. С. 118–136.

Гиря Е.Ю. Тепловая обработка кремнистых пород и способы ее определения в археологических материалах

Перспективы

Настоящая статья посвящена публикации первичных данных по тепловой обработке кремня на памятниках КСВЕ. В перспективе дальнейших исследований – разработка программы изучения каменного инвентаря с признаками применения намеренного нагрева; установление географии и хронологии этого явления, детализация его историко-культурного и технологического контекстов. Для определения региональных особенностей бесспорна необходимость проведения экспериментов по термической подготовке разновидностей сырья и последующего применения естественнонаучных методов для выявления структурных изменений в кремне. Несомненно, необходим пересмотр коллекций опорных памятников, в первую очередь, среднего неолита и раннего металла, а с учетом данных о следах тепловой обработки в микропластинчатых индустриях, и материалов мезолита и раннего неолита.

References

Karmanov V.N. 2014. Archaeological map of Republic of Komi. Syktyvkar: Komi republikanskaya tipografiya. 416 p. (In Russ.)

Vasil'eva N.B., Suvorov A.V. 2005a. Application of thermal preparation of flint to knapping at the sites of the Stone Age of the Vologda region (based on materials of the Mesolithic sites of the Mologo-Sheksnisky interfluvium and the Eneolithic settlement Pavshino-2). *Materialy nauchnoi konferentsii "Evropeiskii Sever v sud'be Rossii: obshchee i osobennoe istoricheskogo protsesssa"* [The European North in the fate of Russia: a general and specific historical process; proceedings of scientific conf. (Vologda, February 5–6, 2004)]. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics. Pp. 26–32. (In Russ.)

Vasil'eva N.B., Suvorov A.V. 2005b. Application of thermal preparation of flint to knapping (based on materials of the Eneolithic settlement Pavshino 2 on the Yug river). *Materialy mezhdunarodnogo seminar "Arkheomineralogiya i ranniyaya istoriya mineralogii"* [Archaeomineralogy and the early history of mineralogy: proceedings of Intern. workshop. (Syktyvkar, May 30 – June 4, 2005)]. Syktyvkar: Geoprint. Pp. 37–39. (In Russ.)

Vereshchagina I.V. 2008. The structure of the settlements of the Mesolithic – Early Metal in northwest Russia (Northern Dvina Basin). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury* [Notes of the Institute of the History of Material Culture]. No. 3. Pp. 118–136. (In Russ.)

Girya E.Yu. 1994. Heat treatment of siliceous rocks and methods for its determination in archeological materi-

// Экспериментально-трассологические исследования в археологии: сб. ст. СПб.: Наука, 1994. С. 168–174.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 1997. 198 с.

Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня в неолите крайнего северо-востока Европы // Известия лаборатории древних технологий. Т. 14. № 3. 2018. С. 22–42.

Карманов В.Н., Галимова М.Ш. Намеренная фрагментация кремнёвых изделий в неолите (по материалам стоянки Пезмогты 3А на Средней Вычегде, Республика Коми) // Поволжская археология. № 3 (21). 2017. С. 48–69.

Карманов В.Н., Гиря Е.Ю. Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IB (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская археология. № 3 (25). 2018. С. 139–155.

Лузгин В.Е., Мuryгин А.М., Карманов В.Н. Археологические памятники бассейна реки Сула // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока: материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 19. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. С. 53–70.

Майорова Т.П., Волокитин А.В. Геохимические особенности кремня древних индустрий и выявление источников сырья // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара (Сыктывкар, 30 мая – 4 июня 2005 г.). Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 118–119.

Мuryгин А.М., Карманов В.Н. Новые археологические открытия в тундрах северо-востока Европы // Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа Югры: материалы VII научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. С. 85–92.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. Ч. 4. С. 213–313.

Bleed P., Meier M. An objective test of the effects of heat treatment of flakeable stone // American Antiquity.

als. *Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniya v arkheologii* [Experimental research in archaeology]. St. Petersburg: Nauka. Pp. 168–174. (In Russ.)

Giryа E.Yu. 1997. Technological analysis of stone industries. The method of micro-macro analysis of ancient tools. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Pt. 2. 198 p. (In Russ.)

Karmanov V.N. 2018. The heat treatment of flint in the Neolithic of far northeast of Europe. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory], Vol. 14. No 3. Pp. 22–42. (In Russ.)

Karmanov V.N., Galimova M.Sh. 2017. Intentional fragmentation of flint artifacts in the Neolithic (based on the Pezmogty 3A site at Middle Vychegda, Komi Republic). *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga archaeology]. No. 3 (21), Pp. 48–69. (In Russ.)

Karmanov V.N., Giryа E.Yu. 2018. Artifacts with general non-utilitarian wear traces in the assemblage of the Eneolithic flint workshop Ugdyim IB (The Middle Vychegda, Republic of Komi). *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga Archaeology]. No. 3 (25). Pp. 139–155. (In Russ.)

Luzgin V.E., Murygin A.M., Karmanov V.N. 2015. Archaeological sites of Sula river basin. *Pervobytnye i srednevekovye drevnosti evropeiskogo Severo-Vostoka: materialy po arkheologii evropeiskogo Severo-Vostoka* [Prehistoric and medieval antiquities of the European Northeast. Materials on archeology of the European Northeast]. Iss. 19. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Pp. 53–70. (In Russ.)

Mayorova T.P., Volokitin A.V. 2005. Geochemical features of ancient flint industries and revealing of raw material sources. *Arkheomineralogiya i ranniaya istoriya mineralogii: materialy Mezhdunarodnogo seminara (Syktyvkar, 30 maya – 4 iunya 2005 g.)* [Archaeomineralogy and the early history of mineralogy: proceedings of Intern. Workshop (Syktyvkar, May 30 – June 4, 2005)]. Syktyvkar: Geoprint. Pp. 118–119. (In Russ.)

Murygin A.M., Karmanov V.N. 2014. New archaeological investigation in the tundra of northeastern Europe. *Materialy VII nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.F. Geninga "Sokhranenie i izuchenie nedvizhimogo kul'turnogo naslediya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga Yugry"* [Preservation and study of the immovable cultural heritage of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug of Ugra. Materials of VII scientific and practical. conf., dedicated to the 90th birthday of V.F. Gening. (Nefteyugansk, May 14–16, 2014)]. Ekaterinburg: Izd-vo Gorbunovoi. Pp. 85–92. (In Russ.)

Stokolos V.S. 1997. Eneolithic and Bronze Age. *Arkheologiya Respubliki Komi* [Archaeology of Komi Republic]. Moscow: DiK. Pp. 213–313. (In Russ.)

Bleed P., Meier M. An objective test of the effects of heat treatment of flakeable stone. *American Antiquity*,

1980. No. 45. P. 502–507.

Bronk Ramsey C. Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program // Radiocarbon. 1995. No. 37 (2). P. 425–430.

Bronk Ramsey C. Comment on 'The Use of Bayesian Statistics for 14C dates of chronologically ordered samples: a critical analysis' // Radiocarbon. 2000. No. 42 (2). P. 199–202.

Crabtree D.E., Butler B.R. Notes on experiment in flint knapping: 1. Heat treatment of silica minerals // Tebiwa. 1964. Vol. 7. No. 1. P. 1–6.

Domanski M., Webb J.A. Effect of Heat Treatment on Siliceous Rocks Used in Prehistoric Lithic Technology // Journal of Archaeological Sciences. 1992. No. 19. P. 601–614.

Domanski M., Webb J.A., Boland J. Mechanical properties of stone artifact materials and the effect of heat treatment // Archaeometry. 1994. No. 36. P. 177–208.

Lee K. Experimental heat-treatment of flint // Lithics. 2001. No. 22. P. 39–44.

Mandeville M.D., Flenniken J.J. A comparison of the flaking qualities of Nehawka chert before and after thermal pretreatment // Plains Anthropologist. 1974. No. 19. P. 146–148.

Mercieca A., Hiscock P. Experimental insights into alternative strategies of lithic heat treatment // Journal of Archaeological Science. 2008. №35. P. 2634–2639.

Сведения об авторе

Карманов Виктор Николаевич,

кандидат исторических наук, заведующий сектором сохранения и популяризации археологического наследия, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: vkarman@bk.ru

Критерии авторства

В.Н. Карманов самостоятельно провел археологические раскопки поселения Угдым I на основе открытого листа (разрешения), выданного на его имя Министерством культуры Российской Федерации в 2010 г. Он выполнил исследовательскую работу, описал, обобщил и систематизировал артефакты, являющиеся предметом статьи, проанализировал их контекст, самостоятельно подготовил рукопись к печати. Все фотографии и иллюстрации выполнены автором. Он имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1980, no. 45, pp. 502–507.

Bronk Ramsey C. Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program. Radiocarbon, 1995, no. 37 (2), p. 425–430.

Bronk Ramsey C. Comment on 'The Use of Bayesian Statistics for 14C dates of chronologically ordered samples: a critical analysis'. Radiocarbon, 2000, no. 42 (2), p. 199–202.

Crabtree D.E., Butler B.R. Notes on experiment in flint knapping: 1. Heat treatment of silica minerals. Tebiwa, 1964, vol. 7, no. 1, p. 1–6.

Domanski M., Webb J.A. Effect of Heat Treatment on Siliceous Rocks Used in Prehistoric Lithic Technology. Journal of Archaeological Sciences, 1992, no. 19, p. 601–614.

Domanski M., Webb J.A., Boland J. Mechanical properties of stone artifact materials and the effect of heat treatment. Archaeometry, 1994, no. 36, p. 177–208.

Lee K. Experimental heat-treatment of flint. Lithics, 2001, no. 22, p. 39–44.

Mandeville M.D., Flenniken J.J. A comparison of the flaking qualities of Nehawka chert before and after thermal pretreatment. Plains Anthropologist, 1974, no. 19, p. 146–148.

Mercieca A., Hiscock P. Experimental insights into alternative strategies of lithic heat treatment. Journal of Archaeological Science. 2008. № 35. P. 2634–2639.

Information about the author

Victor N. Karmanov,

Cand. Sci. (History), head of the Dept of Preservation and Popularization of the Archaeological Heritage, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya Str., 167982 Syktyvkar, Russian Federation, e-mail: vkarman@bk.ru

Attribution criteria

V.N. Karmanov independently conducted archaeological excavations of the Ugdym I site on the basis of permit issued to him by the Ministry of Culture of the Russian Federation in 2010. He carried out research, described; summarized and systematized the artifacts that are the subject of the article; analyzed their context; independently prepared a manuscript to print. All photos and illustrations are made by the author. He owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 903.02(571.53)«634»

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-47-61>

Керамика посольского типа с поселений побережья Чивыркуйского залива озера Байкал

© О.И. Горюнова, Д.А. Мархаева, А.Г. Новиков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена исследованию керамики посольского типа с археологических объектов побережья Чивыркуйского залива озера Байкал. В основу положены комплексы стратифицированных многослойных стоянок Катунь I (VII–VI слои) и Окуневая IV (IV слой), а так же материалы с местонахождений Окуневая III и Большой Чивыркуй. Техноморфологическому анализу подвергнуты фрагменты от 35 сосудов. Установлено, что для посольской керамики этого региона характерны два варианта: с утолщением венчика налепом с внешней стороны и с утолщением его с внутренней стороны. Отличия между ними заключаются в наличии или отсутствии утолщения с той или иной стороны, форме сосудов и преобладании при их орнаментации того или иного штампа (с внешним утолщением – доминирует зубчатый штамп, с внутренним – прямоугольный). Исследования посольской керамики показали ее морфо-типологическую близость с подобной керамикой Прибайкалья и выявили региональные отличия. В их числе: утолщение венчика с внутренней стороны; в орнаментации сосудов – преобладание зубчатых штампов и тычковой техники нанесения узора. Радиоуглеродные AMS-даты по комплексам Прибайкалья с посольской керамикой в пределах 6750–6310 кал. л. н. (средний неолит).

Ключевые слова: озеро Байкал, Чивыркуйский залив, средний неолит, стратифицированные комплексы, поселение, керамика посольского типа, технико-морфологический анализ, форма сосуда, орнаментация, датировка

Благодарности: Исследование проведено при поддержке Минобрнауки Российской Федерации, госзадание № 33.2057.2017/4.6.

Информация о статье: Дата поступления 23 мая 2019 г.; дата принятия к печати 1 июля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Горюнова О.И., Мархаева Д.А., Новиков А.Г. Керамика посольского типа с поселений побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 47–61. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-47-61

Posolsk type pottery of Chivyrkuisky Bay coast settlements of Lake Baikal

© Olga I. Goriunova, Darima A. Markhaeva, Alexey G. Novikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the study of Posolsk type pottery from the archaeological sites of the Chivyrkuisky Bay coast of Lake Baikal. It is based on the Katun I (VII–VI layers) and Okunevaya IV (IV layer) stratified multi-layered sites, as well as materials from the Okunevaya III and Bolshoi Chivyrkui locations. Fragments from 35 vessels were subjected to the technomorphological analysis. It was established that two variants are characteristic of the Posolsk pottery of this region: with a rims thickening on the outside and a thickening from the inside. The differences between them consist in the presence or absence of a thickening from one side or the other, the shape of the vessels and the prevalence of one or another stamp when they are ornamented (with the external thickening, the toothed stamp dominates, with the internal one – rectangular). Studies of the Posolsk pottery showed its morpho-typological affinity with similar types of the Baikal region and revealed regional differences. Among them are: a thickening of the rim from the inside; in the ornamentation of vessels – the predominance of

toothed dies and bonded technique of drawing a pattern. Radiocarbon AMS dates for the Baikal complexes with Posolsk pottery are situated in the range of 6750–6310 cal. BP (Middle Neolithic).

Keywords: Lake Baikal, Chivyrkuisky Bay, Middle Neolithic, stratified complexes, settlement, Posolsk type pottery, technomorphological analysis, vessel shape, ornamentation, dating

Acknowledgements: The work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, state assignment No. 33.2057.2017/4.6.

Article info: Received May 23, 2019; accepted for publication July 1, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Goriunova O.I., Markhaeva D.A., Novikov A.G. 2019. Posolsk type pottery of Chivyrkuisky Bay coast settlements of Lake Baikal. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 47–61. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-47-61

Введение

Керамика посольского типа представляет собой одну из наиболее ярких и дискуссионных керамических традиций в изучении неолитических культур Прибайкалья и Байкальской Сибири в целом. Широкое территориальное распространение этой керамики, многообразие ее морфологического и орнаментального оформления вызывают пристальный исследовательский интерес (Зубков, 1982; Савельев, 1989¹; Ветров, 2011; Макаров, 2012; Угольников, Угольникова, 2001). Тем не менее в связи с малым количеством чистых стратифицированных объектов с этой керамикой многие вопросы (в частности, о ее датировании, выявлении региональных особенностей и т. д.) остаются дискуссионными.

Керамика посольского типа была выделена и описана Л.П. Хлобыстиным на материалах многослойного поселения Улан-Хада, расположенного на Малом море озера Байкал (Хлобыстин, 1964). Свое название она получила по одноименной стоянке (Посольская) юго-восточного побережья оз. Байкал (Хлобыстин, 1978. С. 96). Несмотря на то, что эта керамика встречается практически по всему побережью Байкала, стратифицированных объектов, содержащих чистые комплексы, единицы. Пре-

имущественно они расположены по его западному побережью: Итырхей, Саган-Заба II, Падь Долгая II (Горюнова, 1984²; Коршунов, 2005; Долганов, Горюнова, Новиков, Вебер, 2013). Вторым районом нахождения стратифицированных объектов с керамикой посольского типа является Чивыркуйский залив восточного побережья Байкала.

Все выделенные стратифицированные комплексы с керамикой посольского типа на побережье Байкала привязаны к темным, гумусированным субаэральным отложениям склонов и конусов выноса. В стратиграфическом разрезе они фиксируются в средних слоях оптимальной пачки середины голоцена. На ряде многослойных объектов они залегают между слоями, содержащими комплексы раннего и позднего неолита (Саган-Заба II, Катунь I, Итырхей, Падь Долгая II). Четкая стратификация объектов позволила отнести эти комплексы к среднему неолиту.

Цель предлагаемой работы – провести технико-морфологический анализ керамики посольского типа, зафиксированной на археологических объектах побережья Чивыркуйского залива (рис. 1), выявить характерные и специфические традиции производственного процесса, определить датировку этих комплексов. В основу исследования положены керамические материалы многослойных

¹ Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири, история основных идей и современное состояние проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с. Saveliev N. A. The Neolithic of the South of Middle Siberia (history of the basic ideas and current state of the problem): Thesis of the dis. ... Cand. of Sciences (History). Novosibirsk, 1989. 25 p.

² Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с. Goriunova O.I. Multilayered settlement of the Small Sea and Olkhon Island: Thesis of the dis. ... Cand. of Sciences (History). Novosibirsk, 1984. 17 p.

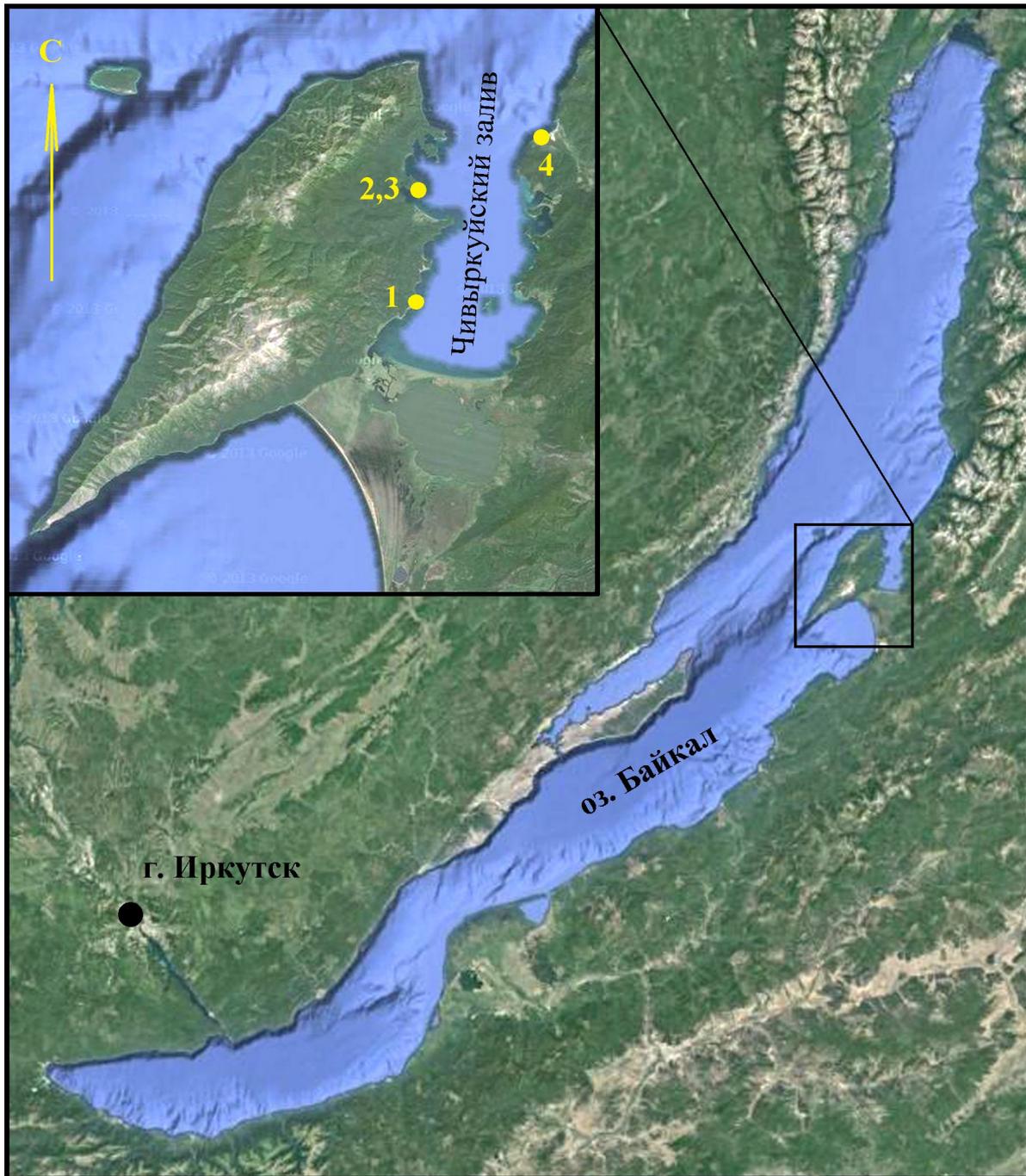

Рис. 1. Карта Байкала и Чивыркульского залива с указанием местонахождений объектов с керамикой посольского типа: 1 – Катунь I; 2 – Окунева III; 3 – Окунева IV; 4 – Большой Чивыркуй

Fig. 1. Map of Lake Baikal and Chivyrkuisky Bay with an indication of the locations of objects with Posolsk type pottery: 1 – Katun I; 2 – Okunevaya III; 3 – Okunevaya IV; 4 – Bolshoi Chivyrkui

стоянок Катунь I (VII–VI слои) и Окунева IV (IV слой), а так же материалы с местонахождений

Окунева III и Большой Чивыркуй (Свинин, 1966³; Горюнова, Лыхин, 1985).

³ Свинин В.В. Отчет о полевых исследованиях Северо-Байкальской археологической экспедиции Бурятского

Многослойная стоянка Катунь I

Находится на одноименном мысе западного побережья Чивыркуйского залива. Местонахождение обнаружено Северо-Байкальской археологической экспедицией Бурятского филиала ВГО (В.В. Свинин) в 1965 г. Им проведены сборы подъемного материала и отмечено наличие на стоянке неолитической керамики. Стационарные работы проведены отрядом Байкальской комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (БКАЭ ИГУ) в 1989 и 1991 гг. (О.И. Горюнова). В результате исследований на объекте выделено 9 культурных слоев, нижние из которых (VII и VI) содержали комплексы с керамикой посольского типа.

Керамический комплекс VII слоя представлен 505 фрагментами минимум от 21 сосуда (Мархаева, 2019). Из них преобладает керамика посольского типа (18 сосудов), которая встречается в двух вариантах: 11 сосудов с внешним (рис. 2.1, 5–6) и 6 сосудов с внутренним (рис. 3) утолщением венчика; один сосуд – без утолщения. Внешняя поверхность сосудов гладкая или покрыта штриховыми оттисками (выколачивание с помощью рубчатой лопаточки). Расположение оттисков, как правило, вертикальное, параллельно друг другу. На одном сосуде в месте отслоения внешнего утолщения венчика от стенки сосуда отмечены аналогичные оттиски, свидетельствующие о последовательности выколачивания стенок сосуда при его конструировании (рис. 4.2). На внутренней поверхности некоторых сосудов зафиксированы параллельные горизонтальные штрихи (следы затирания) и ногтевые оттиски, полученные при формовке сосудов (рис. 5.1). Практически на всех сосудах обнаружен нагар (с внешней или с внутренней стороны). На фрагментах от трех сосудов отмечены признаки зонального лоскутного налета: многослойная структура черепка и расслоение емкостей

по горизонтальным разломам на широкие кольца (рис. 5.3). В изломе преобладают черепки двухцветные и многоцветные (сочетание темно-коричневого и черного). Вся керамика тонкостенная. Толщина стенок 3–4 мм, по срезу венчика 3–6 мм, по утолщению венчика от 7 до 13 мм. Сосуды посольского типа с внешним утолщением – сложной закрытой формы; диаметры их венчиков 24–30 см (рис. 2.6). Сосуды с внутренним утолщением – простой закрытой формы; их диаметры по венчику 21–31 см (рис. 3). Фрагменты дна практически не сохранились, поэтому судить об их форме не представляется возможным.

Вся керамика посольского типа – орнаментированная. Узор покрывал, как правило, верхнюю часть тулова сосуда и поверхности венчика (включая верхнюю и внутреннюю его поверхности). Композиция узора состоит из горизонтальных рядов штамповых вдавлений (зубчатых – на 11 сосудах; прямоугольных – на 6 сосудах и подтреугольной формы – на 1 сосуде). На двух сосудах от последнего горизонтального ряда отходят короткие сдвоенные линии (наклонные, в одном случае, и вертикальные, в другом), выполненные тем же штампом, что и основной узор (рис. 2.6; 3.2). Отмечено, что на сосудах с внешним утолщением преобладает использование при орнаментации зубчатого штампа (8 из 10 сосудов), а на сосудах с внутренним утолщением – прямоугольного (5 из 7 сосудов). Вдоль края венчика всей посуды посольского типа нанесен поясик мелких отверстий. У сосудов с внешним утолщением венчика он проходит по полосе, выполненной прочерчиванием или штамповыми вдавлениями подтреугольной формы. Орнамент по верхней и внутренней поверхностям венчика наносился тем же штампом, что и по тулову.

В группу керамики посольского типа отнесен один сосуд без характерного для нее утолщения венчика. По всем остальным параметрам он, несомненно, соответствует этой группе.

В комплексе (помимо посольской керамики) зафиксированы малочисленные фрагменты от двух сосудов с оттисками сетки-плетенки и гладкостенный сосуд сложной закрытой формы. Размеры ячеи одного сетчатого сосуда 5 мм, другого – 3 мм.

филиала ВГО летом 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р–1, № 3207. 146 л. Иркутск, 1966.

Svinin V.V. Report on field studies of the North-Baikal archaeological expedition of the Buryat branch Eastern Geographical Society in the summer of 1965. Archive of the IA AS USSR. Irkutsk, 1966.

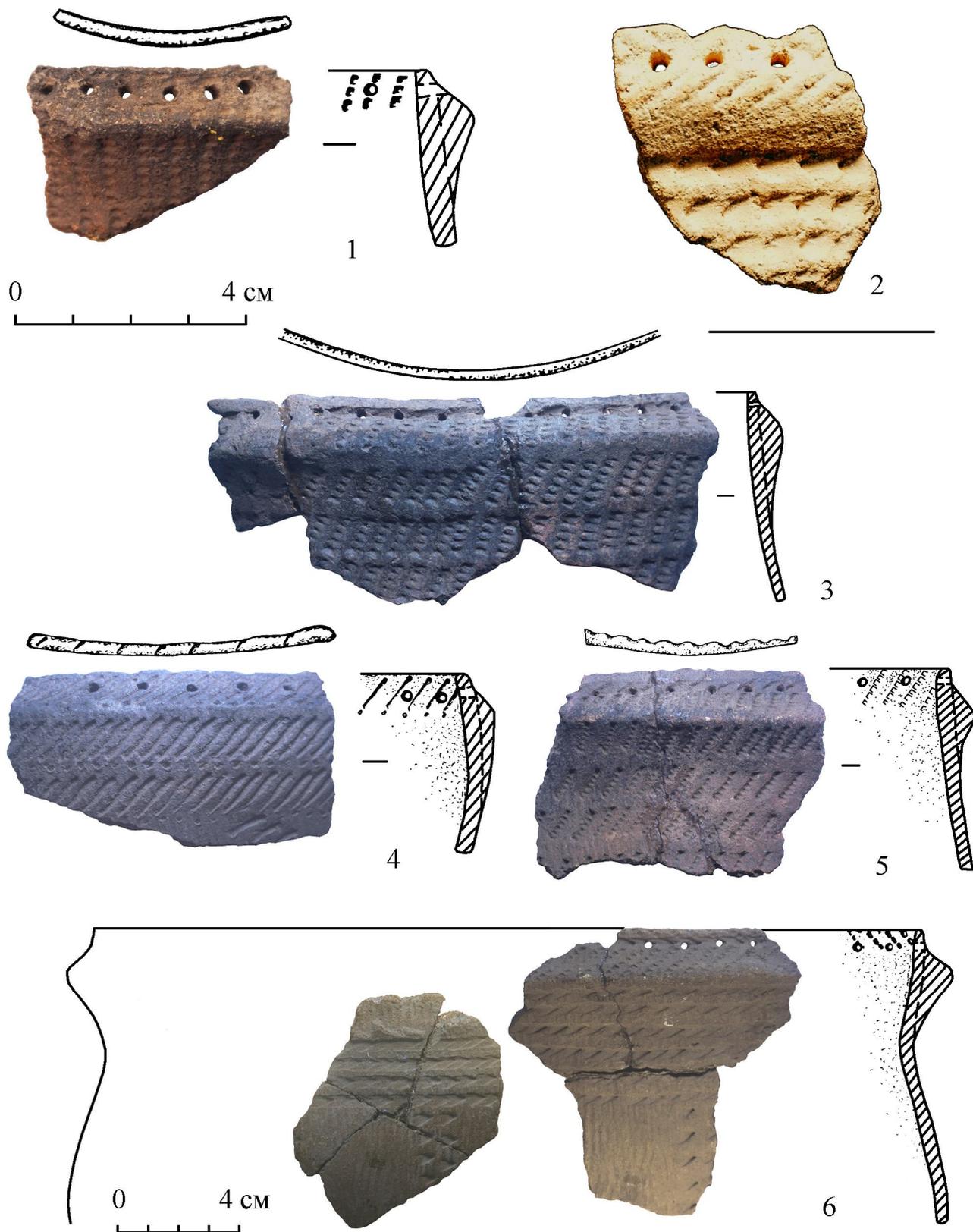

Рис. 2. Керамика посольского типа с утолщением венчика с внешней стороны: 1, 3-6 – с поселения Катунь I;
2 – с поселения Окунева III

Fig. 2. Posolsk type pottery with a rims thickening on the outside: 1, 3-6 – from the settlement Katun I;
2 – from the settlement Okunevaya III

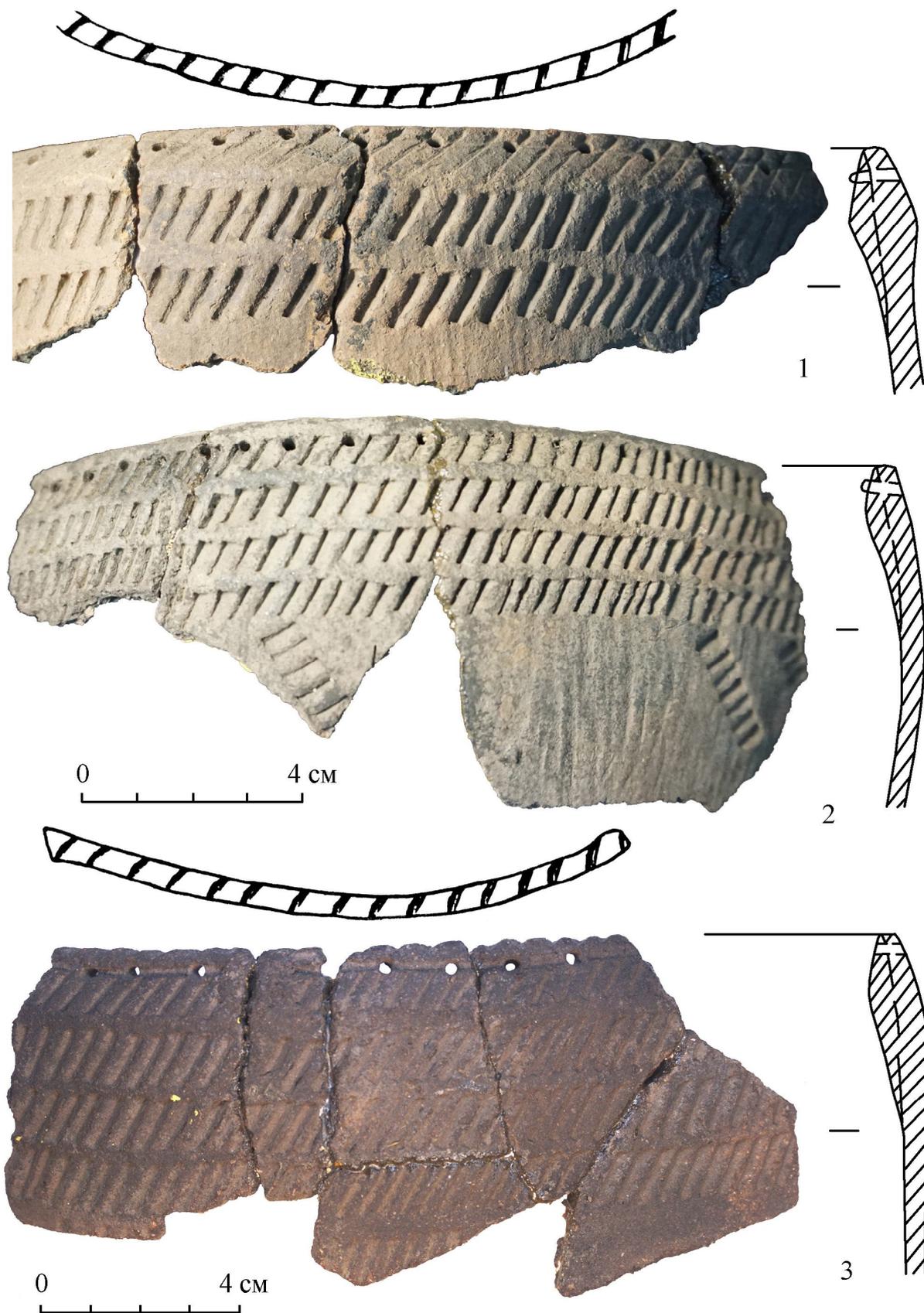

Рис. 3. Катунь I, керамика посольского типа с утолщением венчика с внутренней стороны
Fig. 3. Katun I, Posolsk type pottery with a rims thickening from the inside

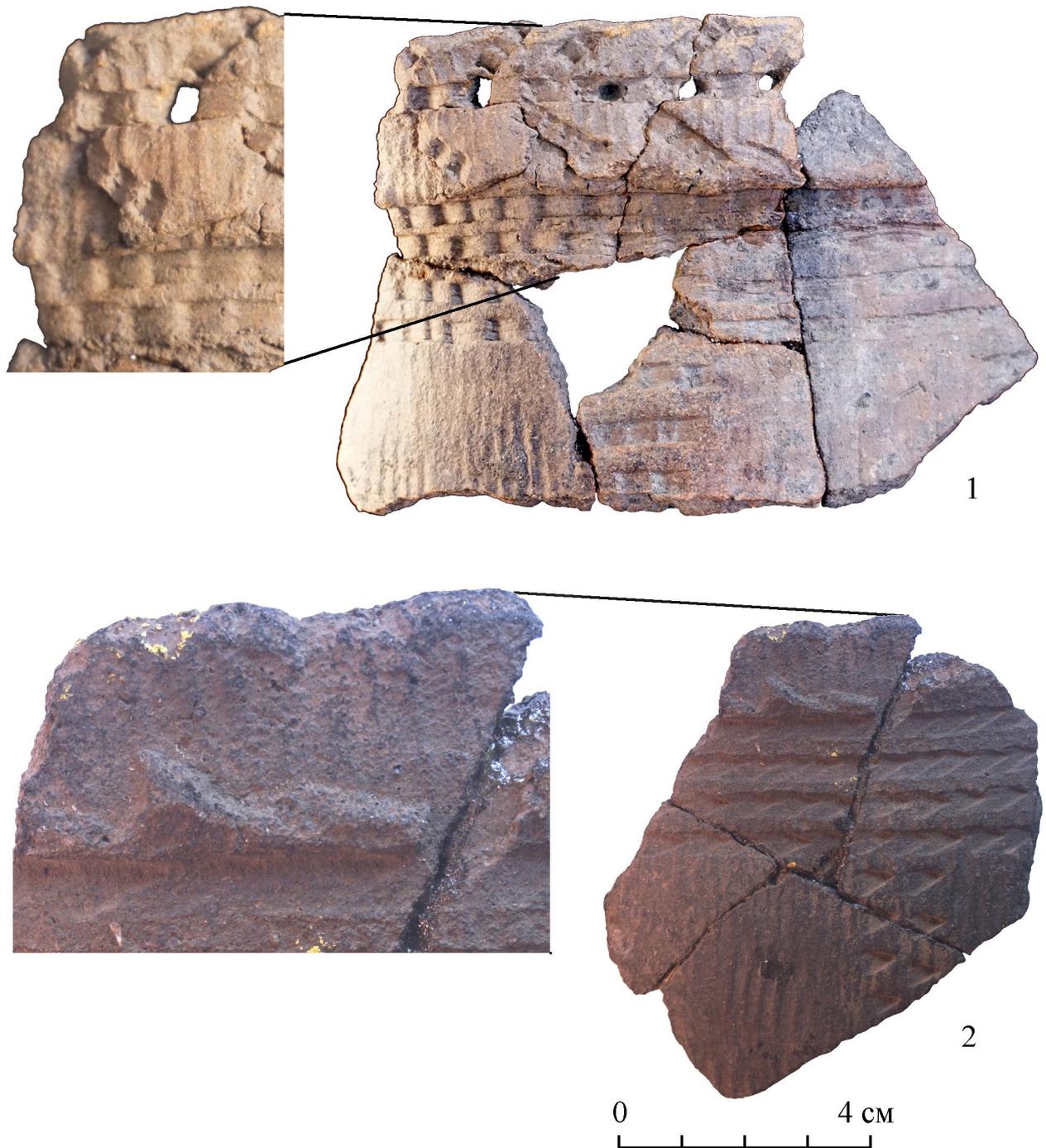

Рис. 4. Отслоение налипных утолщений венчика на керамике посольского типа: 1 – Окунева IV; 2 – Катунь I
Fig. 4. Detachment of a rims thickening on the Posolsk type pottery: 1 – Okunevaya IV; 2 – Katun I

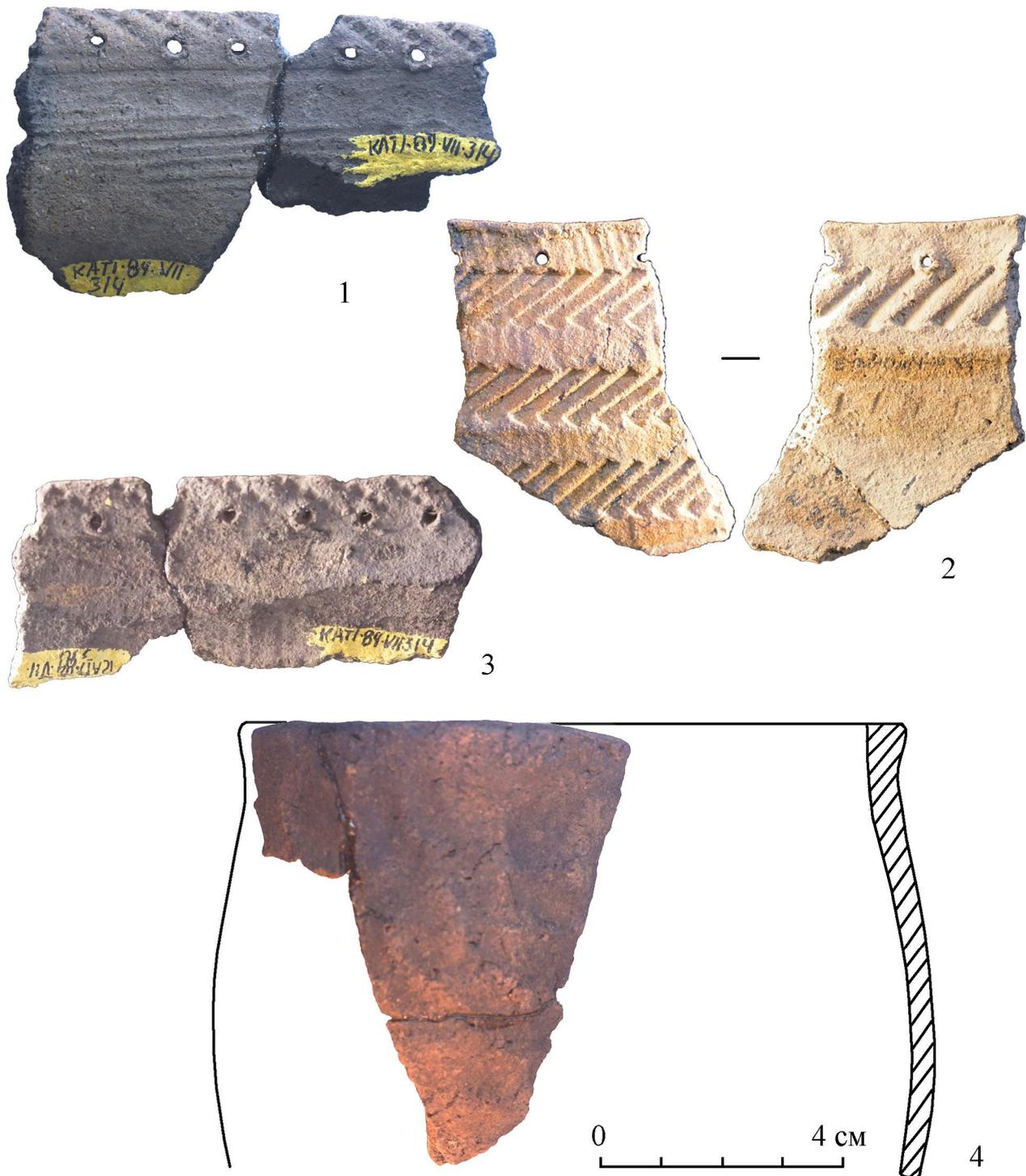

Рис. 5. Технологические следы на керамике: 1 – отпечатки затирания на внутренней поверхности сосуда; 2–3 – отслоение керамики по слям; 4 – отпечатки пальцев, оставленные при формовке сосуда (1, 3–4 – Катунь I; 2 – Окуневая IV)

Fig. 5. Technological traces on ceramics: 1 – rubbing prints on the inner surface of the vessel; 2–3 – detachment of ceramics by applications; 4 – fingerprints left when the vessel was molded (1, 3–4 – Katun I; 2 – Okunevaya IV)

Фрагмент венчика с оттисками мелкочаеистой сетки – от сосуда простой закрытой формы. На его внутренней поверхности отмечены оттиски сетчатой основы, на которой, вероятно, формовался сосуд. Вдоль венчика проходит поясок отверстий. Гладкостенный сосуд – без орнамента (рис. 5.4). На его внешней и внутренней поверхности отмечены оттиски пальцев (следы, полученные в результате лепки сосуда). Диаметр сосуда по венчику – 10 см. Толщина венчика и стенок 5 мм.

В VI слое обнаружено 233 фрагмента керамики от 7 сосудов. Преобладает керамика посольского типа (5 экз.). Вся она с внешним утолщением венчика (рис. 2.3–4). Поверхность сосудов гладкая или покрыта штриховыми оттисками (выколачивание с помощью рубчатой лопаточки). На внутренней поверхности ряда сосудов отмечен нагар. В изломе черепки преимущественно одноцветные (от темно-коричневого до черного). Вся керамика тонкостенная. Толщина стенок 3–4 мм, по срезу венчика 3–5 мм, по утолщению венчика от 6 до 11 мм. Преобладают сосуды сложной закрытой формы; диаметр одного сосуда по венчику 29 см. Один сосуд – простой закрытой формы, диаметром 29 см. Фрагменты дна не зафиксированы.

Орнамент покрывает верхнюю часть тулова и поверхности венчика. Композиция состоит из горизонтальных рядов (2 сосуда), сочетания горизонтальных и коротких вертикальных (1 сосуд) или наклонных (2 сосуда) линий. Орнамент нанесен зубчатым (рис. 2.3), прямоугольным (рис. 2.4), арочным штампом и прочерченными линиями. Вдоль края венчика всех сосудов нанесен поясок мелких отверстий. На 2 сосудах он проходит по полосе, выполненной штамповыми вдавлениями подтреугольной формы. В двух случаях по внутренней поверхности венчика нанесены наклонные прочерченные линии.

В слое кроме керамики посольского типа отмечены: фрагмент шнуровой керамики, украшенный горизонтальными рядами прочерченных линий и фрагмент сосуда с оттисками бессистемной сетки–плетенки.

Многослойная стоянка Окуневая IV

Находится в бухте Перевальная, в 1,4 км к ЮЗ от мыса Курбулик (западное побережье Чивыркуйского залива). Местонахождение обнаружено Северо–Байкальской археологической экспедицией Бурятского филиала ВГО (В.В. Свинин) в 1965 г. Шурфовочные работы проведены Баргузинским отрядом БКАЭ ИГУ (Ю.П. Лыхин, О.И. Горюнова) в 1981 г. В результате выявлена многослойность объекта, нижний из которых (IV культурный слой) содержал комплекс с посольской керамикой.

В комплексе IV слоя зафиксировано 132 фрагмента керамики от 5 сосудов. Из них два сосуда посольского типа. Один из них – с утолщением венчика с внутренней стороны (рис. 5.2), второй – с внешней (рис. 4.1). Внешняя поверхность сосудов покрыта штриховыми оттисками (выколачивание с помощью рубчатой лопаточки). Расположение штрихов – вертикальное по отношению к срезу венчика. На сосуде с внешним утолщением венчика отмечено отслоение налета от стенки изделия (рис. 4.1). В месте отслоения зафиксированы штриховые оттиски, которые свидетельствуют о последовательности выколачивания стенок сосуда и утолщения венчика налетом. Керамика тонкостенная. Толщина стенок 3–4 мм, по утолщению венчика от 9 до 11 мм. Сосуд с внешним утолщением венчика – сложной закрытой формы; его диаметр 23 см. Сосуд с внутренним утолщением – простой закрытой формы. Фрагменты дна не зафиксированы.

Вся керамика посольского типа – орнаментированная. Узор располагался в верхней части сосуда. На посуде с внутренним утолщением венчика орнамент покрывал и его внутреннюю поверхность (рис. 5.2). По тулову он украшен горизонтальными рядами, выполненными наклонными оттисками прямоугольного штампа. Сосуд с внешним утолщением венчика оформлен по его поверхности наклонными рядами оттисков зубчатой отступающей лопаточки (рис. 4.1). Тулово украшено четырьмя горизонтальными рядами, ниже которых расположены построения из горизонтальных коротких линий. Весь узор выполнен оттисками зубчатой от-

ступающей лопаточки. Вдоль края всех венчиков проходит поясок отверстий.

В комплексе зафиксированы фрагменты от двух гладкостенных сосудов. Один из них – сложной, закрытой формы, без орнамента. На его внешней и внутренней поверхностях отмечены оттиски пальцев (следы, полученные в результате лепки сосуда). На внутренней поверхности его околодонной части зафиксированы признаки лоскутного налета (расслоение керамики по линии спаев). Диаметр венчика 6,5 см, наибольший диаметр тулова 8 см. Толщина стенок 3–4 мм. Фрагменты от второго гладкостенного сосуда – с отогнутым венчиком. Вдоль его края проходит поясок отверстий. Толщина стенок 4–5 мм.

Среди находок отмечено 35 фрагментов керамики с оттисками тонкого шнура, без орнамента.

Местонахождение Окунева III

Объект расположен в бухте Осиновая (к ЮЗ от бухты Перевальная). Пункт обнаружен Северо-Байкальской археологической экспедицией Бурятского филиала ВГО (В.В. Свинин) в 1965 г. Шурфовочные работы проведены Восточно-Байкальским отрядом БКАЭ ИГУ (Ю.П. Лыхин) в 1983 г. В шурфе № 4 в компрессионном культурном слое был зафиксирован фрагмент сосуда посольского типа с внешним утолщением венчика (рис. 2.2). Керамика гладкостенная, от сосуда сложной, закрытой формы. Толщина стенок сосуда – 6 мм, по утолщению венчика – 13 мм. Внутренний и внешний края венчика, а также поверхность налета украшены наклонными оттисками зубчатого штампа. Над налетом проходит поясок отверстий. Тулово орнаментировано горизонтальными рядами, выполненными отступающей лопаточкой с треугольным концом.

Местонахождение Большой Чивыркуй

Представляет собой дюнную стоянку, расположенную вдоль побережья Чивыркуйского залива (восточный берег), в 0,5 км к ЮВ от устья р. Большой Чивыркуй. Сборы подъемного материала проведены Северо-Байкальской археологической экспедицией Бурятского филиала ВГО (В.В. Свинин) в

1965 г. В числе находок зафиксирован венчик от сосуда посольского типа (Свинин, 1966⁴. С. 21, 113. Рис. 72). Фрагмент с внешним утолщением венчика орнаментирован по налету перекрестными прочерченными линиями. Тулово украшено горизонтальными рядами, выполненными отступающей лопаточкой с треугольным концом. Над утолщением венчика проходит поясок отверстий.

Обсуждение материалов и заключение

В основу исследований керамики посольского типа с побережья Чивыркуйского залива озера Байкал положены материалы комплексов двух стратифицированных многослойных объектов: Катунь I (VII и VI культурные слои) и Окунева IV (IV слой), а так же использованы материалы с местонахождений Окунева III и Большой Чивыркуй. Морфологический анализ посольской керамики осуществлялся с помощью бинокулярного микроскопа. Были изучены фрагменты венчиков и стенок от 35 сосудов (740 фрагментов). В ряде случаев сохранность керамики не позволяет дать полную характеристику конструирования и морфологии сосудов, так как преобладают разрозненные фрагменты венчиков и стенок.

Для керамики посольского типа побережья Чивыркуйского залива характерны два варианта: с утолщением венчика налетом с внешней стороны (19 сосудов) и с утолщением венчика с внутренней его стороны (7 сосудов). В единственном случае (VII слой Катунь I) отмечен сосуд без характерных утолщений венчика, но по всем остальным признакам соответствующий керамике этого типа.

Сосуды с утолщением венчика налетом с внешней стороны являются основополагающими для керамики посольского типа всего юга Байкальской Сибири (Синицына, 1985; Савельев, Горюнова,

⁴ Свинин В.В. Отчет о полевых исследованиях Северо-Байкальской археологической экспедиции Бурятского филиала ВГО летом 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3207. 146 л. Иркутск, 1966.

Svinin V.V. Report on field studies of the North-Baikal archaeological expedition of the Buryat branch Eastern Geographical Society in the summer of 1965. Archive of the IA AS USSR. Irkutsk, 1966.

Генералов, 1974; Савельев, 1989⁵; Савельев, Тетенькин, Игумнова, Абдулов, Инешин, Осадчий, Ветров, Клементьев, Мамонтов, Орлова, Шибанова, 2001; Ветров, 2011; Макаров, 2012; Угольников, Угольников, 2001). Второй вариант был выделен и описан О.И. Горюновой на материалах IX слоя стоянки Улан-Хада (Горюнова, 1984⁶; Горюнова, 2016). Такая керамика известна и в материалах Посольской стоянки, исследованной Е.А. Хамзиной на восточном побережье Байкала, и в комплексах устьемурченокской культуры на верхнем Витиме в Забайкалье (Ивашина, 1979; Хамзина, Ярославцева, 2000; Ветров, 2011). Вероятно, подобное оформление венчика на керамике посольского типа является региональной особенностью, характерной для побережья Байкала и Забайкалья. В дальнейшем предстоит уточнить территориальное распространение этого варианта керамики посольского типа.

Сравнительный анализ керамики посольского типа в двух ее вариантах: с налепным валиком вдоль венчика с внешней стороны и с внутренним утолщением показал, что, вероятно, вся посуда конструировалась с использованием зонального лоскутного наклепа. Признаки его использования (многослойная структура черепка и расслоение емкостей по горизонтальным разломам на широкие кольца) отмечены на фрагментах от трех сосудов VII слоя Катунь I. При формовке изделий применялось выбивание стенок с помощью специальных колотушек-лопаточек. В пользу этого положения свидетельствуют: тонкостенность сосудов (толщина 3–5 мм) и плотность черепков. Использовались колотушки с гладкой и резной-рубчатой

(т. н. штриховой) поверхностью. Употребление разных видов колотушек-лопаточек при выбивании посольской керамики впервые отмечено Л.П. Хлобыстиным на материалах Улан-Хады в 60–е годы прошлого столетия (Хлобыстин, 1964. С. 29). На двух сосудах с внешним утолщением венчика (VII слой Катунь I и IV слой Окуневой IV) отмечено отслоение наклепа от стенки изделия. В месте расслоения спаев зафиксированы штриховые оттиски (как и на поверхности сосудов), которые свидетельствуют о последовательности выколачивания стенок и утолщения венчика наклепом. Впервые подобное наблюдение было отмечено на материалах посольской керамики стоянки Генералова в северном Приангарье (Бердников, Уланов, Соколова, 2017. С. 285).

Отличия между двумя вариантами посольской керамики заключаются в наличии или отсутствии утолщения с той или иной стороны и форме сосудов. Сосуды с внешним утолщением – сложной закрытой формы, а с внутренним – простой закрытой формы. Фрагменты дна не зафиксированы, поэтому судить о полной форме сосудов не представляется возможным. Диаметры сосудов по венчику примерно одинаковые (в пределах 21–31 см), что позволяет предположить и одинаковые размеры посуды.

Вся исследованная керамика посольского типа с побережья Чивыркуйского залива – орнаментированная. По композиции, мотивам орнамента, технике нанесения узора и используемых штампов – оба варианта посольской керамики аналогичны между собой. Тем не менее отмечено, что на сосудах с внешним утолщением преобладает использование при орнаментации зубчатого штампа (13 из 19 сосудов), а на сосудах с внутренним утолщением – прямоугольного (6 из 7 сосудов). В 4 случаях отмечено использование лопаточек с подтреугольным (3 экз.) и арочным концом; техника орнаментации – отступление. На одном сосуде орнамент тулова выполнен прочерченными горизонтальными линиями.

В стратифицированных комплексах с посольской керамикой на стоянках Чивыркуйского залива зафиксированы в небольшом количестве фрагмен-

⁵ Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири, история основных идей и современное состояние проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с. Saveliev N. A. The Neolithic of the South of Middle Siberia (history of the basic ideas and current state of the problem): Thesis of the dis. ... Cand. of Sciences (History). Novosibirsk, 1989. 25 p.

⁶ Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

Goriunova O.I. Multilayered settlement of the Small Sea and Olkhon Island: Thesis of the dis. ... Cand. of Sciences (History). Novosibirsk, 1984. 17 p.

ты от сосудов с оттисками сетки-плетенки, шнура и с гладкой поверхностью без орнамента. Подобное сочетание встречается и на других стратифицированных объектах с посольской керамикой побережья Байкала: V верхний слой стоянки Саган-Заба II, III слой Итырхей (Долганов, Горюнова, Новиков, Вебер, 2013). Она выступает в роли сопровождающего компонента на протяжении всего неолита Прибайкалья.

Проведенное исследование керамики посольского типа с поселений Чивыркуйского залива озера Байкал показало, с одной стороны, ее морфотипологическую близость (по характерным, устойчивым признакам) с подобной керамикой Прибайкалья и Забайкалья в целом (Ветров, 2011; Бердников, Соколова, Уланов, Роговской, 2016; Бердников, Уланов, Соколова, 2017). Отмечен высокий уровень стандартизации сосудов, свидетельствующий об единых традициях, выражающихся в технике изготовления, формах и орнаментации. С другой стороны, наметились некоторые региональные отличия. В их числе: утолщение венчика на лепом с внутренней стороны изделия; в орнаментации сосудов – преобладание зубчатых штампов; преимущественная техника нанесения узора – штамповые вдавления. Дальнейшие исследования и территориальные сравнения посольской керамики позволят уточнить и обосновать высказанные предположения.

Для стратифицированных комплексов Прибайкалья с посольской керамикой в настоящее время имеется несколько надежных радиоуглеродных определений. Дата, полученная для III слоя Итырхей, – 5758±32 (OxA-34594) л. н., что соответствует интервалу 6650–6480 кал. л. н.; серия опре-

делений по V верхнему слою Саган-Забы II – 6750–6310 кал. л. н. (Горюнова, Новиков, 2018. С. 101–102). С этими данными согласуется и дата по V слою Горелого Леса (Южное Приангарье) – 5670±32 (OxA-20574) л. н. или 6539–6353 кал. л. н. (Losey et al., 2017. P. 37). В целом, радиоуглеродные AMS-даты по комплексам Прибайкалья с посольской керамикой в пределах 6750–6310 кал. л. н. В настоящее время наиболее древние даты по комплексам с посольской керамикой получены по объектам Красноярско-Канской лесостепи: слой 11 Г Пещеры Еленева, слой VII А Казачки (Макаров, 2012). На основе стратиграфического положения и радиоуглеродных (некалиброванных) определений эти комплексы отнесены к раннему неолиту в рамках 6,9 (7,0)–6,4 тыс. л. н. В Забайкалье комплексы с посольской керамикой, выделенные в усть-юмурченскую культуру, радиоуглеродных определений, к сожалению, не имеют (Ветров, 2011).

Опираясь на хронологию комплексов с посольской керамикой и их место в культурно-хронологических периодизациях отдельных районов, можно предположить, что носители этой традиции в течение неолита постепенно перемещались с запада на восток. Отмечено, что на востоке ареала ее распространения при орнаментации сосудов преобладала техника штампования (на сосудах усть-юмурченской культуры практически нет узоров, нанесенных техникой отступающей лопаточки), в то время как на западе – преимущественно отмечена техника отступления. Высказанные предположения носят гипотетический характер и требуют дополнительных исследований (особенно – радиоуглеродного датирования).

Библиографический список

Бердников И.М., Соколова Н.Б., Уланов И.В., Роговской Е.О. Некоторые аспекты технологических традиций в гончарстве западной части Байкальской Сибири // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2016. Вып. 5. С. 172–179.

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-

References

Berdnikov I.M., Sokolova N.B., Ulanov I.V., Rogovskoi E.O. 2016. Some aspects of technological traditions in the pottery of the western part of Baikal Siberia. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 5. Pp. 172–179. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Ulanov I.V., Sokolova N.B. 2017. Neolithic pottery of the Baikal-Yenisei Siberia: technological traditions in the territorial and chronological context. Stra-

хронологическом контексте // *Stratum plus*, 2017. № 2. С. 275–300.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: Усть-Юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л. н.) // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 34–41.

Горюнова О.И. Керамический комплекс IX культурного слоя поселения Улан-Хада на Байкале (культурно-хронологическая принадлежность и датировка) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*, 2016. Т. XXII. С. 47–50.

Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники п-ова Святой Нос: (оз. Байкал) // *Древнее Забайкалье и его культурные связи*, Новосибирск: Наука, 1985. С. 130–147.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // *Вестник Томского государственного университета. Сер. История*. 2018. № 51. С. 98–107.

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя георхеологического объекта Саган-Заба II // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология*, 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 125–132.

Зубков В.С. Неолит Верхней Лены // *Проблемы археологии и этнографии Сибири*, Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1982. С. 73–75.

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 157 с.

Коршунов Е.О. Многослойная стоянка «Падь Долгая II» на южном Байкале // *Истоки формирования и развитие Евразийской палеокультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности*, Иркутск: Радян, 2005. С. 120–122.

Макаров Н.П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*, Улан-Батор: Изд-во Монгольского государственного университета, 2012. Вып. 3. Ч. 1. С. 67–72.

Мархаева Д.А. Комплексы с керамикой посольского типа многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив озера Байкал) // *Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и*

tum plus. No. 2. Pp. 275–300. (In Russ.)

Vetrov V.M. 2011. Archeology of the Vitim Plateau: Ust-Yumurchenskaya culture (5–4, 6–3,5 thousand BP). *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Iss. 2. Pp. 34–41. (In Russ.)

Goriunova O.I. 2016. Ceramic complex of the IX cultural layer of the settlement of Ulan-Khada on Lake Baikal (cultural – chronological identity and dating). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. XXII. Pp. 47–50. (In Russ.)

Goriunova O.I., Lykhin Yu.P. 1985. Archaeological sites of Holy Nose Peninsula (Lake Baikal). *Drevnee Zabaikalie i ego kulturnye svyazi* [The ancient Transbaikalia and its cultural contacts]. Novosibirsk: Nauka. Pp. 130–147. (In Russ.)

Goriunova O.I., Novikov A.G. 2018. Radiocarbon dating of ceramic complexes from the Neolithic settlements of the Baikal coast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. Tomsk. No. 51. Pp. 98–107. (In Russ.)

Dolganov V.A., Goriunova O.I., Novikov A.G., Weber A.W. 2013. Complexes with Posolsk-type ceramics in the Neolithic of the Baikal region: based on materials from the V upper layer of the georcheological object Sagan-Zaba II. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. History. Philology]. Novosibirsk. Vol. 12. Iss. 7. Pp. 125–132. (In Russ.)

Zubkov V.S. 1982. Neolithic of Upper Lena. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri* [Problems of archeology and ethnography of Siberia]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 73–75. (In Russ.)

Ivashina L.G. 1979. Neolithic and Eneolithic of the forest-steppe zone of Buryatia. Novosibirsk: Nauka. 157 p. (In Russ.)

Korshunov E. O. 2005. A multilayered site Pad Dolgaya II in the South Baikal. *Istoki, formirovanie i razvitie evraziiskoi polikulturalnosti. Kultury i obshchestva Severnoi Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti* [The origins, formation and development of the Eurasian polycultures. Culture and society of Northern Asia in historical past and modernity]. Irkutsk: Radian. Pp. 120–122. (In Russ.)

Makarov N.P. 2012. Posolsk-type ceramics in Baikal and Central Siberia. *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulaanbaatar: Izd-vo Mongol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 3. Pt. 1. Pp. 67–72. (In Russ.)

Markhaeva D.A. 2019. Complexes with ceramics of the Posolsk type of the multi-layer settlement Katun I (Chivyrkuisky Bay of Lake Baikal). *Materialy LIX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molo-*

молодых ученых, Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 72–73.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес: (Предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири, Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1974. Вып. 1. С. 160–199.

Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Кlementiev А.М., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В. Многослойный геoarхеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения, Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 338–347.

Синицына Г.В. Неолитическая керамика поселения Нижнесередино на Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек Сибири, Новосибирск: Наука, 1985. С. 35–47.

Угольников Ю.Н., Угольникова В.С. Древности Тункинской котловины, Кемерово: Сириус, 2001. 226 с.

Хамзина Е.А., Ярославцева Л.Г. Посольская стоянка (по материалам раскопок Е.А. Хамзиной, 1959 г.) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Археология. Этнология, Улан-Удэ, 2000. С. 64–68.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 25–32.

Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 153. С. 93–99.

Losey R.J., Fleming L., Nomokonova T., Bazaliiskii V.I., Klementiev A.M., Saveliev N.A. Angara–Southwest Baikal // Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal /Eds. R.J. Losey, T. Nomokonova, 2017. Ch. 3. P. 27–51.

Сведения об авторах

Горюнова Ольга Ивановна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион», Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: as122@yandex.ru

Мархаева Дарима Андреевна,

студентка, исторический факультет, Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1,

dykh uchenykh [Materials LIX Russian Archeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Blagoveshchensk: Izd-vo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Pp. 72–73. (In Russ.)

Saveliev N.A., Goriunova O.I., Generalov A.G. 1974. Excavations of the multilayered site Gorelyi Les: (Preliminary report). *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri* [The ancient history of the peoples of the south of Eastern Siberia]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss.1. Pp. 160–199. (In Russ.)

Saveliev N.A., Tetenkin A.V., Igumnova E.S., Abdulov T.A., Ineshin E.M., Osadchii S.S., Vetrov V.M., Klementiev A.M., Mamontov M.A., Orlova L.A., Shibanova I.V. 2001. Multilayered geoarchaeological object Ust-Khaita (preliminary data). *Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya* [Current problems in the Eurasian Paleolithic]. Novosibirsk: IAET SB RAS. Pp. 338–347. (In Russ.)

Sinitsyna G.V. 1985. Neolithic ceramics of the settlement of Nizhneseredkino on the Angara. *Arkheologicheskiye issledovaniya v rayonakh novostroyek Sibiri* [Archaeological research in the areas of new buildings of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. Pp. 35–47. (In Russ.)

Ugolnikov Yu.N., Ugolnikova V.S. 2001. The Antiquities of the Tunka Basin. Kemerovo: Sirius. 226 p. (In Russ.)

Khamzina E.A., Yaroslavtseva L.G. 2000. Posol'skaya site (based on the excavations of E.A. Khamzina, 1959). *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsiy Tsentral'noy Azii. Arkheologiya. Etnologiya* [Problems of history and culture of nomadic civilizations of Central Asia. Archeology. Ethnology]. Ulan-Ude. Pp. 64–68. (In Russ.)

Khlobystin L.P. 1964. The multilayered settlement of Ulan-Khada on Lake Baikal. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology]. Iss. 97. Pp. 25–32. (In Russ.)

Khlobystin L.P. 1978. Age and ratio of Neolithic cultures of Eastern Siberia. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology]. Iss. 153. Pp. 93–99. (In Russ.)

Losey R.J., Fleming L., Nomokonova T., Bazaliiskii V.I., Klementiev A.M., Saveliev N.A. Angara–Southwest Baikal // Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal /Eds. R.J. Losey, T. Nomokonova, 2017. Ch. 3. P. 27–51.

Information about the authors

Olga I. Goriunova,

Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Scientific Researcher Center «Baikal region», Irkutsk State University, 1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation, e-mail: as122@yandex.ru

Darima A. Markhaeva,

student, Faculty of History, Irkutsk State University, 1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,

e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

Новиков Алексей Геннадьевич,

кандидат исторических наук, научный сотрудник, НИЦ «Байкальский регион», доцент кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: as122@yandex.ru

Критерии авторства

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков выполнили исследовательскую работу. О.И. Горюнова, Д.А. Мархаева, А.Г. Новиков провели технико-морфологический анализ керамики, подготовили рукопись к печати. Имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

Alexey G. Novikov,

Cand. Sci. (History), Researcher, Scientific Researcher Center «Baikal region», associate Professor of the Department of world history and international relations, Irkutsk State University, 1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation, e-mail: as122@yandex.ru

Attribution criteria

O.I. Goriunova and A.G. Novikov carried out the research work. O.I. Goriunova, D.A. Markhaeva and A.G. Novikov jointly carried out a technical and morphological analysis of ceramics and prepared the publication for printing. They have copyright to the article and are fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 903.5

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-62-83>

Ритуальные сооружения мунх-хайрханской культуры на могильнике Маральское 2 в горах Западного Саяна

© Н.А. Боковенко^a, А.А. Ковалев^b

^a Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, г. С.-Петербург, Россия

^b Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация: В статье приведены данные о ритуальных памятниках мунх-хайрханской культуры (XVIII (XIX)–XIV вв. до н. э.), обнаруженных наряду с мунх-хайрханскими курганами в ходе раскопок могильника Маральское 2 (Ермаковский район Красноярского края). Ритуальные конструкции, сопровождающие мунх-хайрханские курганы на могильнике Маральское 2, соответствуют по форме ранее исследованным на территории Монголии и России сооружениям мунх-хайрханской и монгун-тайгинской культур. Они представляют собой каждая внешний контур, образованный невысокими каменными столбиками, и каменный ящик, прилегающий к одной из сторон внешнего контура. На памятнике Маральское 2 обнаружены оградки не только прямоугольных очертаний, но и округлые сооружения, в которых ящик-платформа имеет сегментовидные очертания, соприкасаясь по касательной с внешним кольцом своей дугообразной стороной. Графическая фиксация ритуальных сооружений могильника Маральское 2 позволила выявить ряд композиционно и астрономически значимых направлений, заложенных в архитектуре этих памятников, как и в архитектуре ранее исследованной аналогичной округлой ритуальной конструкции, обнаруженной в 2007 году при раскопках мунх-хайрханского могильника Хух хушооны бом в Завхан аймаке Монголии. В том числе выявлены направления не только по сторонам света, но и на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния. Древнейшая кольцевая ритуальная конструкция с выделенным внутренним малым кругом, примыкающим к внешнему кольцевому контуру, входит в состав выдающегося ритуально-погребального комплекса Нюхэлян (уезд Линъюань, провинция Ляонин, Китай), относящегося к неолитической культуре Хуншань (сооружение N5SZ1, конец 4-го тыс. до н. э.). Эта находка свидетельствует о глубокой древности ритуальных традиций мунх-хайрханской культуры, уходящих корнями в неолитическое прошлое народов Восточной Азии.

Ключевые слова: Западный Саян, Монголия, Китай, Тува, Алтай, мунх-хайрханская культура, культура Хуншань, монгун-тайгинская культура, неолит, бронзовый век, ритуальные сооружения, древняя астрономия

Благодарности: Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственной работы: № 0184-2018-0009. Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (4-е тыс. до н. э. – 1-е тыс. до н. э.).

Информация о статье: Дата поступления 12 марта 2019 г.; дата принятия к печати 8 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Боковенко Н.А., Ковалев А.А. Ритуальные сооружения мунх-хайрханской культуры на могильнике Маральское 2 в горах Западного Саяна // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 62–83. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-62-83

Ritual structures of Munkh-Khairkhan culture in Maral'skoe 2 burial ground situated in western Sayan mountains

© Nikolay A. Bokovenko^a, Alexey A. Kovalev^b

^a Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg. Russian Federation

^b Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract: The article presents data on the ritual structures of Munkh-Khairkhan culture (18(19)–14 cent. BCE) discovered together with burial structures of same culture in the Maral'skoye 2 burial site (Yermakovsky district of the Krasnoyarsk Krai). The ritual structures accompanying Munkh-Khairkhan culture burial mounds at the Maral'skoye 2 burial ground, as well as those previously studied in Mongolia, represent each outer contour formed by low stone pillars in which a small stone box is installed with sides made of small stone slabs; the box inside was laid with stones forming a platform. In case the outer contour is rectangular, then the inner box also has rectangular outlines, touching the long side with the outer contour side. If the outer contour is round, then the box has segmented shapes, touching on a tangent with the outer ring with its arcuate side. The graphic fixation of the ritual structures of the Maral'skoye 2 burial site made it possible to identify a number of compositionally and astronomically significant directions laid down in the architecture of the monuments. Directions were revealed not only to the cardinal points, but also to the point of sunrise at the summer solstice. The oldest ring ritual construction with an inner small circle adjacent to the outer ring contour was excavated in the Niuheiliang ritual and burial complex (Lingyuan county, Liaoning Province, China) belonging to the Hongshan Neolithic culture (N5SZ1 structure, end 4th mill. BCE). It is evidence of the deep antiquity of the ritual traditions of the Munkh-Khairkhan culture, rooted in the Neolithic past of the peoples of East Asia.

Keywords: Western Sayan, Mongolia, China, Tuva, Munkh-Khairkhan culture, Hongshan culture, Mongun-Taiga culture, Neolithic, Bronze Age, ritual structures, ancient astronomy

Acknowledgements: The study was conducted as part of the basic research program of the State Academies of Sciences (or FNI GAN) on the topic of state work: No. 0184-2018-0009. The interaction of the ancient cultures of Northern Eurasia and the civilizations of the East in the era of the Paleometal (4th millennium BC – 1st millennium BC).

Article info: Received March 12, 2019; accepted for publication April 8, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Bokovenko N.A., Kovalev A.A. 2019. Ritual structures of Munkh-Khairkhan culture in Maral'skoe 2 burial ground situated in western Sayan mountains. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 62–83. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-62-83

В 2012–2014 годах в ходе спасательных археологических полевых работ в зоне проектируемого строительства железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино, проводимых отрядом Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством Н.А. Боковенко на могильнике Маральское 2 в верхнем течении реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) (Александров, Боковенко, Лазаретов, Поляков, 2013; Александров, Боковенко, Городилов и др., 2015), были исследованы ритуальные сооружения, особенности которых указывают на их принадлежность к недавно открытой в Монголии мунх-хайрханской культуре XVIII (XIX)–XIV вв. до н. э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014; Эрдэнэбаатар, 2016; Ковалев, 2017). Эти сооружения, вероятно, сопровождали расположенные на том же могильном поле погребальные курганы мунх-хайрханской культуры, два из которых были раскопаны в 2014 году (Боковенко, Ковалев, Лазаретов, 2019). Ритуальные конструкции, сопровождающие мунх-хайрханские курганы на терри-

тории Монголии, представляют собою каждая внешний контур, образованный невысокими каменными столбиками, в которые вписан каменный ящичек со сторонами из установленных на ребро каменных плиток; ящичек внутри закладывался камнями, формирующими платформу. В случае если внешний контур прямоугольный, то внутренний ящичек-платформа также имеет прямоугольные очертания, соприкасаясь длинной стороной со стороной внешнего контура. Если внешний контур круглый, то ящичек-платформа имеет сегментовидные очертания, соприкасаясь по касательной с внешним кольцом своей дугообразной стороной (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. Рис. 13–15). Прямоугольные конструкции такого рода сопровождают не только мунх-хайрханские погребальные памятники, но и более поздние курганы монгунтайгинской культуры, а также херексурсы центрально-монгольского типа (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. С. 210–211). Как отмечалось в цитируемой работе, все такие конструкции, планиграфически

связанные с монгун-тайгинскими курганами или центрально-монгольскими херексурами, ориентированы длинной осью в широтном направлении, а мунх-хайрханские сооружения обнаруживают большой разброс ориентировок. Кроме того, только на мунх-хайрханском могильнике Хух хушооны бом 1, расположенном в Баян-Тес сомоне Завханского аймака Монголии, на правом берегу реки Тес-хем (Тесийн гол), в 20 км от тувинской границы, на краю могильного поля наряду с прямоугольными обнаружена кольцевидная оградка этого типа (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. С. 207–210).

Особый тип оградок с внутренними ящичками-платформами, сдвинутыми к одной из сторон оградки, представляют памятники с оформленным «входом» или порталами. Их связь с известными культурами бронзового века еще предстоит установить. Памятники этого типа встречаются на севере Монгольского Алтая и в Горном Алтае (Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004. С. 30–39; Төрбат и др., 2009. С. 175–179), они также открыты и в Туве, в том числе на могильнике Терге-Кежиг 2, Узунтал IV, Барлык II, на излучине Моген-Бурена и у горы Шолде-Тей (Семенов, 1997. С. 29–32. Рис. 49, 50, 52; Семенов, 2018. С. 313–314. Рис. 360). Внешний контур таких сооружений оформлялся каменными столбиками очень редко, гораздо чаще – сплошной кладкой или отдельными валунами, уложенными в линию. Некоторые оградки имеют округлый внешний контур и, соответственно, округлые очертания внутреннего ящичка, примыкающего к внешней окружности (Bourgeois et al., 2017. Fig. 6). Судя по четырем радиоуглеродным датам, полученным по двум раскопанным в Горном Алтае объектам, ритуальные структуры этого типа сооружались в более ранний период – в первой трети 2-го тысячелетия до н. э. (Bourgeois et al., 2017. P. 25).

В случае если оградки с «входами» или порталами являются наиболее ранними из оградок с ящичками-платформами, можно предположить, что рассматриваемая традиция в целом восходит к архитектуре чемурчекских ритуальных оград, сооружавшихся во второй половине 3-го тысячелетия до н. э. (Ковалев, Мунхбаяр, Грушин и др., 2015).

Чемурчекские ограды имеют сплошной внешний контур, ориентированы приблизительно в широтном направлении, имеют выделенные порталы, устраивавшиеся с восточной и западной сторон сооружения, а также выгородки у стенок; в северной половине сооружения нередко устанавливались каменные стелы, огороженные каменной стеночкой (прототип сдвинутого к одной из сторон ограды «ящичка»?). Проявлением чемурчекской традиции на севере Центрально-Азиатского региона является сооружение в Туве таких ритуальных сооружений, как Малиновская ограда (Семенов, 2018. С. 312. Рис. 354) или Красная Горка 15/10 (Лазаретов, Поляков, 2018), при раскопках которых обнаружена керамика окуневского облика; эти памятники можно отнести к концу 3-го тысячелетия до н. э. Прямоугольные ограды с дополнительными конструкциями внутри фиксируются и с востока от окуневских курганов в Хакасии (Поляков, 2014; Поляков, Лазаретов, Есин, 2018. С. 89).

Могильник Маральское 2 находится на правом берегу р. Иджим в 31 км к востоку от с. Верхнеусинское и в 1 км к северо-востоку от п. Маральский. Памятник расположен у подножья горного отрога на его юго-западном склоне – наклонной полке, образованной в результате эрозии скальных выступов, на высоте над уровнем моря 935–960 м. На исследованной в 2011–2014 годах площади могильника, в его центральной части, были открыты, в том числе два погребальных кургана и четыре ритуальных комплекса, которые соответствуют признакам, определенным для сооружений мунх-хайрханской культуры (рис. 1; на плане приведены только сооружения, отнесенные к мунх-хайрханскому кругу памятников). Сооружения выстраиваются в одну линию с востоко-юго-востока на западо-северо-запад. Два ритуальных комплекса (ограды 3А, 3Б и ограда 29) сопровождали каждый из раскопанных погребальных курганов, курганы 13 и 30, располагаясь в 5 метрах к западу от соответствующего кургана. Два комплекса, состоящих каждый из прямоугольной и округлой оград (ограды 5А, 28 и ограды 26, 27), размещались в 25 метрах к западо-северо-западу от указанных памятников и, вероятно, были частью общего архи-

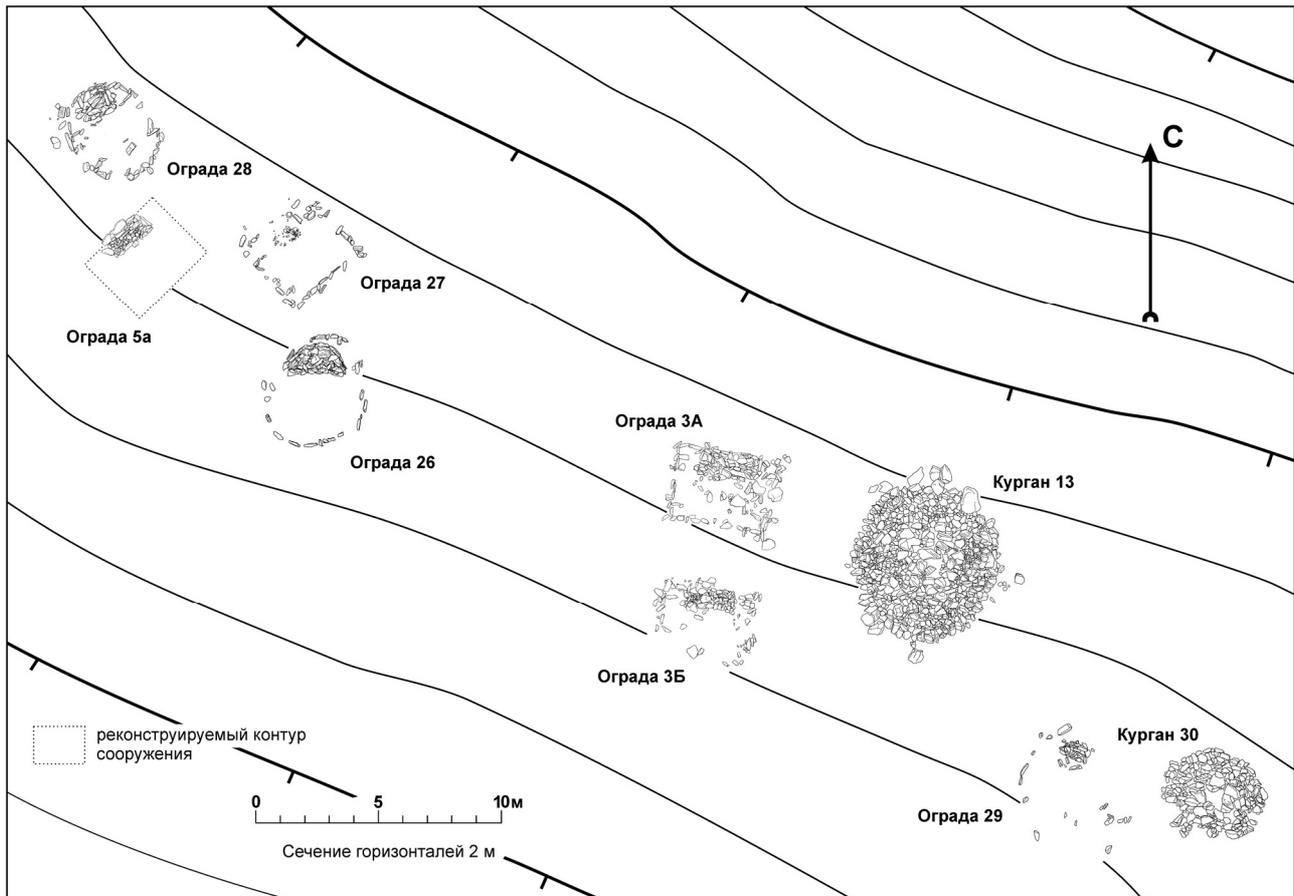

Рис. 1. Общий план расположения погребальных и ритуальных сооружений мунх-хайрханской культуры на исследованной площади могильника Маральское 2

Fig. 1. The general plan of the location of the burial and ritual structures of the Munkh-Khairkhan culture in the investigated area of the Maral'skoe 2 burial ground

тектурного ансамбля погребально-ритуального характера, наподобие исследованного в 2007 году комплекса Хух хушооны бом 1, включавшего три погребальных кургана и расположенные к западу от них – одну круглую и две прямоугольные ограды, а также несколько каменных стел (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. С. 207–210). Выбор юго-западного склона для устройства погребально-ритуального комплекса характерен для мунх-хайрханской культуры: на южном или юго-западном склоне, с уклоном до 30 %, расположены исследованные в Монголии комплексы Галбагийн удзуур 1, Шар говийн эхэн 1, Хух хушооны бом 1 (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. С. 201, 207; Ковалев, Мунхбаяр, 2018. С. 45).

Сооружения Маральское 2/3А, 3Б. Сооружения были выявлены в 5 м к западу от кургана Ма-

ральское 2/13, по конструкции и погребальному обряду соответствующего стандартам мунх-хайрханской культуры. В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН по костям человека из погребения в этом кургане была получена радиоуглеродная дата Le-10597: 3240 ± 130 BP, 1879(95,4 %)1214 calBC (для калибровки использовалась программа "OxCal v4.3.2", калибровочная кривая IntCal13). Памятник представляет собой две параллельные подпрямоугольные ограды, ориентированные длинной осью по линии запад-восток с отклонением в 15 градусов по часовой стрелке (рис. 2–4). Внешний контур каждой из оград был составлен из установленных на ребро каменных плиток, а также каменных столбиков, вкопанных на незначительную глубину (около 10–15 см) от уровня древнего горизонта (уровень древнего горизонта приблизи-

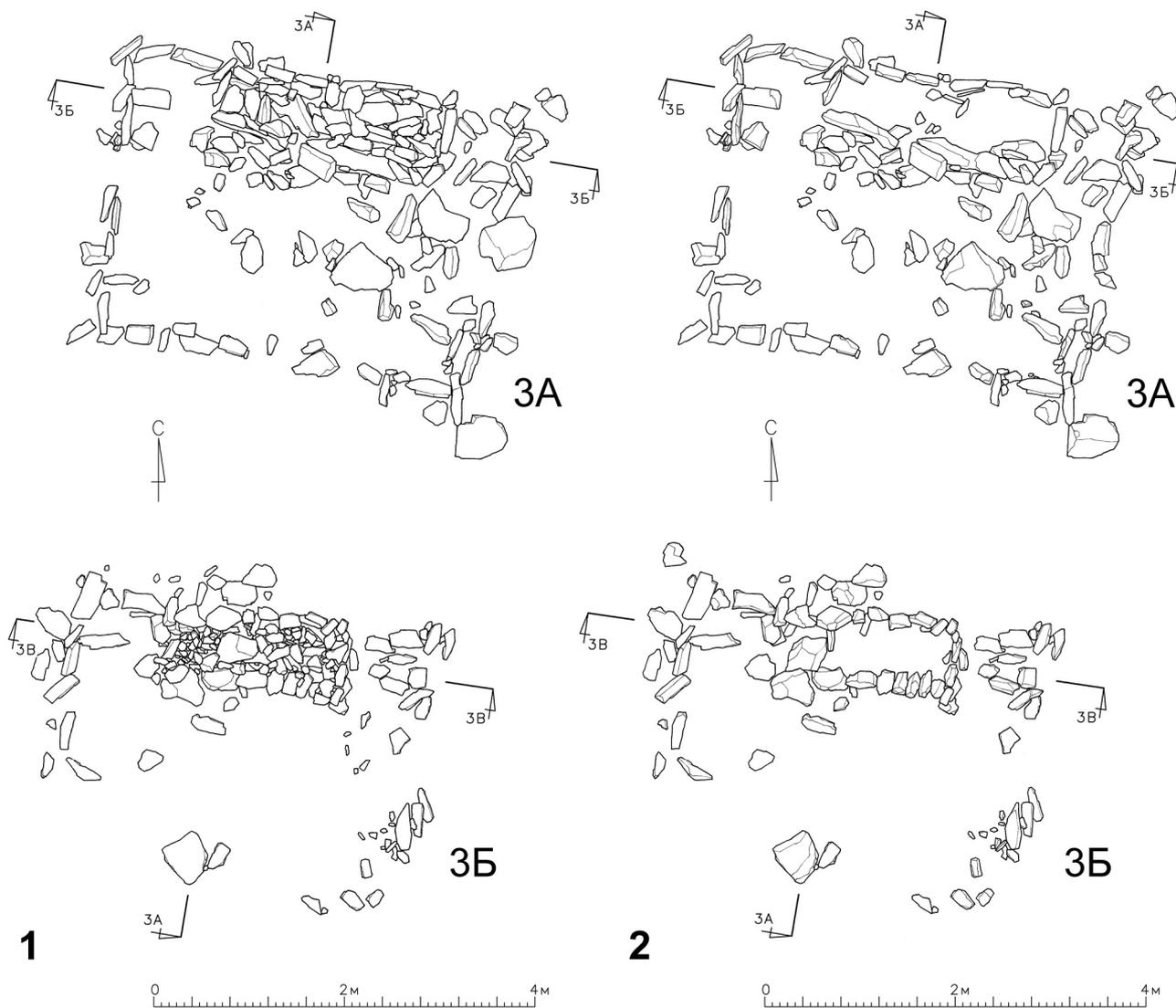

Рис. 2. Ритуальные сооружения Маральское 2/3А, 3Б. Общий план: 1 – первый этап зачистки; 2 – второй этап зачистки
Fig. 2. Ritual structures Maral'skoye 2/3A, 3B. Plan: 1 – first stage of cleaning; 2 – second stage of cleaning

тельно определяется по уровню залегания каменной кладки во внутренних каменных ящиках). Эти камни в основном завалены как на внешнюю, так и на внутреннюю стороны. Размер внешнего контура ограды 3А составляет 4,4 х 3,1 м, ограды 3Б – 3,7 х 2,5 м. К северной стороне каждого из контуров примыкает прямоугольный ящик со стенками из аналогичным образом установленных каменных плиток. Размеры этих ящиков 2,4 х 0,5 м и 1,8 х 0,7 м соответственно. Ящик заполнен каменной кладкой в один слой, устроенной на уровне древнего горизонта. В северной оградке непосредст-

венно у восточного торца выкладки зафиксировано углистое пятно диаметром 25 см, мощностью 2–3 мм, содержащее мелкие фрагменты обожженных костей.

Сооружение Маральское 2/29. Сооружение располагалось в 3,5 м к западу от кургана Маральское 2/30, по конструкции и погребальному обряду соответствующего стандартам мунх-хайрханской культуры. В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН по костям человека из погребения в кургане Маральское 2/30 была получена радиоуглеродная дата Le-10598: 2940±160 BP, 1505(95,4 %) 807 calBC

Рис. 3. Ритуальные сооружения Маральское 2/3А, 3Б. Общий вид с востока
Fig. 3. Ritual structures Maral'skoye 2/3A, 3B. View from the east

Рис. 4. Ритуальное сооружение Маральское 2/3А. Второй этап зачистки. Общий вид с юга
Fig. 4. Ritual structure Maral'skoye 2/3A. View from the south

(для калибровки использовалась программа "OxCal v4.3.2", калибровочная кривая IntCal13). Объект представлял собой остатки разрушенной прямоугольной ограды, ориентированной по линии восток-запад с отклонением в 20 градусов по часовой стрелке (рис. 5, 6). От внешнего контура ограды частично сохранились западная стенка, длиной не менее 3 м, сооруженная из трех каменных плиток, установленных на ребро, и трех каменных столбиков, а также северная стенка, длиной не менее 2,45 м, сооруженная из шести каменных столбиков, отстоящих друг от друга на 20–23 см. Камни внешнего контура были изначально вкопаны в материк на незначительную глубину. Изнутри к северной стенке ограды примыкал прямоугольный каменный ящик изначальными размерами в плане около 1,2 x 0,6 м, устроенный в грунтовой яме глубиной около 35 см от уровня древнего горизонта. Стенки ящика были образованы прилежавшими к стенкам ямы каменными плитками, которые со временем завалились наружу (рис. 7). Западная и восточная стенки представляли собой тождественные плитки неправильной ромбовидной формы размером 40 x 30 x 6 см, установленные на вершину с острым углом. Южная стенка была образована подквадратной плиткой размером 38 x 33 x 4 см. Северная стенка была образована плиткой неправильной трапециевидной формы размером 70 x 20 x 5 см. Пространство внутри ящика было заполнено камнями в 2–3 слоя и мешаной супесью.

Комплекс сооружений Маральское 2/5А, 28.

Состоит из двух ритуальных оград: округлой ограды 28 и располагающейся в одном метре к югу от нее разрушенной ограды 5А (рис. 8, 9).

Ограда 28 представляет собой округлый внешний контур из каменных столбиков и соединяющих их установленных на ребро каменных плиток, в котором с северо-запада выделен сегмент, заполненный в средней части каменной кладкой (рис. 8–10). Северо-западная и юго-восточная половины внешнего контура построены по окружностям диаметром 3,5 м, центры которых отнесены друг от друга примерно на 0,3 м. Итого наибольший поперечный размер сооружения до разрушения составлял 4,1–4,2 м. По внешнему контуру бы-

ли установлены как минимум 14 каменных столбиков напротив друг друга таким образом, чтобы соединяющие их линии проходили через центр северо-западной окружности, которая, очевидно, является базовой (рис. 8). Сегмент выделен двумя примыкающими к внешнему контуру стеночками, составленными из установленной на ребро длинной стороны плитки и каменного столбика каждая. Возможно, что остатки таких же контрфорсов сохранились и в юго-восточной части ограды, однако здесь складывающиеся их камни были перемещены в древности. Вертикальные камни установлены, в том числе, в точках пересечения базовой окружности и ее диаметра, проходящего перпендикулярно хорде, ограничивающей северо-западный сегмент; этот диаметр соответственно делит сегмент на две равные части. Еще один диаметр базовой окружности проходит через каменные столбики с отклонением от истинного севера всего в 2 градуса против часовой стрелки.

Графическая фиксация памятника показывает, что круговая конструкция строилась исходя из направления на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния. Хорда, ограничивающая северо-западный сегмент, ориентирована по азимуту 52,2 градуса. Согласно формуле Ньюкома (Newcomb, 1898. P. 10), склонение эклиптики (ϵ) в 1500 году до н. э. составляло примерно 23,87 градуса. Широта местонахождения Маральское 2 (ф) приблизительно равна 52,25 градуса северной широты. Расчеты по формуле $\cos A = \sin \epsilon : \cos \phi$ показывают, что на ровной местности (и на уровне моря) в 1500 г. до н. э. восход солнца наблюдался бы на этой широте 22 июня в точке с азимутом $A = 48,62$ градуса. Однако могильник Маральское 2 находится на высоте более 900 м над уровнем моря, а в направлении солнечного восхода угловая высота горизонта здесь превышает 10 градусов; в связи с этим появление солнечного диска фиксируется существенно южнее расчетной точки, что и определило, вероятно, величину ошибки древних строителей. Неслучайность данного направления подтверждается тем, что по тому же азимуту 52,2 градуса сориентирован и диаметр базовой окружности, проходящий южнее вышеуказанной хорды через два противо-

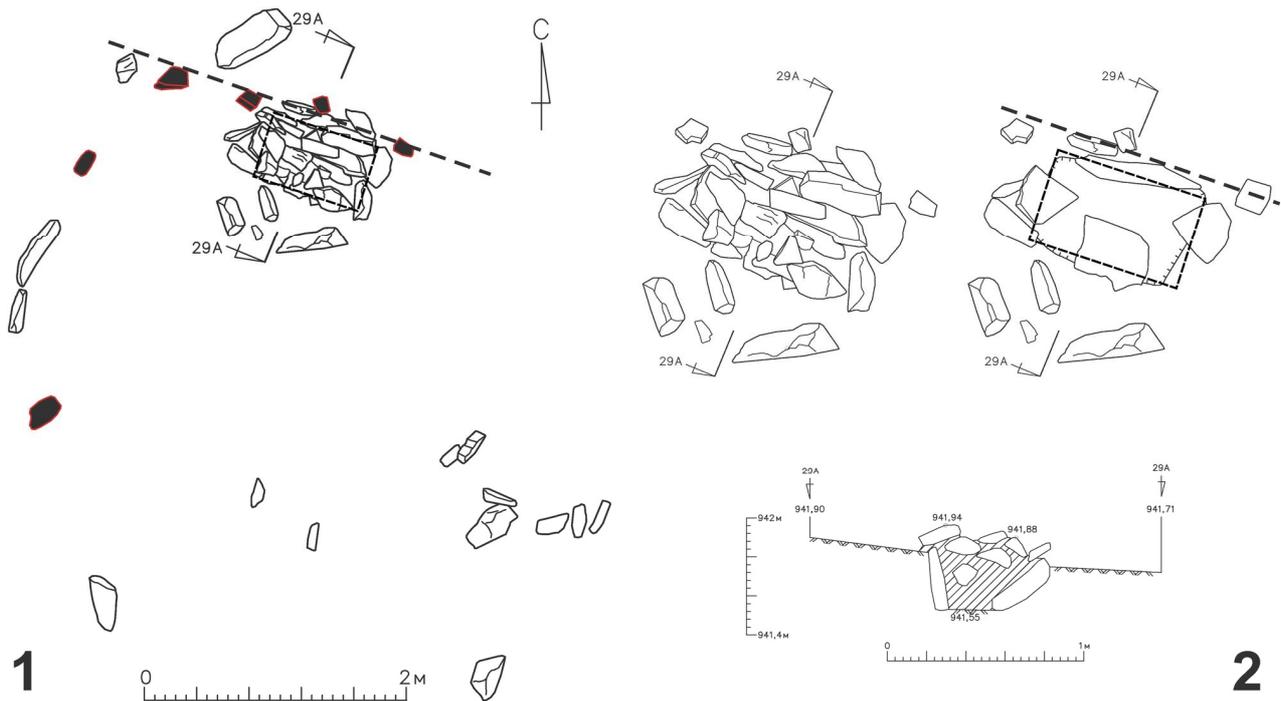

Рис. 5. Ритуальное сооружение Маральское 2/29: 1 – общий план; 2 – планы на двух этапах зачистки и разрез каменного ящичка. Черной заливкой отмечены каменные столбики

Fig. 5. Ritual structure Maral'skoye 2/29: 1 – general plan; 2 – planes of two stages of cleaning. Black filling marks stone pillars

Рис. 6. Ритуальное сооружение Маральское 2/29. Вид с севера

Fig. 6. Ritual structure Maral'skoye 2/29. View from the north

Рис. 7. Ритуальное сооружение Маральское 2/29. Каменный ящик. Второй этап зачистки. Вид с юго-востока
Fig. 7. Ritual structures Maral'skoye 2/29. Stone box. Second stage of cleaning. View from the south-east.

стоящих каменных столбика, а также тем, что с еще более точной ориентацией в том же направлении строилась соседняя ограда 5А (см. ниже).

Каменный ящик, устроенный в выделенном северо-западном сегменте, был сооружен в яме, выкопанной с уровня древней дневной поверхности на глубину 10–15 см (рис. 11). Судя по развалу стенок и каменного заклада, яма имела размеры примерно 1,2 x 1,2 м, подпрямоугольную форму с выпуклой северо-западной стороной. Стенками ящика служили установленные по стенкам ямы уплощенные камни, изначально выступавшие над уровнем древнего горизонта на 20–25 см. Внутри ящик был плотно заложен удлиненными обломками породы в один-два слоя, под которыми прослеживалась материковая засыпка. Камни стенок завалились наружу под давлением каменного заклада.

Ограда 5А была в древности сильно разрушена, сохранилась лишь северо-западная ее часть

(рис. 8, 9, 12). По прошествии времени занесенная делювиальными отложениями ограда оказалась перекрыта бесформенной каменной выкладкой, в центре которой на горизонте была установлена квадратная в сечении каменная стела.

Сохранившаяся часть ограды 5А, открытая после разборки позднейшего сооружения, представляет собой часть стеночки из каменных столбиков, ориентированной примерно по линии юго-запад – северо-восток, к которой с юго-восточной стороны пристроен каменный ящик (рис. 12). Судя по облику аналогичных сооружений, отрезок стеночки из столбиков был частью прямоугольного внешнего контура ограды, наподобие оград 3А, 3Б, а ящик был пристроен к внешнему контуру изнутри. Зачищены четыре каменных столбика, маркирующие стеночку на протяжении 2,5 м. Они были вкопаны на 10–15 см ниже реконструируемого древнего горизонта. Проведенная через основания этих столбиков прямая ориентирована по азимуту

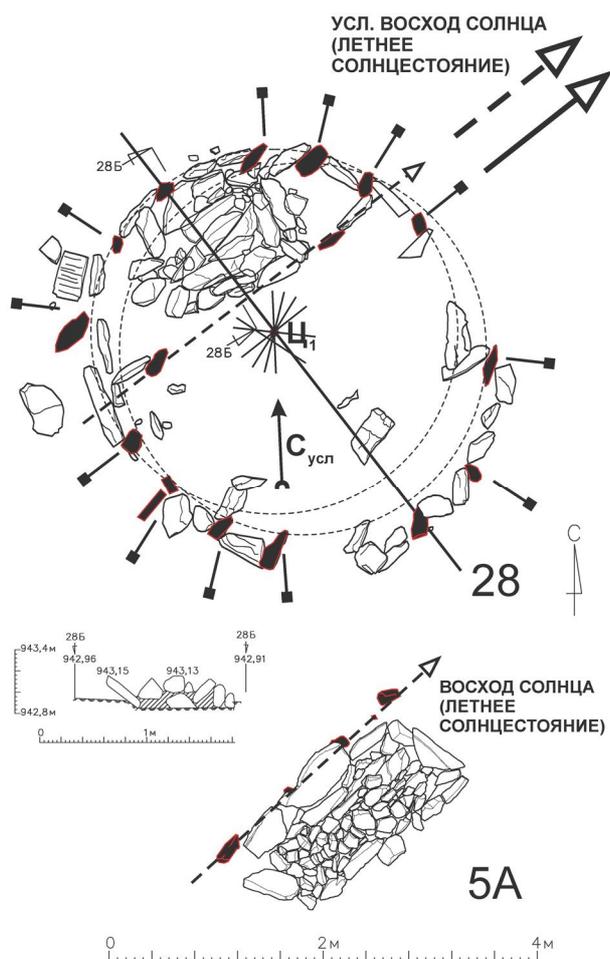

Рис. 8. Комплекс ритуальных сооружений Маральское 2/5А, 28. Общий план. Черной заливкой отмечены каменные столбики, сплошными линиями показаны направления проходящих через них диаметров
Fig. 8. Ritual structures Maral'skoye 2/5A, 28. General plan. Black filling marks stone pillars, solid lines show the directions of diameters passing through them

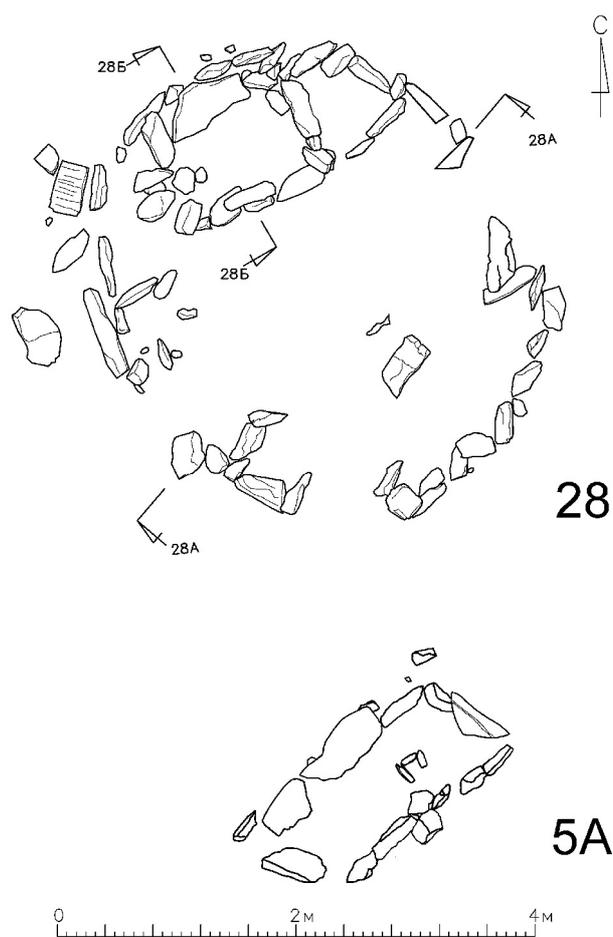

Рис. 9. Комплекс ритуальных сооружений Маральское 2/5А, 28. Второй этап зачистки. Общий план
Fig. 9. Ritual structures Maral'skoye 2/5A, 28. Second stage of cleaning. General plan

47,5 градуса, то есть приблизительно по расчетному азимуту восхода солнца в день летнего солнцестояния в 1500 году до н. э., который составляет, как говорилось выше, 48,62 градуса.

Каменный ящик, был, как и в вышеописанной ограде 28, сооружен в яме, выкопанной с уровня древней дневной поверхности на глубину 10–15 см (рис. 13). Судя по развалу стенок и каменного заклада, яма имела прямоугольную форму, размеры в плане примерно 1,9 x 0,9 м, ориентирована длинной осью по линии внешнего контура, к которой был пристроен ящик. Стенками

ящика служили установленные по стенкам ямы уплощенные камни, изначально выступавшие над уровнем древнего горизонта до 20 см. На дне ямы, по ее длинной оси, был сооружен миниатюрный (размерами в плане 25 x 20 см) ящик из трех плиток кварцита, засыпанный слоем гумусированной супеси. Внутри этого ящика был найден комок охры. Выше были уложены несколько обломков породы в один слой, а затем устроена засыпка обломками ярко-белого кварцита в один слой. Камни стенок завалились наружу под давлением каменного заклада.

Рис. 10. Ограда Маральское 2/28. Вид с юго-запада
Fig. 10. Ritual structure Maral'skoye 2/28. View from the south-west

Рис. 11. Ограда Маральское 2/28. Второй этап зачистки. Каменный ящик. Вид с юго-востока
Fig. 11. Ritual structure Maral'skoye 2/28. Stone box. View from the south-west.

Рис. 12. Ограда Маральское 2/5А. Каменный ящик и часть внешнего контура. Вид с северо-запада. Северо-восточная сторона ящика перекрыта камнями более позднего сооружения

Fig. 12. Ritual structure Maral'skoye 2/5A. Stone box and part of outer contour. View from the north-west. North-east side of box was covered by more later ritual platform

Комплекс сооружений Маральское 2/26, 27. Состоит из двух ритуальных оград: округлой ограды 26 и располагающейся в одном метре к северу от нее прямоугольной ограды 27 (рис. 14, 15). Со временем, занесенные аллювиальными наносами ограды были перекрыты подпрямоугольной каменной выкладкой (рис. 16).

Ограда 26 представляет собой округлый внешний контур из каменных столбиков и соединяющих их установленных на ребро каменных плиток, к которому изнутри в северной части примыкает каменный ящик в форме сегмента круга меньшего диаметра, заполненный каменной кладкой (рис. 16, 17). Внешний контур построен по окружности диаметром 4,3 м. Северная часть внешнего контура сильно разрушена. Сохранился только участок ограды, к которому примыкает внутренний ящик; здесь были установлены два одинарных каменных столбика, а также один «сдвоенный»

(рис. 18). «Сдвоенный» столбик находится приблизительно в точке касания внутреннего сегмента и внешнего контура. Судя по сохранившимся участкам, с южной стороны по внешнему контуру были установлены как минимум 6 каменных столбиков, три из которых являются «противостоящими» для трех сохранившихся столбиков северной части, то есть они расположены таким образом, чтобы соединяющие их линии проходили через центр окружности (рис. 14). Линия, проведенная через «сдвоенный» столбик на северной стороне, через центр внешнего контура и через соответствующий столбик на южной стороне, проходит, как уже было сказано, через точку касания внутреннего сегмента и соответственно делит его примерно пополам, проходя и через центр малой окружности. Эта линия отклоняется от направления север-юг на 4,5 градуса против часовой стрелки. От столбика, установленного на западо-юго-западной стороне

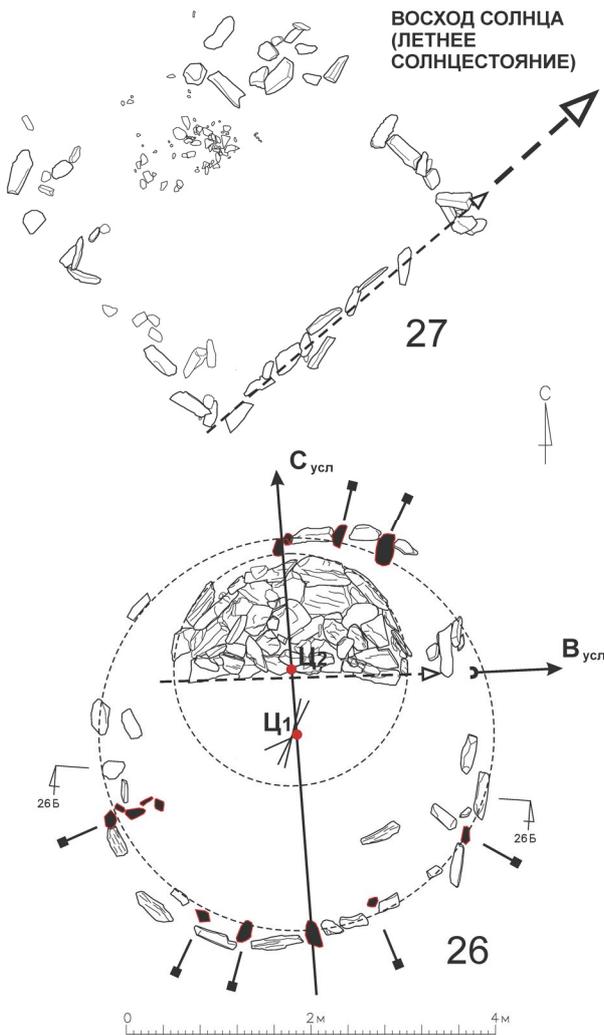

Рис. 13. Ограда Маральское 2/5А. Каменный ящик
Разрез заполнения. Вид с северо-запада. Северо-восточная сторона ящика перекрыта камнями более позднего сооружения, видимого на заднем плане
Fig. 13. Ritual structure Maral'skoye 2/5A. Stone box
Section of filling. View from the north-west. North-east side of box was covered by more later ritual platform

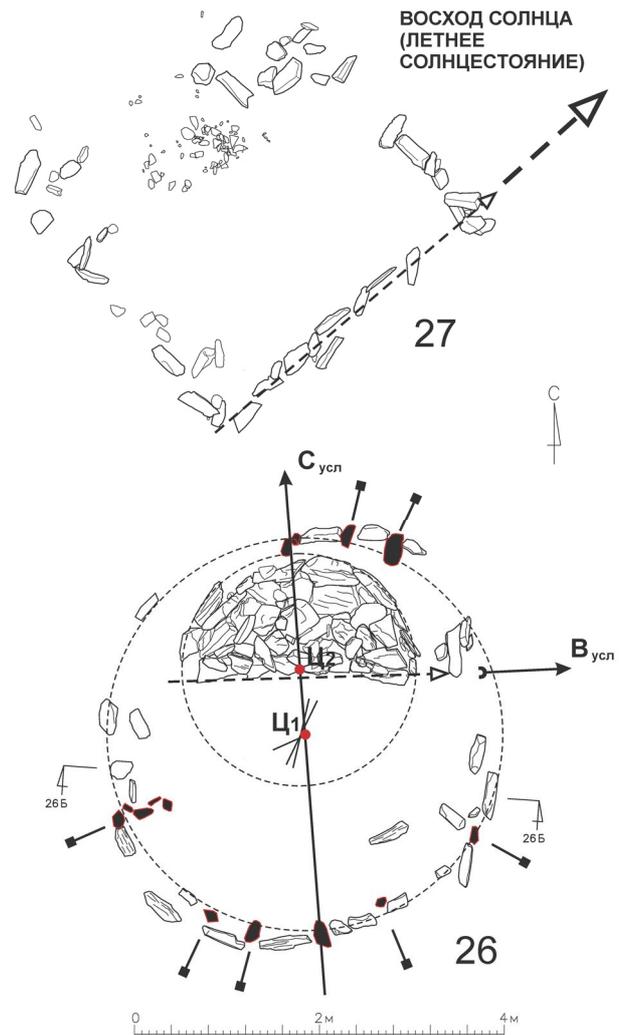

Рис. 14. Комплекс ритуальных сооружений
Маральское 2/26, 27. Общий план. Черной заливкой отмечены каменные столбики, сплошными линиями показаны направления проходящих через них диаметров
Fig. 14. Ritual structures Maral'skoye 2/26, 27. General plan. Black filling marks stone pillars, solid lines show the directions of diameters passing through them

ограды, по линии радиуса внешнего контура к центру окружности вкопаны еще четыре каменных столбика, образующих стеночку-контрфорс длиной 0,6 м.

Внутренний сегмент (приблизительно полу-круг) для постройки внутреннего каменного ящика выделен в круге диаметром 2,5 м. Для сооружения ящика с уровня древней дневной поверхности на глубину 10–15 см по контуру сегмента была выкопана яма (рис. 17). Стенками ящика служили

установленные по стенкам ямы уплощенные камни, изначально выступавшие над уровнем древнего горизонта до 15 см. На дне ямы, ближе к северной стенке, был сооружен миниатюрный (размерами в плане 25 x 20 см) ящик из трех плиток, засыпанный слоем гумусированной супеси. Выше были уложены обломки породы в один-два слоя. Камни стенок ящика с южной стороны завалились наружу под давлением каменного заклада, а с северной стороны – внутрь. Южная стенка ящика

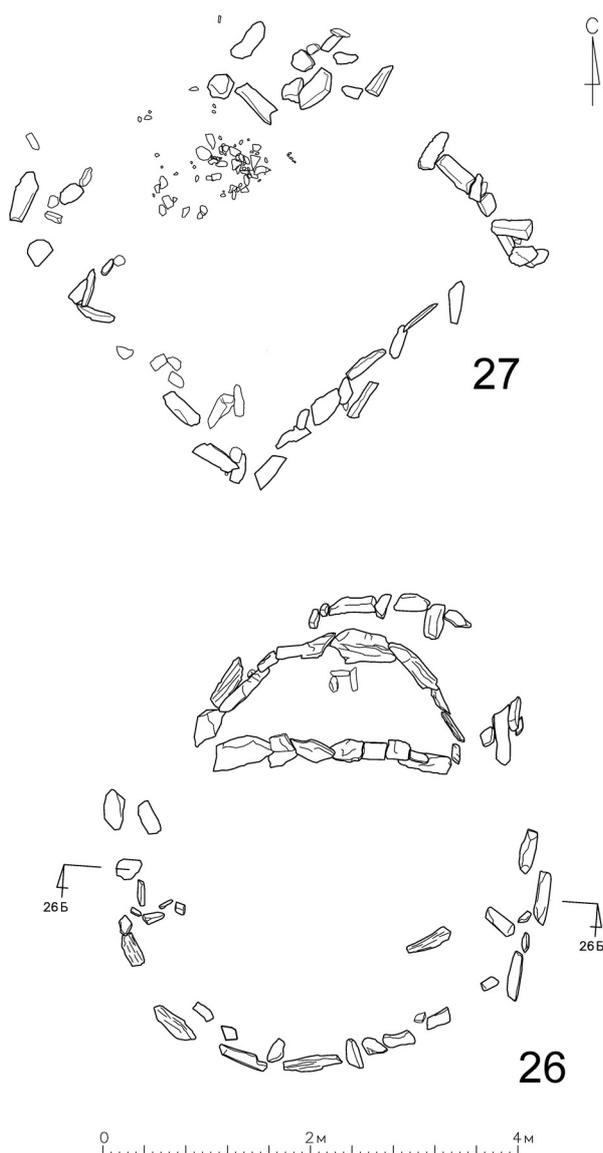

Рис. 15. Комплекс ритуальных сооружений Маральское 2/26, 27. Второй этап зачистки. Общий план

Fig. 15. Ritual structures Maral'skoye 2/26, 27. Second stage of cleaning. General plan

ориентирована по линии запад-восток с отклонением в 1,5 градуса против часовой стрелки.

Графическая фиксация памятника показывает, что круговая конструкция строилась исходя из расчетных направлений по сторонам света. Отклонения основных осей в 4,5 и 1,5 градуса против часовой стрелки от истинных значений свидетельствуют о допущенной строителями сооружения небольшой ошибке.

Ограда 27 представляет собой квадратный внешний контур из установленных на ребро каменных плиток, а также каменных столбиков, вкопанных на незначительную глубину (около 10–15 см) от уровня древнего горизонта (рис. 14, 15, 19). Эти камни, в основном, завалены – как на внешнюю, так и на внутреннюю стороны. Размер внешнего контура составляет приблизительно 3,5 x 3,5 м. Проведенная по линии сохранившейся юго-восточной стороны внешнего контура прямая оказывается ориентирована по азимуту 48,5 градуса, то есть практически точно по расчетному азимуту восхода солнца в день летнего солнцестояния в 1500 году до н. э., который составляет, как говорилось выше, 48,62 градуса. Северная часть ограды сильно разрушена. У реконструируемой северо-западной стенки внешнего контура было зачищено овальное пятно засыпки мелкими обломками кварцита на уровне древнего горизонта, размерами 1 x 0,6 м. Вероятно, это остатки заполнения разрушенного каменного ящичка.

Ближайшую аналогию кольцевым оградкам могильника Маральское 2 представляет круговая ритуальная конструкция 1/4 на мунх-хайрханском погребально-ритуальном комплексе Хух хушооны бом 1, исследованная в 2007 году А. Ковалевым и Д. Эрдэнэбаатаром (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. С. 207–209). Ограда Хух хушооны бом 1/4 построена очень аккуратно, почти не была нарушена, что позволило надежно зафиксировать ряд астрономически и композиционно значимых направлений (рис. 20). Основу этого сооружения составляют 12 стелл высотой до 0,7 м, расположенные по окружности диаметром 4,3 м. По оси, отклоняющейся примерно на 10 градусов к северо-востоку от истинного северного направления, окружность разделена стеллами на две полуокружности. Восточная полуокружность (по ней установлено 9 стелл) разделяется, в свою очередь, на две равные дуги по 90 градусов. Северо-восточная дуга разделена стеллами на практически равные отрезки по 22–23 градуса (одна из стелл смещена со своего первоначального положения); юго-восточная дуга также разделена на четыре части, однако не столь равномерно (вероятно, это связано с одним из астрономических

Рис. 16. Ограда Маральское 2/26. Вид с юга. Северная часть ограды перекрыта более поздней выкладкой
Fig. 16. Ritual structure Maral'skoye 2/26. View from the south. North side of fence was covered by more later ritual plarform

Рис. 17. Ограда Маральское 2/26. Второй этап зачистки. Вид с юга
Fig. 17. Ritual structure Maral'skoye 2/26. Second stage of cleaning. View from the south

Рис. 18. Ограда Маральское 2/26. Второй этап зачистки. Фрагмент внешнего контура Вид с севера
Fig. 18. Ritual structure Maral'skoye 2/26. Second stage of cleaning. Fragment of outer contour. View from the north

Рис. 19. Ограда Маральское 2/27. Вид с юго-востока
Fig. 19. Ritual structure Maral'skoye 2/27. View from the south-east

Наиболее раннюю кольцевую ритуальную конструкцию с выделенным внутренним малым кругом, примыкающим к внешнему кольцевому контуру, мы встречаем в составе выдающегося ритуально-погребального комплекса Нюхэлян (уезд Линьюань, провинция Ляонин, Китай), относящегося к неолитической культуре Хуншань (сооружение N5Z1, см. Нюхэлян, 2012. С. 311–314. Рис. 77. Табл. 220–222) (рис. 21). Как считают исследователи комплекса, он относится к «верхнему слою»

каменных построек на памятнике. Немногочисленные радиоуглеродные даты и аналогии в материалах неолитических культур Центральной Равнины указывают на то, что монументальные каменные конструкции комплекса Нюхэлян в целом относятся к позднему этапу культуры Хуншань, датирующемуся серединой 4-го тысячелетия до н. э. – рубежом 4–3-го тысячелетия до н. э. (Чжунго каогусюэ, 2010. С. 344–345; Нюхэлян, 2012. С. 475).

Судя по опубликованным описаниям, черте-

Рис. 21. Сооружение Нюхэлян N5Z1. Общий вид. Зелеными линиями обозначены периметры каменно-земляных платформ и каменной стенки по малой окружности. Желтая заливка – земляная насыпь над могилой N5Z1M1

Fig. 21. Structure N5Z1 on the Niuheiliang site of Hongshan culture (Liaoning province, China), second part of 4th mill. BCE. General view. Green lines mark perimeters of platforms and stone wall along small circumference. Yellow filling indicates place of soil mound over grave N5Z1M1

жам и фотографиям конструкции N5SZ1, она представляла собой трехступенчатую округлую в плане земляную платформу, построенную в несколько этапов. Авторы раскопок, на наш взгляд, не смогли дать непротиворечивое объяснение данным полевой фиксации, поэтому нам приходится представить свою интерпретацию имеющихся в нашем распоряжении, к сожалению, неполных материалов. Задача осложняется еще и тем, что раскопки памятника проводились в течение нескольких лет, при этом часть зачищенных каменных конструкций разбирались без графической фиксации и отражения в итоговом плане, что следует из сравнения опубликованных фотографий разных этапов исследований (Нюхэлян, 2012. Табл. 199, 220). Практически отсутствуют и необходимые разрезы.

Сначала древние строители избрали центр будущего сооружения, от которого была проведена разметка внешней окружности платформы диаметром около 20–22 м. Центр был отмечен округлой в плане каменной платформой диаметром около 3 м, которая по периметру была обнесена стенкой из камня на высоту будущей платформы (до 1 м?) наподобие колодца. В северо-западной части площадки была размечена малая окружность диаметром около 8 м, которая по касательной соприкасалась с внешней окружностью. Радиус, проведенный из центра сооружения к точке касания малой и большой окружностей, имел азимут приблизительно 291 градус. По малой окружности сооружена кольцевая или дугообразная стенка, сложенная сухой каменной кладкой на планируемую высоту сооружения – около 1 м. После этого вокруг центрального «колодца» и стенки по границе малой окружности был отсыпан нижний слой круглой платформы, границей которого служила внешняя окружность диаметром, как уже говорилось, 20–22 м. Периметр этого слоя был укреплен каменной кладкой. Следом от центра сооружения (от центра «колодца») была размечена окружность диаметром около 18–20 м для строительства среднего слоя платформы. Этот слой был отсыпан поверху нижнего слоя таким же образом, как и нижний, и укреплен по периметру каменной кладкой. Затем от центра сооружения размечается окружность

диаметром 16,5–18,5 м для отсыпки верхнего слоя платформы, который был таким же образом построен и также по периметру укреплен каменной кладкой. В итоге платформа стала трехступенчатой, высота ее составила 1 м, но пространство внутри центрального «колодца» и малой окружности засыпано скорее всего не было. Наружные границы слоев платформы реконструируются по сохранившимся фрагментам каменной кладки периметров. В пределах реконструируемой малой окружности такой кладки не зафиксировано. Это позволяет предположить, что упоминавшаяся выше каменная стенка, построенная по линии малой окружности и сохранившаяся к настоящему времени только ближе к центру сооружения, изначально охватывала весь малый круг, но была частично разобрана при устройстве могилы в центре этого малого круга (см. ниже).

На следующем этапе сооружение в северо-западной части разбирают, в том числе и северо-западную сторону стенки по малой окружности, в центр малого круга впускают могилу N5Z1M1, погребение в которой ориентировано примерно по тому же азимуту, что и радиус нижнего слоя платформы, проведенный в точку касания. Поверх могилы внутри малой окружности с уровня древнего горизонта устраивается земляная насыпь с облицованными камнем пологими полами с внешней, северо-западной стороны. Сохранившаяся при этом юго-восточная часть стенки по малой окружности служила, видимо, границей насыпи с противоположной стороны. Устройство этой насыпи с облицовкой над могилой N5Z1M1 хорошо видно на фотографии (Нюхэлян, 2012. Табл. 222: 1).

Таким образом, планировка ритуального сооружения N5Z1 изначально была подчинена идее изображения большой окружности и расположенной по касательной к ней окружности малой, в пределах которой была выгорожена особая площадка. Интересно, что сооружения комплекса Нюхэлян некоторыми особенностями каменной кладки платформ и оград напоминают плоские курганы мунх-хайрханской культуры Монголии: здесь имеются ограды из вертикальных каменных столбиков, плоские платформы строгой геометрической фор-

мы в один слой, края которых выложены тщательно пригнанными друг к другу уплощенными плитками (Нюхэлян, 2012. Табл. 120, 127, 244, 245). Материалы раскопок комплекса Нюхэлян говорят о

Библиографический список

Александров С.В., Боковенко Н.А., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Периферия, 2013. № 3. Охранная археология. С. 185–196.

Александров С.В., Боковенко Н.А., Городилов А.Ю., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Периферия, 2015. № 3. Охранная археология. С. 123–162.

Боковенко Н.А., Ковалев А.А., Лазаретов И.П. Открытие памятников Мунх-Хайрханской культуры в горах Западного Саяна // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 47–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-47-66

Ковалев А.А. Мунх-хайрханская культура периода развитой бронзы и ее связи с культурами неолита-бронзового века Восточной Сибири // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук, проф. П.Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского национального центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2017. С. 57–66.

Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П., Тишкин А.А., Ожередов Ю.А. Чемурчекские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: МИСР, 2015. С. 100–141.

глубокой древности ритуальных традиций мунх-хайрханской культуры, уходящих корнями в неолитическое прошлое народов Восточной Азии.

References

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Lazaretov I.P., Polyakov A.V. 2013. A brief review of the works of the Sayan archaeological expedition of the IIMK RAS in 2012. *Byulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Periferiya No. 3. *Okhrannaya arkheologiya* [Preservation Archaeology]. Pp. 185–196. (In Russ.)

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Gorodilov A.Yu., Lazaretov I.P., Polyakov A.V. 2015. Preservative work of the Sayan archaeological expedition of the IIMK RAS in the valley of the Idzhim River in 2014. *Byulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Periferiya No. 3. *Okhrannaya arkheologiya* [Preservation Archaeology]. Pp. 123–162. (In Russ.)

Bokovenko N.A., Kovalev A.A., Lazaretov I.P. 2019. Discovery of Munkh-Khairkhan culture sites in Western Sayan mountains. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 15. No. 2. Pp. 47–66. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-47-66

Kovalev A.A. 2017. Munch Khayrkhan culture of the Developed Bronze Period and its connection with the cultures of the Neolithic-Bronze Age of Eastern Siberia. *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii. Materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk, prof. P.B. Konovalova (g. Ulan-Ude, 4–6 dekabrya 2017 g.)* [Actual issues of archeology and ethnology of Central Asia. Proceedings of the II international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the doctor of historical sciences, prof. P. B. Konovalov (Ulan-Ude, December 4–6, 2017)]. Ulan-Ude: Buryatskogo natsional'nogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. Pp. 57–66. (In Russ.)

Kovalev A.A., Munkhbayar Ch., Grushin S.P., Tishkin A.A., Ozheredov Yu.A. 2015. Chemurчек mounds in the tract Huurai salaam am (Khovd somon Khovd aimak of Mongolia). *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: chemurchekskii kul'turnyi fenomen. Chast' II. Rezul'taty issledovaniy v tsentral'noi chasti Mongol'skogo Altaya i v istokakh Kobdo; pamyatniki Sin'tszyana i okrainnykh zemel'* [The oldest Europeans in the heart of Asia: Chemurчек cultural phenomenon. Part II. Research results in the central part of the Mongolian Altai and in the sources of Kobdo; sites of Xinji-

Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Раскопки уникального погребально-ритуального комплекса мунх-хайрханской культуры Шар говийн эхэн 1 в высокогорном районе Монгольского Алтая // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018. Т. 14. № 3 (28). С. 43–58.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // *Российский археологический ежегодник*. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2014. № 4. С. 194–225.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Святилище раннего бронзового века в Туве // *Археологические вести*. 2018. Вып. 24. С. 83–93.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. Вып. 3. Материалы по археологии Сибири. 256 с.

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 478–481.

Поляков А.В., Лазаретов И.П., Есин Ю.Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН*. СПб.: Периферия, 2018. № 8. Охранная археология. С. 122–139.

Семенов Вл. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 1997. Вып. 54. Археологические изыскания. 48 с.

Семенов Вл. А. Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2018. 340 с.

Bourgeois J., De Langhe K., Ebel A.V., Dvornikov E.P., Konstantinov N., Gheyle W. Geometric stone settings in the Yustyd Valley and its surroundings (Altai Mountains, Russia): Bronze Age ‘virtual dwellings’ and associated structures // *Archaeological Research in Asia*. Vol. 10, June 2017. P. 17–31.

Newkomb S. Tables of the Motion of the Earth on its axis and around the Sun // *Astronomical Papers prepared for the use of the American Ephemeris and Nautical Almanac*. Vol. VI. Tables of the Four Inner Planets. Washington:

ang and the outlying lands]. St. Petersburg: MISR. Pp. 100–141. (In Russ.)

Kovalev A.A., Munkhbayar Ch. 2018. Excavations of the unique burial-ritual complex of the Munch-Khayr Khan culture Shar Goviin Ehen 1 in the highlands of the Mongolian Altai. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 14. No. 3 (28). Pp. 43–58. (In Russ.)

Kovalev A.A., Erdenebaatar D. 2014. The discovery in the center of Eurasia of a new culture of the era of Developed Bronze Age (Munch Khayr Khan culture). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook]. St. Petersburg: Universitetskii izdatel'skii konsortium. No. 4. Pp. 194–225. (In Russ.)

Lazaretov I.P., Polyakov A.V. 2018. Sanctuary of the Early Bronze Age in Tuva. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News]. Iss. 24. Pp. 83–93. (In Russ.)

Molodin V.I., Polos'mak N.V., Novikov A.V., Bogdanov E.S., Slyusarenko I.Yu., Cheremis D.V. 2004. Archaeological sites of the Ukok Plateau (Gorny Altai). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. Iss. 3. *Materialy po arkheologii Sibiri* [Materials on the archeology of Siberia]. 256 p. (In Russ.)

Polyakov A.V. 2014. Sites outside the fences of the barrows of Okunevskaya culture. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan': Otechestvo. Vol. I. Pp. 478–481. (In Russ.)

Polyakov A.V., Lazaretov I.P., Esin Yu.N. 2018. Studies of the Sayan expedition of the IHMC RAS of sites of the Early Bronze Age on Lake Itkol in 2016–2017. *Byulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Periferiya. No. 8. *Okhrannaya arkheologiya* [Preservation Archaeology]. Pp. 122–139. (In Russ.)

Semenov Vl. A. 1997. Mongun-Taiga (archaeological research in Tuva 1994–1995). St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN. Iss. 54. *Arkheologicheskie izyskaniya* [Archaeological Surveys]. 48 p. (In Russ.)

Semenov Vl. A. 2018. Toora-Dash – multi-layered site on the Yenisei in Tuva. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya. 340 p. (In Russ.)

Bourgeois J., De Langhe K., Ebel A.V., Dvornikov E.P., Konstantinov N., Gheyle W. Geometric stone settings in the Yustyd Valley and its surroundings (Altai Mountains, Russia): Bronze Age ‘virtual dwellings’ and associated structures // *Archaeological Research in Asia*. Vol. 10, June 2017. P. 17–31.

Newkomb S. Tables of the Motion of the Earth on its axis and around the Sun // *Astronomical Papers prepared for the use of the American Ephemeris and Nautical Almanac*. Vol. VI. Tables of the Four Inner Planets. Washington:

Bureau of Equipment, Navy Department, 1898. P. 7–170.

Нюхэлян: Хуншань вэньхуа ичжи фацзюэ баогао: 1983–2003 няньду (Нюхэлян: отчет о раскопках поселения культуры Хуншань, 1983–2003 годы) / Ляонин шэн вэньу каогу яньцзюсо бяньчжу (Институт культурного наследия и археологии провинции Ляонин – сост.). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2012. 591 с.

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд – I. Баян-Өлгий аймаг. Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2009. 424 с.

Чжунго каогуюсюэ. Синь ши ци шидай цзюань (Археология Китая. Эпоха неолита) / Жэнь Унань, У Яоли – чжубянь (Жэнь Унань, У Яоли – ред.). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2010. 850 с.

Эрдэнэбаатар Д. Мөнххайрханы соёлын булш // Монголын археологийн өв. Боть III. Монголын эртний булш оршуулга / Эрэгзэн Г. – ред. Улаанбаатар, 2016. С. 46–57.

Сведения об авторах

Боковенко Николай Анатольевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, e-mail: nibo25@mail.ru

Ковалев Алексей Анатольевич,

научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии Российской академии наук, Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, e-mail: chemurchek@mail.ru

Критерии авторства

Н.А. Боковенко, А.А. Ковалев выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bureau of Equipment, Navy Department, 1898. P. 7–170.

Нюхэлян: Хуншань вэньхуа ичжи фацзюэ баогао: 1983–2003 няньду (Нюхэлян: отчет о раскопках поселения культуры Хуншань, 1983–2003 годы) / Ляонин шэн вэньу каогу яньцзюсо бяньчжу (Институт культурного наследия и археологии провинции Ляонин – сост.). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2012. 591 p. (In Chinese)

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд – I. Баян-Өлгий аймаг. Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2009. 424 с. (In Mongolian)

Чжунго каогуюсюэ. Синь ши ци шидай цзюань (Археология Китая. Эпоха неолита) / Жэнь Унань, У Яоли – чжубянь (Жэнь Унань, У Яоли – ред.). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2010. 850 p. (In Chinese)

Эрдэнэбаатар Д. Мөнххайрханы соёлын булш // Монголын археологийн өв. Боть III. Монголын эртний булш оршуулга / Эрэгзэн Г. – ред. Улаанбаатар, 2016. С. 46–57. (In Mongolian)

Information about the authors

Nikolay A. Bokovenko,

Cand. Sci. (History), senior research fellow, Department of Archaeology of the Central Asia and the Caucasus, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 18 Dvortsovaya Emb., St.-Petersburg 191186, Russian Federation, e-mail: nibo25@mail.ru

Alexey A. Kovalev,

scientific stuff of the Department of Preservation of the Archaeological Heritage, Insitute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 19 Dm. Ulianova Str., Moscow 117036, Russian Federation, e-mail: chemurchek@mail.ru

Attribution criteria

N.A. Bokovenko, A.A. Kovalev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 902/904(571.54)+56(571.54)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-84-102>

Локальная археозоология Удинского острога: содержимое тарасной конструкции

© А.М. Клементьев^а, Б.А. Базаров^{б,с}, Д.А. Миягашев^б, Н.В. Именохоев^б, Я.В. Дикий^б

^а Институт земной коры СО РАН, г. Иркутск, Россия

^б Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

^с Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В 2016 году на территории Удинского острога в рамках проекта реконструкции исторических кварталов в центральной части г. Улан-Удэ были проведены спасательные археологические раскопки. Исследованиями выявлена часть западной оборонительной стены острога – тарасная конструкция, состоящая из семи камер. По архивным данным, это фортификационное сооружение функционировало с конца XVII до начала XIX в. Сформированы коллекции археологического материала, антропологических остатков с православного некрополя, фрагментов деревянных конструкций для дендрохронологических определений, а также внушительное археозоологическое собрание. Определение материалов в археозоологической коллекции показало присутствие разных категорий костных остатков. Выделены отбросы разделки туш, пищевые отбросы, обнаружены изделия из кости и бивня. Доминирующими остатками являются кости крупного рогатого скота. Все остальные домашние виды немногочисленны, а промысловые и вовсе единичны в коллекции. Размеры крупного рогатого скота невелики и укладываются в размах изменчивости аборигенных пород. Пищевой спектр определяет мясную диету жителей Удинского острога – преимущественно потреблялась говядина, остальные виды мяса занимают незначительную долю. Костные остатки позволили выявить отдельные тафономические факторы сохранности материала в сухом грунте.

Ключевые слова: Забайкалье, Удинский острог, археология, оборонительная стена, православный некрополь, археозоология, млекопитающие, крупный рогатый скот, пищевой спектр, тафономия

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

Информация о статье: Дата поступления 12 марта 2019 г.; дата принятия к печати 8 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Клементьев А.М., Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Именохоев Н.В., Дикий Я.В. Локальная археозоология Удинского острога: содержимое тарасной конструкции // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 84–102. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-84-102

Local archaeozoology of the Udinsky Fort: contents of defensive wall

© Alexey M. Klementiev^а, Bilikto A. Bazarov^{б,с}, Denis A. Miyagashev^б, Nikolay V. Imenokhiev^б, Yaroslav V. Dikiy^б

^а Institute of the Earth's Crust of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russian Federation

^б Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

^с Scientific and Production Center for the Protection and Use of Historical and Cultural sites, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract: In 2016, rescue archaeological excavations were carried out on the territory of the Udinsky Fort as part of a project to reconstruct historical quarters in the central part of the city of Ulan-Ude. Investigations revealed a part of the western defensive wall of the fortress – a “taras” construction consisting of seven chambers. According to archival data, this fortification func-

tioned from the end of the 17th to the beginning of the 19th centuries. As a result of archaeological excavations were formed collections of archaeological material, anthropological remains from the Orthodox necropolis, fragments of wooden structures for dendrochronological definitions, as well as an impressive archeozoological collection. The definition of materials in the archeozoological collection showed the presence of different categories of bone residues. Waste cuttings carcasses, food garbage as well as products made of bone and tusk were found. The dominant residues are bones of cattle. All other domestic species are few and hunted ones are single in the collection. The sizes of cattle are small and fit into the range of variability of aboriginal breeds. The food spectrum determines the meat diet of the residents of Udinskiy Fort – mainly beef was consumed, other types of meat occupy an insignificant share. Bone residues allowed finding out some taphonomic factors of material preservation in dry ground.

Keywords: Transbaikalia, Udinsky fort, archeology, defensive wall, orthodox necropolis, archeozoology, mammals, cattle, food spectrum, taphonomy

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment of IMBTS SB RAS (project № 0338-2016-0003 “Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia”, state registration № AAAA-A17-117021310264-4).

Article info: Received March 12, 2019; accepted for publication April 8, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Klementiev A.M., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Imenokhoev N.V., Dikiy Ya.V. 2019. Local archaeozoology of the Udinsky Fort: contents of defensive wall. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 84–102. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-84-102

Введение

В 2016 году столица Республики Бурятия отпраздновала свое 350-летие, хотя, как известно, реальной датой основания города Улан-Удэ по результатам архивных изысканий является 1665 г. Именно в октябре 1665 г. казаки из отряда десятника Осипа Васильева на берегу р. Уды заложили Удинское зимовье. С середины 1666 г. в зимовье начал осуществляться сбор ясака, что ознаменовало собой начало функционирования зимовья (острога) в качестве полноценной административной единицы и форпоста Российского государства. Этот факт историками был использован для обоснования сохранения значимости в истории города 1666 года (Бураева, 2016. С. 16–17).

Острог располагался на мысовидном возвышении, на берегу р. Уды, немного выше ее впадения в р. Селенгу (рис. 1, 2, 3). С исторической точки зрения его можно назвать классическим для русских укрепленных пунктов (Уфимцев, 2007). Как свидетельствует П.С. Паллас (Паллас, 1788. С. 234–235): «Крепость, или по-тамашнему острог, деревянный с четырьмя башнями и одними воротами, стоит выше по реке Уде на одной песчаной горе, от прочего строения отделившись» (рис. 3, 4). Это позволяет острог рассматривать как изолированный

объект в структуре поселения. Ранее считалось, что первые оборонительные стены были возведены в 1678 г. (Тиваненко, 1995). Однако обнаруженный в Санкт-Петербургском филиале архива РАН документ позволяет установить точную дату постройки Удинского острога на месте Удинского зимовья – 1679 г. (Бураева, 2016. С. 17). А в 1688 г. Ф.А. Головин «силами своих стрельцов и казаков построил в Удинске вместо прежнего острога по образцу Селенгинска малую деревянную крепость, и теперь стоит, занимая пространство 40 сажень в квадрате» (Минерт, 1989. С. 93). В «Чертеже земли Иркутского города», составленном С.У. Ремезовым и сыновьями, Удинский острог представлен как крепостное сооружение, обнесенное стенами в виде квадрата в плане с пятью башнями: четырьмя угловыми и одной въездной (Ремезов, 1701) (рис. 3).

До 2016 г. археологические исследования Удинского острога имели эпизодический характер. Основные сведения по архитектуре и планиграфии острога были получены из архивов – отписок казаков, исторических планов, описаний в дневниках путешественников и посольств. Первые раскопочные работы на Удинском остроге были произведены до революции краеведом П.Т. Труневым и учи-

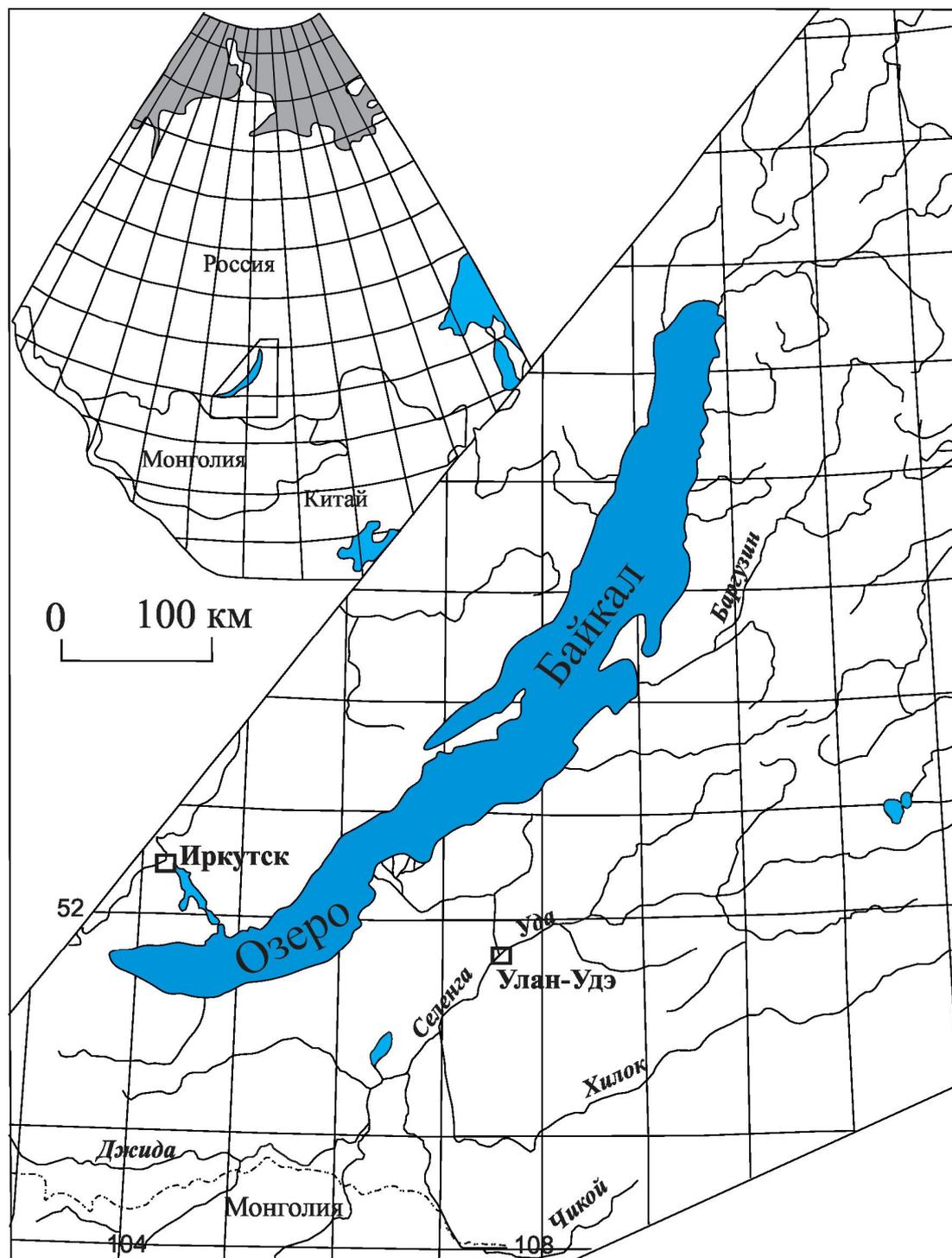

Рис. 1. План-схема расположения г. Улан-Удэ
 Fig. 1. Scheme of location of Ulan-Ude

телем И. Ноздровским (Тиваненко, 1995. С. 14). В небольшом пробном раскопе они наткнулись на нижние венцы одной из караульных башен. В 1982 г. археологические работы в незначительном

объеме на площади памятника были проведены А.В. Тиваненко, обнаружившем остатки кострищ и обгоревших кусков древесины в одну линию (тыновая острожная стена –?) (Тиваненко, 1995). По

Рис. 2. Удинский острог. Участок археологических раскопок 2016 г.
Fig. 2. Udinsky Fort. Excavations of 2016

Рис. 3. Удинский острог на «Чертеже земли Иркутского города» С.У. Ремезова
Fig. 3. Udinsky Fort on the "Drawing of the Irkutsky town" of S.U. Remezov

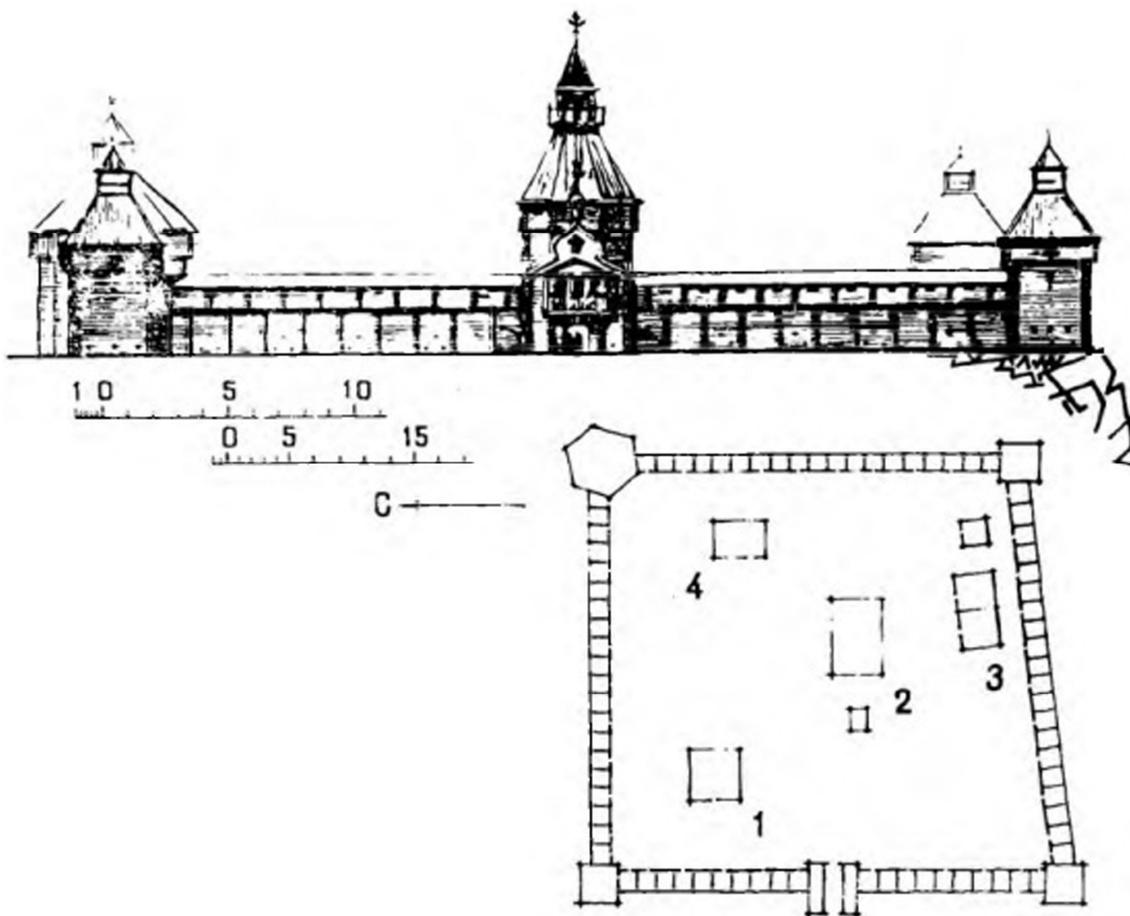

Рис. 4. Удинский острог (крепость) 1688 г. Реконструкция Л.К. Минерта (1983 г.). Вид с запада. План расположения внутренних построек: 1 – караульная изба (4 x 4 саж.); 2 – погреб «с пороховою казною»; 3 – амбары (3 x 6 и 2 x 2 саж.); 4 – сарай «над артиллериею»
Fig. 4. Udinsky Fort (fortress) in 1688. Reconstruction after L.K. Minert. View from west. Plan of the location of inside buildings: 1 – guard house (4 x 4 sagen); 2 – cellar "with powder treasury"; 3 – barns (3 x 6 and 2 x 2 sagen); 4 – shed "over the artillery"

всей видимости, эти работы не сопровождались документацией и, как следствие этого, мы не располагаем точными сведениями о местах постановки его разведочных шурфов.

В 1988 г. Л.В. Лбовой на территории Удинского острога была заложена серия поисковых шурфов и траншей (Лбова, 1988). Ею был выявлен культурный слой XVII–XVIII вв., а также зафиксированы остатки частокола в некоторых шурфах, интерпретированных либо как «острожины», окружавшие казачье зимовье (1666 г.), либо как конструктивный элемент оборонительной стены (1690-е гг.). Л.В. Лбовой оборонительные стены были определены как «тарасные конструкции», о которых упоминает в своей книге Л.К. Минерт (Минерт, 1983. С. 25).

В 2016 г. в рамках проекта реконструкции исторических кварталов в центральной части г. Улан-Удэ на территории Удинского острога были проведены спасательные археологические работы (Базаров, Именохоев, Миягашев, 2016) (рис. 5). Общая

площадь раскопанного участка составила 238 кв. м. На исследованном участке была выявлена часть западной стены острога (рис. 6). В ходе раскопок удалось подтвердить, что оборонительная стена острога представляет собой тарасную конструкцию с отдельными камерами. Всего было выявлено семь камер. Стены тарасной конструкции стояли на расстоянии 3-х м друг от друга, перерубы поставлены через 2,6 м. Камеры тарасов не были заполнены грунтом для защиты от артиллерийского огня, поскольку в этом, очевидно, не было никакой необходимости. Эти камеры использовались для различных нужд, в том числе и в ремесленных целях. Во внутренней стене тарасов на уровне второго венца выявлены дверные проемы шириной 0,6 м, через которые можно было попасть в камеры. Между собой камеры не сообщались.

В северо-западной части оборонительной конструкции были выявлены остатки южной стены угловой башни, ориентированной по линии запад – восток. От западной стены башни сохранился толь-

Рис. 5. Удинский острог. Общий вид с запада на место расположения крепости. Начало археологических раскопок в 2016 г.

Fig. 5. Udinsky Fort. General view from west at the place of location the fortress. Beginning of the archaeological excavations in 2016

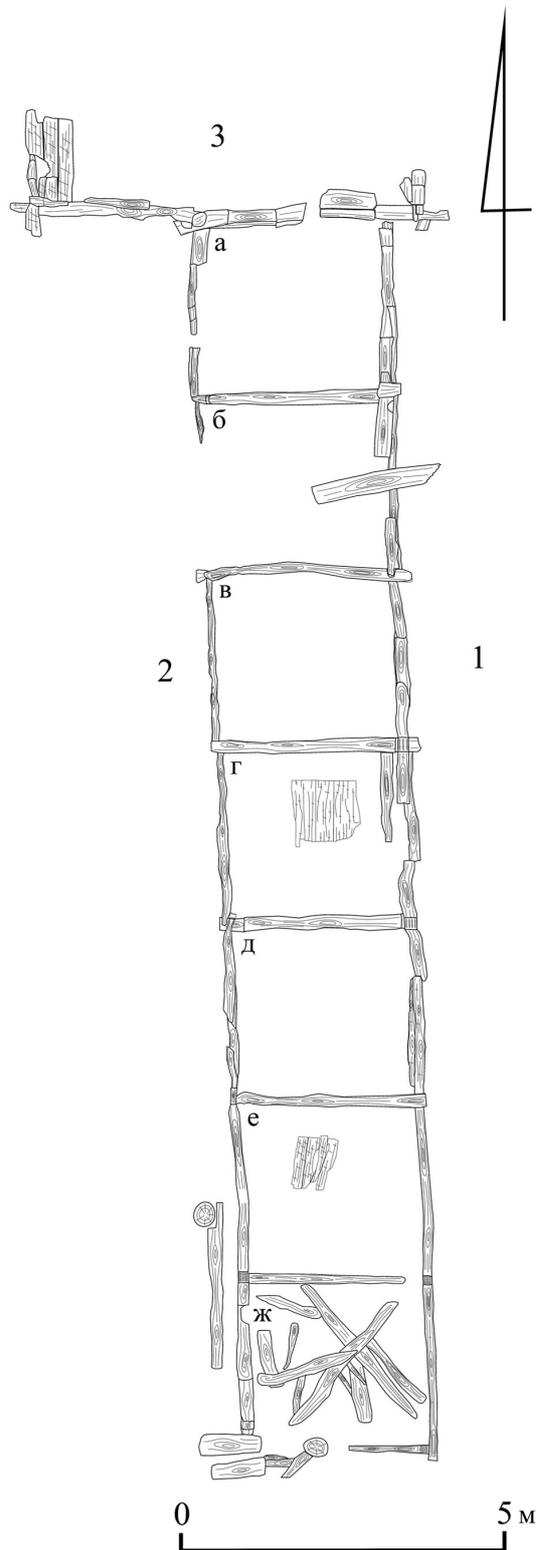

Рис. 6. План западной тарасной стены Удинского острога: 1 – внутренняя стена; 2 – внешняя стена; 3 – остатки северо-западной угловой башни; а–г – камеры

Fig. 6. Plan of western part of defensive wall of Udinsky Fort: 1 – inner wall; 2 – outside wall; 3 – remains of North-Western tower; а – g – chambers in defensive wall

ко фрагмент нижнего венца. Основная ее часть была разрушена оврагом и дорогой. Во внутренней части башни, у юго-западного угла сохранился фрагмент деревянного настила из плах. Восточная стена башни представлена фрагментом нижнего венца. На расстоянии 2,1 м от внутренней стены тарасов фиксируется юго-восточный угол башни. Вход в башню отмечен разрывом в 0,7 м в южной стене башни на уровне второго венца (ближе к юго-восточному углу башни).

Кроме того, в результате работ за пределами острожной стены были выявлены остатки православного некрополя, представленного тремя могилами: коллективное захоронение, парное и остатки одиночного погребения. В первой могиле обнаружены останки 4-х человек: мужчины, женщины, девушки и ребенка, три погребения находились в один ряд, а четвертое располагалось поверх крайнего погребения (т. н. ярусное погребение) (рис. 7). Все четыре погребения были совершены в деревянных колодах, головой ориентированы на запад, с незначительным отклонением к югу. У мужчины и женщины ноги были в кожаной обуви простого кроя, без подошвы. Ноги девушки и ребенка были накрыты тканью. Во второй могиле обнаружены останки двух человек: мужчины и женщины. Мужчина был погребен в колоде, а останки женщины помещены в дощатый гроб. Оба погребения ориентированы на запад, ноги мужчины были в такой же обуви, как в предыдущих погребениях. От третьей могилы сохранились только нижние конечности, погребение в дощатом гробу, ориентировано также на запад. Все погребения совершены по православному обряду. Отсутствие сопроводительного инвентаря, в том числе предметов личного благочестия, затрудняет датировку погребений. Возникает предположение, основанное на близости расположения погребенных к острогу, что это кладбище первых жителей Удинска, относящихся ко второму или третьему поколению.

Археологические работы 2016 г. позволили получить принципиально новые сведения по архитектуре оборонительной стены Удинского острога, удалось достоверно установить и задокументировать наличие тарасной конструкции. Было зафик-

Рис. 7. Некрополь Удинского острога. Коллективное захоронение
Fig. 7. Cemetery of Udinsky Fort. Collective burial

сировано наличие православного некрополя под стенами острога. По всей исследованной площади оборонительная конструкция фиксируется без разрывов. Продолжением археологических раскопок на территории, занятой современной жилой застройкой, предполагается полная фиксация остатков оборонительных стен и внутренних построек острога.

В составе полученной археологическими методами многочисленной коллекции Удинского острога в исследовательских процедурах очень важ-

ная роль отводится археозоологическим материалам. Ранее сведения о животных, остатки которых были обнаружены при локальных земляных работах на территории Удинского острога, были указаны в отчетных материалах без указания автора определений. Среди таких определений упоминаются костные остатки таких животных как корова, лошадь, баран/овца, коза, свинья (?) (Лбова, 1988.

С. 4, 6, 10)¹. На фоне отрывочных и фрагментарных сведений по структуре питания населения Сибири в целом фактические свидетельства археологических раскопок Удинского острога в частности позволяют нам сформировать представление о мясной диете рассматриваемой отдельной группы населения. Также важным моментом является выяснение специфики диеты русского гарнизона в сравнении с другими сибирскими острогами. Нами приводится археозоологическая характеристика Удинского острога по материалам археологических раскопок 2016 года.

Данные по остаткам млекопитающих из разнотипных объектов русского населения известны с территории европейской части России (Цалкин, 1956; Каспаров, 1997; Чубур, Миненко, 2008; Зиновьев, 2009, 2016; Антипина, Лебедева, 2012 и мн. др.) и Западной Сибири (Явшева, Некрасов, Татаурова, 2008; Бачура, Лобанова, Бобковская, 2011). В последние годы такие исследования активизировались в связи с комплексным подходом к изучению исторического прошлого археологическими методами (Харинский, Исаев, Стерхова и др., 2008; Номоконова, Батракова, Татаурова, 2012; Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова, 2013; Клементьев, Лысенко, Мартынович, 2016). Представленные здесь данные открывают археозоологическую страницу освоения русским населением территории Забайкалья.

Материалы и методы

Остеологические материалы раскопок составили 2866 остатков различных таксономических групп. Из них 2853 остатка принадлежали млекопи-

тающим; 21,1 % из этих костей являются определенными до уровня рода и вида. Птичьих и рыбьих остатков, вместе взятых, – 0,4 %. Остатки млекопитающих представлены элементами скелета домашних и промысловых видов. Из домашних определены: собака, кошка, лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот (в т. ч. баран) и свинья. Среди промысловых – заяц, косуля и кабарга. В качестве сырьевого ресурса зафиксировано использование бивня мамонта. Определена также суставная часть локтевой кости человека. Подсчет остатков осуществлялся суммарно по всему раскопу. Результаты определения материала представлены в (табл. 1). Необходимо отметить, что распространение палеофаунистических остатков тяготело больше к конструкции стен, меньше к внутреннему пространству острога и полностью отсутствовало вне пределов оборонительного сооружения в пределах вскрытой раскопами площади. Продолжение археологических работ внутри территории острога, вне всякого сомнения, приведет к обнаружению новых сооружений (изб, хозяйственных ям и др.), изучение которых позволит дополнить археозоологическую коллекцию.

Методики археозоологических исследований слоев городских поселений достаточно хорошо разработаны (Цалкин, 1956, 1970; Антипина, 2004; Lyman, Cannon, 2004; Reitz, Wing, 2008) и были использованы нами. Подходы к определению размеров и возраста домашних животных были заимствованы в работах В.И. Цалкина (Цалкин, 1956, 1970). При метрическом исследовании материала использована схема промеров фон де Дриш (von den Driesch, 1976).

Результаты

В отличие от слоев городских поселений Сибири и Центральной Азии, где доля определенных остатков достигает 40 % и более (Цалкин, 1968; Исаев, Клементьев, Мартынович, 2011; Клементьев, Лысенко, Мартынович, 2016) в пределах Удинского острога определенные остатки составляют немногим более 20 %.

Среди определенных остатков доминируют фрагменты элементов скелета крупного рогатого

¹ Лбова Л.В. Отчет о предварительных археологических работах на территории Удинского острога. Улан-Удэ, 1988. 100 с. // Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, № 5.

Lbova L.V. Report on preliminary archaeological research on the territory of Udinskiy Fort, Ulan-Ude, 1988. 100 p. Archive of the Committee for State Protection of Cultural Heritage Objects of the Administration of the Head of the Republic of Buryatia and the Government of the Republic of Buryatia. No. 5.

Таблица 1

Сводная таблица остеологического материала, найденного при раскопках Удинского острога (исследования 2016 года)

Table 1

Summary table of the osteological material from the excavations of the Udinsky fort (Studies of 2016)

Таксон	абсол.	%	из них с черным налетом
Млекопитающие (Mammalia)			
Человек (<i>Homo sapiens</i>)	1	0,2	–
Домашние			
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	3	0,4	1
Кошка (<i>Felis domestica</i>)	1	0,2	–
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	6	1,0	–
Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>) и кабан (?)	29	4,8	5
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	517	85,9	66
Баран домашний (<i>Ovis aries</i>)	8	1,3	–
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis/Capra</i>)	16	2,7	2
Промысловые			
Заяц-беляк (<i>Lepus timidus</i>)	12	2,0	1
Косуля (<i>Capreolus pygargus</i>)	7	1,1	–
Кабарга (<i>Moschus moschiferus</i>)	1	0,2	–
Сырьевые			
Мамонт (<i>Mammuthus primigenius</i>)	1	0,2	–
Неопределимые ближе			
Крупное копытное	1957	–	177
Копытное среднего размера	16	–	2
Неопределимые	278	–	6
в т. ч. обожженные	31	–	–
в т. ч. обработанные	6	–	1
Всего	2853	100	261
Птица (Aves)			
В т. ч. лебедь (<i>Cygnus</i>)	1	–	–
Рыба (Pisces)			
	4	–	–

скота *Bos taurus*. Значительное количество черепных остатков КРС представлено фрагментами рострального отдела (межчелюстные, максиллярные и мандибулярные остатки) черепа. Полные кости сохранились только от дистальных частей конечности – карпальные, тарсальные, фаланги. Полных пястных и плюсневых костей КРС не найдено, хотя в археологизированных усадьбах они составляют весьма заметную долю. Из всех видов млекопитающих, встреченных на объекте, доля крупного

рогатого скота составила 85,9 %. Второе место, незначительное (4,8 %), занимают остатки домашней свиньи *Sus scrofa*. Среди материала встречены крапильные (иногда с зубами) и элементы дистальных отделов конечностей этого вида. Достоверное присутствие барана в совокупности с остатками мелкого рогатого скота (МРС) составляет 4 %. Единичны остатки кошки, собаки и лошади. Фрагменты костей промысловых видов также единичны, лишь кости зайца-беляка достигают отметки в 2 %.

Метрические характеристики материала приводятся по хорошо сохранившимся элементам скелета млекопитающих. Наиболее многочисленные из костей КРС – челюстные фрагменты (рис. 8; табл. 2). Возрастной избирательности не наблюдается, встречаются зубные ряды как молочной, так и постоянной генерации, вплоть до старых возрастов. Фаланги, по которым получена серия промеров (табл. 3), по строению удалось разделить на передние и задние. Вторых фаланг меньше в количественном отношении, чем первых. Метаподиальные кости фрагментированы, их размеры представлены в (табл. 4). Удалось измерить длину одной пястной (180 мм) и двух плюсневых костей (185,4 и 216,4 мм), расколотых продольно. Высчитанная высота в холке, с использованием коэффициентов В.И. Цалкина (Цалкин, 1956. С. 46–47), составляет 92,7–108,2 см, что свидетельствует о мелких размерах особей КРС. Такие размеры вполне сопоставимы как с местным бурятским и восточно-сибирским скотом – 95–121 см в холке (Балков, 1943; Кисельков, Ляшевич, 1947), так и древнерусским лесным скотом Восточной Европы (Цалкин, 1962).

Доминирующая роль крупного рогатого скота не раз отмечалась исследователями остеологических коллекций средневековых русских городов и селений (Цалкин, 1956; Каспаров, 1997; Чубур, Миненко, 2008; Зиновьев, 2009, 2016; Антипина, Лебедева, 2012 и др.). Сравнение с уральскими и сибирскими объектами показывает следующее: на Ананьино-1 доля домашних быков и коров составляет 50,7 %, на Изюке-1 – 50,6 % (Явшева, Некрасов, Татаурова, 2008). При раскопках Томского кремля находки костей КРС составили 71 %, в Тобольском кремле найдено 83 % костей коров и быков (Бачура, Лобанова, Бобковская, 2011). В черте Екатеринбургa доля КРС в материалах XVIII–XIX вв. составляет 87–92 % (Бачура, Лобанова, 2017). При раскопках исторического центра Иркутска также выявлено доминирование КРС – в слоях XVIII века 90,1 % остатков (Исаев, Клементьев, Мартынович, 2011). Хорошая подборка сведений об особенностях оседлого (без учета северного оленя) животноводства северных русских поселений представлена в

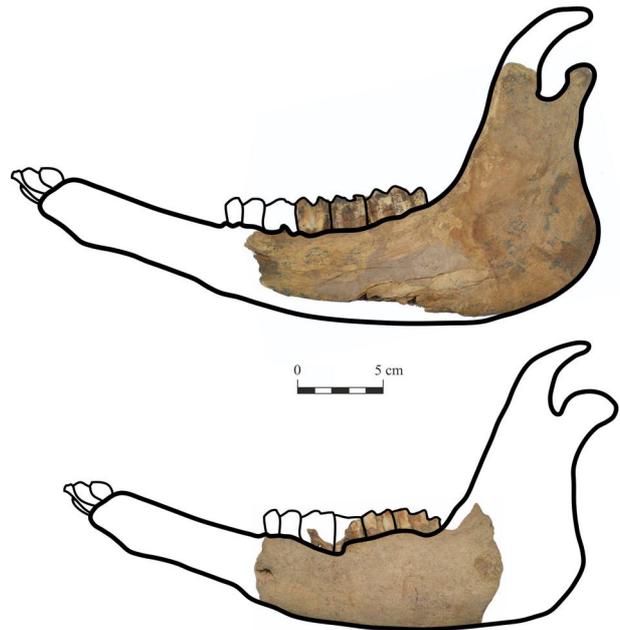

Рис. 8. Типичные фрагменты нижних челюстей КРС из острожного слоя: сверху – из кв. Г-11, внизу – из кв. В-19. На нижнем рисунке видно атипичное стирание р4 и m1

Fig. 8. Typical fragments of lower jaw of the cattle from cultural layer of the Udinsky Fort. On the top – square G-11, in the bottom – square B-19. On the bottom picture is visible atypical erasure p4 and m1

работе Г.П. Визгалова с соавторами (Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова, 2013). Первое место на Мангазее в остеологическом спектре принадлежит свинье, остальные домашние копытные малочисленны или очень редки. Расположенные в зоне тайги Березовское и Старотуруханское городища, село Обдорское имеют уже остеологический спектр с равноценным представителем остатков свиней и коров (Березовское) или доминированием КРС (Старотуруханское, Обдорское).

Домашняя свинья занимает второе место по количеству остатков, но сохранность и принадлежность костей в основном молодым животным позволили снять промеры только с единичных целых экземпляров. Эти фрагментарные остатки явно принадлежат мелкоразмерным животным и соответствуют размерам костей восточноевропейских свиней (в скобках по: (Цалкин, 1956)): длина/ширина m3 27,7/12,4 (24–28/11–19) мм; ширина и поперечник сустава лопатки (в скобках по: (Бибикова, 1953)) составляют 21,5 и 30,8 (12,7–32,8/–)мм.

Таблица 2

Размеры челюстных элементов крупного рогатого скота

Table 2

Maxillomandibular dimensions of cattle

Промеры [von den Driesch, 1976]	Удинский острог			Промеры [von den Driesch, 1976]	Удинский острог		
	Cranium			Mandibula			
	n	lim	M		n	lim	M
21. Длина ряда М	10	70,9–86,5	78,5	7. Длина Р-М	1	136,8	–
22. Длина ряда Р	6	45,2–56,6	52,2	8. Длина ряда М	8	80,4–91,8	85,2
Длина Р2/	6	15,6–19,7	17,0	9. Длина ряда Р	2	52,0; 53,6	–
Ширина Р2/	7	12,2–17,1	14,3	Длина Р/2	5	12,0–18,6	14,6
Длина Р3/	13	12,6–20,4	17,7	Ширина Р/2	5	8,4–11,6	10,1
Ширина Р3/	13	14,0–19,5	16,3	Длина Р/3	10	18,2–22,7	20,2
Длина Р4/	14	13,5–19,0	16,9	Ширина Р/3	10	8,3–12,3	10,5
Ширина Р4/	14	14,1–20,2	17,6	Длина Р/4	9	18,5–23,1	20,9
Длина М1/	19	18,0–29,2	23,1	Ширина Р/4	9	10,9–14,3	12,0
Ширина М1/	20	17,8–29,3	21,0	Длина М/1	14	20,5–26,2	23,4
Длина М2/	21	16,0–30,3	25,8	Ширина М/1	14	13,1–16,1	14,2
Ширина М2/	18	18,4–23,1	21,0	Длина М/2	14	23,5–30,2	25,9
Длина М3/	12	22,3–30,1	27,7	Ширина М/2	14	12,4–26,8	14,8
Ширина М3/	12	15,9–24,2	20,2	Длина М/3	12	32,5–40,4	37,0
–				Ширина М/3	12	12,1–17,2	13,8
–				Длина талонида М/3	10	7,8–18,2	10,1
–				15b. Высота кости за М/1	5	47,3–57,1	51,2
–				Толщина кости у М/1	5	25,0–28,2	26,0

Таблица 3

Размеры фаланг крупного рогатого скота

Table 3

Phalanx sizes of the cattle

Промер	I Phx, передние, n=6		I Phx, задние, n=7	
	lim	M	lim	M
Длина	47,2–61,9	56,6	50,7–59,1	53,4
Ширина верхнего эпифиза	23,8–32,9	29,9	24,1–28,3	25,9
Ширина диафиза	19,5–28,7	25,3	19,9–25,8	21,9
Ширина нижнего эпифиза	22,5–30,7	27,2	22,0–26,7	24,3
Промер	II Phx, передние		II Phx, задние, n=4	
	n=2		lim	M
Длина	36,8; 36,1		35,0–36,1	35,6
Ширина верхнего эпифиза	28,8; 26,7		24,3–29,6	26,1
Ширина диафиза	24,1; 22,5		19,6–23,2	20,9
Ширина нижнего эпифиза	26,3; 23,5		20,2–24,7	22,1

Таблица 4

Размеры пястной и плюсневых костей КРС

Table 4

Metacarpal and metatarsal bone sizes of the cattle

Кость\промер	Пясть К-17	Плюсна Ж-19	Плюсна Л-17	Плюсна М-18
Ширина верхнего эпифиза	–	–	42,0	45,5
Поперечник его	–	–	44,7	42,7
Ширина нижнего эпифиза	54,3	49,5	–	–
Поперечник его	28,9	26,1	–	–

Отдельные кости принадлежат взрослым особям, имеют крупные размеры и пока неясны по происхождению. Например, высота первого шейного позвонка 46,5 мм; ширина нижнего эпифиза большой берцовой кости – 35,9 мм; третья плюсна с длиной 96,3 мм; фрагмент крупной тазовой кости; пяточная кость с шириной бугра 21,9 мм. Если учитывать размеры костей кабанов Восточной Европы (Бибикина, 1953; Цалкин, 1960), то нужно исключить присутствие в коллекции костей дикого кабана. С другой стороны, сибирские популяции кабанов совершенно остеометрически не изучены, что оставляет под вопросом принадлежность крупных костей представителя *Sus scrofa* из раскопок Удинского острога. Косвенно в пользу принадлежности крупных костей кабану могут свидетельствовать два факта: принадлежность взрослым особям, в отличие от мелких костей молодых свиней, и особый статус – жителей острога как фортификационного объекта.

Единичные остатки домашнего барана оказались сильно фрагментированы и позволили полностью измерить только отдельные параметры. Второй шейный позвонок имеет высоту 46,1 мм, ширину тела 22,2 мм и ширину переднего сустава 43,4 мм. На тазовых костях удалось измерить диаметр запирающего отверстия (38,6 мм) и диаметр вертлужной ямки (24,4 мм; 29,6 мм; 31,6 мм). По двум нижним челюстям с зубами устанавливается возраст (Цалкин, 1970) забитых особей: первой от 3 до 9 месяцев, ближе к первой половине этого периода жизни; второй немногим более 24 мес.

Лошадь немногочисленна в собранной коллекции. Целыми сохранились только фаланги –

первая (Л-18), вторая (Л-19) и третья (Л-18). Судя по локализации, возможна их принадлежность одной особи. Широкое использование лошади для транспортных нужд вплоть до XX века объясняет ее малое представительство в материалах острога.

Диагностируемые кости козули принадлежали взрослым особям, измерения отдельных костей представлены в (табл. 5, 6). Размеры астрагала – длина 35,7 мм; ширина и поперечник нижнего эпифиза 21,4 мм и 19,5 мм. Заяц-беляк хорошо идентифицируется по радиусу нижнего резца – 24,5 мм; для тазовой кости этого вида удалось измерить диаметр запирающего отверстия (19,7 мм) и диаметр вертлужной ямки (11,0 мм); промеры лопатки и трубчатых костей приведены в (табл. 6).

Таблица 5

Размеры челюстей козули, мм

Table 5

Roe deer jaws dimensions, mm

Промер	mandibula	maxilla
	Л-18	Л-19
Длина P2-M3	72,7	–
Длина P2-4/p2-4	31,7	33,1
Длина M1-3	42,3	–
Толщина под M/1	10,2	–
Длина/ширина M1/m1	11,8/9,1	13,1/13,1

Археозоологические аспекты

Палеофаунистический материал распределяется на изученной территории неравномерно. Это

Таблица 6

Размеры костей промысловых зверей, мм

Table 6

Bone sizes of the game mammals, mm

Кость/промер	Косуля		Заяц				
	Tibia б/№	Femur Е-17	Scapula Е-20	Femur Е-17	Tibia И-20	MTIII Ж-20	MTIV Ж-20
Длина	–	193,1	–	–	–	58,2	55,4
Ширина верхнего эпифиза	46,6	–	–	28,0	–	5,0	5,2
Поперечник верхнего эпифиза	44,6	20,3	–	9,1	–	8,2	6,7
Ширина диафиза	–	14,9	–	–	7,5	3,8	3,6
Ширина нижнего эпифиза	–	33,1	8,9; 10,9	19,1	18,0	5,5	5,2

можно объяснить периодическим очищением обжитой территории от мусора, который концентрировался в отдельных местах (в данном случае скопление в квадратах – Д-3 – 19, 20).

Рёбра, черепные фрагменты, позвонки свиньи и крупного рогатого скота несут на себе следы в основном грубой разделки (топором и пилой). Сохранность остатков млекопитающих из культурного слоя показывает следующие археозоологические особенности. При разделке КРС использовался стандартный вариант – сначала грубая разделка путем разрубания головы и мясных частей туши на части. Голова подвергалась кулинарной обработке, поскольку роговые стержни, не имеющие пищевой ценности, обрубались. Дистальные элементы конечностей, вероятно, использовались в пищу (поперечное разрубание метаподий) или для изготовления клея. Крупные метаподиальные кости также употреблялись для создания заготовок костяных орудий (рис. 9.2, 3), поскольку расколоты продольно, что является нерациональным при добыче костного мозга.

Свидетельством косторезной деятельности на территории острога является находка заготовки изделия (гребня –?) из бивня мамонта с отверстиями (рис. 9.1). Фрагменты резаных, рубленых и пиленых бивней найдены при раскопках городских усадеб Енисейска и Иркутска (Клементьев, Лысенко, Мартынович, 2016).

Материалы из культуросодержащего слоя позволяют составить представление о мясном рацио-

Рис. 9. Изделия из кости: 1 – заготовка изделия из бивня мамонта с отверстиями (гребень – ?); 2–3 – заготовки костяных орудий из продольно расколотых крупных метаподиальных костей
 Fig. 9. Bone products: 1 – preparation of a product of a mammoth tusk with holes (a crest – ?); 2–3 – preparations of bone tools of longitudinally split large metapodial bones

не жителей данного участка территории Удинского острога. Использование известных методик (Антипина, 2004; 2005; Яворская, 2013) заключается в следующем. Поскольку видовой спектр не является прямым указанием на объемы потребляемого мяса, то вводится весовой коэффициент (в силу разного веса крупных и средних копытных). Весовой коэффициент вычислен на основе размеров и возрастной структуры, употребленных в пищу животных. При умножении количества остатков на весовой коэффициент получаем абстрактные мясные единицы. Соотношение между ними показывает соотношение потребленной мясной продукции разных копытных. Это позволило сделать следующие выводы при расчетном (эталонном) весе домашнего барана в 40 кг. Доминирующее место в рационе занимала говядина (96,2 %), другие мясные продукты (конина, свинина, мясо баранов и коз) имели незначительное место (вместе 3,8 %) в рационе населения (табл. 7). Различный возраст забоя КРС и доминанта говядины в питании свидетельствует об использовании привозной продукции. Судя по массовости черепных костей, забой и разделка осуществлялись в пределах острога. Присутствие костей молодых особей домашней свиньи не противоречит такому заключению. Свиньи вполне могли быть компонентом приусадебного хозяйства жителей близлежащего посада. По имеющимся материалам мясо птицы и рыба имели подсобное значение в рационе жителей Удинского

острога. Обособленное положение острога в городской застройке и отсутствие хозяйственных построек, связанных с животноводством, предполагают нахождение здесь отдельной военной группы населения. Как известно, острожные башни использовались и как казармы, и как приказные избы для размещения в них временных гарнизонов. К 1680 г. Удинский острог являлся важным звеном военно-оборонительной системы Забайкалья: в нем находилась артиллерия, гарнизон, во главе которого стоял пятидесятник. Вероятнее всего, остеологические материалы являются импортными для самого острога, но они вполне могли поступать с ближней городской и пригородной периферии.

Тафономический анализ

В процессе обработки материала удалось зафиксировать некоторые тафономические характеристики культуросодержащего слоя по костным остаткам. Высокие гипсометрические отметки и сухой песчано-супесчаный грунт, с одной стороны, не способствуют хорошей сохранности костей из-за интенсивной аэрации. С другой стороны, наблюдается хорошая сохранность кератина роговых чехлов, по всей видимости, за счет сухого вмещающего грунта. Другой особенностью можно считать образование черного мажущего (марганцевого –?) налета на костях животных (9,1 % остатков). Период и условия образования такого минерального образования нам неизвестны но, вероятно, связаны с

Таблица 7

Расчет потребления мяса домашних копытных по остеологическим материалам Удинского острога

Table 7

Domestic ungulates meat consumption as calculated on the osteological materials from the Udinsky Fort

КРС	лошадь	свинья	МРС	Всего
Остеологический спектр (%)				
89,7	1,1	5,0	4,2	100 %
Кратность веса туш				
8	8	3	1	–
Абстрактные мясные единицы				
717,6	8,8	15	4,2	745,6
Спектр мясного потребления (%)				
96,2	1,2	2,0	0,6	100 %

аридными условиями. Все находки такого типа выделены отдельным столбцом в (табл. 1). По актуальным наблюдениям за временем разложения туш собак в песчаном грунте Забайкалья такая патина начинает образовываться на костях через 10–12 лет захоронения в виде точечных крапин. Какое время необходимо для сплошного покрытия крупных костей, пока неизвестно. Самым важным фактором, влияющим на сохранность материала, является наличие консервирующего слоя. В нашем случае таким слоем явились техногенные напластования, изолировавшие культуросодержащий уровень. Не исключается случайное попадание на этот уровень более «свежих» материалов, в результате образования промоин и переотложения материала в XX веке. Подобные костные фрагменты отбелены при экспонировании на дневной поверхности, имеют белёсую окраску (что может быть вызвано и почвенными растворами). Среди этих предположительных материалов определены единичные кости КРС, свиньи и человека.

Библиографический список

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.

Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 159–180.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Растения и животные // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012. Гл. 6. С. 144–229.

Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. Спасательные раскопки 2016 года на Удинском острове // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 1 (13). С. 75–84.

Балков М.Н. Крупный рогатый скот Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госиздательство, 1943. 47 с.

Бачура О.П., Лобанова Т.В. Кости животных из кухонных отходов русского населения Екатеринбурга в

Заключение

Исследованию были подвергнуты все имеющиеся фаунистические остатки из Удинского острова, полученные в ходе раскопок 2016 года. Изучено почти три тысячи экземпляров костей, из которых удалось определить домашних и промысловых животных. Установлено доминирование крупного рогатого скота в культуросодержащем слое острова. Проведение морфометрического анализа позволило установить размах изменчивости величины отдельных костей крупного рогатого скота и других видов млекопитающих. Доминирующим мясным источником пищи была говядина. Археозоологические наблюдения явились исходными для получения частных сведений о смертельных и перимортальных изменениях фаунистических остатков, характерных для острого слоя. Наблюдения за сохранностью костей позволили охарактеризовать некоторые тафономические факторы захоронения остатков животных. Хронологический период накопления фаунистических остатков приходится на время существования Удинского острова как сооружения, т. е. в пределах конца XVII – начала XIX в.

References

Antipina E.E. 2004. Archaeozoological research: objectives, potential and real results]. *Noveishie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii* [The newest archaeozoological research in Russia. Moscow: Languages of Slavic culture. Pp. 7–33. (In Russ.)

Antipina E.E. 2005. Meat products in the medieval city – the production or consumption? *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody* [Archaeology and natural and science methods]. Moscow: Languages of Slavic culture. Pp. 159–180. (In Russ.)

Antipina E.E., Lebedeva E.Yu. 2012. Plants and animals. *Arkheologiya drevnego Yaroslavl'ya. Zagadki i otkrytiya* [Archeology of ancient Yaroslavl'. Mysteries and discoveries]. Moscow: Institute of Archaeology of Russian academy of Science. Ch. 6. Pp. 144–229. (In Russ.)

Bazarov B.A., Imenokhiev N.V., Miyagashev D.A. 2016. Rescue excavation 2016 in Udinsky Fort. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review]. No. 1 (13). Pp. 75–84. (In Russ.)

Balkov M.N. 1943. The cattle of Buryat-Mongolian ASSR. Ulan-Ude: Buryat-Mongolian book. 47 p. (In Russ.)

Bachura O.P., Lobanova T.V. 2017. Animal bones from kitchen wastes of the Russian population of Ekaterinburg in

XVIII–XX веках // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 363–368.

Бачура О.П., Лобанова Т.В., Бобковская Н.В. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТУ, 2011. С. 271–275.

Бибикова В.И. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевцевская // МИА. 1953. № 38. С. 411–458.

Бураева О.В. Откуда есть пошел град Удинский // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 14–20.

Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири (материалы и исследования по истории севера Западной Сибири). Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии севера; Изд-во АМБ, 2013. Вып. 4. 376 с.

Зиновьев А.В. Обзор остеологического материала из раскопок в Тверском кремле (стадион «Химик») в 2013 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2016. Т. 30. С. 226–231.

Зиновьев А.В. Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-1» в Великом Новгороде в 2008 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2009. Т. 23. С. 189–207.

Исаев А.Ю., Клементьев А.М., Мартынович Н.В. Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска // Байкальский зоологический журнал. 2011. № 2 (7). С. 5–10.

Каспаров А.К. Остатки животных из городища Старая Ладога (предварительные итоги) // Древности Поволжья. СПб: ИИМК РАН, 1997. С. 26–30.

Кисельков С.И., Ляшевич Ф.Г. Восточно-сибирский скот. Новосибирск: «Красноармейская звезда», 1947. 38 с.

Клементьев А.М., Лысенко Д.Н., Мартынович Н.В. Остатки млекопитающих и птиц из археологических раскопок Енисейска (XVII–XIX вв.) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред.

the XVIII–XX centuries. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian culture in archaeological research]. Omsk: Nauka. Pp. 363–368. (In Russ.)

Bachura O.P., Lobanova T.V., Bobkovskaya N.V. 2011. Livestock of the Russian population in cities in the north of the Urals and Siberia in the XVII–XIX centuries. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* [Russian's culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies]. Omsk: Publishing House of the Omsk Institute (branch) of the Russian State Technical University. Pp. 271–275. (In Russ.)

Bibikova V.I. 1953. Fauna of early Tripoly Culture settlements Luka-Vrublevetskaya. *MIA* [Materials and Researches on Archeology of the USSR]. No. 38. Pp. 411–458. (In Russ.)

Burayeva O.V. 2016. From where there is Udinsky town. *Ulan-Ude – 350 let: istoriya, prostranstvo, obshchestvo* [Ulan-Ude – 350 years: history, space, society]. Irkutsk: Ottisk. Pp. 14–20 (In Russ.)

Vizgalov G.P., Kardash O.V., Kosintsev P.A., Lobanova T.V. 2013. Historical ecology of the population of the North of Western Siberia (Materials and research on the history of the North of Western Siberia). Nefteyugansk: The Institute of archaeology of the North; Yekaterinburg: AMB. Iss. 4. 376 p. (In Russ.)

Zinov'ev A.V. 2016. In review of osteological material from excavations in the Tver Kremlin (stadium “Khimik”) in 2013. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]. Velikii Novgorod: Novgorod state United Museum-reserve. Vol. 30. Pp. 226–231. (In Russ.)

Zinov'ev A.V. 2009. A review of archaeozoological material obtained from the excavation «Desyatinni-1» in Velikii Novgorod in 2008. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]. Velikii Novgorod: Novgorod state United Museum-reserve. Vol. 23. Pp. 189–207. (In Russ.)

Isaev A.Ju., Klementiev A.M., Martynovich N.V. 2011. Vertebrate fauna from the archaeological site of the historical center of Irkutsk. *Baikal'skii zoologicheskii zhurnal* [Baikal Zoological Journal]. No. 2 (7). Pp. 5–10. (In Russ.)

Kasparov A.K. 1997. The remains of animals from the ancient settlement of Staraya Ladoga (preliminary results). *Drevnosti Povolkhov'ya* [Ancients of Povolkhovie]. St. Petersburg: Institute for history of material culture of Russian academy of science. Pp. 26–30. (In Russ.)

Kisel'kov S.I., Lyashevich F.G. 1947. East-Siberian cattle. Novosibirsk: “Red army star”. 38 p. (In Russ.)

Klementiev A.M., Lysenko D.N. Martynovich N.V. 2016. Remains of mammals and birds from the archaeological excavations of Yeniseisk city (XVII–XIX cent). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern

П.В. Мандрыка. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. С. 240–248.

Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. 248 с.

Минерт Л.К. Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 80–107.

Номоконова Т.Ю., Батракова Н.А., Татаурова Л.В. Перспективы применения зооархеологических методов к археологическим комплексам русского населения Сибири XVII–XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 132–136.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Половина 1. 1772 и 1773 годов. С.-Пб.: ИАН, 1788. 624 с.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири 1701 г. // РГБ. Ф. 256. № 346.

Тиваненко А.В. Удинский острог (Первое столетие Улан-Удэ). К 330-летию образования г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Изд.-во БНЦ СО РАН, 1995. 119 с.

Уфимцев Г.Ф. Русский взгляд на морфологический ландшафт: мотивы градостроения и пейзажной живописи // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М.М. Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 2. С. 242.

Харинский А.В., Исаев А.Ю., Стерхова И.В., Клементьев А.М., Мак Махэн Д., Диллиплане Т.Л. Исторический центр Иркутска и перспективы его археологического изучения // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 106–114.

Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1960. № 53. С. 7–109.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА. 1970. № 161. 279 с.

Цалкин В.И. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке // МИА. 1962. № 107. С. 5–96.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. 1956. № 61. С. 7–185.

China. Proceedings of VII International Scientific Conference]. Krasnoyarsk: Siberian federal university. Vol. 2. Pp. 240–248. (In Russ.)

Minert L.K. 1983. Architecture of Ulan-Ude, Ulan-Ude: Buryat book. 248 p. (In Russ.)

Minert L.K. 1989. Sites of the initial stage of urban planning in Buryatia. *Pamyatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri* [Sites of history, archeology and architecture of Siberia]. Novosibirsk. Pp. 80–107. (In Russ.)

Nomokonova T.Yu., Batrakova N.A., Tataurova L.V. 2012. Perspectives of application of zooarcheological methods to archaeological complexes of the Russian population of Siberia of XVII–XIX centuries. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. No. 2 (17). Pp. 132–136. (In Russ.)

Pallas P.S. 1788. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva [Travel to different provinces of the Russian state], Pt. 3. Half 1 – 1772 and 1773 years', St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 624 p. (In Russ.)

Remezov S.U. 1701. Chertezhnaya kniga Sibiri 1701 g. [Drawing book of Siberia 1701]. *RGB* [Russian State Library]. F. 256. No. 346. (In Russ.)

Tivanenko A.V. 1995. Udinskiy Fort (First century of Ulan-Ude). To the 330th anniversary of the city of Ulan-Ude. Ulan-Ude: BSC SB RAS. 119 p. (In Russ.)

Ufimtsev G.F. 2007. Russian view of the morphological landscape: motives of urban planning and landscape painting. *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya* [Northern Eurasia in Anthropogene: man, paleotechnology, geoecology, ethnology and anthropology. Proceedings of the all-Russian conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of M.M. Gerasimov]. Irkutsk: Ottisk. Vol. 2. 242 p. (In Russ.)

Kharinskiy A.V., Isaev A.Yu., Sterkhova I.V., Klementiev A.M., Mak Makhen D., Dilliplane T.L. 2008. Historical centre of Irkutsk and the perspective for its archaeological study. *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian's Culture in archaeological research]. Omsk: "Apel'sin". Pp. 106–114. (In Russ.)

Tsalkin V.I. 1960. Domestic and wild animals of the Northern Black Sea region in the early iron age. *Istoriya skotovodstva v Severnom Prichernomor'e* [History of cattle breeding in the Northern Black Sea region]. *MIA* [Materials and Researches on Archeology of the USSR]. No. 53. Moscow: AS USSR. Pp. 7–109. (In Russ.)

Tsalkin V.I. 1970. The oldest domestic animal in Eastern Europe. *MIA* [Materials and Researches on Archeology of the USSR]. No. 161. 279 p. (In Russ.)

Tsalkin V.I. 1962. Animal husbandry and hunting in the forest belt of Eastern Europe in the early iron age. *MIA* [Materials and Researches on Archeology of the USSR]. No. 107. Pp. 5–96. (In Russ.)

Tsalkin V.I. 1956. Materials for the history of ranching and hunting in Gardarika. *MIA* [Materials and Researches

Цалкин В.И. Фауна из раскопок Кара-Корума // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. М.: Наука, 1968. № 114. Краткие сообщения Института Археологии. С. 16–23.

Чубур А.А., Миненко В.В. Археозоология позднесредневекового Смоленска (по данным раскопок 2004–2005 гг.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. Вып. 3. С. 42–52.

Яворская Л.В. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1179–1189.

Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 356–367.

Lyman R.L., Cannon K.P. Zooarchaeology and Conservation Biology. Salt Lake City: University of Utah Press, 2004. 272 p.

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge University Press, Second edition, 2008. 533 p.

von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites / A. von den Driesch // Peabody Mus. Bull. – 1976. – N 1. – 136 p.

Сведения об авторах

Клементьев Алексей Михайлович,

кандидат географических наук, научный сотрудник Лаборатории кайнозоя, Институт земной коры СО РАН, Россия, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128, e-mail: klem-al@yandex.ru

Базаров Биликто Александрович,

научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; ведущий специалист, Научно-производственный центр по охране и использования памятников истории и культуры, Россия, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Каландаршвили, 41, e-mail: biliktobazarov@yandex.ru

Миягашев Денис Алексеевич,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

on Archeology of the USSR]. No. 61. Pp. 7–185. (In Russ.)

Tsalkin V.I. 1968. Fauna from the excavations of Kara-Korum. *Drevnosti Sibiri, Dal'nego Vostoka i Srednei Azii* [Antiquity of Siberia, the Far East and Central Asia]. Moscow: Nauka. KSIA [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. No. 114. Pp. 16–23. (In Russ.)

Chubur A.A., Minenko V.V. 2008. Archeozoology of late medieval Smolensk (according to the excavations 2004–2005). *Verkhnee Podon'ye: Arkheologiya. Istoriya* [Upper Don Region: Archaeology. History]. Iss. 3. Tula: State museum-reserve "Kulikovo pole". Pp. 42–52. (In Russ.)

Yavorskaja L.V. 2013 "Bone pavement" in ancient cities: "anatomy" of one archaeological mystery. *Zoological Journal*. Vol. 92. No. 9. Pp. 1179–1189. (In Russ.)

Yavsheva D.A., Nekrasov A.E., Tataurova L.V. 2008. Hunting and Farming of the Russian population of Irtysh forest-steppe. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian's Culture in archaeological research]. Omsk: "Apel'sin". Pp. 356–367. (In Russ.)

Lyman R.L., Cannon K.P. Zooarchaeology and Conservation Biology. Salt Lake City: University of Utah Press, 2004. 272 p.

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge University Press, Second edition, 2008. 533 p.

von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites / A. von den Driesch // Peabody Mus. Bull. – 1976. – N 1. – 136 p.

Information about the authors

Alexey M. Klementyev,

Cand. Sci. (Geography), researcher of Laboratory of Cenozoic, Institute of the Earth's Crust of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 128 Lermontov Str., Irkutsk 664033, Russian Federation, e-mail: klem-al@yandex.ru

Bilikto A. Bazarov,

Researcher of Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation; Leading specialist, Scientific and Production Center for the Protection and Use of Historical and Cultural Sites, 41 Kalandarischvili Str., Ulan-Ude 670000, Republic of Buryatia, Russian Federation, e-mail: biliktobazarov@yandex.ru

Denis A. Miyagashev,

Cand. Sci. (History), researcher of Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,

Россия, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: silker10@yandex.ru

Именохоев Николай Владимирович,

научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

Россия, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6,

e-mail: yni@mail.ru

Дикий Ярослав Витальевич,

аспирант Лаборатории археологии, этнологии и антропологии,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

Россия, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6,

e-mail: yaroslavdikii@gmail.com

6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia,
Russian Federation,

e-mail: silker10@yandex.ru

Nikolay V. Imenokhiov,

Researcher of Department of History and Culture of Central Asia,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,

6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia,
Russian Federation,

e-mail: yni@mail.ru

Yaroslav V. Dikiy,

Post-graduate of Laboratory of Archaeology, Ethnology and Anthropology,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,

6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia,
Russian Federation,

e-mail: yaroslavdikii@gmail.com

Критерии авторства

А.М. Клементьев, Б.А. Базаров, Д.А. Миягашев, Н.В. Именохоев, Я.В. Дикий выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Attribution criteria

A.M. Klementiev, B.A. Bazarov, D.A. Miyagashev, N.V. Imenokhiov, Ya.V. Dikiy made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 550.8:903

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-103-114>

Геофизическое обеспечение археологического обследования территории бывшего лютеранского кладбища в г. Иркутске

© А.Г. Дмитриев

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы использования комплексных геофизических исследований при изучении захоронений на бывшем Лютеранского кладбища г. Иркутска. Приводится историческая справка по изменению статуса кладбища и современные проблемы по его реконструкции. Геофизические методы являются неразрушающими, что особенно актуально при экстренных исследованиях территорий перед застройкой, там, где раскопки не запланированы или по каким-либо причинам невозможны. Предпосылками применения геофизических методов являются контрастность физических свойств объектов и среды, соотношение размеров объекта и глубины его залегания, а также уровень сигнала от объекта по сравнению с уровнем помех. В пределах кладбища были проведены высокоточные гравиметрические, магнитометрические и георадиолокационные исследования. По результатам геофизических исследований выделена ступень в гравитационном и магнитном полях, отождествляемая с фрагментом фундамента ограды кладбища и переуглубление отражающих горизонтов на радарограммах. Однако отсутствие коррелирующихся аномалий по всем методам и наличие высококонтрастных неоднородностей в верхней части разреза не позволили однозначно локализовать именно археологические объекты.

Ключевые слова: история, геофизическое обеспечение, обследование, лютеранское кладбище, археология, выявление захоронений, магнитометрия, гравиметрия, георадиолокация

Благодарности: Автор выражает благодарность за участие и помощь в проведении работ С.В. Гаченко, А.В. Сметанину (ФГУНПП Иркутскгеофизика) и П.П. Давыдову (ООО Геологоразведка).

Информация о статье: Дата поступления 17 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 20 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Дмитриев А.Г. Геофизическое обеспечение археологического обследования территории бывшего лютеранского кладбища в г. Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 103–114. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-103-114

Geophysical support for archeological survey of the territory of former Lutheran cemetery in Irkutsk city

© Aleksandr G. Dmitriev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The paper addresses issues of use of integrated geophysical investigations by study of burial places at former Lutheran cemetery in Irkutsk city. The author gives the historical background for the change of cemetery status and describes modern problems related to its reconstruction. Geophysical methods are nondestructive which is especially topical by urgent research of territory before construction works at places where excavations have not been planned or for some reasons are not possible. On the cemetery territory, high-precision gravimagnetic and GPR investigations have been carried out. Geophysical research resulted in the detection of a step in gravitational and magnetic fields which is identified as a fragment of ceme-

tery fence foundation and overdeepening of reflecting horizons on a radarogram. However, lack of corresponding anomalies and inhomogeneities in the upper part of the section impede explicit locating of archeological objects.

Keywords: history of Lutheran cemetery, geophysical support, archeology survey, burial places identification, geophysical methods, magnetometry, gravimetry, GPR

Acknowledgements: The author is grateful for the participation and assistance in the work of S.V. Gachenko, A.V. Smetanin (FGUNPGP Irkutskgeofizika) and P.P. Davydov (OOO Geologorazvedka).

Article info: Received April 17, 2019; accepted for publication May 20, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Dmitriev A.G. 2019. Geophysical support for archeological survey of the territory of former Lutheran cemetery in Irkutsk city. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 103–114. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-103-114

Для подготовки архитектурного проекта по воссозданию исторического 130 квартала существовала необходимость проведения археологического обследования территории и, в первую очередь, территории бывшего Лютеранского кладбища, которое находилось в современном центре г. Иркутска. По топокарте 1868 г. кладбище находилось на «стрелке» пересечения улиц: Амурская (ныне – Ленина), Преображенская (ныне – Тимирязева), Летня Байкальская (ныне – Седова) и Зимне Байкальская (ныне – 3-го июля), в 30–40 м напротив Крестовоздвиженской церкви (Летопись города Иркутска XVII–XIX вв., 1996)¹. О нахождении кладбища в этом месте свидетельствуют многочисленные планы города 1760–1899 годов. Предполагаемое место кладбища на карте 1868 г. изображено в виде квадрата со стороной примерно 50 м (рис. 1). О нахождении кладбища в этом месте свидетельствуют многочисленные планы города 1760–1899 годов. Учитывая несовершенство исполнения планов в то время, его положение и размеры являются условными. Западная сторона его стены идет почти параллельно стене Крестовской церкви и отстоит от нее примерно на 30–40 м (Иркутская летопись, 1911)².

Точные сведения о начале захоронений на кладбище отсутствуют. По мнению историка А.Н. Гаращенко (Гаращенко, 1996), оно было основано в первой половине XVIII века, когда в Сибирь

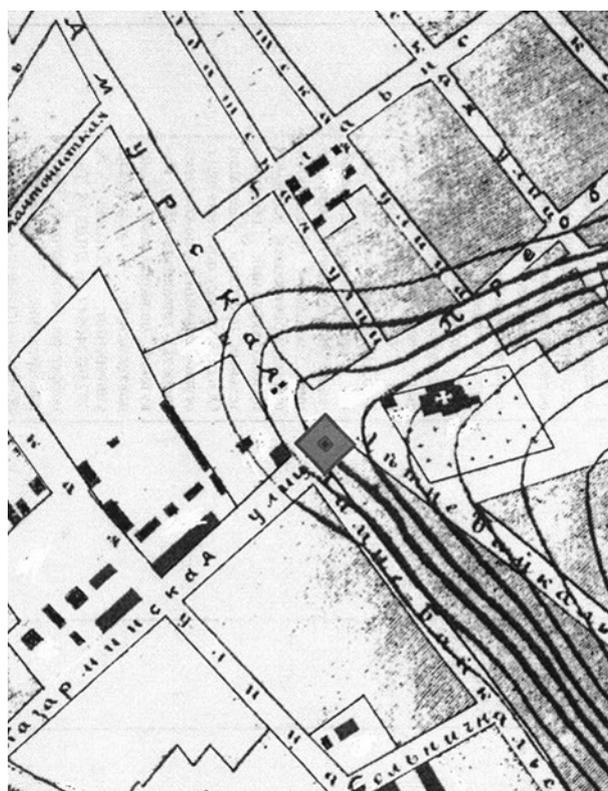

Рис. 1. Топоплан 1868 г. района Лютеранского кладбища г. Иркутска
Fig. 1. Topoplan 1868 district of the Lutheran cemeteries in the city of Irkutsk

¹ Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. / сост. и науч. ред. Н.В. Куликаускене. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. 320 с.

Chronicle of the city of Irkutsk XVII–XIX centuries. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1996. 320 p.

² Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. 395 с.

Irkutskaya letopis' (Letopisi P.I. Pezhemskogo i V.A. Krotova) [Irkutsk Chronicle (Annals of P.I. Pezhemsky and V.A. Krotov)]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1911. 395 p.

попали находившиеся на русской службе лютеране по исповедованию, которых простой народ называл «немцами». Как свидетельствуют документы начала XX века, когда кладбище еще существовало, «...в ограде находилось семь могил, из которых только одна не имела надгробной плиты, три могилы имели кирпичные надстройки. Надгробные памятники относились к временам императрицы Анны Иоановны и Елизаветы Петровны. Среди погребенных были общественные деятели, сыгравшие заметную роль в истории развития города Иркутска и Иркутской губернии: Лоренц-Ланг (1684 – 26.12.1752) – дипломат, вице-губернатор Иркутской Губернии, секретарь и «директор караванной казны» при посольстве Л.В. Измайлова в Китае; генерал-майор Карл Лебинофон-Фрауендорф (? – 2.01.1765) – первый губернатор Иркутской губернии; Иван Антонович фон-Линеман (1716 – 22.05.1789) – бригадир, обер-комендант г. Иркутска и другие» (Дулов, 1993). Кладбище было обнесено оградой (рис. 2), на нем имелась часовня (Медведев, 1996). После открытия в 1772 г. городского Иерусалимского кладбища, на нем был выделен участок для погребения представителей лютеранского вероисповедания. В 1910 г. иркутский губернатор издал распоряжение о ликвидации лютеранского кладбища, что частично и было выполнено. Окончательно кладбище и Амурские ворота были разрушены уже при советской власти в нача-

ле 30-х годов прошлого века. Данные о дальнейшей судьбе захоронений отсутствуют.

Сегодня часть этого кладбища занята проезжей частью и тротуарами. Однако сохранился маленький сквер, на котором, правда, нет могильных плит (рис. 3). Здесь планировалось установить памятник комсомольцам, позднее – декабристам. Об этом решении до 2014 г. свидетельствовал памятный камень с соответствующей табличкой. В последнее время ряд организаций и общественных деятелей предлагает установить мемориальный знак или часовню, говорящие о том, что располагалось на этом месте в течение XVII – начале XX века, как место памяти, связанное с именами известных личностей, оставивших определенный след в истории Сибири.

Поскольку археологические работы на данной территории не проводились, имело смысл исследовать данный участок с помощью геофизических методов. По классификации А.К. Станюкевича (Станюкевич, 1996) археологическая геофизика изучает скрытые объекты историко-культурного наследия: археологические объекты и комплексы, содержащиеся в культурных напластованиях; археологические памятники, утратившие внешние отличительные признаки (могильники, фундаменты несохранившихся сооружений). Геофизические методы исследований, в отличие от археологических, являются неразрушающими (Слукин, 1988). Актуаль-

Рис. 2. Амурские ворота 1909 г. (слева кладка стены Лютеранского кладбища)
Fig. 2. Amur gate 1909 (left masonry walls Lutheran cemetery)

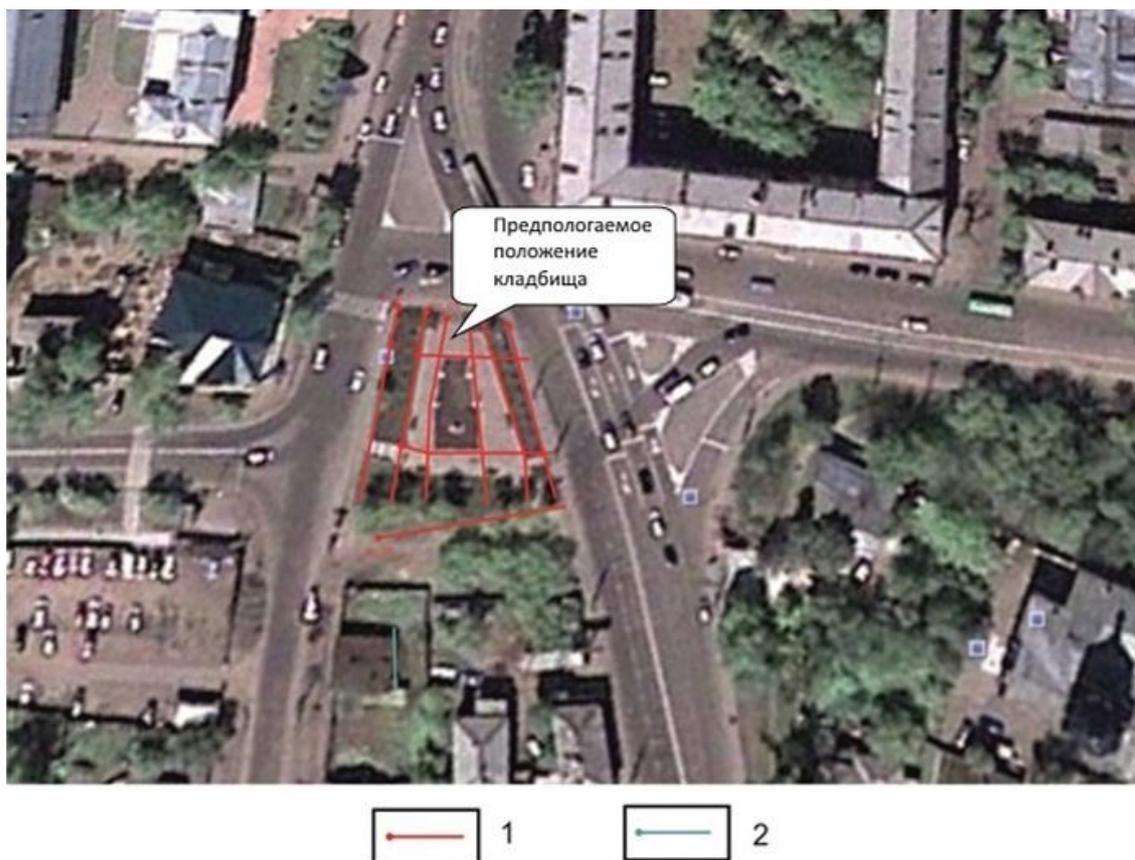

Рис. 3. Схема центральной части г. Иркутска: 1 – расположение радиолокационных профилей; 2 – расположение геологического разреза

Fig. 3. Scheme of the Central part of Irkutsk: 1 – Location of GPR profiles; 2 – Location of the geological section

ность их проведения особенно возрастает при экстренных исследованиях территорий перед застройкой, там, где раскопки не запланированы или по каким-либо причинам затруднены или невозможны (Станюкевич, 1997). При невозможности проведения раскопок на всей территории в зоне строительства, такая геофизическая информация может оказаться единственным источником знаний.

Предпосылками применения геофизических методов являются контрастность физических свойств объектов и среды, соотношение размеров объекта и глубины его залегания, а также уровень сигнала от объекта по сравнению с уровнем помех (Огильви, 1990). Для изучения археологических объектов могут применяться многие геофизические методы дистанционных исследований: аэрофотосъемка, лидарометрия, тепловая съемка, сейсморазведка и ядерно-геофизические методы,

гравимагнитные и электрометрические исследования (Журбин, 2004; Мартынов, Шер, 1989).

Анализ физико-геологических условий на участке исследований свидетельствует, что при наличии современных искусственных покрытий, характеризующихся высокой скоростью распространения упругих колебаний и низкой проводимостью, таких как: асфальт, бетонная тротуарная плитка, бордюры, и т. п., применение сейсмометрии методом преломленных волн практически исключено. Небольшая глубина искомых объектов делает реализацию второго по эффективности метода сейсморазведки – метода отраженных волн – вряд ли возможным.

В этих условиях наиболее универсальными и эффективными для археологических изысканий являются высокоточные – магнитометрическая, гравиметрическая и георадиолокационная съемки

(Комплексирование методов разведочной геофизики, 1984)³.

Применение магнитометрии обусловлено возможным наличием в пределах захоронений погребенных ферромагнитных материалов, таких как железо, скопление керамических материалов, очагов, зольников и т. п., которые характеризуются высокой естественной и термоостаточной намагниченностью (Kozhevnikov, Kharinsky, Snopkov, 2018). Амплитуда аномалий магнитного поля от подобных объектов при глубине их залегания от 0,5 до 2 м может колебаться от 0,01 до 0,05 нТл. Особенностью магнитных свойств «культурного слоя», мощностью от десятков сантиметров до первых метров, так же является хаотическое изменение направления полного вектора магнитного поля переработанных грунтов с резко выраженным его отличием от неизменных пород, которые имеют направление намагничения, соответствующее времени их образования (Скакун, Тарасов, 2000). Переработанные рыхлые отложения характеризуются практически нулевой магнитной восприимчивостью, поскольку намагниченность небольших доменов в результате переноса грунта имеет различную направленность (Kozhevnikov, Kharinsky, Kozhevnikov, 2001). При этом неизменные осадочные породы Иркутского амфитеатра обладают магнитной восприимчивостью от $10 \cdot 10^{-6}$ до $50 \cdot 10^{-6}$ ед. СГС. При низком уровне помех и специальных высокоточных методиках измерений, например, путем измерения вертикальных градиентов, полного вектора магнитного поля, при отсутствии необходимости регистрации и введения поправок за вариации T_a , возможно разделение подобных объектов (Кожевников, Кожевников, Никифоров, Снопков, Харинский, 2000).

Применение гравиметрии стало возможным в последнее время, после внедрения в практику исследований гравитационного поля сверхвысокоточных цифровых гравиметров. Выявление различных погребений в грунтовых могилах, склепах, рвах

и валах основано на дефиците плотности возникающей при разрыхлении покровных грунтов или наличии пустот и полостей (Хмелевской, Горбачев, Калинин, Попов, Селиверстов, Шевнин, 2004). В случае Лютеранского кладбища, часть могил имела кирпичные надстройки и, возможно, подземные склепы. Подобные неоднородности должны вносить еще большие искажения в наблюдаемое гравитационное поле и при соответствующих методах интерпретации выявляться практически однозначно.

Захоронения также влияют на удельное электрическое сопротивление грунтов. Интервалы разрыхления или воздушные полости повышают интегральную пористость в районе захоронений и, как следствие, увеличивают удельное электрическое сопротивление. Особые сложности представляют высокоомные экраны на поверхности участка работ (тротуарная плитка, асфальт, бетонные бордюры и т. п.), что практически исключает применение основных методов электроразведки, требующих гальванического заземления измерительных установок, (вертикальные электрические зондирования, электропрофилирование и т. п.), которые очень широко применяются при решении подобных задач. Применение же индукционных методов (зондирования становлением в ближней зоне, аудио магнитотеллурические зондирования и т. п.), которые характеризуются невысокой разрешающей способностью, особенно при изучении верхней части разреза, делают их применение проблематичным.

Георадиолокационные исследования вошли в практику археологических изысканий в конце прошлого века. В настоящее время высокая разрешающая способность и мобильность метода (измерения и геодезическая привязка в движении), возможность получения глубинных разрезов, широкий спектр регистрирующей аппаратуры и систем цифровой обработки данных обусловили повсеместное внедрение данного метода при изучении верхней части разреза (Марчук, Бездудный, 2002).

Метод георадиолокационных зондирований (ГРЛЗ) является одним из наиболее перспективных

³ Комплексирование методов разведочной геофизики: справочник геофизика. М.: Недра, 1984. 365 с.
Integration of exploration geophysics methods. Moscow: Nedra, 1984. 365 p.

и динамично развивающихся направлений геофизических исследований верхней части геологического разреза (ВЧР). К преимуществам метода можно отнести высокую разрешающую способность, помехоустойчивость по отношению к искажающим сигналам, а также оперативность (возможность регистрации в движении) и экономичность производства измерений. Кроме того, ГРЛЗ требует минимума пространства для развертывания аппаратуры, что зачастую является существенным фактором при его использовании в условиях плотной городской или промышленной застройки. Использование ГРЛЗ даёт возможность детально исследовать подповерхностную структуру ВЧР или техногенных конструкций от единиц сантиметров до глубины 10–15 м, обеспечивая существенное уменьшение количества заверочных горных выработок. Археологические георадиолокационные исследования осуществляются как при непосредственном поиске артефактов, так и при сопутствующих, на стадии горно-геологического обоснования лицензирования строительных объектов, ввода в разработку и эксплуатацию различных типов месторождений, с целью существенного снижения сроков исследований и объема горно-проходческих работ.

При археологических исследованиях перед ГРЛЗ традиционно ставятся следующие задачи:

- определение мест археологических артефактов (остатков погребенных строений, каналов, дорог и т. п.);

- выявление мест захоронений или наиболее вероятного их местоположения;

- геометризация формы захоронений с определением их глубины залегания и размеров.

ГРЛЗ в условиях Восточной Сибири позволили получить ряд положительных результатов при обследовании Байкальского и Северо-Муйского железнодорожных тоннелей, железнодорожных насыпей, автодорог и взлетно-посадочных полос аэродромов; транзитных зон перехода газопровода через Братское море и комплексных исследований фундамента Спасской церкви в г. Иркутске (Дмитриев, 2015). При изучении захоронений ГРЛЗ обычно нацелены на выявление неоднородностей,

связанных с переуглублениями, изменениями влажности и наличием зон дифракции, обусловленных дифференциацией пород и выделяемых объектов по удельному электрическому сопротивлению и диэлектрической проницаемости.

Участок работ характеризуется наличием чрезвычайно интенсивных промышленных помех (трамвайные и троллейбусные сети; канализационные коллекторы, тепловые и водопроводные коммуникации; кабель-каналы связи, светофорные регулировки, неоновые рекламы; работа телефонных ретрансляторов, интенсивное движение автомобильного транспорта и т. п.). Это предъявляет очень специфические требования к методике производства работ. В связи с этим, натурные измерения проводились исключительно в ночное время с обязательной регистрацией вариаций магнитного и измерением гравитационного полей от контрольного пункта.

На первом этапе измерения полного вектора магнитного поля T_a выполнялись от контрольного пункта в режиме непрерывного движения с привязкой координат с помощью GPS, по сети около $0,4 \times 0,8$ м магнитометрами ММПОС-1. Плотность наблюдений достигала 4 ф.н./м^2 . Вариации магнитного поля, по данным магнитной обсерватории Института солнечно-земной физики СО РАН, в период измерений имели низкочастотный характер, не превышали величину первых нТл и не должны были существенно влиять на измеряемое поле. Однако локальные промышленные помехи на обследуемом участке сильно сказывались на наблюдениях магнитного поля. В процессе измерений фиксировались аномалии от дорожного и тротуарного оборудования, постоянно наблюдались ураганные выбросы от электромагнитных помех. Даже медианное осреднение значений T_a и различные способы трансформации магнитного поля в полной мере не позволило избавиться от них (рис. 4). Погрешность измерений составила ± 5 нТл. На планах горизонтальных градиентов магнитного поля T_a с различными окнами осреднения повышенные значения $\text{grad}T_a$ коррелируются с самой верхней частью разреза – с почвенно-растительным слоем и грунтами газонов (рис. 5).

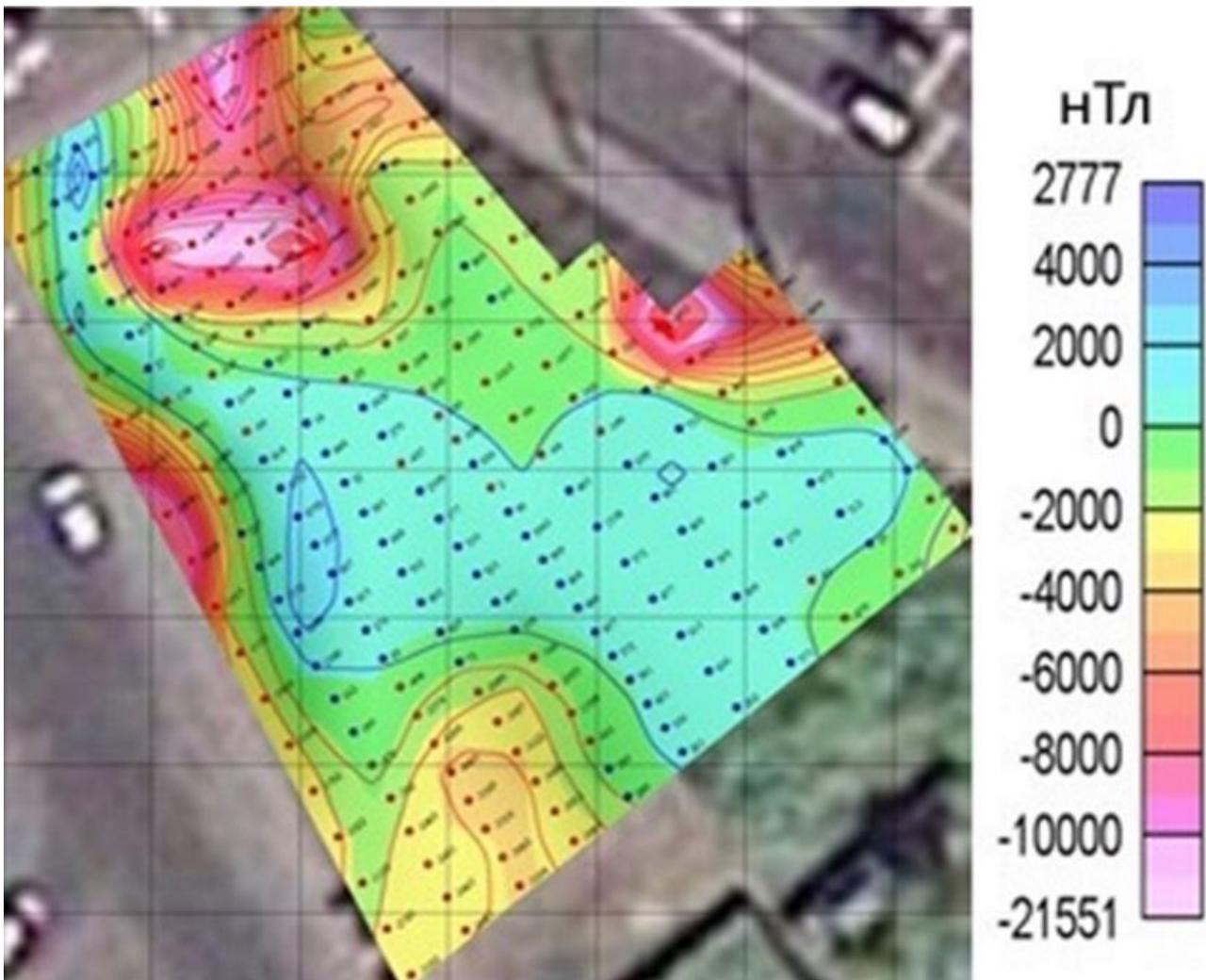

Рис. 4. План изодинам ΔT магнитного поля со схемой георадиолокационных профилей
Fig. 4. Plan isogram ΔT magnetic field with the scheme of the GPR profiles

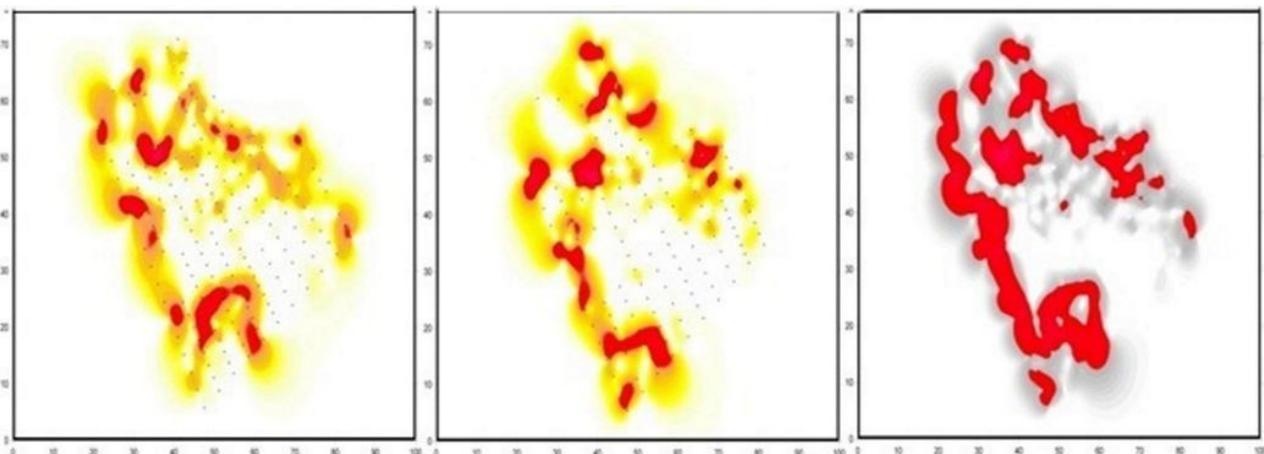

Рис. 5. Горизонтальные градиенты магнитного поля T_a с различными окнами осреднения
Fig. 5. Horizontal gradients of the magnetic field T_a with different averaging windows

Для повышения точности были произведены повторные микромагнитные измерения с высокоточными магнитометрами GSM-19w и регистрацией вариаций магнитного поля непосредственно на контрольном пункте. Замеры, пространственно привязанные к видимым дорожным неоднородностям или парковому оборудованию, были исключены из рассмотрения. В процессе работ при эпизодическом движении автотранспорта замеры приостанавливались. Погрешность измерений удалось снизить до $\pm 0,01$ нТл.

Гравитационное поле измерялось от контрольного пункта цифровым гравиметром CG-5 фирмы Scintrex по сети 1×1 м с инструментальной нивелирной и привязкой пунктов наблюдений. Погрешность измерений составила $\pm 0,002$ мГл.

По результатам измерений после введения необходимых поправок построены планы изодинам полного вектора T_a магнитного и планы изоаномал ΔG_a остаточного гравитационного поля (рис. 6). На планах наблюдается мозаичная струк-

тура полей, отождествляемая с локальными неоднородностями в верхней части разреза. Ряд аномалий идентифицируется с техническими сооружениями. Главной особенностью геофизических полей является выделенная линейная гравитационная ступень с характерными «утолщениями», расстояние между которыми составляет около 9 метров. Плановое расположение гравитационной аномалии соответствует серии изометричных аномалий магнитного поля. Амплитуда выделенных аномалий составляет около 0.1 мГл и более 500 нТл для гравитационного и магнитного полей соответственно. Поведение изолиний измеренных полей позволяет утверждать о наличии искусственной протяженной подземной неоднородности, вероятней всего, фрагмента погребенной кладки фундамента юго-восточной части ограды кладбища, сложенной из бутового песчаника (см. рис. 2). Пониженные значения гравитационного и повышенные – магнитного полей в северо-западной части участка, вероятно, обусловлены существо-

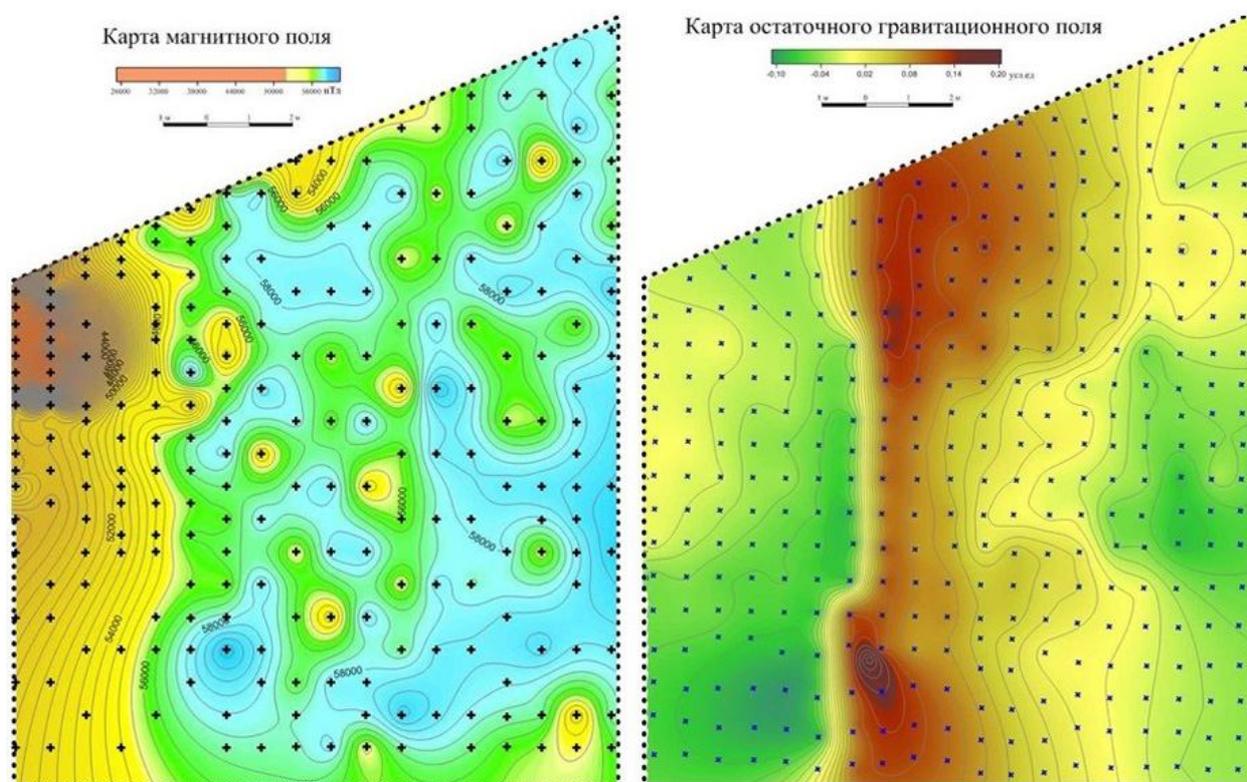

Рис. 6. Планы изодинам полного вектора T_a магнитного поля и изоаномал ΔG_a остаточного гравитационного поля

Fig. 6. Plans isogam full vector of the magnetic field T_a and isoanomal ΔG_a residual gravitational field

вавшим в послевоенные годы и в настоящее время засыпанным гравием подземным складом средств противохимической защиты.

Георадиолокационные зондирования выполнялись по сети профилей (см. рис. 3) комплексом «Zond-12C» с антенным блоком, настроенным на частоту зондирующих импульсов 900 МГц. Обработка и интерпретация материалов ГРЛЗ производилась в программном пакете Prizm-2 фирмы RadarSystems, Inc. Граф обработки включал в себя стандартные процедуры: ввод и редактирование данных; удаление постоянной составляющей, мас-

штабирование, спектральный анализ, компенсация прямой волны, регулировка усиления; амплитудная коррекция за сферическое расхождение, режекторная и полосовая фильтрации; отбеливающая деконволюция и когерентная фильтрация (Сергиенко, 2002). Результаты обработки представлялись в виде георадиолокационных разрезов при плотностном виде изображения трасс, в соответствии с выбранной цветовой шкалой (рис. 7).

На георадиолокационных разрезах можно видеть как субгоризонтальные границы, прослеживаемые на всем участке, так и изменения в вол-

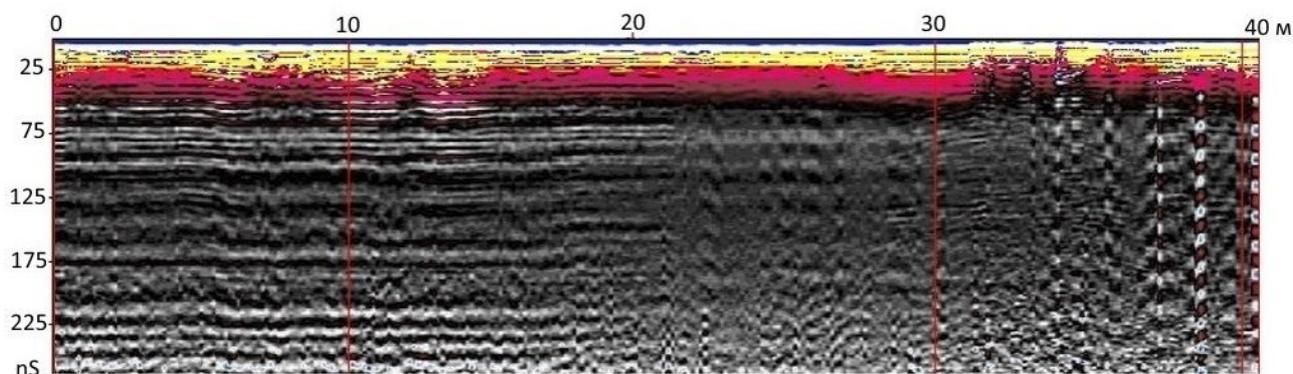

Рис. 7. Георадиолокационный временной разрез по профилю № 5
Fig. 7. GPR time section along profile No 5

Рис. 8. Фото разреза на продолжении георадиолокационного профиля № 5 (опорная стенка ресторана Chento)
Fig. 8. Photo of the incision on the continuation of the GPR profile № 5 (the support wall of the restaurant Chento)

Рис. 9. Геральдическая скульптура «Бабр», символ Иркутской губернии (архитектор О. Смирнова, скульптор Н. Бакут)

Fig. 9. Heraldic sculpture "Babr", a symbol of Irkutsk province (architect O. Smirnova, sculptor N. Bakut)

новой картине, обусловленные отдельными локальными неоднородностями в верхней части разреза. Субгоризонтальная граница, соответствующая смене литологических разностей пород, проявляется на глубине около 4 м, при этом она постепенно погружается в юго-восточном направлении. В этой части профиля наблюдается ряд срывов осей синфазности и рассыпания волновой картины (пикеты 33–41), которое обусловлено наличием строительного мусора, бутового камня и остатками деревянных свайных опор, о чем свидетельствует фотография опорной стенки на продолжении профиля № 5 (рис. 8). Вероятней всего, это остатки фундаментов зданий, которые видны на заднем плане Амурских ворот (см. рис. 2). На пикетах 8–19 м на временном разрезе наблюдается переуглубление, которое объясняется либо уменьшением скорости в самой верхней части разреза, либо увеличением глубины залегания отражающих границ. При этом в этой части профиля отсутствуют дифрагированные волны, обычно проявляющиеся в виде

гиперболических осей синфазности, которые характерны для захоронений (Дмитриев, 2015).

Выполненная съемка принципиально показывает наличие на участке исследования подземных неоднородностей, вероятно, антропогенной природы. Однако проведенные исследования не позволяют однозначно локализовать именно археологические объекты. Все это позволяет считать, что основная часть кладбища в настоящее время находится в пределах проезжей части и многократно перестроенной части сквера, где имеются многочисленные коллекторы, кабель-каналы различного назначения и трубопроводы. Поэтому, выявление сохранных могил на территории сквера в этих условиях, маловероятно. Это, а также временные ограничения, не позволили реализовать проект по установке памятного знака, говорящего о том, что располагалось на этом месте в XVII – XIX веках.

В настоящее время в сквере установлена геральдическая скульптура, символ Иркутской губернии – Бабр (рис. 9), которая пользуется большой популярностью у жителей города и туристов.

Библиографический список

Гарашченко А.Н. Мир праху твоему, иркутянин // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 42–50.

Дмитриев А.А. Применение георадиолокационных технологий при решении археологических задач // Вестник Иркутского государственного технического университета. Иркутск. 2015. № 7. С. 12–18.

Дулов А.В. Городские некрополи // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. 1993. С. 94–117.

Журбин И.В. Геофизика в археологии. Методы, технологии и результаты применения. Ижевск: изд-во УИИЯИЛ, 2004. 152 с.

Кожевников Н.О., Кожевников О.Л., Никифоров С.П., Снопков С.В., Харинский А.В. Древний центр металлургии железа в пади Барун-хал // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: изд-во ИГПУ. 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 166–195.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 1989. 223 с.

Марчук В.Н., Бездудный В.Г. Анализ результатов георадарного зондирования археологических объектов Ростовской области // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 2. С. 205–212.

Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917. М.: изд-во Галарт, 1996. 641 с.

Огильви А.А. Основы инженерной геофизики. М.: Недра, 1990. 501 с.

Сергиенко А.Б. Цифровая обработка сигналов. М.: ПИТЕР, 2002. 608 с.

Скакун Н.Н., Тарасов В.А. Результаты применения магниторазведки и капаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки // Археологические вести. СПб.: Институт истории материальной культуры. 2000. Вып. 7. С. 60–69.

Слукин В.М. Неразрушающие методы исследования памятников архитектуры. Свердловск, 1988. 220 с.

Станюкевич А.К. Археологическая геофизика в России // Геофизика. 1996. № 2. С. 57–64.

Станюкевич А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. 1997. Вып. 1. С. 19–42.

Хмелевской В.К., Горбачев Ю.И., Калинин А.В., Попов М.Г., Селиверстов Н.И., Шевнин В.А. Геофизические методы исследований. Петропавловск-Камчатский: изд-во КГПУ, 2004. 232 с.

Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Kozhevnikov O.K. An accidental geophysical discovery of an iron age archaeological site in the western shore of lake Baikal // Applied geophysics, 2001, № 47. Pp. 107–122.

References

Garashchenko A.N. 1996. Peace be upon you, Irkutsk citizen. *Zemlya Irkutskaya* [Irkutsk Land]. No. 5. Pp. 42–50. (In Russ.)

Dmitriev A.A. 2015. The use of georadar technologies in solving archaeological tasks. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University]. Irkutsk. No. 7. Pp. 12–18. (In Russ.)

Dulov A.V. 1993. City Necropolises. *Pamyatniki istorii i kul'tury Irkutsk* [Sites of history and culture of Irkutsk]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. Pp. 94–117. (In Russ.)

Zhurbin I.V. 2004. Geophysics in archeology. Methods, technologies and results of application. Izhevsk: izd-vo UII-YaiL. 152 p. (In Russ.)

Kozhevnikov N.O., Kozhevnikov O.L., Nikiforov S.P., Snopkov S.V., Kharinskii A.V. 2000. The ancient center of iron metallurgy in the pad' Barun-Khal. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti* [Baikal Siberia in antiquity]. Irkutsk: izd-vo IGPU. Iss. 2. Pt. 2. Pp. 166–195. (In Russ.)

Martynov A.I., Sher Ya.A. 1989. Methods of archaeological research. Moscow: Vysshaya shkola. 223 p. (In Russ.)

Marchuk V.N., Bezdudnyi V.G. 2002. Analysis of the results of georadar sounding of archaeological sites of the Rostov region. *Arkheologicheskie zapiski* [Archaeological notes]. Rostov-na-Donu. Iss. 2. Pp. 205–212. (In Russ.)

Medvedev S.I. 1996. Irkutsk on postcards. 1899–1917. Moscow: izd-vo Galart. 641 p. (In Russ.)

Ogil'vi A.A. 1990. Basics of engineering geophysics. Moscow: Nedra. 501 p. (In Russ.)

Sergienko A.B. 2002. Digital signal processing. Moscow: PITER. 608 p. (In Russ.)

Skakun N.N., Tarasov V.A. 2000. The results of the use of magnetic exploration and kappametrics in the study of the Bodaki settlement of Tripoli culture. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News]. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury. Iss. 7. Pp. 60–69. (In Russ.)

Slukin V.M. 1988. Non-destructive methods for the study of architectural sites. Sverdlovsk. 220 p. (In Russ.)

Stanyukevich A.K. 1996. Archaeological Geophysics in Russia. *Geofizika* [Geophysics]. No. 2. Pp. 57–64. (In Russ.)

Stanyukevich A.K. 1997. The main methods of field archaeological geophysics. *Estestvenno-nauchnye metody v polevoi arkheologii* [Natural science methods in field archeology]. Iss. 1. Pp. 19–42. (In Russ.)

Khmelevskoi V.K., Gorbachev Yu.I., Kalinin A.V., Popov M.G., Seliverstov N.I., Shevnin V.A. 2004. Geophysical research methods. Petropavlovsk-Kamchatskii: izd-vo KGPU. 232 p. (In Russ.)

Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Kozhevnikov O.K. An accidental geophysical discovery of an iron age archaeological site in the western shore of lake Baikal // Applied geophysics, 2001, № 47. Pp. 107–122.

Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Snopkov S.V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting in the Barun–khal valley on the western shore of lake Baikal (Olkhon region, Siberia).// Archaeological Prospection, 2018. Pp. 1–17.

Сведения об авторе

Дмитриев Александр Георгиевич,

доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры прикладной геологии геофизики и геоинформационных систем,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: dmitriev@ex.istu.edu

Критерии авторства

А.Г. Дмитриев подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторское право и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Snopkov S.V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting in the Barun–khal valley on the western shore of lake Baikal (Olkhon region, Siberia).// Archaeological Prospection, 2018. Pp. 1–17.

Information about the author

Alexander G. Dmitriev,

Dr. Sci. (Geophysics), professor of Department of Applied ofgeology, geophysics and GIS,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., 664074 Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: dmitriev@ex.istu.edu

Attribution criteria

A.G. Dmitriev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 003.32 (=512.157)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-115-128>

Древнее письмо якутов (конец XIX – начало XX в.): идеограммы

© Р.И. Бравина, Е.Н. Соловьева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация: Статья представляет собой вторую часть исследования по идеографическому письму якутов конца XIX – начала XX в. на основе «Торговой книги, неграмотного инородца Верхоянского округа», хранящейся в фондах Якутского государственного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. В тексте торговой книги рисунки реальных предметов, людей и животных, изложенные в первой части статьи, соседствуют со знаками-символами, имеющими тамгообразные и руноподобные начертания, происхождение которых связывается с идеограммами писаниц Средней Лены, руническими графемами древнетюркской письменности и тамговых знаков тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири. Систему знаков торговой книги можно охарактеризовать как идеографическое письмо, которое вобрало в себе элементы пиктографии. В рассматриваемом документе эти знаки используются для мнемонической «записи» торгово-экономических операций. У якутов имели распространение несколько видов «писем» с применением подобных графических знаков: 1) шаманские «тайнописи»; 2) «письма» информационного характера, которыми обменивались представители элиты общества; 3) «профессиональные» и «бытовые» мнемонические «записи». Можно предположить, что такой тип идеографического письма у якутов сложился в течение длительного исторического периода, начиная со времени проживания их предков в тюрко-монгольской среде номадов Центральной Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: якуты, идеографическое письмо, пиктограмма, петроглифы, погребения, граффити, тамга, рунические знаки, торговля, пушнина

Информация о статье: Дата поступления 26 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 25 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Бравина Р.И., Соловьева Е.Н. Древнее письмо якутов (конец XIX – начало XX в.): идеограммы // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 115–128. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-115-128

Ancient writing of the Yakuts (late XIX – beginning of the XX centuries): ideograms

© Rosalia I. Bravina, Elena N. Solovyova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Abstract: The article represents the second part of the study on the ideographic writing of the Yakuts of the late XIX – early XX centuries on the basis of the “Trading Book, an Illiterate Non-Russian of the Verkhoyansk District”, which is stored in the funds of the Yakutsk Yaroslavsky State Museum of History and Culture of the Peoples of the North. In the text of the trade book, the drawings of real objects, people and animals, set forth in Part 1 of the article, are adjacent to tamga-like and runic-like characters, the origin of which is associated with the ideograms of the Central Lena scribbling, runic graphemes of ancient Turkic writing and tamga signs of the Turkic-Mongolian peoples of Central Asia and South Siberia. The mark system of the trade book can be described as an ideographic writing that incorporates elements of pictography. In this document, these signs are used to mnemonic “record” of trade and economic operations. The Yakuts had several types of “letters” spreading with the use of similar graphic signs: 1) shaman “secret writing”; 2) “letters” of informational nature exchanged by representatives of the elite of society; 3) “professional” and “household” mnemonic “records”. It can be assumed that this type of ideographic writing

of the Yakuts formed over a long historical time, beginning with the residence of their ancestors in the Turkic-Mongolian environment of the nomads of Central Asia and South Siberia.

Keywords: Yakuts, ideographic writing, pictogram, petroglyphs, burials, graffiti, tamga, runic signs, trade, furs

Article info: Received February 26, 2019; accepted for publication March 25, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Bravina R.I., Solovyova E.N. 2019. Ancient writing of the Yakuts (late XIX – beginning of the XX centuries): ideograms. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 115–128. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-115-128

Описание и анализ знаков-символов (тангха-бичик)

На имеющихся в нашем распоряжении фотокопиях четырех с половиной листов текста выявлено 55 графических символов разного вида. Из них Е.Д. Яныгиным атрибутировано 3 знака, относящихся к предметам купли-продажи и 5 обозначений денег, что зафиксировано на фотокопии листа 1¹. Расшифровка 14 символов, не считая денежных обозначений, имеется в работе П.В. Попова (Попов. Д. 154. Л. 10)².

По графическому рисунку начертаний знаки-символы можно разделить на две группы: 1) простые (базовые) геометрические фигуры (круг и прямые линии в различных вариациях: квадрат, прямоугольник, трапеция, треугольник, угол) и 2) комбинированные графемы, составленные из нескольких самостоятельных геометрических фигур. Практика изображения сложносоставных фигур применялась якутами при передаче тамги собственности от отца к сыну, когда рядом со старой тамгой ставилась тамга нового владельца или к ней прорисовывались незначительные дополнительные элементы (Саввин. Д. 45. 387)³. В торговой книге ровная поверхность бумаги и твердый грифель

карандаша позволили автору прорисовать достаточно сложные в графическом исполнении знаки.

Имеющиеся в тексте знаки-символы можно подразделить на 12 типов, основу которых составляют фигуры первой группы (табл.).

Сопоставление знаков-символов текста (А) с тамговыми знаками якутов (Саввин. Д. 45, 46⁴; Симченко, 1965) (Б), элементами якутского орнамента (В), Ленскими петроглифами (Ксенофонтов, 1927; Окладников, Запорожская, 1972) (Г), знаками орхоно-енисейской письменности (Д), древнетюркскими тамгами (Зуев, 1960; Ольховский, 2001. Рис. 1) (Е), тамгами современных тюркских народов (Востров, Муканов, 1968; Кузеев, 1974; Тюлюш, 2015) (Ж) и монгольскими тамгами (Вайнберг, Новгородова, 1976; Rintchen, 1968) (И).

Тип I – «круг и его виды». Круг у якутов означал солярный знак (кюн – солнце) и входил как в систему тамговых знаков, так и в орнаментальный комплекс. В тексте данный знак используется главным образом для денежных обозначений. Так, 1000 руб. изображается большим кругом, разделенным на восемь равных частей; 100 руб. – кругом поменьше, разделенным на четыре части; 10 руб. – простым кругом меньшего размера; 1 руб. – палочкой-насечкой; 10 коп. – маленьким черным кружочком (табл., А-1, 2, 4, 5). На листе 21 шесть кругов, прочерченных крестиком, имеют наверху отростки из 3–7 черточек-палочек, вероятно, изображающих рубли (табл., А-3). Всего в тексте зафиксировано знаков, обозначающих 1000 руб. – 7; 100 руб. – 88; 10 руб. – 435; 1 руб. – 1055; 10 коп. – 1032, что составляет в общей сумме 23 тыс. 750 руб. Маленький черный кружок применяется

¹ Фотокопии листов «Торговой книги неграмотного якута Верхоянского округа» // Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. Коллекция документальных фотоматериалов. Кпф. № 3046–3051.

² Попов П.В. Краткий очерк о торговой книге неграмотного верхоянского якута-купца. 1946 г. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 4. Д. 154.

³ Саввин А.А. Этнографические заметки. 1939–1940 гг. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 45, 46.

⁴ Указ. соч.

Таблица

Знаки-символы из торговой книги

Table

Signs-symbols from the trading book

Типы	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	И
I								
III								
IV								
V								
VI								
VII								
VIII								
IX								
X								
XI								
XII								
XIII								

также при обозначении количества фунта сыпучих товаров (табл., А-Б). Как верно отметил М.И. Губельман, денежные символы в торговой книге верхоянского купца значительно отличаются от

общепринятых знаков, наносимых на счетных бирках, в соответствии с «Уставом об управлении инородцев в Сибири» 1822 г. (Губельман, 1915. С. 32). Знак «круг» в тамговой системе якутов имел два

вида: простой круг и круг с вписанным крестом (табл., Б-1, 2). По материалам Ю.Б. Симченко, в XVII в. круг, перечеркнутый крест-накрест, изображал шаманский бубен и считался у якутов, так же как и у коренных народов Средней и Восточной Сибири, шаманской тамгой (Симченко, 1965. С. 185). Эти два знака фиксируются и на древних петроглифах Средней Лены (табл., Г-1, 2), при этом простой круг интерпретируется исследователями как солнце, а другой его вид – как шаманский бубен (Окладников, Запорожская, 1972. С. 91).

Следующий знак из этой группы представлен изображением круга с короткими отростками сверху. По записям П.В. Попова, он обозначает «флягу водки» (Попов, 1946. Л. 10)⁵. По всей вероятности, речь идет о бутылки водки. В России в конце XIX – начале XX в. производились бутылки с объемом 3,07 л (1/4 ведра) и бутылки 0,61 литра (1/20 ведра). В тексте имеются пять вариантов этого символа: двойной круг с двумя прямыми отростками сверху (табл., А-7); три разновидности круга поменьше с одним-тремя прямыми отростками (табл., А-8, 9, 10), а также круг с одним кривым отростком в виде закорючки (табл., А-11). Вполне возможно, что первый вариант идеограммы означал водку двойной очистки с «белой головкой», которая стоила дороже водки одинарной очистки с «красной головкой». Количество отростков могло обозначать количество и объем бутылок или же процент разбавленного спирта.

Круг с отростком в виде кривой черточки зафиксирован на наскальных рисунках Средней Лены (табл., Г-3). По начертанию он напоминает древнетюркские тамги (табл., Е-4), приводимые в китайском сочинении «Танхуя» (VIII–X вв.) (Зуев, 1960. С. 68, 120). Круги с дополнительными элементами в виде отростков широко распространены также в тамговой системе современных тюркомонгольских народов (табл., Ж-6; И-4). Особняком стоит знак А-12, который, по всей видимости, обозначает какую-то постройку с круглым основанием. Тамга подобного изображения зафиксирована у

красноярских татар под названием «юрта» (Оглоблин, 1891–1892. С. 5. Рис. 95).

Тип II – «круг и его осложнения» представляет собой соединение круга с разными фигурами. Так, в качестве обозначения кирпича чая использован круг, увенчанный крестом с тремя горизонтальными линиями-перекладинами, для упрощения названным нами «сложным крестом» (табл., А-13). Половина плитки чая графически передается в виде соединения креста этого вида с полукругом (табл., А-15). Похожие по начертанию комбинированные знаки зафиксированы среди тамг тюркомонгольских родов (табл., Е-5; Ж-7; И-5). В тексте торговых записей усложненные виды круга встречаются также в соединении и с другими фигурами, которые не имеют расшифровки (табл., А-14, 16, 17, 18).

Тип III – «дуга и ее варианты». Первый вариант этой идеограммы похож на русскую букву «С». Похожий знак в тамговой системе якутов именовался «ый» (луна, полумесяц) (табл., Б-4). Идеограмма в тексте представляет собой 3–7 символов, расположенных параллельно друг другу в один горизонтальный ряд (табл., А-19). Второй вариант представляет собой изображение, составленное из вложенных друг в друга 3–6 дуг, повернутых выгнутой стороной вниз (табл., А-20).

Символ «дуга» не атрибутирован в тексте, хотя Г.В. Ксенофонтов упоминает наличие в нем рисунка «рогов взамен рогатого скота» (Ксенофонтов, 1932. Л. 2)⁶. По своему контуру этот знак отдаленно напоминает основу наиболее характерного и распространенного в орнаментальном искусстве якутов лировидного узора (табл., В-5), известного в исторической литературе под названием «бараньи рога». По предположению художника-этнографа М.М. Носова, он образован «постепенной стилизацией силуэта скотской или оленьей головы» (Носов, 1948. С. 110–111). Дугообразные фигуры-полукруги зафиксированы А.П. Окладниковым и В.С. Запорожской на писаницах Средней Лены (табл., Г-4, 5). Авторы трактуют их как символ жи-

⁵ Указ. соч.

⁶ Ксенофонтов Г.В. Два памятника орхонской письменности из Предбайкалья. 1932 г. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 113.

лица «типа купольной постройки из жердей, крытых корой или дерном» (Окладников, Запорожская, 1972. С. 91). На наш взгляд, дуги, расположенные друг над другом, проявляют сходство с тамгами древнетюркских родов «Шары» («Сары») и «Чериг» (табл., Е-9, 10). Черики, по данным Махмуда Кашгарского, входили в состав Огузов (Зуев, 1960. С. 121–122). Н.А. Аристов писал, что название Чериктейского наслега якутов Дюпсинского (ныне Усть-Алданского) улуса напоминает «поколение чирик у таньшаньских кара-киргизов» (Аристов, 1896. С. 336). Весьма примечательно, что П.А. Ойунский, исследовавший одним из первых петроглифы Средней Лены, особо выделил среди них идеограмму, похожую на изображение «голова коровы или быка», и высказал предположение, что она, вероятно, являлась родовой тамгой древних якутов, которые, будучи потомками огузов, отождествляли себя с «ревушим быком мира» (Ойунский, 1935. С. 71, 72). Знак дуга имеет достаточно широкое распространение в тамговой системе тюрко-монгольских народов (табл., Ж-8; И-7), среди которых имеются знаки, схожие со схематичным изображением головы рогатого скота (табл., Ж-9, И-7).

Тип IV – «прямая черта и ее усложнение». Идеограмма в виде прямой вертикальной палочки, как говорилось выше, означает в торговой книге рубль или возраст домашних животных (табл., А-21). В тамговой системе она называлась «кэрдии» (букв. зарубка, насечка) и имела несколько видов. Данная графема усложнялась посредством добавления подобных знаков до пяти и, начиная с двух насечек, иногда называлась «сиирэ анньыы – сметочный шов прямыми стежками», например, тамга в виде двух прямых черточек называлась «икки сиирэ анньыы» – два стежка сметочного шва. Вертикальная черточка, упирающаяся нижним концом в середину горизонтальной линии, называлась «балта» (молоток) (табл., А-22; Б-6). Этот же знак, перевернутый на бок, означал тамгу «балтысах» (стрела лука-самострела с тупым наконечником – томаром) (табл., А-23; Б-7). Похожие рисунки зафиксированы на писаницах Средней Лены (табл., Г-6, 7, 8). Они распространены, начиная с раннетюрк-

ского времени, среди тамг тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири (табл., Е-11,12; Ж-10, И-8). Руна в виде прямой вертикальной черточки является одной из «букв» орхон-енисейской письменности (табл., Д-4).

Тип V – «двузубец/рогатина и его виды». По мнению Г.В. Ксенофонтова, знак «в виде стержня с двумя развилками», часто встречающийся на наскальных изображениях Лены, напоминает «древнеякутскую княжескую тамгу», выведенную на оружии батас Мазары Бозекова, принадлежащего к клану тыгинидов (Ксенофонтов, 1927. Табл. X. Рис. 2) (табл., Б-8). К приходу русских божеством-тотемом правящего кангаласского рода якутов Средней Лены под предводительством «царя» Тыгына являлся восточносибирский орел-беркут. По свидетельству В.Л. Серошевского, колымские якуты кангаласского рода имели в старину знак беркута «барылас» (Серошевский, 1993. С. 454). Г.В. Ксенофонтов подчеркивал древность этого знака: «Якутам, как потомкам Орхонских тюрков (уйгур), особенно в первые периоды их проникновения на Лену, должна быть свойственна страсть запечатлеть свои мысли и чувства в виде надписей, давая знак о себе потомству» (Ксенофонтов, 1927. С. 6). В тюрко-монгольской среде были широко распространены двузубцы и трезубцы, которые имели сакральный характер или использовались как родовой знак в разных вариациях еще с древнетюркского времени (табл., Е-13; Ж-11; И-9). Эти знаки присутствуют на писаницах Часовня и Суруктаах-Аан на Средней Лене (табл., Г-9), а также входят в орхон-енисейскую рунику (табл., Д-5, 6, 7, 8). Рогатина встречается среди орнаментальных мотивов якутов (табл., В-8, 9). В записях П.В. Попова двузубец с горизонтальной черточкой в концевой части осевого стержня интерпретируется как иконическая пиктограмма, означающая шкуру горностая (табл., А-25). Идентичное изображение зафиксировано среди «остяцких знамен» XVII в. под названием «птица», «пташка» (Оглоблин, 1889. С. 141).

Тип VI объединяет знаки, имеющие иероглифическое начертание, похожее на русскую букву «Ж» (табл., А-27-30). Знак применялся в обозначении фунта листового черкасского табака – главного

предмета торговли. По всей видимости, он представляет собой иконическую пиктограмму, так как единицей продажи/обмена этого товара являлась «папуша» – связка засушенных листьев табака. Рассматриваемый знак отдаленно напоминает тамгу под названием «юс сиирэ тардыы» (букв. три швастежка) (табл., Б-9). Похожие идеограммы имеются среди наскальных рисунков Средней Лены (табл., Г-10). Они также присутствуют среди тамг тюрко-монгольских родов и входят в рунику орхон-енисейской письменности (табл., Д-9, 10; Е-14; Ж-12; И-10). Согласно источнику «Танхуйяо», подобная тамга принадлежала племени Юй-мэй-хунь, вторая часть названия которого соответствует широко распространенному в древнетюркских языках множественно-собирательному аффиксу *gün* (*kün*). По мнению ряда исследователей, термин *kün* (гунн) служил для обозначения определенных родовых и племенных организаций и включал в себя понятие «рода» или «племени», связанного единством этнического происхождения, что позволяет объяснить наличие большого числа древнетюркских племен, известных под общим названием «гуннских» (Зуев, 1960. С. 100).

Тип VII – «крест и его виды». В торговой книге три вида графического изображения креста: первый из них представлен двумя перекрещенными линиями равной длины; у второго – вертикальная ось значительно длиннее горизонтальной; у третьего вида конец вертикальной оси плавно переходит в кривую линию (табл., А-31, 32, 33). Все три вида фиксируются в сюжетах древних писаниц Средней Лены (табл., Г-11, 12, 13), а также входят в тамговую систему тюрко-монгольских родов (табл., Е-15; Ж-13; И-11, 12). Простой крест «биллэгэ кэрдий» (букв. перекрещенные зарубки) использовался неграмотными якутами в качестве «удостоверения личности» – «рукоприкладства», т. е. подписи (табл., Б-10). Он также входил в систему орнаментальных мотивов в качестве символа сакрального оберега и наносился на предметы декоративно-художественного и бытового назначения (табл., В-10). По данным Н.Н. Оглоблина, тамга в виде удлиненного креста (табл., Б-11) у туранских татар означал посох (Оглоблин, 1891–1892. С. 5. Рис. 64). Тре-

тий вид этого знака, судя по общей композиции рисунков текста, применялся в межевом определении границ поселений (табл., А-33).

В тексте также присутствует крест с тремя горизонтальными линиями-перекладинами (табл., А-34), условно названный нами «сложный крест». В тамговую систему якутов входил крест с двумя прямыми перекладинами (табл., Б-12). В торговой книге знак «сложный крест» встречается в двух видах: в сочетании с кругом, что условно обозначает кирпич чая (табл., А-13) и в соединении с полукругом (табл., А-35) – его половину. Похожие знаки присутствуют среди древнетюркских тамг (табл., Е-16, 17, 18). Первые два из них принадлежали толесским племенам Сыгур (сыкары), а третий – канглам (Зуев, 1960. С. 115), с которыми связывается происхождение кангаласских родов саха.

Косой крест в виде римской цифры «Х» в одиночном виде в тексте встречается достаточно редко (табл., А-36). Наиболее распространенную идеограмму составляют два-три знака, соединенные посередине двумя горизонтальными линиями (табл., А-37), что П.В. Поповым расшифровывается как «воз сена». Это скорее иконическая графема, чем символ, так как похожа на реальную конструкцию якутской изгороди «тосого кюрюе», состоящую из двух или трех тонких жердей, пропущенных через развилки скрещенных кольев. Косой крест использовался якутами в качестве тамги и орнаментального узора (табл., Б-13; В-11). Знак довольно часто встречается среди петроглифов Средней Лены (табл., Г-14), тамговых знаков тюрко-монгольских племен (табл., Е-19; Ж-14; И-13), а также древнетюркских рун (табл., Д-11).

Тип VIII – знак, похожий на русскую букву «Е» в разных позициях, представляет собой рассеченный пополам сложный крест и означает четверть плитки чая (табл., А-38, 39, 40). Этот знак в качестве тамги (табл., Б-14, 15) и орнамента (табл., Б-12) назывался у якутов *тараах* (гребень). Похожая идеограмма присутствует среди петроглифов Средней Лены (табл., Г-15). Следует отметить, что подобной конфигурации тамги, по китайским источникам, имелись у средневековых боклийских (табл., Е-20) и толесских племен (табл., Е-21) (Зуев,

1960. С. 111, 128). Некоторые исследователи склонны связывать «боклийских степняков» с милге-меркитами Забайкалья. По мнению А.В. Тиваненко, меркиты являлись потомками древних уйгуров, тем более что среди них было племя уйкур (Тиваненко, 1992. С. 57). Другой схожий знак (табл., Е-22) по тем же источникам принадлежал Киданям-Кытаям (Зуев, 1960. С. 129). Тамга «гребень» (тюрк. *тарак*) имеет широкое распространение среди тюркских и монгольских народов (табл., Ж-15; И-14).

Тип IX — «квадрат и прямоугольник, их вариации». У северных якутов эти знаки входили в тамговую систему и означали хозяйственные и жилые постройки срубного типа (табл., А-41, 42, 43). Некоторые из них разделены горизонтальными и вертикальными линиями на 2 и 3 ячейки (табл., А-44, 45), что напоминает узор «илим харага» (узор ячеек сети) (табл., В-13, 14). При этом многие фигуры имеют сверху от двух до семи прямых и косых отростков. Часть прямоугольников вертикальными или горизонтальными линиями разграничена на 3 равных блока (табл., А-46). Вероятно, эти знаки означали товар, упакованный в ящике. Например, весовой байховый чай, привозили в ящиках, которые измерялись в «досках». Схожие графемы имеют широкое распространение у племен и родов Центральной Азии и Сибири (табл., Е-23; Ж-16, 17; И-15, 16).

К этому же типу можно отнести знак, похожий на русскую букву «П» (табл., А-47). Подобного начертания тамга называлась «арангас» (лабаз на стойках) (табл., Б-18). Она достаточно распространена у тюркско-монгольских народов (табл., Е-24; Ж-18). По сведениям П.В. Попова, данный знак в перевернутом виде, прочерченный посередине горизонтальной линией, означает банку пороха (табл., А-48). По всей видимости, следующая графема означает ее половину (табл., А-49).

Тип X — «треугольник» в самостоятельном виде встречается в книге очень редко (табл., А-50). По записям П.В. Попова, треугольник входит в идеограмму свинца (якут. хорголдьун), состоящую из креста, горизонтальная переключина которого имеет неравной длины плечики. В конце длинной

стороны переключины прорисован треугольник (табл., А-51). Примечательно, что у тувинцев тамга, символизирующая свинец «коргулчун» представляет собой «соединение треугольника с одной прямой вертикальной линией» (табл., Ж-20) (Тюлюш, 2015. С. 205). Похожие тамги имели распространение среди древнетюркских племен, в т. ч. «Кыбирского крыла» Уйгурского каганата (табл., Е-25) (Зуев, 1960. С. 116, комментарий 52). Два треугольника, примыкающие острыми углами друг к другу присутствуют среди рисунков писаниц Средней Лены (табл., Г-19). Похожего начертания знак (табл., Е-26) встречается в рунических алфавитах и среди енисейских тамговых знаков на Тепсейской писанице (Кызласов, 1965. С. 45. Рис. 8, 39,40).

Тип XI — «угол и зигзаг» используется в тексте для обозначения «мануфактуры материи» (табл., А-52, 53). При этом один угол приравнивается аршину ткани. Данный знак тамги и орнаментальный узор (табл., Б-20; В-16) назывались у якутов-скотоводов «ураса» (берестяное конической формы жилище), а оленные (тундровые) якуты называли на тунгусский манер «чуораа» (чорама – эвен. конический шалаш из жердей» (Саввин. Д. 46. Л. 405)⁷. Угол, перевернутый набок, назывался «чыычаах тумса – птичий клюв» (табл., Б-21), который в соединении с вертикальной линией означал самостоятельную тамгу (табл., Б-22). В этих вариациях угол довольно часто встречается среди тамговых знаков тюрко-монгольских народов (табл., Е-27, 28; Ж-21, 22; И-18). Идеограмма в виде зигзага встречается на наскальных рисунках Средней Лены (табл., Г-21). Схожие графемы присутствуют также среди древнетюркских рун (табл., Д-13, 14).

Тип XII — «трапеция». В тексте рисунок трапеции, к которой книзу примыкает прямой «хвост» символизирует шкуру рогатого скота (табл., А-54), трапеция с развесистым «хвостом» из четырех линий – шкуру лошади (табл., А-55). Этот знак в виде тамги изображал балаган – юрту трапецевидной формы (табл., Б-23). Встречается он и среди наскальных рисунков Лены (табл., Г-22); входил в тамговую систему древнетюркского племени Чериг

⁷ Указ. соч.

(Е-29) и племени Хунь (Kün) (табл., Е-30) (Зуев, 1960. С. 129). Сходные тамги имелись у кыпчакских родов (табл., Ж-23) (Кузеев, 1974. Табл. 9, 1,3,4; Табл. 10, 2), а также у ханов Золотой Орды (табл., И-19). Н.А. Аристов писал, что тамги последних «походили формой на стремя» (Аристов, 1896. С. 287).

Обсуждение результатов. Торговля в жизни якута конца XIX – начала XX века играла важную роль. В конце XIX в. политический ссыльный В.Ф. Трощанский, долгое время проживавший в якутской среде, отмечал «...умственный склад и характер делают якутов прирожденными торгашами... Главное средство обогащения якутов – подряды и торговля ...» (Трощанский, 1911. С. 98). О предприимчивости якутских купцов, говорят следующие факты: в 1889–1890 гг. кирпич чая в Якутске оценивался в 90 коп., а в Среднеколымске его продавали уже за 2 руб. 50 коп., фунт табаку, купленный за 25 коп., соответственно продавали за 1 руб. При этом четверть кирпичного чая обменивалась на белого песка стоимостью 2 руб. 50 коп. (Захаров, 1995. С. 66), что приносило торговцу хорошую прибыль. Цены на песка менялись в течение торгового сезона так, что это позволяло купцам играть «...на песце, как на биржевых бумагах» (Зензинов, 1914. С. 38). Как свидетельствует письмо приказчика торгового дома «Г.В. Никифоров» И.Е. Заболоцкого из Оймякона от 14 марта 1916 г., адресованное известному якутскому купцу Г.В. Никифорову-Манньяттах Уола, местные торговцы покупали лисицу красную по 14 руб., горностаи по 1 руб. 40 коп., белку темную по 40 коп. (Дамешек, Кушнарева, 2016. С. 46) и сбывали по гораздо более высокой цене. Все эти многоходовые операции, требовали тщательной фиксации, так что, думается, что торговые книги, подобные рассматриваемой в данной статье, были явлением, распространенным среди северных торговцев и их агентов.

По определению Г.В. Ксенофонтова, текст торговой книги представляет собой пример «иероглифической мнемоники» (Ксенофонтов. Д. 113. Л. 3)⁸, которая служила ее владельцу для запоминания

многочисленных сведений о производимых им торговых, меновых и кредитных операциях. Мнемоническими знаками при этом, наряду с иконическими пиктограммами и идеограммами-символами, выступают тамговые знаки и графемы древнетюркской руники.

Использование тамговых знаков для примитивной «записи» и передачи каких-либо сведений практиковалось якутами, по всей вероятности, еще задолго до прихода русских в Ленский край. Об этом свидетельствует комментарий С.А. Токарева к докладу известного тюрколога С.Е. Малова «Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам» (1941 г.): «В деле о восстании якутов 1642 года, неопубликованном, имеются показания одного из якутов Метемика о роли одного из вожаков восстания Тойона Огея. К этому Огею привезли какую-то «память», и в документе говорится так: «И Огей посмотрел на память да и бросил его». Это слово «память» имело значение письменной инструкции. Показание само по себе очень точное... Скорее, мы имеем руническое, пиктографическое, а может быть, и более развитое письмо» (yakutiamedia.ru «Новости» 741513)⁹. По историческим данным, в восстании приняли участие почти все роды центральных и отчасти вилюйских якутов. Возможно, это свидетельствует о том, что «письменное воззвание» дошло до многих родовых вождей. При использовании тамговых знаков и иконических пиктограмм вполне вероятным представляется составление письма «военного» характера, содержащего сведения о расстановке родовых войск, их численности, вооружении, потерях и т. д.

Наряду с доступными и понятными для всех или многих пиктографическими письмами существовала тайнопись, которой пользовался ограниченный круг лиц: шаманы и «лучшие» люди, лидеры социума. В Дулгалахском наслеге Верхоянского округа жил известный лекарь Егор Чукров-Чэппиэрэ. По рассказам, он имел старинную книгу, откуда вычитывал нужные «рецепты», по которым готовил лекарственные снадобья. Сам он говорил,

⁸ Указ. соч.

⁹ Тайна якутских письмен. URL: <https://yakutiamedia.ru/news/741513/> (Дата обращения 29.09.2018)

что владеет старинной “вилюйской письменностью”. После его смерти в 1946 г. над могилой поставили три деревянных креста, на каждом из которых были начертаны “тайные письмена” о предстоящих событиях будущего (Попов, 2015. С. 79–81; Левин, 2014. С. 276). Сакральный характер имеет, по всей вероятности, и надпись, вырезанная на священном дереве в местности Нучалах-Аласа в Чурапчинском улусе, расшифровка которой пока не поддается специалистам. По мнению Г.Г. Левина, ее графемы схожи с комбинацией «букв» надписи, зафиксированной Р.К. Мааком в Вилюйском округе, в которой из 13 знаков 4 знака по форме похожи на руны, а остальные – на буквы кириллицы (Левин, 2014. С. 274). На наш взгляд, «буквы кириллицы» указанной надписи (Маак, 1994. С. 148, рис. 16) могут быть с равным успехом сопоставлены с якутскими тамгообразными и руноподобными знаками, имеющими сходство с русскими буквами графические начертания. Это три знака в форме «Н» аналогичные графеме тамги «икки сиирэ тардыы – два стежка сметочного шва», «П» – «арангас – лабаз на сваях» (табл., Б-18), «К» – «биир кэрдии уонна чыычаах тумса – одна зарубка и птичий клюв» (табл., Б-22), «Г» – «кёхё – крюк», «С» – «ый – луна»), (табл., Б-4), «О» – «ньообогор төгюрюк – овальный круг». Все эти знаки присутствуют среди руноподобных знаков Средней Лены (Окладников, Барашков, 1942. С. 27, 28, рис.). Надпись на дереве, обнаруженная Р.К. Мааком на перекрестке дорог, могла быть «тайнописью» благопожелания путникам или же своего рода «дорожным» указателем с информацией о расположенных рядом родовых территориях.

Шаманские и сакральные письмена, по фольклорным и этнографическим данным, представляли собой зашифрованные тексты, каждая единица которых имела скрытый смысл, понятный лишь узкому кругу посвященных. К ним можно отнести и «профессиональные» системы знаков. По сведениям Г.В. Ксенофонтова, знакомый ему предсказатель погоды *дьыллыт* в течение 15 лет ежедневно записывал в свою тетрадь метеорологические изменения посредством особых знаков (Ксенофонтов. Д. 113. Л. 2). По свидетельству очевид-

цев, известный народный певец, сказитель С.А. Зверев-Кыыл Уола особыми знаками пытался даже зафиксировать напевы, которые он слышал во сне. Певец рассказывал об увиденном им на притоке Вилюя наскальном рисунке, где красной охрой был нарисован человек, возле лица которого были прочерчены три волнистые линии, что он трактовал как изображение звуков (Уткин, Зверев, 1999. С. 208, 210).

Наряду с этими «тайными» письменами существовали системы знаков, доступные для большего числа людей и имевшие локальное распространение в рамках определённой местности или же территории, о чем косвенно свидетельствует упоминание о «вилюйской письменности». Записи верхоянского купца, по всей вероятности, велись в присутствии вторых лиц – участников его коммерческих и долговых операций, также заинтересованных в правильной фиксации сведений. Такая практика применялась и в оформлении счетных палочек-бирок, половинками которых обменивались обе стороны. Вместе с тем, в рассматриваемом нами тексте имеются и зашифрованные знаки. Например, денежные обозначения не совпадают с общепринятыми для счетных бирок. Видимо, согласно принципу «деньги не любят посторонних глаз», каждый купец использовал свои сугубо личные денежные обозначения. Известно, что крупные купцы-компаньоны при переписке зашифровывали виды, количество и стоимость закупаемой пушнины (Дамешек, Кушнарева, 2016. С. 44-45).

Мнемоническое письмо из простых знаков для личного пользования имело распространение среди северных якутов вплоть до конца 1930-х гг. А.А. Саввин сообщает, что неграмотный якут Усть-Янского района К. Рожин в 1928 г. на VI съезде советов Якутии выступил, изложив предварительно свою речь при помощи мнемонической записи. Земляк его – охотник Щелканов, в 1939 г. на районном слете охотников-стахановцев по такой же записи держал речь о стахановских методах промысла песка (Окладников, Барашков, 1942. С. 35).

Таким образом, у якутов имели распространение несколько видов «писем» с применением графических знаков: 1) шаманские «тайнописи» – ма-

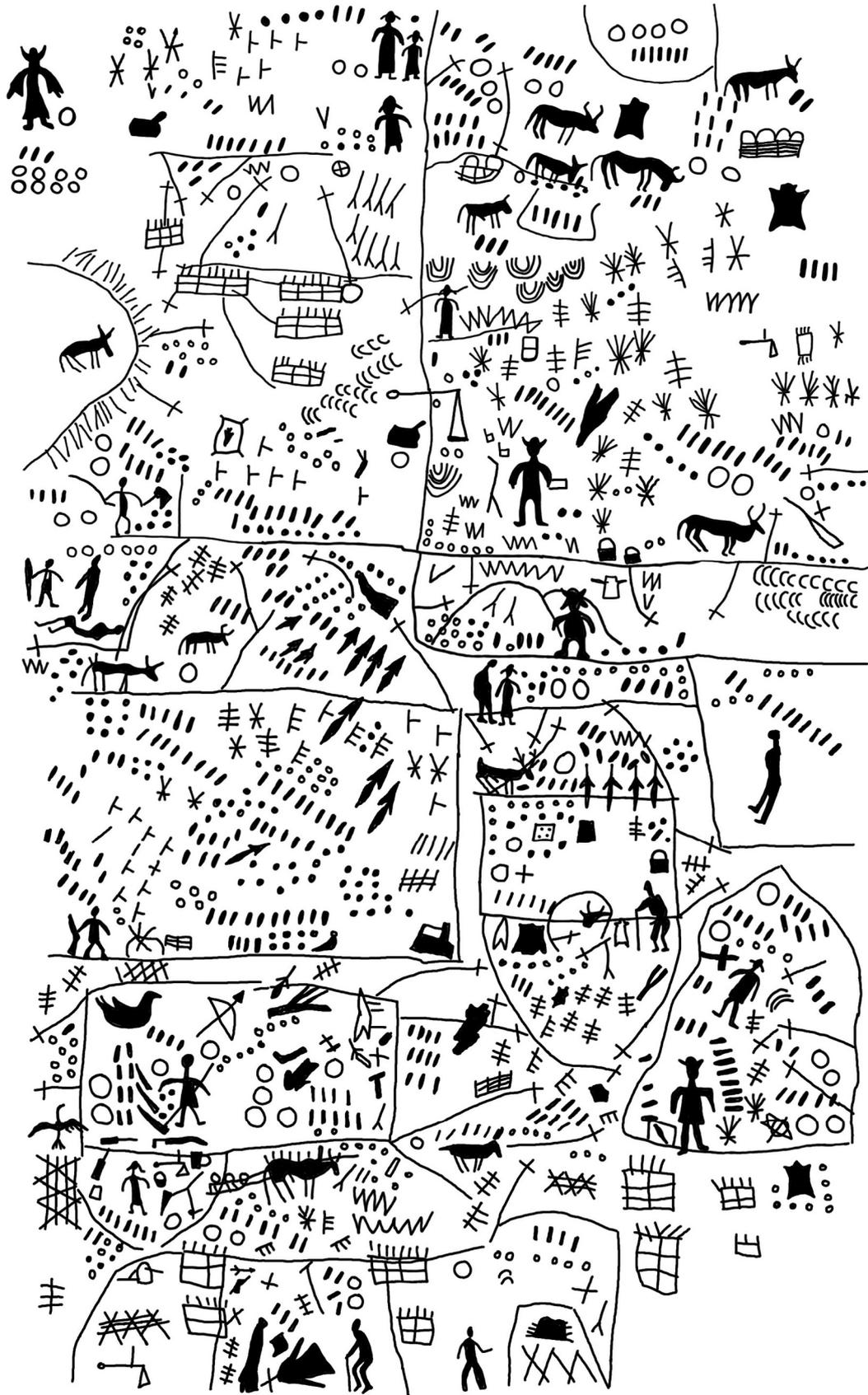

Рис. Реконструкция изображений знаков на л. 38 «Торговой книги неграмотного инородца Верхоянского округа»
Fig. Reconstruction of images of signs on sheet 38 of the "Trading book of an illiterate aborigine of the Verkhoyansk district"

гические рецепты снадобий; ритуальные надписи с использованием сакральных символов; 2) «письма» информационного характера, составленные из простых иконических знаков и общедоступных территориально устойчивых символов; 3) «профессиональные» и «бытовые» мнемонические «записи», единицы знаков которых имели индивидуальный характер. К отдельному виду «писем» можно отнести и татуировку на теле, о чем косвенно свидетельствуют названия графических знаков, в которых присутствуют слова «сиирэ анньыы – сметочный шов прямыми стежками», «олдью анньыы – косой стежок», «дъёлё анньыы – протыкание, прошивка». По легендам, татуировку носили специально обученные воины Тыгына, что некоторые исследователи склонны воспринимать как этнокультурный элемент, перенятый у средневековых тюрков, в частности енисейских кыргызов (Николаев, 2014. С. 4678–4679). По этнографическим данным, богатые семьи на р. Вилюй наносили на лица своих детей узоры и знаки в качестве оберега. В этих случаях знаки татуировки выступали наподобие тамг, в качестве социально значимых маркеров.

Заключение. Знаки-символы в тексте «долгой книги» в целом представлены иконическими пиктограммами и тамговыми знаками, часть из которых идентичны руноподобным знакам наскальных писаниц Средней Лены, рунам орхоно-енисейского типа и тамгам народов тюрко-монгольского мира и аборигенного населения сопредельных территорий. Систему знаков книги можно охарактеризовать как идеографическое письмо, которое вобрало в себе элементы пиктографии. Можно предположить, что такой тип письма у якутов сложился в течение длительного исторического времени, начиная со времени проживания их предков в тюрко-монгольской среде номадов Центральной Азии и Южной Сибири.

Тамги были известны древним тюркам, в том числе огузам, (о чем определено сообщают Г.В. Ксенофонов и П.А. Ойунский), обитавшим у границ Китая не позднее VII в. н. э.; они в качестве родовых знаков-меток широко применялись для таврения лошадей (Зуев, 1960. С. 96). Интерес

представляют изображения сложных комбинированных знаков в тексте (табл., А-16-18, 27-29), отдаленно напоминающие кушанские царские знаки (Акишев, 1984. С. 109, табл. X). Можно допустить, что по причине раннего отделения и изоляции предков якутов от мира кочевников Центральной Азии, в их культуре законсервировались какие-то весьма архаичные элементы, связанные отчасти с «монгольско-среднеазиатско-сарматскими параллелями» (Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 69–73). Однако сходство может быть отчасти случайным, плодом художественной фантазии автора.

О древности идеограмм Ленских писаниц высказывался в свое время П.А. Ойунский, отметивший, что они по своему начертанию похожи на китайские иероглифы и авторы их «якуты должны были находиться на Лене до окончательной выработки орхонской письменности...» (Ойунский, 1935. С. 41, 66). Раннетюркские тамги в массе своей отличались от «букв» – рун синхронных им рунических алфавитов (Кызласов, 1994), хотя среди них и встречаются тамги, идентичные древнетюркским рунам, в частности орхоно-енисейской письменности. Вполне возможно, что некоторые надписи в Якутии, принимаемые исследователями за тексты орхоно-енисейской письменности, являются идеографическими письмами, состоящими из тамговых знаков и рунических единиц древнетюркских алфавитов.

Интерес представляет и сходство знаков-рисунков текста со «знаменами» «остяцких селькупов», что вызывает в памяти замечание А.П. Окладникова об аборигенном происхождении пиктографических писем Лены, датируемых эпохами камня и ранних металлов. Рассмотрение якутских легенд и преданий об автохтонных племенах Якутии сквозь призму этнографических данных позволяет сопоставить их обычаи и традиции с элементами самобытных культур самодийских народов и «енисейских остяков» – кетов (Бравина, Петров, 2018).

Вопрос об авторстве записей остается открытым. Судя по денежным обозначениям, зафиксированным в тексте в общей сумме 23 тыс. 750 руб., и расценкам товаров и пушнины в рассматриваемом

мый период, владелец торговой книги был достаточно крупным купцом. По статистическим данным, Верхоянский округ с 1895 по 1911 г. ежегодно поставлял пушнину в среднем на 24,5 тыс. руб. (Захаров, 1995. С. 98, табл. 7). Более 20 лет в Верхоянском округе скупал пушнину купец второй гильдии Н.Б. Васильев, оставивший в 1905 г. наследство в 229 тыс. руб. Его наследники не сумели своевременно собрать долги и продолжили дело с капиталом в 100 тыс. руб. (Захаров, 1995. С. 66). Вполне

возможно, что книга была приобретена у наследников вышеупомянутого купца.

Авторы надеются, что торговая книга неграмотного верхоянского купца в качестве памятника идеографического письма и источника по истории торговли пушниной на Северо-Востоке России привлечет внимание лингвистов, искусствоведов, культурологов и историков, а рассмотренные в статье вопросы получат дальнейшее развитие в междисциплинарных исследованиях.

Библиографический список

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III, IV. С. 277–456.

Бравина Р.И., Петров Д.М. Племена «ставшие ветром»: к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 119–127. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, 1976. С. 66–74, 176–179.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата: Наука, 1968. 240 с.

Губельман М.И. Бирки и записи долгов, графически представленные в своей торговой книге неграмотным якутом Верхоянского округа // Известия Якутского отдела Императорского русского географического общества. Якутск: Областная типография. 1915. Т. I. С. 99–102.

Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Купеческая переписка как источник изучения проблем развития пушной торговли крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Томск. 2016. № 403. С. 43–48. DOI: 10.17223/15617793/403/8

Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1995. 70 с.

Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Москва: Типография П.П. Рябушинского. 1914. 133 с.

References

Akishev A.K. 1984. Art and mythology of the Saks. Alma-Ata: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Aristov N.A. 1896. Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities and their strength. *Zhivaya starina* [Living Old Time]. Iss. III, IV. Pp. 277–456. (In Russ.)

Bravina R.I., Petrov D.M. 2018. Tribes “become wind”: on the issue of autochthonous substrate in the ethnocultural genesis of the Yakuts. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. No. 2 (41). Pp. 119–127. (In Russ.) DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127

Vainberg B.I., Novgorodova E.A. 1976. Notes on the signs and tamgas of Mongolia. *Istoriya i kul'tura narodov Srednei Azii (drevnost' i srednie veka)* [History and culture of the peoples of Central Asia (Antiquity and the Middle Ages)]. Moscow: Nauka. Pp. 66–74, 176–179. (In Russ.)

Vostrov V.V., Mukanov M.S. 1968. Tribal composition and resettlement of Kazakhs. Alma-Ata: Nauka. 240 p. (In Russ.)

Gubel'man M.I. 1915. Tags and records of debts graphically represented in their trading book by the illiterate Yakut of the Verkhoyansk district. *Izvestiya Yakutskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Yakut department of the Imperial Russian Geographical Society]. Yakutsk: Oblastnaya tipografiya. Vol. 1. Pp. 99–102. (In Russ.)

Dameshek L.M., Kushnareva M.D. 2016. Merchant correspondence as a source for studying the problems of the development of fur trade in large capital in North-Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. Tomsk. No. 403. Pp. 43–48. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/403/8

Zakharov V.P. 1995. Fur hunting and trade in Yakutia (late XIX – early XX century) Novosibirsk: Nauka. 70 p. (In Russ.)

Zenzinov V.M. 1914. Ancient people in the cold ocean. Russian Mouth of the Yakut region of Verkhoyansk district. Moscow: Tipografiya P.P. Ryabushinskogo. 133 p. (In Russ.)

Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств / перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйяо, Т. III, цзюань 72, гл. 72, стр. 1305–1308) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 93–140.

Ксенофонтов Г.В. Изображения на скалах р. Лена в пределах Якутского округа // Бурятияведение. 1927. Вып. 3, 4. С. 67–70.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения. М.: Наука, 1974. 576 с.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 327 с.

Кызласов Л.П. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3. С. 38–49.

Левин Г.Г. Была ли письменность у якутов? (К вопросу о руническом письме у народа саха) // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию Г.В. Ксенофонта и 100-летию Л.Н. Гумилева. Новосибирск: Наука. 2014. С. 271–277.

Маак Р.К. Вилюйский округ. 2-е изд. М.: «Яна», 1994. 592 с.

Николаев Н.А. Происхождение обряда татуировки у позднесредневековых племен Якутии // В мире научных открытий, 2014. № 11, 12 (59). С. 4671–4681. DOI: 10.12731/wsd-2014-11.12-3

Носов М.М. Стилевые признаки якутского узора // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск: Книжное издательство, 1948. С. 107–116.

Оглоблин Н.Н. «Знамена» сибирских инородцев XVII века // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891–1892. Т. XIII. Вып. 1. С. 1–8.

Оглоблин Н.Н. Остяцкие «знамена» XVII века // Исторический вестник. Т. 38. СПб., 1889. С. 135–149.

Ойунский П.А. Якутский язык и пути его развития // Русско-якутский терминологический словарь. М.: Учпедгиз. 1935. С. 5–102.

Окладников А.П., Барашков И.И. Древняя письменность якутов. Якутск: Якутгосиздат, 1942. 40 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 270 с.

Zuev Yu.A. 1960. Horses tamgas from vassal principalities / translation from the Chinese work of the VIII–X centuries. Tankhuiyao, Vol. III, tszyuan' 72, Ch. 72, pp. 1305–1308). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. Vol. 8. Pp. 93–140. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. 1927. Images on the rocks of the River Lena within the Yakutsk District. *Buryatievedenie*. [Buryatia Studies] Iss. 3, 4. Pp. 67–70. (In Russ.)

Kuzeev R.G. 1974. The origin of the Bashkir people. Ethnic composition and history of resettlement. Moscow: Nauka. 576 p. (In Russ.)

Kyzlasov I.L. 1994. Runic scripts of the Eurasian steppes. Moscow: Vostochnaya literature. 327 p. (In Russ.)

Kyzlasov L.P. 1965. About the dating of the Yenisei written sites. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. No. 3. Pp. 38–49. (In Russ.)

Levin G.G. 2014. Did the Yakuts have a written language? (To the question of the runic letter of the Sakha people). *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdenie etnosa: etnogenez i etnicheskaya istoriya Sakha. Mat. Vseross. nauch. konf.s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 125-letiyu G.V. Ksenofontova i 100-letiyu L.N. Gumileva* [Riders of North Asia and the birth of the ethnic group: ethnogenesis and ethnic history of the Sakha: Proceedings of the All-Russian scientific conf. with intern. participation, dedicated to the 125th anniversary of G.V. Ksenofontov and the centenary of L.N. Gumilyov]. Novosibirsk: Nauka. Pp. 271–277. (In Russ.)

Maak R.K. 1994. Vilyuiskii okrug. Moscow: "Yana". 592 p. (In Russ.)

Nikolaev N.A. 2014. The origin of the rite of tattoo in the late medieval tribes of Yakutia. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discoveries]. No. 11, 12 (59). Pp. 4671–4681. (In Russ.) DOI: 10.12731/wsd-2014-11.12-3

Nosov M.M. 1948. Style features of the Yakut pattern. *Sbornik materialov po etnografii yakutov* [Collection of materials on the ethnography of Yakuts]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 107–116. (In Russ.)

Ogloblin N.N. 1891–1892. "Banners" Siberian aliens of the XVII century. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya* [Notes of the Ural Society of Natural Sciences Fans]. Ekaterinburg. Vol. XIII. Iss. 1. Pp. 1–8. (In Russ.)

Ogloblin N.N. 1889. Ostyak "banners" of the 17th century. *Istoricheskii vestnik* [Historic Herald]. Vol. 38. St. Petersburg. Pp. 135–149. (In Russ.)

Oiunskii P.A. 1935. Yakut language and ways of its development. *Russko-yakutskii termino-orfograficheskii slovar'* [Russian-Yakutian terminological and spelling dictionary]. Moscow: Uchpedgiz. Pp. 5–102. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Barashkov I.I. 1942. The ancient writing of the Yakuts. Yakutsk: Yakutgosizdat. 40 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. 1972. Petroglyphs of the Middle Lena. Leningrad: Nauka. 270 p. (In Russ.)

Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир. 2001. № 7. С. 75–86.

Попов Н.И. Древнее прошлое Усть-Яны: легенды, предания и рассказы. Якутск: Сайдам, 2015. 160 с. (на якут. яз.)

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1965. 226 с.

Тиваненко А.В. Гибель племени меркитов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 70 с.

Трошчанский В.Ф. Наброски о якутах Якутского округа. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1911. 144 с.

Тюлюш А.Ч. Типология родовых тамг у тувинцев // Известия Алтайского университета. 2015. № 4/2 (88). С. 202–206. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-35

Уткин К.Д., Зверев Д.С. Преклонение веков. Якутск: Союз писателей республики Саха, 1999. 228 с. (на якут. яз.).

Rintchen B. Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Ulaanbaatar, 1968.

Сведения об авторах

Бравина Розалия Иннокентьевна,

доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИИПМНС) СО РАН, Россия, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: bravinari@bk.ru

Соловьёва Елена Николаевна,

лаборант отдела археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИИПМНС) СО РАН, Россия, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: lenasolo05@mail.ru

Критерии авторства

Р.И. Бравина и Е.Н. Соловьёва выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Russ.)

Ol'khovskii V.S. 2001. Tamga (to sign function). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac]. Armavir. No. 7. Pp. 75–86. (In Russ.)

Popov N.I. 2015. The ancient past of Ust-Yana: legends, traditions and stories. Yakutsk: Saidam. 160 p. (In the Yakut language)

Seroshevskii V.L. 1993. Yakuts. Ethnographic research experience. Moscow: ROSSPEN. 736 p. (In Russ.)

Simchenko Yu.B. 1965. Tamgas of the peoples of Siberia of the XVII century. Moscow: Nauka. 226 p. (In Russ.)

Tivanenko A.V. 1992. The death of the Merkit tribe. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 70 p. (In Russ.)

Troshchanskii V.F. 1911. Outlines of the Yakuts of the Yakutsk District. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta. 144 p. (In Russ.)

Tyulyush A.Ch. 2015. Typology of Tuvinian clan tamgas. *Izvestiya Altaiskogo universiteta* [News of Altai University]. No. 4/2 (88). Pp. 202–206. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-35

Utkin K.D., Zverev D.S. 1999. Adoration of the Ages. Yakutsk: Soyuz pisatelei respubliki Sakha. 228 p. (In the Yakut language)

Rintchen B. Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Ulaanbaatar, 1968.

Information about the authors

Rosalia I. Bravina,

Dr. Sci. (Histori), full professor, director of Archaeology and Ethnography Team, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation
e-mail: bravinari@bk.ru

Elena N. Solovyova,

Laboratory assistant of Archaeology and Ethnography Team, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation
e-mail: lenasolo05@mail.ru

Attribution criteria

R.I. Bravina and E.N. Solovyova performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, own the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-129-142>

Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Часть 2. Битый Лог

© А.Ю. Каркотко

Вилейский краеведческий музей, г. Вилейка, Республика Беларусь

Аннотация: Вторая часть статьи посвящена драматическому событию, произошедшему на белорусских землях в ходе Польского освободительного восстания 1863–1864 гг., бою, состоявшемуся 24 мая 1863 года, между повстанцами и подразделениями русской армии у местечка Ижа Вилейского уезда Виленской губернии. В статье рассматриваются предпосылки, силы сторон, распisan ход боя, его итоги и последствия. Для наглядности дана выкопировка с карты местности около местечка Ижа. Впервые в статье приводятся полные списки погибших солдат и дополнительные сведения об офицерах Русской императорской армии, участвовавших в тех событиях. Также в работе приводятся сведения о простых солдатах, совершенных ими подвигах и полученных наградах. В статье рассмотрены версии появления еще одной могилы погибших повстанцев у агрогородка Куренец и подведены итоги восстания для данной местности. Также рассказывается о наградах, учрежденных в честь этих событий, которыми награждались участники этой военной кампании. Статья написана на основе архивных документов, информация об офицерах дополнялась «Списками по старшинству». В иллюстрациях даны современные и старые фотографии памятников на могилах повстанцев и в честь восстания 1863–1864 гг.

Ключевые слова: восстание 1863–1864 гг., бой у м. Ижа, пехотный Новоингерманландский полк, потери русской армии, воинские захоронения, национальные восстания, Козелл-Поклевский, Мельхиор Чижик, генерал Галл, награды

Информация о статье: Дата поступления 3 мая 2019 г.; дата принятия к печати 3 июня 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Каркотко А.Ю. Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Часть 2. Битый Лог // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 129–142. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-129-142

Episodes of the Polish Uprising of 1863–1864 in the Vileyschina. Part 2. Bityi Log

© Andrey Yu. Karkotko

Vileika Museum of Local History, Vileika, Republic Belarus'

Abstract: The second part of the article is devoted to the dramatic event that took place on the Belarusian lands during the Polish liberation uprising of 1863–1864, the battle of May 24, 1863 between rebels and Russian Army units near the town of Izha of the Vileysky district of the Vilna province. The article discusses the prerequisites, forces of the parties, describes the course of the battle, its results and consequences. For clarity, here is a copy from the map of the area near the town of Izha. For the first time, the article provides complete lists of dead soldiers and additional information about the officers of the Russian Imperial Army who participated in those events. Author also provides information about ordinary soldiers, their deeds and received awards. The article describes the version of the appearance of another grave of the dead rebels near the agro-town Kurenets, and summed up the uprising for the area. It also tells about the awards established in honor of these events, which were awarded to the participants of this military campaign. The article was written on the basis of archival documents, information about officers was supplemented with "Lists by seniority". The illustrations contain modern and old photographs of monuments on the graves of the rebels and in honor of the 1863–1864 uprising.

Keywords: the uprising of 1863–1864, the battle at Izha, the Novoingermanland infantry regiment, the loss of the Russian Army, military burial places, national uprisings, Kozell-Poklevsky, Melchior Chizhik, General Gall, awards

Article info: Received May 3, 2019; accepted for publication June 3, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Karkotko A.Yu. 2019. Episodes of the Polish Uprising of 1863–1864 in the Vileyschina. Pt. 2. Bityi Log. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 129–142. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-129-142

В первой части (Каркотко, 2019) были рассмотрены события которые привели к бою у д. Владыки, но этим восстание на Вилейщине не было подавлено. Следующий бой между повстанцами и солдатами произошел 24 мая 1863 года¹ около деревни Любки, недалеко от местечка Ижа (рис. 1). Мы, как и в первой статье, сверяли информацию об офицерах русской армии с изданными «Списками по старшинству» (Список генералам..., 1885, 1894, 1901; Список майорам..., 1859, 1865, 1877; Список подполковникам..., 1866, 1874; Список полковникам..., 1865, 1873) и докладными записками воинских чинов (Виленский временник. Кн. 6. Часть 1. 1913).

Отряд повстанческих сил из Свенцянского уезда Густава Чеховича² прибыл в Вилейский уезд, чтобы соединиться с отрядами Козел-Поклевского. С целью воспрепятствовать соединению повстанческих сил, русское командование направило свои войска для перехвата и разбития сил повстанцев. 24 мая 1863 года отряд Чеховича общим числом около 100 человек был вынужден принять бой в неудобном месте – в лощине между деревнями Королевцы, Любки и Утки. В лощине отряд повстанцев был разбит, после чего за этим урочищем закрепилось название «Битый Лог».

Об этом бое военный начальник Виленского уезда в своем рапорте написал следующее.

«Рапорт военного начальника Виленского уезда от 27 мая за № 472 начальнику Штаба войск Виленского Военного Округа о деле при дер. Ижи.

По полученным мною сведениям, что в окрестностях между деревнями: Караковичи и Лище-

вичи, около Шемятовщицны Свенцянского уезда находится притон 2-х шаек, каждая в 300 человек, и что для преследования оных в местечко Кобыльники прибыли войска, а потому, чтобы означенные шайки не бросились в Вилейский уезд, я тотчас, основываясь на означенных сведениях, послал полторы роты³ под команду Капитана Дмитриева⁴ по направлению к дер. Ижи, куда отряд прибыл к вечеру 23 числа и расположился на ночь, что бы тем временем лучше можно было разузнать о мятежниках. Оттуда сейчас же Капитан Дмитриев послал нарочного в местечко Кобыльники дать знать там прибывшим войскам, что бы совокупно начать действие против мятежников. На рассвете с 23-го на 24-е число люди, стоящие на пикете, заметили в расстоянии двух верст от деревни Ижи шайку мятежников около 300 человек, почему тотчас капитан Дмитриев с вверенным ему отрядом выступил из деревни и, рассыпав цепь, начали наступать бегом. Мятежники, заметив нашу цепь, тотчас начали отступать с пальбой в лес. Цепь наша, подбежав на ружейный выстрел, открыла частую пальбу и когда подбежала в лесу, – косиньеры с криком «ура!» бросились в атаку на них, но были опрокинуты подоспевшими резервами, оставив на месте несколько убитых. Таким образом, наши войска преследовали разбежавшихся мятежников по лесу на несколько верст. В этом деле потеря мятежников была довольно значительная: по показанию крестьян, найдено 31 тело, «убитых», раненных же мятежники успели забрать с собой и один взят в плен, с нашей стороны убитых на

¹ Здесь и далее даты до 1918 года даны по старому стилю.

² Чехович Густав Ромуальдович (1837 – после 1887) – один из командиров повстанцев, дворянин Свенцянского уезда, псевдоним Остой (название фамильного герба). После подавления восстания скрылся и эмигрировал во Францию.

³ 7-я и половина 5-й роты Новоингерманландского пехотного полка.

⁴ Дмитриев Федор Григорьевич (?-?) – капитан, командир 7-й роты Новоингерманландского пехотного полка. В 1864 году награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. В 1874 году – подполковник 160-го пехотного Абхазского полка.

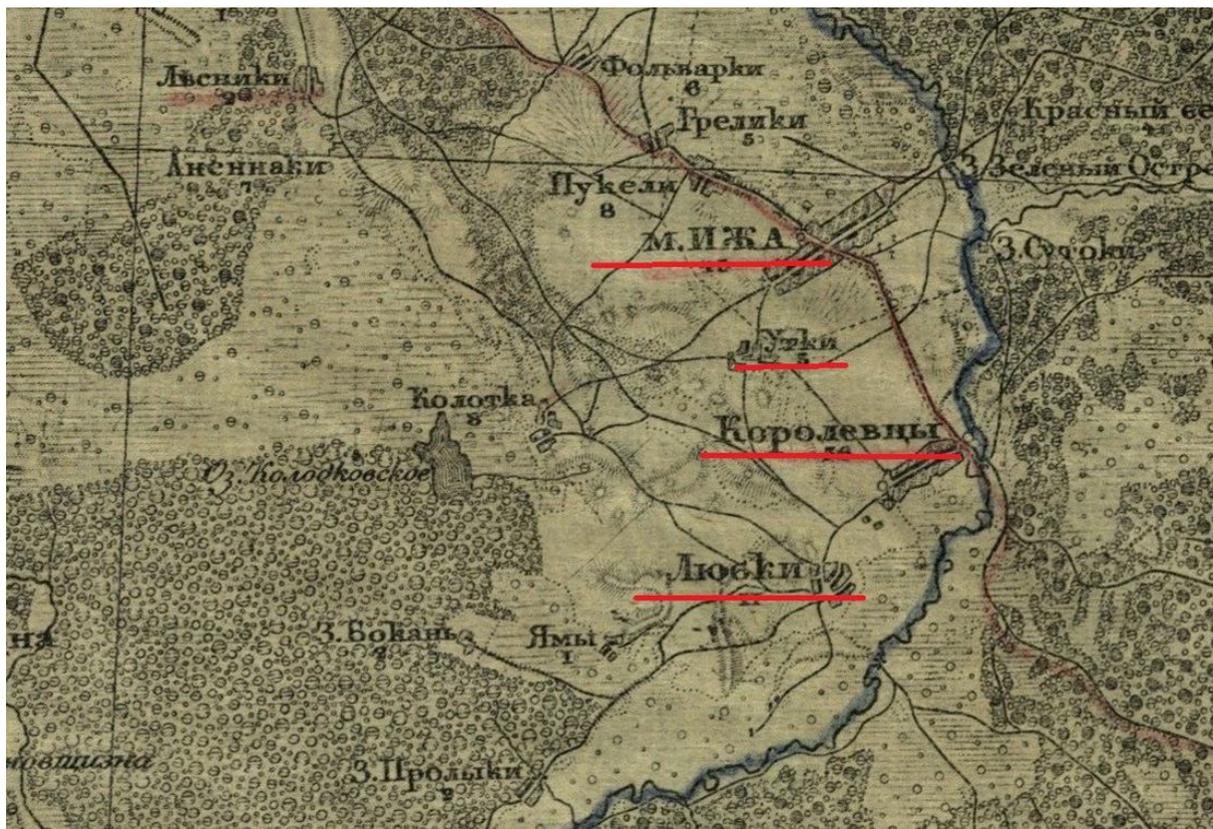

Рис. 1. Выкопировка с карты, местность около местечка Ижа
Fig. 1. Copying from the map, the area near the town of Izha

месте боя 1 унтер-офицер и 1 рядовой; тяжело ранены 3, из коих 1 умер спустя три часа, а двое умерли на другой день; в батальонном лазарете легко раненых два, из коих один унтер-офицер из дворян Саросек, который все время находился впереди солдат и своей неустрашимостью и храбростью подавал пример и ободрял их; также и унтер-офицер из дворян Охонжанов все время находился под сильным неприятельским огнем, ободряя солдат, за то оба эти унтер-офицеры заслуживают награды.⁵

При этом имею честь просить Ваше превосходительство ходатайства Вашего о награждении двумя знаками военного ордена нижних чинов более заслуживающих.

Ведомость забранного оружия и других вещей при сем Вашему Превосходительству пред-

ставить честь имею, за исключением бумаг и устава, кои будут впоследствии представлены.

Подписал: Полковник Кн. Хованский». («Виленьский временник». Кн. 6. Часть 2. 1915. С. 194–195).

Книга «История 10-го пехотного Новоингерманландского полка» донесла нам имена погибших и раненных солдат. В деле при Иже Новоингерманландский полк потерял: убитыми рядовых 7-й роты – Адама Югапова и Агафона Асовского; ранеными – унтер-офицера 5-й роты Иосифа Саросика, рядовых 7-й роты – Матвея Афанасенко, Никифора Познякава, Сергея Власова, Федора Золотова, Григория Полещука, Михаила Нарулина и 6-й роты – Матвея Филипчука. Из раненных Власов умер в первый день, а Афанасенко и Позняков 26 мая 1863 года (История 10-го пехотного Новоингерманландского полка, 1913. С. 292).

27 мая 1863 года настоятелю вилейской Свято-Николаевской приходской церкви священнику Иллариону Выржииковскому было доставлено письмо

⁵ За отличие в этом бою унтер-офицеры Иосиф Саросик и Охонджанов были произведены в прапорщики.

от командира 7-й роты капитана Дмитриева, расквартированного в Вилейке Новоингерманландского пехотного полка, в котором было записано: *«Покорнейше прошу Ваше преподобие пожаловать во вверенную мне роту для погребения тел умерших на поле брани рядовых, состоящих в роте, Никифора Иванова Познякава, 27 лет, вероисповедания православного, холост и Матвея Станиславова Панасика⁶, 27 лет, вероисповедания римско-католического, женат на родине»* (Церковная история города Вилейки, 2013. С. 4). Умерших от ран похоронили в Вилейке на городском кладбище, могилы не сохранились.

А вот, где похоронили повстанцев сведения противоречивы, как нет точных данных и о количестве погибших. Потери повстанческого отряда, по данным Станислава Зелинского, всего шесть убитых, восемь раненых и один попал в плен. Среди убитых были командир косинеров Константин Костелецкий и ксендз, который находился в отряде.

По одной версии, погибших похоронили около деревни Утки. В советские времена на месте могилы устроили карьер по добыче гравия, и костные останки были вывезены вместе с песком. По другой версии, останки повстанцев похоронили в Куренце об этом месте подробнее написано чуть ниже.

В 2009 году к 145-летию события на месте боя в урочище «Битый Лог» установлен памятный знак.

Могила повстанцев в Куренце

В агрогородке Куренец за зданием костела находится небольшое воинское кладбище. На нем похоронены повстанцы, погибшие в 1863 году, и польские солдаты, погибшие в годы Советско-польской войны 1919–1920 гг. Если появление могил погибших солдат легко объяснимы боями между польской и Красной армиями у Куренца, то появление братской могилы 18 повстанцев на данный момент является загадкой. Ведь официально не зафиксирован бой между повстанцами и рус-

скими войсками в той местности. Есть несколько версий появления этой могилы.

По первой версии здесь были похоронены останки польских повстанцев, погибших в бою у «Битого Лога». В пользу этой версии говорит отсутствие захоронения у деревни Любки. Против нее свидетельствуют: упоминание о якобы существовавшей могиле у д. Утки и то, что количество погибших (18 человек) не соответствует ни польским, ни русским источникам. С другой стороны, если бы у деревни Утки было захоронение, то польские власти в 20-е годы XX века должны были установить на могиле памятный знак, что не было сделано.

Есть другая версия происхождения этого захоронения, по которой погребенных связывают с погибшими в бою у деревни Владыки. По этой версии в Куренце также были похоронены повстанцы отряда Козел-Поклевского – жители (уроженцы) местечка Куренец. Косвенно это подтверждается приведенным в 1-й части статьи польским документом и несоответствием количества погибших и погребенных повстанцев у деревни Владыки. В приведенных списках среди погибших встречаются уроженцы местечка Куренец. Имеются факты захоронений и в других местах.

По третьей версии, здесь похоронили умерших от ран повстанцев. Известно, что по соседству в имении Любань, которое принадлежало Александру Любанскому (он так же помогал и сочувствовал повстанцам), находился госпиталь и раненных в бою у деревни Любки привезли сюда, а тех, кто не выжил, похоронили у ближайшего костела, который и был как раз в Куренце.

Существует и четвертая версия, по которой был небольшой бой у Куренца, сведений о котором до настоящего времени не обнаружено.

Кроме этой братской могилы, в Куренце был поставлен еще памятный крест повстанцам. В ЦГАЛ сохранились документы со схемами, касающиеся проекта установки этого памятника (рис. 2). Памятник действительно был создан, о чем свидетельствует его фотоснимок (рис. 3). Он был сделан из бетона и гипса и представлял собой невысокую ко-

⁶ Как правильно его фамилия Панасик или Афанасенко сейчас трудно сказать, в разных документах написано по-разному.

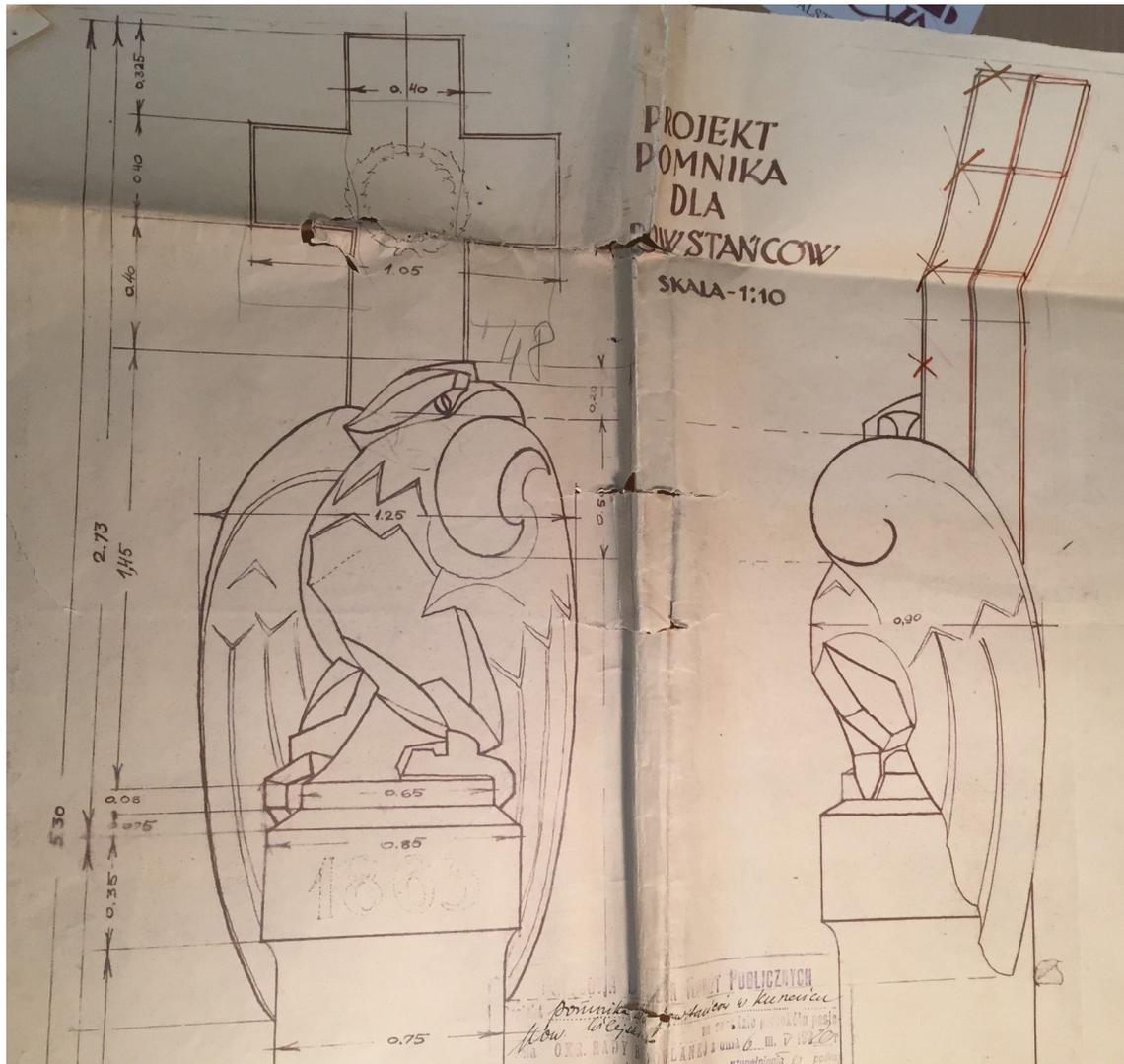

Рис. 2. Схема проекта памятника повстанцам в местечке Куренец
Fig. 2. Scheme of the project of the monument to the rebels in the town of Kurenets

лонну на постаменте, которая заканчивалась прямоугольником с датой 1863 года. Сверху на колонне сидел польский коронованный орел с опущенными крыльями, за спиной которого возвышался латинский крест. Если внимательно рассмотреть фотографию и схему памятника, то орел на памятнике был немного изменен по сравнению с проектом. В сентябре 1939 года после воссоединения Западной Беларуси с БССР колонна была снесена, а на оставшемся постаменте была установлена большая декоративная чаша для живых цветов. В таком виде памятник сохранилась до наших дней (рис. 4).

Окончательная ликвидация и итоги восстания для Вилейщины

После разгрома повстанцев у д. Владыки и местечка Ижа наступило относительное спокойствие, но в уезде остались небольшие отряды мятежников, которые прятались по лесам, а также существовала угроза проникновения больших отрядов с территории других уездов, вот что об этом писал начальник Вилейского уезда подполковник Васильев⁷:

⁷ Васильев (?-?) – подполковник, начальник Вилейского уезда.

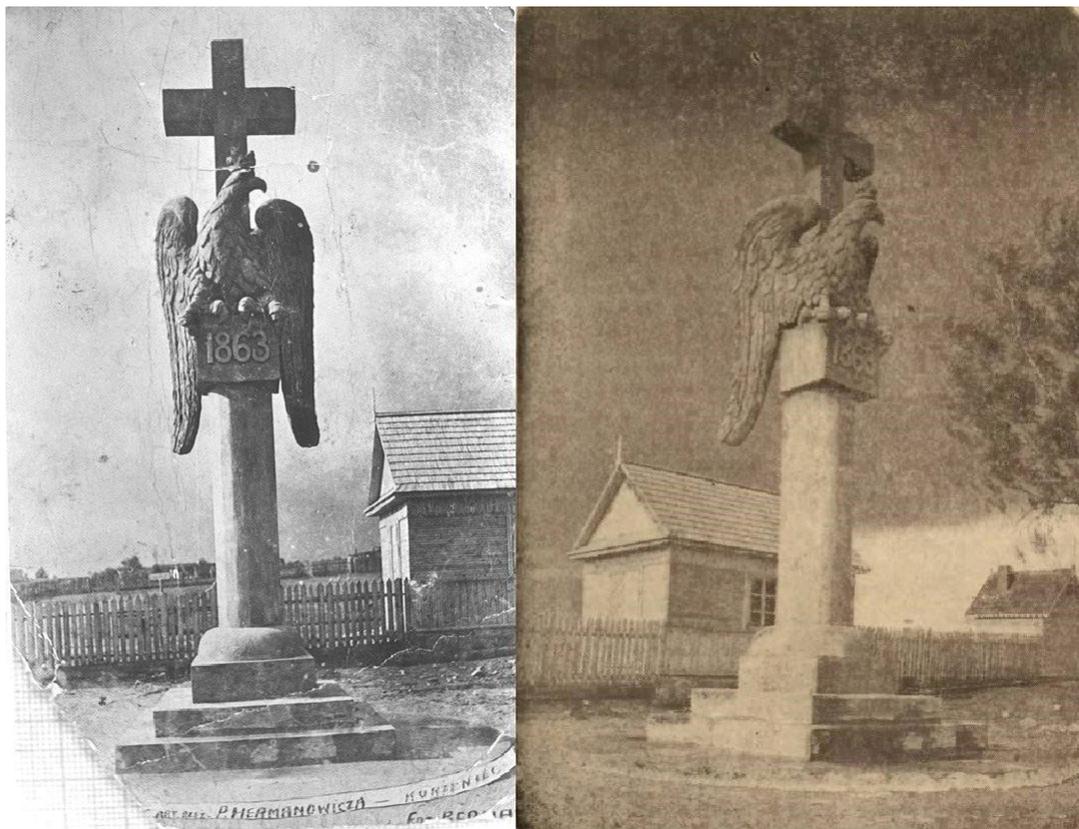

Рис. 3. Памятник польским повстанцам, установленный в местечке Куренец. Фотографии 30-х годов XX века
Fig. 3. Monument to the Polish rebels installed in the town of Kurenets. Photos of the 30s of the twentieth century

Рис. 4. Остатки памятника повстанцам в Куренец. Современное состояние. Фотография апреля 2019 г.
Fig. 4. Remains of a monument to rebels in Kurenets. Current state of the art. Photo of April 2019

**«Рапорт военного начальника Вилейского уезда,
от 18-го июня 1863 г. № 213 о нахождении
мятежнических шаяк в уезде**

Основываясь на сведениях, собранных начальниками подвижных колонн, рекогносцирующих Вилейский уезд во всех его частях, имею честь донести Вашему Превосходительству, что в настоящее время в вверенном мне уезде нет почти никаких мятежнических шаяк, за исключением незначительных партий самого ограниченного числа, скрывающихся еще в лесах, принадлежащих помещикам. Партии эти до времени не представляют собою ничего серьезного, но в некоторых местностях уезда, по дошедшим до меня сведениям составляют как бы кадры для формирования новых. В этом отношении Бутуринская волость, прилегающая к границам Борисовского уезда, Минской губернии, представляет для них более удобств, как по характеру местности, так по группированию там мелких помещиков, дающих шайкам все средства к укрывательству и к продовольствию. В силу вышесказанного, я нашел нужным, отряды вверенного мне войска распределить по уезду для того, чтобы каждый из них имел определенный район действий и открывая движение в различные его стороны, постоянно наблюдал бы за ходом дел революционных партий. Поэтому войска Вилейского уезда в настоящее время распределены так: три роты (3 стрелк. 9 и 10 линейные) Астраханского гренадерского полка при 6 казаках, под начальством майора Бернадского⁸ находятся в Луковице Бутуринской волости. При этом отряде постоянно находится офицер генерального штаба, штабс-капитан Рудановский⁹. Две роты (11 и 12) Астраханского гренадерского полка при 6 казаках, под начальством майора Голенищева-Кутузова, находятся в местечке Двиносах (Долгиновской во-

лости). Две роты (5 и 6 линейные) Новоингерманландского пехотного полка в г. Вилейке, с целью охранять город и для конвоировки транспортов и пленных, отправляемых по назначению начальства, и две роты (7 и 8 линейные) Новоингерманландского пехотного полка, 1-я в д. Любани и 2-я в м. Коженце¹⁰, с целью делать передвижение по району определенных им месте и постоянно наблюдать за ходом дел революционных партий. При этом считаю долгом своим довести до сведения Вашего Превосходительства, что войска эти находятся в отличном порядке, несмотря на постоянные передвижения из одного места в другое в последние три недели, сохранили бодрый вид, неумоимо преодолевали трудности походной службы и во всем представляют приятную надежду на верный успех, в случае встречи с неприятелем. Начальники отрядов вполне, понимают свои обязанности и с готовностью; и с знанием своего дела служат мне лучшими помощниками. Об офицерах генерального штаба штабс-капитане Рудановском я прошу Ваше Превосходительство особо довести до сведения Его Высокопревосходительства господина начальника края, как о самом полезном здесь офицере, успевшем в короткое время, как собрать самые верные сведения о действиях революционной партии, так и определить степень ее влияния в различных частях вверенного мне уезда. В нахождении шаяк и в открытии лиц, принимающих участие в мятеже, он принимал непосредственное участие и в настоящее время мною оставлен снова при отряде майора Бернадского для разъяснения полученных сведений о движении шаяк из Минского уезда, чрез Вилейский уезд в Борисовский, где в окрестностях Путилова, предводитель их Чижик, соединившись с Конопорским, имеет в виду остаться в продолжение двух недель. Для противодействия их намерениям приняты уже меры и отряд майора Бернадского во всякое время готов к встрече.

Сегодня утром 7 и 8 роты Новоингерманландского полка, по моему приказанию выступили

⁸ Бернадский (Бернатцкий) Филипп Филиппович (?-?) – майор (с 19.11.1865 г. – подполковник) Астраханского гренадерского полка. В 1864 году награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

⁹ Рудановский Илья Васильевич (?-?) – штабс-капитан (на 1874 год подполковник), офицер генерального штаба. За эту кампанию награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

¹⁰ Правильно в м. Куренец.

на Мадзиончи и Темплого для прикрытия со стороны Дисненского уезда.

Подполковник Васильев («Виленский временник». Кн. 6. Часть 2. 1915. С. 234–235).

Уже зимой 1864 года на территории Беларуси восстание было полностью подавлено. Для военной и гражданской администрации Виленской губернии эти события были приравнены к военной кампании и были установлены даты для занесения в послужные списки: начало 3 февраля 1863 года (время появления первых отрядов), окончание 14 сентября 1863 года.

После окончания кампании начались суды над ее участниками. По имеющимся сведениям в тюрьме в Вилейке содержалось до 100 человек, участвовавших в восстании или подозреваемых в его поддержке. Многие активные участники восстания лишились своих имений и были сосланы, кто на каторгу или поселения в Сибирь, на Кавказ или Среднюю Азию. Кто был рекрутирован в солдаты и направлен в дальние гарнизоны.

«Муравьевские церкви»

Одним из главных итогов восстания стало гонение на католическую церковь и закрытие костёлов, с одной стороны, и насаждение православия и массовое открытие церквей в Северо-западном крае – с другой. Так как этот процесс происходил по инициативе Виленского генерал-губернатора Михаила Николаевича Муравьева (рис. 5), то и церкви, построенные в этот период, носят неофициальное название «Муравьевки».

Так на территории современного Вилейского района были построены каменные церкви в деревнях: Рабунь (1863 г.), Мильча (1865 г.), Куренец (1865 г.), Долгиново (1871 г.), Косуца (1878 г.), Ручица (1881 г.) и Нарочь (1886 г.). Все эти церкви дошли до наших дней.

В самой Вилейке также была построена каменная церковь, которая была названа в честь Преподобной Марии Египетской. Когда церковь была освещена в 1865 году и стала действовать, генерал Муравьев прислал телеграмму с таким текстом: «Воздвигнутый храм – лепта в память о тех русских, которые пали при усмирении послед-

Рис. 5. Виленский генерал-губернатор Михаил Николаевич Муравьев. Литография XIX века
Fig. 5. Vilensky General Governor Mikhail Nikolaevich Muravyov. Lithograph of the nineteenth century

него польского мятежа». Эта церковь продолжает действовать и в наши дни.

Кроме того, еще перед восстанием 17 мая 1861 года император Александр II утвердил проект постройки каменного костёла в Вилейке, строительство которого началось 14 сентября 1861 года. Когда началось восстание, строительство заморозилось, а после его подавления решили достроить его в качестве православной церкви. Так, в городе 27 октября 1874 года был освящен храм во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Эта православная церковь просуществовала до 1944 года и была разрушена в годы Великой Отечественной войны.

В 1864 году вышел указ о запрете строительства новых костёлов и восстановлении старых. На его основании были закрыты и переделаны в православные церкви деревянные костелы в деревнях: Илья (1864 г.), Куренец (1866 г.), Батурино (1866 г.),

Вязынь (1866 г.) и Спас (1866 г.). Все эти памятники архитектуры не дошли до наших дней.

Награды в честь этих событий

События польского восстания 1863–1864 годов нашло отражение и в фалеристике. В честь этих событий было изготовлено несколько наград.

Все российские военные, принявшие участие в этой кампании, получили наградную медаль «За усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.» (рис. 6). Она была учреждена 1 января 1865 года для награждения всех генералов, штаб- и обер-офицеров, строевых и нестроевых нижних чинов войск, пограничной стражи, упраздненных 3-х малороссийских конных казачьих полков Черниговской и Полтавской губерний и конной сотни милиции Динабургского и Ремицкого уездов, которые в 1863–1864 гг. участвовали в военных действиях против мятежников в Царстве Польском и Западном крае или находились во время усмирения мятежа при войсках для исполнения служебных обязанностей, а также медиков, аудиторов, гражданских чиновников военного ведомства и священников в частях войск, принимавших участие в подавлении восстания, и отставных нижних чинов, крестьян и лиц всех сословий, если они участвовали в боевых действиях против восставших с оружием в руках.

После обретения Польшей независимости все живые к тому времени участники восстания 1863 года были награждены Крестом Независимости (Krzyz Niepodleglosci) (рис. 7). Эта награда была учреждена Указом Президента Польской Республики от 7 ноября 1930 года.

Согласно Положению, Крестом Независимости награждались в частности граждане Польской Республики:

- за активное участие в борьбе за восстановление независимости Польши;
- за активное участие в борьбе против царизма;
- за активное участие в Январском восстании 1863–1864 годов и революционных событиях 1905–1907 годов.

Участники боевых действий, к которым и относятся повстанцы, имели право на получение Креста Независимости с мечами.

Крест Независимости относится к разряду военных знаков отличия и имеет высокий ранг, и при ношении располагается после военного ордена «Виртути милитари» и перед офицерским крестом ордена Возрождения Польши.

Как видно из всего выше написанного, на территории Вилейского района есть много памятных

Рис. 6. Медаль «За усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.». Аверс и реверс

Fig. 6. Medal "For the pacification of the Polish insurrection of 1863-1864". Obverse and reverse

Рис. 7. Польская награда Крест Независимости с мечами. Аверс и реверс

Fig. 7. Polish Cross of Independence Award with swords. Obverse and reverse

мест, связанных с событиями польского восстания 1863–1864 годов.

Приложение 1

Лидер повстанцев Винцент Козелл-Поклевский

Рис. 8. Лидер повстанцев Винцент Козелл-Поклевский

Fig. 8. Rebel leader Vincent Kozel-Poklevsky

Личность Винцента Козелл-Поклевского (на белоруском Вінцэнт Козел-Паклёўскі; на польском Wincenty Koziell-Poklewski также фамилию рода часто пишут Поклевский-Козелл) довольно известна и о нем написано немало.

Винцент Козелл-Поклевский родился в 1837 году в имении Большой Сервечь Вилейского уезда тогда еще в Минской губернии, в семье либерального помещика Яна Наполеона Козелл-Поклевского и Юзефы Таленсдорф. Его братья Ян и

Иосиф также приняли активное участие в событиях 1863 года.

В 1852 году Винцент поступил в кадетский корпус в Санкт-Петербурге, который окончил в 1856 году.

Затем учился в Военно-инженерной академии вместе с братом Яном. Во время учебы познакомился с Ярославом Домбровским и Сигизмундом Сераковским – будущими лидерами восстания.

В 1858 году окончил Академию и был направлен для прохождения службы в Вильно.

В 1859 году переведен военным инженером в Свеаборгскую крепость в Великом княжестве Финляндском. В 1860 году покидает службу в звании штабс-капитана.

В начале 1861 года по поручению Людвиг Звездовского направляется в Познань для установления контактов с местными польскими патриотами. В марте 1861 года Винцент возвращается в Вилейский уезд, где создает повстанческую организацию.

В январе 1863 года назначен военным руководителем восстания в Вилейском уезде. Согласно воспоминаниям участника тех событий на Минщине В. Кошица, благодаря Винценту Козелл-Поклевскому, повстанческая организация в Вилейском уезде была гораздо лучше, чем в большинстве уездов Минской губернии.

В 1863 году он создал и возглавил повстанческий отряд, который насчитывал 200–250 человек. 28 мая 1863 года погиб в сражении.

Повстанческая публицистика ставила Винцента Козелл-Поклевского на один уровень с руководителем лидских повстанцев Людвигом Нарбуттом и называла «Литовским Леонидом» (по аналогии со спартанским царем Леонидом, героем Фермопильского сражения).

Предание гласит, что его последние слова были: «Не мы, так наши кости обретут свободу».

Винцент Козелл-Поклевский был захоронен в братской могиле возле деревни Владыки вместе с другими повстанцами. Вместе с тем, существуют сведения, что его отец тайно перезахоронил тело Винцента в родовом имении Сервечь возле костёла. (Памяць: Гісторыка – дакументальная хроніка

Вілейскага раёна, 2003. С. 139; Хаценчык, З. Падзеі паўстання 1863 г. На Вілейшчыне, 2013. С. 44–46).

Приложение 2 Мельхиор Чижик

Рис. 9. Мельхиор Чижик с женой Станиславой, урожденной Гедройц. Фотография конца XIX века
Fig. 9. Melchior Chizhik with his wife Stanislava, nee Gedroyts. Photo of the late nineteenth century

Еще одним из руководителей восстания был Мельхиор Осипович Чижик (Мельхиор Теодор Ромуальд Бальтазар Чижик). Он родился 26 июня 1836 г. (по другим данным, 9 октября 1835 г.) в семье преподавателя математики минской гимназии Юзефа (Осипа) Чижика. Первоначальное образование Мельхиор получил в Минской губернской мужской гимназии. Затем Мельхиор Чижик воспитывался в Полоцком (1848–1853) кадетском корпусе. Окончив курсы воспитанников в Константиновском военном училище в 1856 году, Мельхиор сначала служил в чине подпоручика в Астраханском Его Величества 12-м грендерском полку. В 1858 году его переводят в Московский 8-й грендерский

Великого Герцога Фридриха-Франца II Мекленбургского полк, 2-й грендерской дивизии Отдельного грендерского корпуса. Дослужился до чина штабс-капитана. Мельхиор Чижик служил в Москве, но поддерживал связи с петербургскими революционными кружками.

В 1863 году между 1 и 5 апреля выехал из Петербурга якобы в Варшаву к полку, но оказался 19 апреля в Борисове, где принял пост военного начальника уезда. Организовал партизанский отряд в Борисовском уезде в составе 78 человек. Затем присоединился к отряду Козел-Поклевского, в котором был назначен командиром одного из взводов численностью в 60 человек.

После боя у д. Владыки отвел оставшихся повстанцев отряда в Игуменский уезд, где соединился с повстанцами С. Лесковского. Взаимоотношения между группой Чижика и крестьянами были враждебные. Деревня Громицы выдала российским властям одного из восставших группы Жовнеровича, за что Чижик поджег деревню. При таких условиях группа не могла долго существовать, и в середине июля она разошлась (Ігнатоўскі У. 1863 год на Беларусі, 1930. С. 235).

Мельхиор Чижик пытался уехать за границу, но сдался властям в Ельне. И из Смоленска передан в Минскую следственную комиссию («Виленский временник». 1915. Кн. 6. Ч. 2. С. 401).

В 1864 году как политический преступник по суду лишен прав состояния, имущество конфисковано в казну, а сам сослан на 20 лет на каторжные работы в рудниках.

Каторгу Мельхиор Чижик отбывал в Сивяково в Забайкальской области, в 32 км на юго-запад от Читы на правом берегу реки Ингода, где во 2-й половине 1860-х гг. разместили временную Сивяковскую тюрьму Нерчинской каторги. Всемиловейший манифест от 1 апреля 1866 года Мельхиору сократил срок каторги и он вышел на поселение в село Урик Уриковской волости Иркутской губернии.

За Чижиком в Сибирь последовала его нареченная панна Гедройц из Вилейки, где на далеком севере соединилась браком с любимым человеком, верно деля с ним долю изгнанника. У них ро-

дились дети, так появилась сибирская династия Чижиков.

В 1878 году император Александр II освободил Чижика от надзора полиции и предоставил на выбор места жительства, за исключением столиц, столичных и западных губерний и Царства Польского, с воспрещением поступления на государственную службу.

Скончался Мельхиор Чижик 12 августа 1900 года от рака желудка.

Приложение 3 Забывтый герой – полковник Галл

Рис. 10. Генерал Александр Александрович Галл
Fig. 10. General Alexander Alexandrovich Gall

При описании событий боя у деревни Владыки о полковнике Александре Александровиче Галле много не пишут, а зря. Командир русского отряда сделал блестящую военную карьеру, дослужившись до высокого чина – генерал от кавалерии.

Александр Александрович Галл родился 16 марта 1831 года. Был реформаторского вероисповедания. В службу вступил в 1848 году. После окончания Пажеского Его Величества корпуса произведён в корнеты. В 1849 году произведён в поручики. Участник военных кампаний 1849 и 1854 годов.

С 1856 года назначен старшим адъютантом штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. С

1859 года назначен адъютантом генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича. В 1861 году произведён в полковники. Участник Польского похода. За участие в кампании 1863 года, в ходе которой был контужен, полковник Галл получил Золотое оружие с надписью «За храбрость» и медаль «За усмирение Польского мятежа».

С 1866 года состоял при великом князе Николае Николаевиче. В 1867 году произведён в генерал-майоры.

Галл – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. С 1876 года назначен генералом для особых поручений при главнокомандующем действующей армии, одновременно являлся попечителем великого князя Николая Николаевича младшего. В 1877 году произведён в генерал-лейтенанты.

С 1878 года назначен генералом для особых поручений при главнокомандующем Войсками Гвардии и Петербургского военного округа. В 1881 году произведён в генерал-адъютанты. В 1891 году произведён в генералы от кавалерии. Умер Александр Александрович Галл 22 февраля 1904 года в Санкт-Петербурге.

За свою службу Александр Александрович получил множество наград. От Российских Императоров Галл получил ордена: Святой Анны и Святого Станислава с 3-й по 1-ю степень, Святого Владимира с 4-й по 2-ю степень, Белого орла и Святого Александра Невского с брильянтами.

Иностранных наград у него было не меньше: прусские ордена Короны и Красного орла 2-й степени со звездами, Вюртембергский орден Фридриха 1-й степени, Большой офицерский крест французского ордена Почетного легиона, турецкий орден Меджидие 1-й степени, Большой крест австрийского ордена Франца Иосифа, Большой крест датского ордена Даннеброга, Большой крест шведского ордена Меча, черногорская золотая медаль «За храбрость», румынский крест «За переход через Дунай» и другие.

Библиографический список

Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края // Виленский временник. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. Вильно, 1913. Кн. 6. Ч. 1. 534 с.

Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края // Виленский временник. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильно, 1915. Кн. 6. Ч. 2. 530 с.

История 10-го пехотного Новоингерманландского полка // Составил подполковник Пирожников. Тула, 1913. 494 с.

Каркотко А.Ю. Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Часть 1. Бой у деревни Владыки. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 133–147. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-133-147.

Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 января 1885 г. СПб.: Военная типография, 1885.

Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1894 года. СПб.: Военная типография, 1894.

Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1901 года. СПб.: Военная типография, 1901.

Список майорам по старшинству на 1859 год. СПб.: Военная типография, 1859.

Список майорам по старшинству. Исправлено по 1 февраля 1865 года. СПб.: Военная типография, 1865.

Список майорам по старшинству. Исправлено по 1 июня 1877 года. СПб.: 1877.

Список полковникам по старшинству. Исправлено по 3 мая 1865 года. СПб.: 1865.

Список полковникам по старшинству. Исправлено по 1 февраля 1873 года. СПб.: 1873.

Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1 февраля 1866 года. СПб.: 1866.

Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1 сентября по 1874 года. СПб.: 1874.

Церковная история города Вилейки / Сост. Ефимова Н.А. Минск: Ковчег, 2013.

Ігнатоўскі У. 1863 год на Беларусі. Нарыс падзей [Беларуская Акадэмія Навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 13. Працы Інстытуту гістарычных навук. Т. V.] Менск, 1930. 280 с.

Памяць: Гісторыка – дакументальная хроніка

References

1913. Archival materials of the Muravyov Museum relating to the Polish Uprising of 1863–1864 within the Northwest Territory. Vilna temporary. Correspondence on political affairs of Civil Administration from January 1, 1862 to May 1863. Vil'no. Book 6. Pt. 1. 534 p. (In Russ.)

1915. Archival materials of the Muravyov Museum relating to the Polish Uprising of 1863–1864 within the Northwest Territory. Vilna temporary. Correspondence about hostilities from January 10, 1863 to January 7, 1864. Vil'no. Book 6. Pt. 2. 530 p. (In Russ.)

Pirozhnikov. 1913. History of the 10th Novoingermanland Infantry Regiment. Tula. 494 p. (In Russ.)

Karkotko A.Yu. 2019. Episodes of the Polish Revolt 1863–1864 on the Vilenschina. Pt. 1. Fight at the village Vladyki. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of the Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 15. No. 1. Pp. 133–147. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-133-147.

1885. List of generals by seniority. Corrected on January 1, 1885. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1894. List of generals by seniority. Corrected on May 1, 1894. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1901. List of generals by seniority. Corrected on May 1, 1901. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1859. List of majors by seniority for 1859. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1865. List of majors by seniority. Corrected on February 1, 1865. Corrected on February 1. 1865. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1877. List of majors by seniority. Corrected on June 1, 1877. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1865. List of colonels by seniority. Corrected on May 3, 1865. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1873. List of colonels by seniority. Corrected on February 1, 1873. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1866. List of lieutenant colonels by seniority. Corrected on February 1, 1866. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

1874. List of lieutenant colonels by seniority. Corrected September 1 to 1874. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russ.)

Efimova N.A. 2013. Church history of the city of Vileyka. Mn.: Kovcheg.

Ігнатоўскі У. 1930. 1863 год на Беларусі. Нарыс падзей [Беларуская Акадэмія Навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 13. Працы Інстытуту гістарычных навук. Т. V.] Менск. 280 с. (In Belarus.)

2003. Памяць: Гісторыка – дакументальная хроніка

Вілейскага раёна. Мн.: БЕЛТА, 2003. 704 с.

Хаценчык, З. Падзеі паўстання 1863 г. На Вілейшчыне: Гістарычныя нарысы / Зміцер Хаценчык, Дзяніс Канецкі; выд. 2-е, дапрац. Мінск: Кнігазбор, 2013. 76 с.

Сведения об авторе

Каркотко Андрей Юрьевич,

магистр политических наук, научный сотрудник,
Государственное учреждение «Вилейский краеведческий музей»,

Республика Беларусь, 222410, Минская область, г. Вилейка, площадь Свободы, 1. Музей,

e-mail: karkotko@tut.by

Критерии авторства

А.Ю. Каркотко выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вілейскага раёна. Мн.: БЕЛТА. 704 с. (In Belarus.)

Хаценчык, З. 2013. Падзеі паўстання 1863 г. На Вілейшчыне: Гістарычныя нарысы / Зміцер Хаценчык, Дзяніс Канецкі; выд. 2-е, дапрац. Мінск: Кнігазбор, 76 с. (In Belarus.)

Information about the author

Andrey Yu. Karkotko,

master of political science, staff scientist,

Vileika Museum of Local History,

Museum. 1 ploshad' Svobody, Vileika, Minsk region, 222410, Republic Belarus',

e-mail: karkotko@tut.by

Attribution criteria

A.Yu. Karkotko made the research work, on the basis of the results conducted a compilation and prepared the manuscript, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)08(571.5)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-143-154>

Профессиональное образование в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет)

© Т.А. Кискидосова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются материалы сибирских газет, освещавшие становление и развитие профессионального образования в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Отсутствие специальных профессиональных учебных заведений сказывалось на экономическом и культурном развитии региона. Периодическая печать достоверно и полно отражала нужды края и указывала на необходимость квалифицированных кадров в ремесленном производстве, золотопромышленности и торговле. Несмотря на противоречия по многим вопросам, авторы признавали важность и необходимость подготовки специальных кадров. Анализируются причины медленного развития профессионального образования в регионе. Рассматриваются различные типы специальных учебных заведений. Сеть профессиональных учебных заведений начала формироваться в губернском центре в конце XIX – начале XX в. Автор отмечает отсталость женского профессионального образования по сравнению с мужским. Местные органы власти отдавали приоритет развитию специальных учебных заведений, рассчитанных на мужскую часть населения. Женское профессиональное образование ограничивалось подготовкой педагогических и медицинских кадров. В целом сибирские газеты являются важным источником по изучению истории образования в Енисейской губернии в период модернизации.

Ключевые слова: Енисейская губерния, модернизация, профессиональные школы, сибирские газеты, ремесленные училища, учительская семинария, коммерческая школа, фельдшерская школа, ученики, преподаватели, журналисты

Информация о статье: Дата поступления 22 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 20 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Кискидосова Т.А. Профессиональное образование в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 143–154. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-143-154

Vocational education in the cities of the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries (on materials of Siberian newspapers)

© Tatiana A. Kiskidosova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation

Abstract: The article deals with the materials of Siberian newspapers, which covered the formation and development of vocational education in the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries. The absence of special vocational schools affected the economic and cultural development of the region. Periodical press reliably and fully reflected the needs of the region and pointed to the need for qualified personnel in the handicraft industry, gold mining and trade. The reasons of slow development of professional education in the region are analyzed. Despite the controversy on many issues, the authors recognized the importance and the need to train special personnel. The reasons for the slow development of vocational education in the region are analyzed. The network of professional educational institutions began to be formed in the provincial center at the end of the XIX – early XX centuries. There was a backwardness of women's vocational compared to male education. Women's vocational education was limited to the training of teaching and medical personnel. In general, Siberian newspapers

are an important source for studying the history of culture and education in the Yenisei province during the period of modernization.

Keywords: Yenisei province, modernization, professional schools, Siberian newspapers, commercial schools, teacher's training seminary, business school, medical school, students, teachers

Article info: Received April 22, 2019; accepted for publication May 20, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Kiskidosova T.A. 2019. Vocational education in the cities of the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries (on materials of Siberian newspapers). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 143–154. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-143-154

Профессиональное образование в отличие от общего образования представляло отдельное звено в системе просвещения и имело свою специфику в структуре образовательного комплекса каждого региона страны. Становление и развитие сети профессионального образования в эпоху модернизации на материалах различных регионов России было исследовано в ряде работ (Слудковская, 1998; Третьяков, 1998; Климаков, 2001¹; Климанова, 2004; Климанова, 2006; Репина, 2011; Игтисамова, 2011; Игтисамова Г.Р., Игтисамова Р.Х., 2013; Дашкевич, Рукосуев, 2013; Душкова, Григорова, 2015; Архангельская, 2018; Махрачев, 2018). Тема профессионального образования в Енисейской губернии рассматривалась в работах Д.Г. Жолудева, В.И. Федоровой, А.И. Шилова, П.С. Филипповой (Жолудев, 1961; Федорова, 2015, 2017; Шилов, 2000, 2014; Шилов, Филиппова, 2016). Некоторые вопросы специальных учебных заведений были затронуты в коллективных работах (Красноярск: Очерки..., 1988; Очерки истории народного образования..., 2014). В трудах по истории профессионального образования в Енисейской губернии авторы основывались на архивных и статистических источниках. Однако периодическая печать как источник изучения профессионального образования в Енисейской губернии в эпоху модернизации не использовалась исследователями в полной мере. В данной статье предпринята попытка охарактеризо-

вать материалы сибирских газет, освещавших становление и развитие профессионального образования в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Информацию о развитии образования в Енисейской губернии можно найти в различных сибирских газетах: «Енисейские губернские ведомости», «Восточное обозрение», «Справочный листок Енисейской губернии», «Енисей», «Отголоски Сибири», «Красноярск» и др. В статьях, очерках, заметках, обзорах, корреспонденциях, обозрениях, фельетонах содержатся разнообразные сведения о профессиональном образовании в регионе. Авторами публикаций были не только журналисты, но и представители интеллигенции, предприниматели, чиновники, общественные деятели. К ним относились такие известные сибирские деятели, как М.Ф. Кривошапкин, П.М. Головачев, Н.В. Скорняков, М.П. Миндаровский, А.И. Кытманов. Особый интерес для исследователя представляют опубликованные в газетах статьи или «письма» общественных деятелей по вопросу открытия технических школ. Данные публикации имели широкий резонанс в обществе. Несмотря на то, что мнения авторов расходились по многим вопросам, все они признавали важность и необходимость открытия профессиональных учебных заведений в Енисейской губернии.

Во второй половине XIX в. модернизационные процессы, происходившие в стране, требовали подготовки квалифицированных работников и специалистов. Отсутствие ремесленных или профессиональных учебных заведений и нехватка рабочих кадров сказывались на экономическом и культурном развитии сибирского края. В связи с этим в

¹ Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. 290 с.
Klimakov S.A. Razvitie professional'nogo obrazovaniya na Urale v 60-e gg. XIX v. – fevral' 1917 g.: Dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk. 2001. 290 p.

сибирских городах стали появляться первые профессиональные учебные заведения, призванные подготовить специалистов в различных отраслях хозяйства. Газеты периодически публиковали материалы о подготовке квалифицированных кадров в различных уголках сибирского края. В Енисейской губернии первые профессиональные учебные заведения стали появляться в пореформенное время.

Вопрос о профессиональном образовании был поставлен еще в 1860-е гг. Министерством народного просвещения. Газета «Енисейские губернские ведомости» в 1867 г. опубликовала статью по данной проблеме. Основная цель публикации – показать «важность открытия ремесленных, сельскохозяйственных и коммерческих школ, которые принесли бы огромную пользу для экономического развития страны». Министерство народного просвещения, обращаясь к Министерству финансов и Министерству внутренних дел, призывало объединенными усилиями ведомств и местных властей открывать повсеместно профессиональные училища (Енисейские губернские ведомости. 1867. 18 марта).

Острая потребность в коммерческом образовании в Енисейской губернии возникла еще в первой половине XIX в. В это время енисейские купцы отправляли своих детей для освоения торгового дела в Кяхту к известным торговцам. Позднее практика отправки детей прекратилась, их стали обучать коммерческому делу на местах. Большая часть молодежи «с детства осваивала за прилавком аршин и весы, получала навыки общения с покупателями». Представители местного купечества не стремились дать образование своим детям. Они считали, что их отпрыски, окончившие гимназический или университетский курс и не усвоившие практические знания, будут неспособны вести торговые дела. Местные предприниматели имели возможность и средства для отправки своих детей на обучение в коммерческое училище, технологический институт или землемерную академию. Однако большая часть купеческих сыновей оставалась без специального образования. В статье, опубликованной в «Енисейских губернских ведомостях» за 1866 г. указывалось, что «учеба испортит моло-

дежь». В то же время автор признавал, что «молодые люди, получившие среднее или высшее образование, сумели продолжить родительское дело» (Енисейские губернские ведомости. 1866. 10 декабря).

Другой проблемой в экономической жизни Енисейской губернии была нехватка квалифицированных специалистов в ремесленном производстве. Одним из первых профессиональных учебных заведений стало Щеголевское ремесленное училище, основанное в 1875 г. в Красноярске. Согласно Уставу учащихся, «ремесленная часть состояла из ремесел: портняжная, сапожная, башмачная, кузнечная, столярная и токарная». На самом деле в учебном заведении обучали только столярному, сапожному и портняжному ремеслам. В училище по заявлению принимались мальчики с 10 до 14 лет. Ежегодно в училище должны были обучаться 10 воспитанников, которые содержались за счет процента от капитала Т.И. Щеголевой. Для поступления необходимо было представить следующие документы: свидетельство о рождении и крещении, медицинскую справку о привитии оспы. В ремесленном училище учеников обучали грамоте и ремеслу (Енисейские губернские ведомости. 1875. 19 июля). Через 12 лет существования училища возникла угроза его закрытия. Из преподаваемых ремесел осталось только столярное. Предполагалось обучать учеников ремеслу на квартирах ремесленников, а грамоте – в ближайших учебных заведениях (Сибирский вестник. 1887. 1 февраля). К 1 января 1909 г. в Щеголевском ремесленном училище на обучении находился 61 ученик (Красноярск. 1908. 3 января).

В сибирской прессе активно обсуждалась тема упадка енисейской золотопромышленности. Кризис в енисейской золотодобывающей отрасли привел к резкому сокращению количества приисков (в 1888 г. – 208 приисков, в 1890 г. – 185), что пагубно сказывалось на местной экономике. Местные общественные деятели связывали падение золотопромышленности с недостатком профессиональных технических работников. Проведение технической модернизации золотодобывающей отрасли требовало квалифицированных технических кад-

ров. В периодической печати ряд публикаций посвящался необходимости открытия специального технического заведения в Енисейске. В 1890 г. газета «Восточное обозрение» опубликовала статью «Настоящая нужда (Письмо из Енисейска)». Автор публикации, подписавшийся «С-я-ъ», по всей вероятности, был гласный Енисейской городской думы Н.В. Скорняков. Ранее на заседании городской думы он выступил с предложением об учреждении в Енисейске низшей технической школы с двумя отделениями: горно-химическим и сельско-техническим на средства правительства. Гласные думы поддержали идею Н.В. Скорнякова и решили обратиться с письмом к енисейскому губернатору о направлении этого ходатайства в установленном порядке в вышестоящие органы власти.

Н.В. Скорняков считал, что «открытие технической школы необходимо не только потому, что Енисейск – центр восточносибирской золотопромышленности, но и потому, что местная классическая прогимназия не может рассчитывать на будущность, уменьшение количества учащихся неизбежно приведет к ее закрытию». Автор письма предлагал преобразовать классическую прогимназию в низшее техническое или промышленное училище (Восточное обозрение. 1890. 14 января).

В ответ на письмо Н.В. Скорнякова в «Енисейских губернских ведомостях» была опубликована статья П.М. Головачева «Какая школа нужна Енисейску?». Он также выступил за необходимость открытия технического или реального училища в Енисейске. По мнению П.М. Головачева, выпускники местных приходских училищ не были подготовлены к изучению таких предметов, как механика, химия и др. Учебная программа в прогимназиях также не предусматривала технические знания для учеников. Даже для открытия низшего технического училища требовались значительные расходы, какими городская казна на тот момент не располагала. Одновременно автор понимал важность преподавания ученикам основ общеобразовательной школы. П.М. Головачев справедливо полагал, что «лишить население города общеобразовательной школы – обречь его на долгие годы умственному и

нравственному огрубению» (Енисейские губернские ведомости. 1890. 20 апреля).

3 июня 1890 г. директор Енисейской прогимназии, ссылаясь на предложение генерал-губернатора Восточной Сибири, выступил с предложением открыть в Енисейске технико-промышленное училище по типу, выработанному Министерством народного просвещения. Он считал, что у города нет необходимости в сохранении шестиклассной прогимназии. По его мнению, обществу требовались шестиклассное реальное училище и четырехклассное механико-техническое училище. Подобное предложение нашло поддержку у гласных Енисейской городской думы, решивших ходатайствовать с этим предложением перед енисейским губернатором (Восточное обозрение. 1890. 29 июля).

Вопрос об открытии низшего технического училища стал вновь обсуждаться 12 марта 1891 г. на заседании Енисейской городской думы. Все участники заседания пришли к единому мнению, что кризис в золотопромышленности связан с нехваткой квалифицированных кадров и город нуждается в специальном учебном заведении. Дискуссионным стал вопрос о том, какое училище требовалось городу. Гласный И.Д. Черемных заявил о том, что выпускники низшего технического училища не смогут найти применение для познаний, тогда как городу необходимы подготовленные кадры, занятые в русско-английской торговле через Северный морской путь. Он выступал за открытие полного реального училища, которое позволит подготовить необходимых специалистов. В дальнейшем выпускники смогут продолжить образование в технологическом университете. Его оппонент Н.В. Скорняков продолжал настаивать на открытии низшего технического училища, которое позволит получить образование бедным слоям населения. Также он ходатайствовал о необходимости открытия в низшем училище двух классов: судостроения и рыболовства. В ходе голосования большинство (20 против 7) гласных проголосовало против идеи Н.В. Скорнякова. Гласные, ссылаясь на важность общего образования, поддержали предложение о замене шестиклассной прогимназии на среднее

промышленное училище (Восточное обозрение. 1891. 14 апреля). Все публикации, касавшиеся устройства Енисейского технического училища были актуальны на тот момент. Основные предложения об открытии специального технического заведения в Енисейске широко обсуждались общественными деятелями. Однако, несмотря на популярность данного вопроса в сибирской прессе, он так и остался нерешенным. Дальнейший кризис в золотодобывающей отрасли и последовавший экономический упадок в городе постепенно отвлекли общественность от проблемы открытия специального технического училища в городе.

Отсутствие собственного учебного заведения в Енисейской губернии, занимавшегося подготовкой педагогических кадров, вызывало обеспокоенность местной администрации. В 1873 г. главный инспектор училищ Восточной Сибири отправил в Красноярск телеграмму с разрешением открытия учительской семинарии. Она открылась за счет средств государственного казначейства. Ежегодно на учебное заведение выделялось 16810 руб. В педагогический состав семинарии вошли: директор, законоучитель, три преподавателя, учитель народного училища и учитель пения. Всему педагогическому коллективу полагались казенные квартиры в здании семинарии или в одном районе (Енисейские губернские ведомости. 1873. 11 августа).

«Енисейские губернские ведомости» постоянно информировали о начале приема документов в учительскую семинарию. В учебное заведение принимались молодые люди с 16 до 22 лет, любого сословия, православного вероисповедания и хорошей нравственности. С подавших прошение на имя директора семинарии требовалось наличие начального образования, т. е. «владеть знаниями, указанными в программе» (знание молитв, умение читать и писать, знание четырех действий над простыми числами и умение решать задачи из обыденной жизни). При этом учитывалось наличие у поступавших «знаний толковых и сознательных, а не усвоенных одной памятью» (Енисейские губернские ведомости. 1873. 25 августа). Абитуриент должен был закончить хотя бы 2-классное сельское училище. При поступлении в семинарию приемная

комиссия требовала следующие документы: свидетельство общества о согласовании уволить подавшего прошение в семинарию; метрическое свидетельство или выписка из метрической книги; свидетельство врача о здоровье и удостоверение привития от оспы; свидетельство о познаниях; свидетельство о доброй нравственности, выданное обществом, приходским священником или полицией. После предоставления необходимых документов в семинарию молодые люди должны были пройти осмотр у врача и сдать вступительные экзамены (Енисейские губернские ведомости. 1874. 6 июля).

Обучение в семинарии было трехгодичным, предполагалась стипендия, а также бесплатные учебники, учебные пособия и книги, которые по окончании учебы переходили в собственность выпускника (Енисейские губернские ведомости. 1883. 30 июля). Количество стипендий было ограниченным, ее могли получать только 20 чел. В семинарии преподавали такие предметы, как Закон божий, русский язык, церковнославянское чтение, арифметика, основы геометрии и земледелия, русская география и история, основы наук о воспитании и обучении детей, чистописание, черчение, пение, гимнастика, столярное и слесарное дело. Семинаристы после окончания заведения получали льготы: освобождение от повинностей, включая рекрутскую; нахождение в действительной службе – от 3 до 6 лет и в запасе армии – до 20 лет. Учителя начальных училищ, если вытягивали жребий – освобождались от действительной службы в армии и зачислялись в запас на 15 лет. Стипендиат Красноярской учительской семинарии обязывался проработать учителем начальной школы не менее четырех лет (Енисейские губернские ведомости. 1874. 6 июля).

В первые годы существования семинарии наблюдался рост учащихся. В 1879 г. во всех трех классах семинарии обучалось 37 учеников, в 1883 г. – 60. По окончании семинарии выпускники обязывались отработать учителями не менее 4 лет в начальной школе Енисейской губернии (Енисейские губернские ведомости. 1879. 8 сентября; 1883. 30 июля). В первые годы существования учитель-

ской семинарии был большой поток желающих поступить. Учащиеся стремились после окончания семинарии стать учителями сельских школ. Данная профессия была уважаема и вызывала симпатии со стороны населения (Справочный листок Енисейской губернии. 1890. 19 августа). Через несколько лет количество семинаристов значительно уменьшилось. Если в 1880-е гг. в учебное заведение в среднем ежегодно поступало от 20 до 30 чел., то окончить удавалось всего 10–15 чел. В 1893 г. на прием в учительскую семинарию было подано 32 прошения. Всего в этом году числилось 45 учеников, из них в первом классе 22 чел. (Енисейский листок. 1893. 8 августа). В 1895 г. на первый курс поступило всего 6 чел. В последние годы семинария выпускала не более 3–5 чел. Такое снижение семинаристов было связано с материальными трудностями в период обучения. Стипендия воспитанников семинарии составляла всего 6 руб. в месяц. Ученикам не предоставлялось жилье и им приходилось ютиться по разным тесным каморкам. Они испытывали постоянную нужду, плохо питались и бедно одевались. Материальные трудности выпадали на весь трехлетний срок обучения. Многие ученики, не выдержав испытаний, бросали учебу (Восточное обозрение. 1895. 13 сентября). Спустя несколько лет содержание учащихся несколько улучшилось. В 1899 г. казенная стипендия повысилась и стала составлять 12 руб. в месяц. Повышение стипендии способствовало новому росту желающих поступить в это учебное заведение. В этом же году прошение о приеме в семинарию подали 36 чел., но поступить удалось 19, остальные не выдержали приемных экзаменов (Енисей. 1899. 22 августа). Существование учительской семинарии побудило общественность Красноярска поставить вопрос об организации в городе учительского института. Этот вопрос рассматривался городскими властями на протяжении нескольких лет. Осенью 1916 г. в Красноярске открылся учительский институт (Южная Сибирь. 1916. 22 июня).

Местные корреспонденты затронули проблему художественного образования в Енисейской губернии. В то время как повсеместно по стране возникали художественно-промысловые школы, в

Енисейской губернии не было ни одного подобного учебного заведения. Начало художественному образованию было положено в 1890-е гг. в Красноярске. В 1891 г. открылась воскресная рисовальная школа М.А. Рудченко. Учебная программа имела практическое применение, основными предметами стали ремесленное черчение и рисование. Обучение проходили ученики городских школ и ремесленники, которым были необходимы полученные в школе знания и умения (Восточное обозрение. 1890. 26 мая). К 1895 г. в школе бесплатно обучались 16 мальчиков, все они были из бедных семей. Позже количество учеников увеличилось до 33, из них 3 чел. находились на платном обучении (Енисей. 1895. 13 января). М.А. Рудченко преподавал в школе бесплатно, дополнительную поддержку оказывала Императорская Академия художеств, высылая пособие ученикам. Рисовальная школа была необходима, прежде всего, бедной учащейся молодежи, но она просуществовала недолго. Школа не имела собственного помещения и временно занимала кабинет в мужской гимназии. У нее не было средств, чтобы оплатить доставку из Академии художеств гипсовых фигур и орнаментов. 15 мая 1895 г. были проведены последние занятия, и школа закрылась (Енисей. 1895. 20 августа). Через несколько лет рисовальная школа вновь открылась.

27 января 1910 г. состоялось торжественное открытие рисовальной школы. Казалось, что ее открытие должно было стать востребованным, но количество учеников не превысило 20 чел. Малочисленность учеников была связана с тем, что школа не давала выпускникам удостоверяющих документов о получении профессии (Федорова, 2015. С. 118).

Модернизационные процессы, проходившие повсеместно по стране способствовали появлению новых, ранее неизвестных профессий. В связи с этим возникла потребность в квалифицированных кадрах в промышленности, транспорте, торговле и других сферах. В конце XIX – начале XX в. в Красноярске открылся ряд профессиональных школ: фельдшерская, железнодорожная, землемерная, торговая и т. д. Сеть профессиональных учебных

заведений, возникшая в губернском центре, была направлена на повышение профессионального уровня населения в целом. Сибирская пресса освещала открытие всех профессиональных учебных заведений в регионе.

Проведение Транссибирской магистрали потребовало подготовки квалифицированных работников железной дороги. В Красноярске железнодорожная школа открылась в 1894 г. Учебное заведение занималось подготовкой машинистов, помощников машинистов и других работников железной дороги. Железнодорожная школа была достаточно востребованной среди населения. Работа на железной дороге гарантировала стабильную работу и неплохое жалование. Ежегодно в школу желало поступить свыше 100 чел., хотя вакантных мест было всего 30. В результате экзамена свыше 70 чел. отсеивалось. В железнодорожном училище часто учились дети из семей железнодорожных работников (Сибирская мысль. 1915. 9 августа). По этой причине нередко наборы в училище были слабыми. С целью увеличения количества абитуриентов в 1900 г. при техническом железнодорожном училище открылась двухклассная начальная школа. Начался прием детей рабочих и служащих железнодорожных мастерских и железной дороги. В школу поступило 160 учеников. Кроме предметов начальной школы учеников в учебную программу вошло обучение ремеслам при железнодорожных мастерских. На преподавание ремесел отводилось по 1–1,5 часа в день. В дальнейшем получившие профессиональные навыки ученики продолжали обучение в железнодорожном училище (Енисей. 1900. 27 августа). Данное учебно-профессиональное заведение предполагало трехлетнее обучение. В первом классе ученикам преподавали такие предметы, как арифметика, геометрия, физика. К 1 января 1909 г. в Красноярском железнодорожном училище обучалось 683 ученика (Красноярлец. 1909. 3 января).

Нехватка технических работников в почтово-телеграфной службе в округах Енисейской губернии требовала подготовку специальных работников. С 1904 г. в Красноярске при почтово-телеграфной конторе стала действовать школа поч-

тово-телеграфной службы. Школа предполагала заниматься подготовкой почтовых, телеграфных и технических специалистов. Помимо специальных предметов предусматривалось преподавание французского языка. Профессиональное учебное заведение было общедоступным с бесплатным обучением. С открытием школы на обучение подали заявки 30 чел., все они были приняты (Енисей. 1904. 29 сентября). Однако через два месяца почтово-телеграфную школу пришлось закрыть, из 30 учеников осталось всего 10. Школа была заменена курсами почтово-телеграфных механиков. Согласно распоряжению Главного Управления почт и телеграфа, в сибирских городах открывались курсы механиков. Срок обучения на курсах составлял – 4 месяца. Для преподавания пригласили телеграфных инженеров, которые до этого успешно провели занятия в Иркутске. Открытие курсов механиков на местах позволяло избежать затрат на командировки по подготовке специалистов (Енисей. 1904. 19 декабря).

В 1909 г. при Ведомстве Министерства юстиции по управлению межевой части в Красноярске открылось Землемерное училище. В училище принимались лица не моложе 15 лет с наличием 4-классного гимназического образования. Для поступления необходимо было сдать вступительные экзамены и пройти конкурс (Красноярский вестник. 1909. 9 августа).

В начале XX в. местные газеты публиковали материалы о возможности открытия реальных училищ в уездных городах. В частности, в Минусинске в связи с нехваткой специалистов с техническим образованием, неоднократно ставился вопрос о необходимости реального училища. В 1910 г. городские власти в очередной раз подняли вопрос об устройстве реального училища, однако и в этот раз не получили поддержки. Хотя помещение и необходимые средства для содержания училища у города были. Но городская дума отклонила ходатайства, мотивируя тем, что желающие могут получить образование в Красноярском реальном училище. В действительности немногие минусинцы имели возможность и средства для обучения в Красноярске (Красноярский вестник. 1910. 2 фев-

раля). Только после открытия реального училища в Канске в 1911 г., жителям Минусинска удалось в 1913 г. добиться учреждения подобного учебного заведения в своем городе (Федорова, 2015. С. 69).

Для успешного развития частного предпринимательства требовалась специальная подготовка. Создание собственного коммерческого училища в губернии позволило бы подготовить квалифицированных специалистов. Открытие коммерческого училища в Красноярске затянулось на несколько лет, хотя данный вопрос начал обсуждаться в конце XIX в. Предполагалось открыть коммерческое училище 19 февраля 1911 г. в Красноярске. Однако оно не было учреждено из-за ограниченности средств. Купеческое общество решило открыть бухгалтерские курсы, которые затем будут преобразованы в коммерческое училище (Сибирский край. 1911. 21 января). В октябре 1911 г. в результате деятельности купеческого общества начался прием учащихся на бухгалтерские одногодичные вечерние курсы. Программа курсов включала как общеобразовательные дисциплины, так и специальные (бухгалтерия, коммерческая арифметика, коммерческая корреспонденция, сведения по политической экономии и товароведению и т. д.). С открытием курсов вопрос о коммерческом училище был временно приостановлен (Кискидосова, 2009. С. 44).

В 1913 г. в Красноярске открылась торговая школа. Представители красноярского купечества обещали ежегодно перечислять на содержание школы 1 тыс. руб. В случае открытия коммерческого училища сумма ассигнования увеличивалась до 7 тыс. руб. в год. В торговой школе кроме общих и специальных предметов, ученики изучали английский и монгольский языки. К 1915 г. в Красноярской торговой школе обучалось 157 учеников (Красноярск: Очерки..., 1988. С. 145). Из-за открытия дополнительного пятого класса пришлось расширить здание школы за счет пристройки (Сибирская мысль. 1915. 6 августа).

Несмотря на открытие торговой школы, в Енисейской губернии не было учебного заведения, предусматривавшего преподавания предметов, необходимых для внешнеторговых связей с Мон-

голией и Китаем. В 1914 г. в Урге при российском генеральском консульстве в Монголии открылась школа для подготовки переводчиков и толмачей. В учебном заведении подготавливали специалистов для службы в Восточной Сибири и Туркестане. В школе преподавали несколько языков: маньчжурский, китайский и монгольский. Курс обучения длился пять лет. Школа была бессловная, но предпочтение отдавалась казакам не младше 16 лет, прошедшим курс прогимназии. Ежегодно казной выделялось 3 тыс. руб. на содержание учебного заведения (Енисейская мысль. 1914. 28 апреля).

Внешнеторговые связи Минусинского округа с Урянхайским краем и Монголией вызвали необходимость открытия специальной торговой школы в Минусинске. В 1916 г. на заседании Минусинской городской думы обсуждался вопрос об открытии в ближайшее время торгового учебного заведения. Однако в условиях военного времени и нехватки финансовых средств, у некоторых членов городской думы возникли сомнения в учреждении торговой школы (Южная Сибирь. 1916. 22 июня). Местная пресса с уверенностью заявляла об открытии школы. В частности, «Минусинский вестник» опубликовал заметку, что школа начнет прием в октябре 1916 г. Однако в связи с отсутствием средств открытие школы было отложено на неопределенное время (Минусинский вестник. 1916. 28 октября).

С развитием рыбного хозяйства в северной части Енисейской губернии на протяжении нескольких лет обсуждался вопрос учреждения в Енисейске школы рыбного дела. Несогласованность местных властей и нехватка средств в бюджете тормозили открытие учебного заведения. 17 января 1915 г. в Енисейске впервые появилась школа рыбного дела. Она открылась в период Первой мировой войны, когда мужскую часть населения мобилизовали на фронт. Поэтому в первый класс записались всего 4 чел. По мнению автора публикации М.П. Миндаровского, «появление такой школы означало новую эру в открытии рыбной промышленности. Школа рыбного дела способствовала концу произвола рыбопромышленников» (Отклики Сибири. 1915. 29 января).

В системе просвещения отдельным звеном стояло женское профессиональное образование. В отличие от мужского, оно не являлось приоритетным направлением в деятельности местных органов власти. В профессиональном плане женщины были востребованы в учительской профессии. Получив образование в гимназии или епархиальном училище, они становились преподавателями учебных заведений (Федорова, 2017. С. 28). Начало медицинскому образованию в регионе было положено еще в пореформенный период. Отсутствие акушерок в больницах и высокая детская смертность в регионе побудили местные органы власти поставить вопрос о подготовке специального медицинского персонала. В 1864 г. генерал-губернатор Восточной Сибири предложил енисейскому губернатору открыть в городской больнице акушерскую школу и при ней родильное отделение. Вопрос об открытии школы затянулся на 12 лет. Причинами волокиты стали отсутствие помещения, нехватка средств и медицинского персонала. Осенью 1876 г. акушерская школа с родильным отделением и приютом для детей были открыты. Часть учениц являлись крестьянскими стипендиатками от сельских обществ. В школу поступило несколько вольнослушательниц, по окончании курса обучения они намеревались сдать в университете экзамен на звание городской акушерки. Несмотря на то, что выпускницы школы были востребованы, в 1888 г. учебное заведение закрылось. Через три года в связи с большим спросом на акушерок вновь встал вопрос об открытии повивальной школы (Восточное обозрение. 1894. 6 марта).

Красноярская женская фельдшерская школа вновь начала действовать в 1889 г. по инициативе красноярского Общества врачей. Она содержалась за счет Общества и частных пожертвований. Учебное заведение подобного типа впервые появилось в Сибири. При общей нехватке медицинского образования профессия фельдшера была достаточно востребованной. Основными критериями при приеме являлись наличие образования (не менее 4 классов гимназии, или свидетельство об окончании епархиального училища, или свидетельство сельской учительницы), возраст – не моложе 17 и

не старше 35 лет. В 1902 г. было подано 44 заявления о поступлении в первый класс школы, но приняли только 16 учениц, позднее дополнительно зачислили еще 4 чел. (Енисей. 1902. 22 августа; Сибирские вести. 1906. 2 июля).

Для лиц иудейского вероисповедания при приеме требовалось обязательное предоставление свидетельства на право жительства. Отсутствие национального ценза в фельдшерской школе обусловило высокий удельный вес учащихся еврейской национальности. В 1900 г. ученицы иудейского вероисповедания составляли 31%, в последующие годы на их долю приходилось до 33% и выше (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 7. Д. 465. Л. 1). Динамика приема учениц в школу в начале XX в. была следующей: в 1901 г. – 33 чел., в 1902 г. – 20 чел., в 1903 г. – 29 чел., в 1904 – 16 чел. Было замечено, что обязательное предоставление свидетельства на право жительства для иудеек приводило к общему снижению учениц. С 1906 г. при поступлении в школу иудейки могли не предоставлять свидетельство на право жительства. При школе не было общежития и приезжим ученицам приходилось самостоятельно искать жилье. С 1911 г. в фельдшерскую школу стали принимать лиц еврейской национальности в пределах 10 % нормы. Предпочтение отдавалось жительницам Красноярского уезда, затем Енисейской губернии и только потом уроженкам других сибирских губерний. Принятые на обучение иудейки получали право жительства в Красноярске (Красноярский хроникер. 1911. 18 июля).

Окончить школу удавалось далеко не всем ученицам, многие бросали учебу по разным причинам. Всего в учебном году (1903/1904 гг.) в школе обучалась 71 ученица, но из них окончить удалось только 17 чел. Успеваемость в фельдшерской школе была достаточно высокой. В 1909 г. школу окончило 19 учениц, из них 17 чел. сдали экзамены с отличием. Преподаватели отмечали, что это был один из лучших выпусков за все время существования школы (Красноярец. 1909. 27 мая).

Практические занятия учениц проходили в аптеке и при амбулатории в лечебнице. Ученицы курировали больных в городских больницах, хирур-

гическом бараке, вели акушерские приемы в родильном отделении больницы. Если практической стороне уделялось значительное внимание, то теоретическая сторона была значительно слабее. В школе ощущалась постоянная нехватка преподавателей. По этой причине некоторые теоретические предметы исключили из программы, что сказывалось на общей подготовке выпускниц (Енисей. 1904. 1 октября).

Большая часть учениц фельдшерской школы из-за плохого материального положения находилась в бедственном положении. Доходило до того, что некоторые из них не обедали, им приходилось «пробиваться на чай с селедкой» (Енисей. 1904. 8 октября). В целях оказания им помощи с 1901 г. действовало Общество попечения о недостающих ученицах Красноярской фельдшерской школы. В 1904 г. состоялось собрание Общества, на котором обсуждался вопрос о сборе средств для обедов в фельдшерской школе малоимущим ученицам. Губернский сбор на фельдшерскую школу составил 6500 руб., из них 1800 руб. – на выдачу стипендий Сибирские врачебные ведомости. 1904. 1 мая). Роль Общества была значительной, оно оказывало реальную помощь: выдача стипендий, бесплатные обеды в столовой, снабжение теплой одеждой и т. д. В начале XX в. плата за обучение в фельдшер-

ской школе по России в среднем составляла 50 руб., тогда как в Красноярске она была в два раза меньше (Красноярск. 1908. 28 января).

Таким образом, сибирские газеты достаточно полно и ярко освещали процесс развития профессионального образования в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Отсутствие профессиональных учебных заведений, занимавшихся подготовкой специалистов, стало одной из основных причин отсталости экономического и культурного развития края. Нехватка квалифицированных специалистов в регионе являлась одним из важнейших факторов, который тормозил проведение модернизации. Представленные материалы в периодике позволяют рассмотреть в целом отношение общественности к открытию специальных учебных заведений. Авторы публикаций надеялись призвать местные органы власти в содействии профессионального образования. Деятельность местной прессы, которая активно освещала развитие профессионального образования в регионе, в дальнейшем принесла плоды. К началу XX в. в губернском центре появилось несколько профессиональных школ, занимавшихся подготовкой кадров для транспортной, торговой, промышленной и медицинской сфер.

Библиографический список

Архангельская Л.В. Женское профессиональное образование в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник новосибирского государственного университета. 2018. Т. 17. № 1. С. 42–51.

Дашкевич Л.А., Рукосуев Е.Ю. Среднее техническое образование на Урале в конце XIX – начале XX в. // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 370–386.

Душкова Н.А., Григорова В.А. Система обучения ремесленников в XIX веке как основа для дальнейшего развития разнообразных форм подготовки квалифицированных рабочих кадров в России // Российский научный журнал. 2015. № 6 (49). С. 46–51.

Жолудев Д.Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). Енисейск: Енисейский государственный педагогический институт, 1961. 143 с.

Игтисамова Г.Р. Роль земств в становлении системы профессионального образования в XIX – начале XX

References

Arkhangel'skaya L.V. 2018. Female vocational education in the Perm province (second half of the XIX - early XX centuries). *Vestnik novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University]. Vol. 17. No. 1. Pp. 42–51. (In Russ.)

Dashkevich L.A., Rukosuev E.Yu. 2013. Secondary technical education in the Urals in the late XIX – early XX century. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya* [Historical and pedagogical readings]. No. 17. Pp. 370–386. (In Russ.)

Dushkova N.A., Grigorova V.A. 2015. The system of training artisans in the 19th century as the basis for the further development of various forms of training skilled workers in Russia. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [Russian Scientific Journal]. No. 6 (49). Pp. 46–51. (In Russ.)

Zholudev D.G. 1961. A brief history of the schools of the Krasnoyarsk Territory (before the Great October Socialist Revolution). Eнисейск: Eнисейskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. 143 p. (In Russ.)

Igtisamova G.R. 2011. The role of zemstvos (magistrates) in the formation of the vocational education system

века (на примере Нижегородской губернии) // Вестник университета РАО. 2011. № 5. С. 18–20.

Игтисамова Г.Р., Игтисамова Р.Х. Роль общественности в организации среднего профессионального образования в России в конце XIX – начале XX века // Вестник университета РАО. 2013. № 1. С. 28–31.

Кискидосова Т.А. Торгово-промышленное предпринимательство Ачинско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX в. Абакан: Изд-во ГОУ ДПО «ХРИПК и ПРО» «РОСА», 2009. 186 с.

Климанова Е.С. Коммерческое образование в г. Самаре в конце XIX – начале XX в. // Телескоп. Научный альманах. Самара: Научно-технический центр, 2004. Вып. 8. С. 44–52.

Климанова Е.С. Роль земства в становлении и развитии среднего профессионального образования в г. Самаре в конце XIX – начале XX века // Известия общенаучного центра РАН. Самара: Изд-во РАН, 2006. Вып. 7. С. 60–64.

Красноярск: Очерки истории города / сост. П.Н. Мешалкин. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1988. 372 с.

Махрачев Г.С. Становление начального профессионального образования в тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. 2018. Т. 23. № 174. С. 163–168.

Репина Н.В. Роль частной инициативы по развитию профессионально-технического образования в России в середине XIX – начале XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 11. Т. I. С. 53–56.

Очерки истории народного образования Красноярского края (XVIII – начало XXI в.) / отв. ред. В.И. Федорова. Красноярск: КГПУ, 2014. 580 с.

Слудковская И.А. Народное образование в Пермском крае в конце XIX – начале XX века. Пермь: Пермский областной институт повышения квалификации работников образования (ПОИПКРО), 1998. 172 с.

Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа пореформенной России в конце XIX – начале XX века. Курск: Изд-во Курского педагогического университета, 1998. 200 с.

Федорова В.И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск: КГПУ, 2015. 244 с.

Федорова В.И. Учительская интеллигенция Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков: социокультурная характеристика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (182). С. 27–33.

in the 19th – early 20th centuries (on the example of the Nizhny Novgorod province). *Vestnik Universiteta RAO* [Herald of the University of the Russian of Education]. No. 5. Pp. 18–20. (In Russ.)

Igtisamova G.R., Igtisamova R.Kh. 2013. The role of the public in the organization of secondary vocational education in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Universiteta RAO* [Herald of the University of the Russian Academy of Education]. No. 1. Pp. 28–31. (In Russ.)

Kiskidosova T.A. 2009. Commercial and industrial entrepreneurship of the Achinsk-Minusinsk Territory in the second half of the XIX – early XX centuries. Abakan: GOU DPO “KhRIPK i PRO” “ROSA”. 186 p. (In Russ.)

Klimanova E.S. 2004. Commercial education in Samara in the late XIX – early XX century. *Teleskop. Nauchnyi al'manakh* [Telescope. Scientific almanac]. Samara: Scientific and Technical Center. Iss. 8. Pp. 44–52. (In Russ.)

Klimanova E.S. 2006. The role of the zemstvos (magistrates) in the formation and development of secondary vocational education in Samara in the late XIX – early XX century. *Izvestiya obshchenauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the General Science Center of the Russian Academy of Sciences]. Samara: RAN. Iss. 7. Pp. 60–64. (In Russ.)

Meshalkin P.N. 1988. *Krasnoyarsk: essays on the history of the city*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 372 p. (In Russ.)

Makhrachev G.S. 2018. The formation of primary vocational education in the Tambov province in the second half of the XIX – early XX centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Tambov University Review]. Vol. 23. No. 174. Pp. 163–168. (In Russ.)

Repina N.V. 2011. The role of private initiative for the development of vocational education in Russia in the middle of the XIX – early XX centuries. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 11. Vol. I. Pp. 53–56. (In Russ.)

Fedorova V.I. 2014. Essays on the history of public education in the Krasnoyarsk Territory (XVIII – beginning of the XXI century). Krasnoyarsk: KGPU. 580 p. (In Russ.)

Sludkovskaya I.A. 1998. Public education in the Perm region in the late XIX – early XX century. Perm': Perm Regional Institute for Development the Qualification of the Personnel of Education System. 172 p. (In Russ.)

Tret'yakov A.V. 1998. The lower agricultural school of post-reform Russia in the late XIX – early XX centuries. Kursk: Kursk Pedagogical University. 200 p. (In Russ.)

Fedorova V.I. 2015. School – teacher – society. From the history of public education in the Yenisei province of the 19th – early 20th centuries. Krasnoyarsk: KGPU. 244 p. (In Russ.)

Fedorova V.I. 2017. Teaching intelligentsia of the Yenisei province at the turn of the XIX – XX centuries: sociocultural characteristic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Peda-

Шилов А.И. Коммерческое образование в Восточной Сибири в начале XX века. Красноярск: КГУ, 2000. 176 с.

Шилов А.И. Профессиональное образование Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. Красноярск: КГПУ, 2014. 544 с.

Шилов А.И., Филиппова П.С. Коммерческие училища Восточной Сибири начала XX в. // Мир образования – образование в мире. 2016. № 4 (64). С. 49–57.

Сведения об авторе

Кискидосова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, заведующая сектором истории, Хакасский институт языка, литературы и истории, Россия, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23, e-mail: tak_74@mail.ru

Критерии авторства

Т.А. Кискидосова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати. Т.А. Кискидосова имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

gical University Bulletin]. No. 5 (182). Pp. 27–33. (In Russ.)

Shilov A.I. 2000. Commercial education in Eastern Siberia at the beginning of the twentieth century. Krasnoyarsk: KGU. 176 с. (In Russ.)

Shilov A.I. 2014. Vocational education in Eastern Siberia in the late XIX– early XX century. Krasnoyarsk: KGPU. 544 p. (In Russ.)

Shilov A.I., Filippova P.S. 2016. Commercial schools in Eastern Siberia in the early twentieth century. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [The world of education – education in the World]. No. 4 (64). Pp. 49–57. (In Russ.)

Information about the author

Tatiana A. Kiskidosova, Cand. Sci. (History), Head of the Department of History, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 23 Sthetinkin Str., Abakan 655017, Russian Federation, e-mail: tak_74@mail.ru

Attribution criteria

T.A. Kiskidosova made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, and prepared the manuscript and documents for publication. T.A. Kiskidosova owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 373(571.53)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-155-166>

Повышение квалификации учителей в Иркутске в начале XX века

© Л.В. Гаращенко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Глубокое изучение культурно-образовательных традиций российских регионов, обращение к богатейшему педагогическому наследию ушедших поколений относятся к числу приоритетных направлений научного поиска и являются одним из условий модернизации отечественного образования. В статье на основе анализа разноплановых историко-педагогических источников рассматриваются вопросы обеспечения учебных заведений Иркутска квалифицированными учителями в дореволюционный период. Приводятся примеры, иллюстрирующие остроту проблемы, существовавшей на протяжении нескольких десятилетий. В поисках путей утolenия «кадрового голода», учебное начальство Иркутской губернии и администрация школ поощряли практику совместительства, допускали к преподаванию чиновников и специалистов с техническим образованием, приглашали на работу в регион выпускников столичных вузов, учителей из других российских территорий. Педагогическим сообществом Иркутска в начале XX в. прилагались немалые усилия, чтобы повысить уровень общей образованности, квалификации и профессионального мастерства учительского персонала. Наиболее упорядоченной формой повышения квалификации педагогических кадров оказались кратковременные летние курсы. Отражены специфика содержания образовательных программ для учителей муниципальных и церковно-приходских школ, организация познавательного досуга слушателей.

Ключевые слова: история образования, педагогические кадры, повышение квалификации учителей, педагогическое просвещение, публичные педагогические лекции, летние педагогические курсы, самообразование, познавательный досуг, Иркутск

Информация о статье: Дата поступления 14 мая 2019 г.; дата принятия к печати 17 июня 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Гаращенко Л.В. Повышение квалификации учителей в Иркутске в начале XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 155–166. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-155-166

Advanced training of teachers in Irkutsk at the beginning the XX century

© Liubov V. Garashchenko

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: A deep studying of cultural and educational traditions of Russian regions, the appeal to the rich pedagogical heritage of past generations are one of the priority lines of scientific search and are one of conditions of modernization of public education. In the article on the basis of the analysis of versatile historical and pedagogical sources questions of providing educational institutions of Irkutsk by the qualified teachers during the pre-revolutionary period are considered. The examples illustrating acuteness of the problem are given. This problem existed for several decades. The educational administration of the Irkutsk province and administration of schools undertook different measures to solve a problem of understaffing. It was allowed to teachers of state schools to work in several educational institutions. Officials and specialists with the higher technical education could teach at schools. Graduates from metropolitan universities and teachers from other Russian territories were invited to work in the region. The pedagogical community of Irkutsk at the beginning of the 20th century made considerable efforts to increase the level of the general education, qualification and professional skill of teacher's personnel. Short-term summer courses were the most ordered form of professional development for teachers. The author reflected specifics of contents of

educational programs for teachers of municipal and parish schools, told about the organization of informative leisure of listeners.

Keywords: history of education, teaching staff, advanced training of teachers, pedagogical education, public pedagogical lectures, summer pedagogical courses, self-education, cognitive leisure, Irkutsk

Article info: Received May 14, 2019; accepted for publication June 17, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Garashchenko L.V. 2019. Advanced training of teachers in Irkutsk at the beginning the XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 155–166. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-155-166

Как и в наши дни, в дореволюционный период проблема обеспечения иркутских школ квалифицированными педагогическими кадрами оставалась злободневной на протяжении многих десятилетий. Об этом свидетельствуют упоминания, точно отложившиеся в мемуарной литературе, материалах из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Иркутской области (документация учебной администрации региона, ежегодные отчеты руководителей казенных и частных училищ, переписка по поводу принятия на работу преподавателей и утверждения их в должности и др.), а также многочисленные публикации в местной прессе. Так, директор училищ Иркутской губернии К.П. Бобановский, представляя в 1850 г. в Министерство народного просвещения общие сведения о подведомственных ему школах, подчеркивал, что Иркутск «весьма много» терпел «от некомплекта учителей», и «иногда эти учительские вакансии не бывают замещены более года» (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 76. Л. 5 об., 6). Да и те, кто работал в то время в учебных заведениях, далеко не всегда в должной степени владели профессиональным мастерством. В воспоминаниях одного из выпускников губернской гимназии находим яркие наброски-портреты: учитель естественной истории П.П. Кибальчич «имел весьма слабое представление о предметах, которые взялся преподавать, и никогда не пытался ничего объяснять, ограничивался стереотипными «отсюда и досюда», у преподавателя русского и латинского языков А.Е. Стратиницкого «голос... был какой-то заунывный, наводящий тоску, а потому и на уроках его было до тошноты скучно», в контрасте с ним дру-

гой словесник – А.А. Никонов, «человек талантливый и добрый, превосходный чтец и поэт... умел передавать голосом и мимикой характеры действующих лиц и часто вызывал гомерический хохот у слушателей» (Муромов, 2015. С. 436, 438, 439). А вот как описывал одного из своих педагогов публицист, историк С.С. Шашков, обучавшийся в Иркутской духовной семинарии: «Математику преподавал один из лучших учителей, Иван Петрович Токарев, человек очень порядочный, но вспыльчивый до бешенства. Предмет свой он хорошо знал, но преподавать положительно не умел, мы ничего не понимали и долбили алгебру с геометрией наизусть. Непонимание ученика выводило Токарева из себя, он бегал по классу, как бешеный, ругался площадными словами и, наконец, бросался бить ученика...» (Автобиография С.С. Шашкова // Восточное обозрение. 1882. 21 октября. С. 13).

В начале XX в. на нехватку в регионе учителей с необходимым образовательным цензом указывал уже историк, преподаватель и директор Иркутского учительского института А.И. Линьков, тоже приводя живописные примеры тех персоналий, кому иногда было доверено дело воспитания и обучения подрастающего поколения (Линьков, 1912). В официальных документах встречаются упоминания, что порой «воспитание детей велось малограмотными дядьками. Дядьки эти предавались пьянству и разврату, учили этому же воспитанников» (Краткий исторический очерк учебных заведений г. Иркутска, 1902. С. 128), или, например, что «значительная часть преподавателей и даже директор не имеют необходимого по уставу о гимназиях научного ценза» (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 883. Л. 90).

Привычным явлением были поиски руководителями школ кандидатов на имевшиеся вакансии. На работу в образовательные учреждения региона нередко зазывали выпускников из Европейской России. Практически постоянно в газетах можно было встретить объявления подобного рода: «Лица, желающие занять должность учителя или учительницы в школе общества приказчиков, [пусть] благоволят заявить о своем желании до 10 августа с[его] г[ода] школьному комитету общества приказчиков, с представлением надлежащих документов. Вознаграждение учителю или учительнице 600 руб. в год» (Восточное обозрение. 1899. 1 августа). При этом даже если и находился человек, имевший намерение занять вакантное место, не было никакой гарантии, что он будет допущен к работе учебным начальством губернии, будучи избалован в неблагонадежном поведении. Как это произошло, к примеру, с учительницей П.Н. Скрипкиной из Красноярской женской гимназии, которую в 1911 г. пригласили преподавать в гимназии Е.А. Горцейт. П.Скрипкиной позволили работать в заведении Е.А. Горцейт только до конца учебного года, поскольку она была уличена в революционной деятельности: в 1908–1910 гг. находилась под гласным надзором полиции в г. Сольвычегодске Вологодской губернии, участвовала в сходках ссыльных, хранила у себя нелегальную литературу. П. Скрипкину (до замужества Ковалеву) вологодский губернатор дважды подвергал взысканиям по обязательному постановлению: первый раз – к двухнедельному тюремному заключению, второй раз – в течение месяца (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 243. Л. 42, 47, 47 об.). Впрочем, причины отказа могли и вовсе не называться. «Имею честь уведомить Ваше Высокородие, – говорится в письме иркутского губернатора от 12 октября 1898 г. под грифом «секретно», адресованном директору народных училищ губернии, – что в виду имеющихся сведений об Ольге Портновой, допущение ее учительницей еврейского училища нежелательно, как о том сообщил Департамент полиции» (ГАИО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 237. Л. 31).

В какой-то мере снижению напряженности с кадровым обеспечением образовательных учреж-

дений способствовала практика совместительства – многие учителя работали одновременно в нескольких заведениях. Так, Д.Я. Райхбаум в 1915 г. преподавал физику в казенной мужской гимназии, частных гимназиях Е.А. Горцейт и А.М. Григорьевой, средней школе общества «Иркутские общедоступные курсы», а также в промышленном училище; художница-педагог М.Н. Бабановская в 1914–1915 гг. обучала детей рисованию в Сиропитательном доме Е. Медведниковой, гимназии В.С. Некрасовой и прогимназии М.В. Гайдук; М.Ф. Беляев-Сергеев в 1911 г., будучи в штате духовной семинарии, преподавал словесность в старших классах 1-й и 2-й женских гимназий имени И.С. Хаминова, а также психологию в 7 классе частной женской гимназии В.С. Некрасовой.

Утоление «кадрового голода» зачастую осуществлялось и за счет привлечения к преподаванию в учебных заведениях Иркутска государственных служащих, которые, как правило, имели высшее (не педагогическое) образование. Среди учителей местных училищ встречаются имена представителей самых разных профессий и должностей: инженер-техник Забайкальской железной дороги А.Ф. Обидзинский (окончил институт императора Николая I в Санкт-Петербурге) вел уроки математики в женской гимназии С.Е. Детишевой и С.К. Протасовой (1907–1911 гг.), состоял преподавателем по найму в горном училище (1912 г.); инженер-механик Л.Я. Ферштер, выпускник Томского технологического института, в 1915 г. вел математику и физику в гимназии Е.А. Горцейт и прогимназии М.В. Гайдук; судья Иркутского военно-окружного суда П.М. Быстрицкий, имевший диплом Александровской военно-юридической академии, в 1911–1912 гг. обучал математике учениц гимназии В.С. Некрасовой, а до этого преподавал в иркутских горном (1902–1909 гг.) и пехотном юнкерском (1909 г.) училищах. Таких примеров предостаточно.

Особенно плачевно обстояли дела с подбором учительского персонала в некоторых начальных школах, которые содержались религиозно-национальными общинами. В городе с большим трудом находили тех, кто мог работать с детьми в

национальных школах, да еще в условиях билингвального обучения. К примеру, в магометанском училище (медресе) в 1909 г. законоучителем был «почти неграмотный» Мухамет Гарыф Баймуратов, который по-русски мог «подписать только одну свою фамилию» (Гаращенко. 2018а. С. 192). В еврейском начальном бесплатном училище преподавание еврейских предметов (чтение, письмо, Закон Веры) принял на себя Иона Григорьевич Гольдберг – молодой иркутский мещанин, имевший лишь домашнее образование и занимавшийся садоводством (Войтинский, Горнштейн, 1915). По просьбе членов еврейской общины он согласился сдать надлежащий экзамен и, получив свидетельство меламеда, состоял в должности учителя с 1897 по 1916 г.

Обращаясь к жителям Иркутска, еврейская община почти ежегодно подавала объявления о приеме на работу педагогов: «Учителя или учительницы нужны для занятий в еврейском училище. Необходимы солидная теоретическая подготовка и школьная практика...» (Сибирь. 1917. 18 апреля). В январе 1909 г. одна из газет сообщала: «На пустующую вот уже более трех месяцев вакансию учительницы местного еврейского училища попечительн[ым] советом этого училища приглашена бывшая учительница Нижнеудинской женской гимназии г-жа Маслова, об утверждении которой в должности уже сделано соответствующее представление» (Сибирь. 1909. 25 января). Но уже в октябре того же года в еврейской школе, где обучалось на тот момент свыше 250 человек, «за выездом из Иркутска двух преподавателей училища по еврейским предметам, преподавание этих предметов временно, впредь до приискания учащихся» было вновь прекращено (Сибирь. 1909. 27 октября).

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что при наличии в городе учительских вакансий бывали случаи, когда женщины – претендентки на преподавательские места – не могли трудоустроиться. Об этом, в частности, в 1884 г. рассказала газета «Сибирь»: «Нам передают, что сибирячки, бывшие на высших женских (Бестужевских) курсах, не находят себе занятий на

родине. Одна из них перед началом нынешнего учебного года напрасно искала себе места учительницы в здешних учебных заведениях, хотя изъявляла готовность давать уроки даже бесплатно; другая, возвратившаяся по окончании курса в Красноярск, также не нашла там места и должна была уехать в Петербург. Неужели наши землячки получают высшее образование для того только, чтобы потерять возможность приносить пользу на своей родине» (Сибирь. 1884. 18 ноября).

Тенденция эта имела место и в начале XX в. В газете за 1908 г. нам встретилось такое объявление: «С.Ф. Попова жел[ает] пол[учить] солидный урок» (Сибирь. 1908. 22 мая). Оно удивило, поскольку Софья Феофановна Попова на тот момент была достаточно известна в городе и имела хорошую профессиональную репутацию. В 1888–1896 гг. работала учительницей в Троицком отделении училища имени А.М. Кладищевой, «пользовалась одобрением педагогического начальства и любовью детей, находившихся на ее попечении» (Предоставление гор[одской] стипендии на высших женских курсах С.Ф. Поповой, 1897. С. 757). Позднее окончила Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге по историко-филологическому отделению (1901 г.). Дума Иркутска предоставила ей на все время пребывания на курсах городскую стипендию, учрежденную в память 300-летия присоединения Сибири к России. С.Ф. Попова преподавала географию и русский язык в гимназии В.С. Некрасовой (1904–1905 гг.), состояла учительницей во 2-й женской гимназии имени И.С. Хаминова (1905–1906 гг.), с 1907 г. преподавала русский язык и историю, была классной наставницей в гимназии Е.А. Горцейт. А в 1907–1908 гг. ей пришлось давать частные уроки по предметам гимназического курса, обучать желающих выразительному чтению и декламации (Гаращенко, 2018b. С. 597–598).

Однако нередко в газетах можно было встретить объявления, которые подавали соискатели-мужчины: «Учитель ищет уроков. Спросить в библиотеке на Детской площадке» (Сибирь. 1910. 18 февраля), «Опытный учитель,

хорошо знакомый с методами преподавания, желает иметь хороший урок, а также предлагает свои услуги для занятий с малоуспевающими детьми» (Сибирь. 1908. 6 мая) и т. д.

Стоит сказать, что профессионализм школьного персонала постоянно находился и в фокусе внимания городского общества. Справедливой критике подвергалась в целом постановка учебного дела в большинстве казенных училищ: формализм, зубривание, рецептурный характер преподавания, отсутствие в обучении детей «трудового начала» (Сибирь. 1908. 27 февраля), самодеятельности, творчества и др. Подмечались казусы и недоразумения, причины которых обычно крылись в недостаточной образованности и даже невежестве педагогов. Так, в 1881 г. газета повествовала: «Мы слышали, что в одном из иркутских учебных заведений приглашенная учительница, столкнувшись с методой зубрения, практиковавшейся до нее, пожелала навести учеников беседами с ними в классе на более толковое объяснение прочитанного, что весьма не понравилось надзирательнице, так что после одного из уроков, где учительница объясняла ученикам о земле и о звездах и упомянула, между прочим, о том, что наука о земле называется географией, – та не выдержала и после классов, в весьма грубых формах, сделала учительнице такого рода замечание: «Какие это вы там, матушка, науки читаете, только время у ребят отнимаете. Разве не знаете, что у них к балу-базару еще чулки не связаны?» (Сибирь. 1881. 25 января).

В 1905 г. заметка «Из копилки педагогических курьезов» рассказала о том, что ученики одной иркутской школы, желая подшутить над преподавателем черчения, проделали такой фокус. «Лучший чертежник» сделал в трех экземплярах чертеж. Работы были сданы преподавателю тремя разными учениками. Результаты этой шалости были неожиданными: один получил отметку «5», другой – «4+», третий – «3 с минусом». При этом последний экземпляр был выполнен лучше других. «5-балльная система отметок оказалась весьма чутким барометром субъективных настроений преподавателя», – резюмировало издание (Восточное обозрение. 1905. 8 февраля).

Критиковалась и крайне слабая подготовка учеников в некоторых частных заведениях, куда чадолюбивые родители отдавали на обучение своих отпрысков, не выдержавших испытания при поступлении в казенные училища. В анонимных жалобах, поступавших на имя Главного инспектора училищ Восточной Сибири, горожане сетовали, что частные школы «за мзду» учеников принимают на учебу и «за мзду» переводят их в следующие классы (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 883. Л. 89 об.).

Безусловно, было бы неверным утверждать, что акцент делался лишь на негативных фактах. Местная пресса старалась как можно шире информировать иркутян о прогрессивных методах и современных подходах, имевших место в работе конкретных учителей и учебных заведений, реализуя тем самым функцию педагогического просвещения населения, в том числе работников школ. Чаще всего подобные заметки можно было встретить в разделе «Хроника». Так, в марте 1912 г. горожанам рассказали об одном из способов применения наглядного метода обучения в гимназии А.М. Григорьевой: «...К.О. Ангером было сделано объяснение о том, как собирать и коллекционировать насекомых. Были показаны соответствующие приборы и коллекции, собранные Ангером в Закаспийской области. Объяснения заинтересовали учениц, и многие из них тут же вели в своих тетрадках записи. В конце апреля и в начале мая предполагается совершить несколько экскурсий в окрестности города, в целях показать на практике способы собирания насекомых» (Сибирь. 1912. 7 марта). Говорилось также, что в этой гимназии постановка учебного дела осуществляется «по типу петербургских гимназий Таганцевой и Стоюниной» (Восточное обозрение. 1902. 17 августа). Об организации учебно-воспитательного процесса в частном начальном училище общества «Просвещение», вступившем «на новые пути в педагогии», в 1915 г. подробно рассказала «Иркутская жизнь». Среди многих аргументов, подтверждавших тезис, что преподавание в этой школе «приближается к идеальным формам педагогического дела», имеется указание: дети с первого отделения попадают в настоящую трудовую обстановку, учебников нет,

вместо них – пособия, которые «подбираются и составляются самими учащимися» (Иркутская жизнь. 1915. 27 мая). Подобные публикации не могли не вызвать у педагогов, интересовавшихся новыми механизмами преподавания, настойчивого желания лично ознакомиться с инновационной образовательной практикой.

Заметным явлением в педагогической среде Иркутска в первые десятилетия XX в. стали бесплатные публичные лекции по педагогике и методике преподавания отдельных учебных предметов. Инициатива организации таких лекций с целью пропаганды среди учителей передовых методов обучения и воспитания принадлежала А.Э. Третьяковой – признанному иркутянами деятелю в сфере народного образования и внешкольного воспитания детей, учредителю «Семейной школы» – частного учебного заведения нового типа. Аделаида Эдуардовна поражала всякого, кто с ней встречался, многосторонностью знаний в области педагогических теорий. Характеризуя ее ораторские способности, современники отмечали, что «лектрисса владела полным вниманием аудитории» (Сибирь. 1908. 4 марта), сопровождая слово световыми картинками с помощью «волшебного фонаря» и демонстрируя пособия для уроков и детских игр.

Публичные лекции, тематика которых для того времени была необычайно нова и интересна («Характерные особенности новых школ, их задачи и методы преподавания», «Детское творчество и его проявление», «Новейшие методы преподавания арифметики и их практическое применение в школе», «О новых методах начального преподавания грамоты» и др.), быстро завоевали популярность (Гаращенко, 2017). Их посещало большое количество слушателей: учителя городских школ, родители, обыватели. Проходили мероприятия в центре Иркутска – в музее ВСОИРГО или в помещении «Семейной школы», что также привлекало, а не отталкивало интересовавшихся педагогическими вопросами горожан.

В январе 1917 г. на базе «Семейной школы» были организованы краткосрочные коммерческие курсы по актуальным вопросам воспитания (плата за полный курс составила 15 руб.). Заниматься изъ-

явили желание более 90 слушателей, в том числе несколько мужчин. Лекции по педагогике, истории развития педагогических идей, о физиологических и психологических особенностях детей разного возраста, методике организации игровой и художественной деятельности учащихся читали наиболее квалифицированные специалисты – лучшие педагогические силы города. Среди них: председатель правления Иркутского учительского общества В.Л. Теремец, доктора П.И. Федоров и И.О. Бронштейн, художник-педагог И.Л. Копылов, городской архитектор К.В. Миталь, окончившая курсы П.Ф. Лесгафта в Петрограде М.С. Дмитриева и др. Подобная форма повышения квалификации педагогов имела место в зарубежной практике (Loeb I.H., Gustavsson S., 2018).

Платные курсы были не по карману большинству представителей иркутского учительства. Тем более что существовала альтернатива: в местной периодической печати начала XX в. постоянно встречаются краткие сведения о летних учительских курсах (или съездах), которые проходили в столице губернии почти ежегодно.

История появления этой формы повышения квалификации педагогов имеет довольно глубокие корни. Она зародилась в Центральной России во второй половине XIX в. Как утверждает в одной из публикаций в «Журнале Министерства народного просвещения», «сближение... учителей, с целью поучиться один у другого или всем сообща, возникло само собой и по необходимости» – оно решало две главные задачи: 1) практическое ознакомление учителей с лучшими современными способами как начального, так и дальнейшего обучения детей; 2) «возвышение уровня собственного образования наставников, столь необходимого для толковой и успешной их деятельности» (Летние учительские съезды и курсы, 1873. С. 30, 33–34).

Чтобы избежать стихийности, сделать устройство учительских курсов упорядоченным и целесообразным, обеспечить слушателям максимальную пользу от участия в таких мероприятиях, Министерство народного просвещения разработало и 29 ноября 1870 г. направило учебному начальству

российских регионов для исполнения особый циркуляр, включавший ряд правил: учительские съезды следовало назначать только в период летних или зимних вакаций; занятия учителей на съездах, для большего их успеха, должны были быть закрытыми; программы занятий необходимо было предварительно составить и согласовывать их с попечителем учебного округа; на руководителей съездов возлагалась обязанность делать отчеты о проходивших занятиях, но без критического их разбора; подготовленные таким образом отчеты следовало препровождать попечителю учебного округа, копии с них направлять в уездные советы местных губерний, а также всем учителям, присутствовавшим на съезде (Летние учительские съезды и курсы, 1873).

Лишь 5 августа 1875 г. министр народного просвещения утвердил «Правила о временных курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ». Цели курсов были поставлены достаточно конкретно: ознакомить малоподготовленных учителей с лучшими способами обучения, обновить и пополнить знания учащихся по преподаваемым ими дисциплинам и вообще усовершенствовать их в вопросах начального образования. Документ четко регламентировал организационные и методические аспекты деятельности курсов. Принципиально важными были следующие положения:

– местом проведения курсов, которые устраивались только с разрешения попечителя округа, должны были становиться преимущественно учительские семинарии или другие городские училища, устроенные «на новых началах» и обладавшие необходимыми для курсов учебными пособиями и руководствами;

– расходы по устройству курсов (проезд и содержание учителей, приобретение учебных пособий, вознаграждение труда руководителей курсов и главного наблюдателя) следовало принимать на себя уездным училищным советам (равным образом такая прерогатива могла быть отдана земству, другим учреждениям и отдельным лицам – по их желанию);

– при курсах, на все время их продолжения (от четырех до шести недель), для проведения практических занятий нужно было устраивать образцовую школу, с учениками, «различно подготовленными и частью вовсе неграмотными» (Правила о временных педагогических курсах для учителей..., 1875. С. 167);

– предварять занятия должно было письменное анкетирование слушателей: о состоянии школы, где они преподают, об употребляемых ими способах преподавания, о «своем воспитании», времени поступления на должность и получаемом содержании;

– на основании полученных сведений, а также с учетом указания инспектора народных училищ, в чем именно слабы съехавшиеся учителя, руководителям курсов предписывалось составлять подробные программы и расписание занятий;

– занятия должны были проходить ежедневно, кроме праздников, не менее шести часов и распределяться на практические (утренние, в образцовой школе) и теоретические (вечерние, в помещении того заведения, где устроены курсы);

Практические занятия, цель которых – познакомить слушателей с методикой организации учебной деятельности детей на занятиях в начальной школе, предусматривали несколько показательных уроков, которые давал сам руководитель курсов в присутствии слушателей. А затем они, поочередно, занимались преподаванием в образцовой школе под непосредственным наблюдением руководителей и в присутствии курсантов. Для пробных уроков учителя готовили конспекты, которые предварительно обсуждали с руководителями курсов. Теоретические (вечерние) занятия категорически запрещалось вести в виде чтения лекций. Они должны были иметь форму бесед со слушателями, но идти всегда по заранее обдуманному плану: а) сообщение сведений по тем предметам, изучаемым в начальных училищах, по коим у слушателей выявлены слабые знания; б) сообщение общих основ дидактики (порядок устройства и распределения занятий, ведение

школьной документации, поддержание дисциплины в классе); в) ознакомление с прогрессивными методами обучения; г) презентация и анализ лучших учебников по предметам; д) ознакомление с изданиями и журнальными публикациями по вопросам народного образования, а также «с отрывками более серьезного педагогического содержания» (Правила о временных педагогических курсах для учителей..., 1875. С. 170). Равным образом предписывалось указывать на те сочинения, которые могли служить для чтения и дальнейшего «научного самообразования» учителей по возвращении их с курсов.

Экзамены не проводились («нет надобности»). Каждый из слушателей получал от педагогической комиссии свидетельство с аттестацией о занятиях на курсах.

Как и другие циркуляры, «Правила о временных курсах для учителей...» неукоснительно соблюдались на просторах Российской империи. Об этом свидетельствуют опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения» отчеты о проходивших педагогических курсах в разных регионах: в 1881 г. – в Миргороде, Гадяче и Кременчуге (Педагогические курсы учителей и учительниц начальных народных училищ..., 1882. С. 36–60), в 1882 г. – в Пензенской губернии (Педагогические курсы для преподавателей начальных народных училищ..., 1884. С. 17–30) и др. Вопросы организации летних учительских курсов в отдельных территориях нашли отражение в трудах современных исследователей: в Самарской губернии (Сумбурова, 2008), Симбирской (Сергеев, 2010), Вятской, Казанской и Нижегородской губерниях (Помелов, 2018) и др.

К сожалению, несмотря на то, что в последнее десятилетие вышел ряд научных работ, посвященных истории развития образования в Иркутске (Понятовская, 2009; Оглезнева, Семенова, 2012; Терновая, Терновой, 2011; Щеблякова, 2006¹

и др.), рассматриваемые нами аспекты пока не получили достаточного освещения в публикациях иркутских ученых. В одной из более ранних публикаций мы рассказали лишь о двухгодичных педагогических курсах, которые занимались подготовкой молодых людей, имевших низшее образование, к испытанию на звание учителя начального училища (Гаращенко, 2014). Но то, что такая форма повышения квалификации педагогов – летние курсы – здесь успешно реализовывалась, можно утверждать однозначно: Иркутск, который связывали довольно прочные образовательные связи с Санкт-Петербургом, не мог оставаться в стороне от прогрессивных тенденций и методов. Это удостоверяет ряд документов Государственного архива Иркутской области (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 172, 297; Оп. 6. Д. 34) и газетная хроника, запечатлевшая такие события.

Наиболее широко деятельность кратковременных летних педагогических курсов в Иркутске начала освещаться в прессе в конце XIX – начале XX в. Известно, что в 1900 г. такие курсы проходили на базе училища П. Пономарева в Знаменском предместье с 1 по 30 июля. Повысить уровень профессиональной компетентности получили возможность учителя народных школ Иркутской губернии, подведомственных Министерству народного просвещения. Программа курсов, как и полагалось, в полной мере соответствовала установленным правилам. На торжественном мероприятии по случаю закрытия курсов присутствовали не только представители училищной администрации региона, но и иркутский военный генерал-губернатор А.И. Пантелеев, который лично обращался к слушателям с разными вопросами. И хотя в целом организация курсов была признана удачной (в распоряжении курсистов были довольно объемная педагогическая библиотека, всевозможные коллекции и другие учебные пособия, необходимые для наглядного обучения; была организована особая народная школа из учеников соседних школ и совер-

¹ Щеблякова Е.Н. Состояние образования и проблема учительства Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2006. 174 с.

Shchablyakova Ye.N. The state of education and the problem of teaching East Siberia (the second half of the XIX – early XX century). Diss. ... cand. of ped. sci.. Irkutsk, 2006. 174 p.

шенно неграмотных новичков. Приехавшие, кроме бесплатной квартиры в общежитии, безвозмездно пользовались работой прислуги и обедами, освещением – персональной свечкой, плюс каждому полагался рубль в месяц на чай), слушатели высказали сожаление, что не увидели ни одного образцового урока по Закону Божию: по их мнению, четыре урока священника о. А. Азлецкого нельзя было считать «вполне образцовыми, как не занимавшегося в начальной школе» (Восточное обозрение. 1900. 3 августа). Замечание было принято к сведению, тем более что денежные средства, выделявшиеся на проведение курсов, были казенными. В 1910 г., например, на эти цели главный инспектор Восточной Сибири Г.П. Василенко только в распоряжение инспектора народных училищ III района (г. Киренск) ассигновал 332 руб. (Сибирь. 1910. 20 января).

Несколько иначе были устроены курсы для учителей церковно-приходских школ, на организацию которых в разные годы духовное ведомство давало от двух до четырех тысяч рублей (Восточное обозрение. 1899. 30 мая). Рассмотрим их специфику на примере курсов, состоявшихся летом 1901 г. Занятия проходили в здании Преображенского церковно-приходского училища (ранее для этого задействовали корпус духовной семинарии) и находились под прямым контролем епархиального наблюдателя И.Л. Брызгалова. Инспектором курсов был назначен уездный наблюдатель школ священник Д.Н. Гагарин, лекторами – священник Н. Шастин (Закон Божий), учитель Сиропитательно-ремесленной школы Д.Ф. Никифоров (методика русского языка) и Б.И. Тофт (методика арифметики). Усиленное внимание, как и в прошлые годы, было уделено урокам церковного пения: они занимали $\frac{2}{3}$ всех занятий. Именно по этому предмету слушатели сдавали специальный экзамен, который имел две категории: первая давала право преподавать пение в начальной школе, вторая – право организации церковных хоров, то есть обретение прав регента. Оттого для преподавания уроков церковного пения были приглашены ответственные лица – учитель Хаминовского училища для слепых детей, член Иркутского общества любите-

лей музыки и литературы С.П. Грессеров и преподаватель духовного училища И.П. Кокоулин (Восточное обозрение. 1901. 10 июля). А в 1909 г. такую обязанность на себя принял регент И.П. Райский, получивший звание при придворной капелле в Санкт-Петербурге. Примечательно, позднее, в 1917 г., в Иркутске даже были образованы платные регентско-учительские курсы под руководством Н.М. Уварова. Стоимость обучения составляла 20 руб. Преподавались элементарная теория музыки, гармония, сольфеджио, церковное и светское хоровое пение, методика школьного пения (Сибирь. 1917. 18 апреля).

Условия, в которых находились вызванные в 1901 г. на курсы педагоги церковно-приходских школ Иркутского, Балаганского, Верхнеудинского и Киренского уездов, были гораздо скромнее, чем у «министерских» учителей. Мужчины квартировали в общежитии при Вениаминовской школе, где им на 18–20 человек выдавалась только одна свеча. Каждый ежедневно на питание получал по 20 коп. Женщины, разместившись во флигеле Сиропитательного дома, хоть и жаловались на скученность, но пользовались готовым содержанием, состоявшим из обеда, завтрака, вечернего и утреннего чая.

Однако спектр занятий на церковно-приходских курсах был значительно расширен: для желающих были начаты уроки музыки (скрипка) и рукоделия. Озаботились руководители курсов и организацией познавательного досуга слушателей (их насчитывалось 75 человек, а с вольнослушателями – около 100). Для «доставления развлечений» (Иркутские губернские ведомости, 1901, 6 июля) им устраивали поездку на Байкал, музыкально-литературные и танцевальные вечера, экскурсию в магнитно-метеорологическую обсерваторию, где директор обсерватории А.В. Вознесенский давал курсистам подробные объяснения о конструкции и назначении приборов для наблюдения погоды. Позднее, в 1909 г., слушателям были предложены и иные образовательные мероприятия – лекции «о вреде пьянства, о борьбе с пьянством и организации обществ трезвости» (Восточная заря. 1909. 17 июля), поход в Сукачевскую картинную галерею. При этом В.П. Сукачев давал надле-

жащие объяснения, а по окончании встречи напоил курсистов чаем. Запоминающимся событием стала экскурсия на городские каменоломни. Здесь школьные учителя наглядно ознакомились с производством работ по добыванию камня, а также с различными растениями и отпечатками их на камне. На обратном пути они посетили дачу Иркутского общества охотников, осмотрели окрестную флору. Были еще научные экскурсии на Кайскую гору и в музей ВСОИРГО.

Нельзя не упомянуть, что к 1909 г. изменилась и сама программа курсов. Теоретическую часть наполнили лекции по предметам «Дидактика», «Существенные вопросы из общей педагогики», «История педагогики», «Методика родного языка» (лектор К.В. Ельницкий), «Педагогическая психология» (лектор М.Ф. Беляев), «Природоведение» (лектор В.Ч. Дорогостайский), «Гигиена» (лектор – врач духовной семинарии Н.Н. Петров) (Сибирь. 1909. 3, 5, 29 июля). В целях более прочного усвоения сообщаемой на лекциях информации слушателям вменили в обязанность представлять отчеты в виде конспектов и рефератов по отдельным вопросам преподавания, а также в виде отзывов на учебники и о требованиях к учебным пособиям.

Вероятно, принимая за основу ставшую сегодня аксиоматической формулу, провозглашенную теоретиком педагогики Н.Х. Весселем еще в 1859 г.: «Никто не может дать другому того, чего у него самого нет; так же точно никто не может развить, воспитать, образовать другого, если он сам не развит, не воспитан, не образован» (Вессель, 1959. С. 66), члены правления Иркутского учительского общества также подключились к организации работы по расширению эрудиции, повышению уровня общей образованности сельских учителей, приезжавших летом на курсы в столицу региона. Вос требованными оказались экскурсии в гимназию А.М. Григорьевой для осмотра рукодельных работ, педагогический музей общества «Просвещение»,

на пчельник в роще «Звездочка», на мельницу (Сибирь. 1914. 25 мая) и др. Учителя получили возможность послушать доклады о «новом методе» обучения, обменяться опытом и мнениями о методике преподавания.

Несмотря на отдаленность Иркутска от центра страны, некоторым учителям выпал шанс съездить на курсы в российские столицы или даже побывать за границей, командирясь за казенный счет или на средства общественных организаций. На поездку каждому выделялось от 100 до 400 руб., а избрание кандидатов шло путем закрытой баллотировки. Перечислим несколько направлений, по которым в начале XX в. прошли курсовую подготовку иркутяне: постановка учебного дела и воспитание слепых, организация внешкольного воспитания детей, учебно-воспитательное дело в детских садах (Иркутские губернские ведомости. 1901. 23 мая; Сибирь. 1911. 17 апреля. 12 августа) и др.

Даже в период неустойчивой политической обстановки 1917–1919 гг. губернская учебная администрация изыскивала средства и возможности для организации курсов повышения квалификации педагогических работников. В 1917 г. для учителей начальных училищ были устроены двухнедельные политико-педагогические курсы (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 877), а в 1918 г. на проведение курсов было запланировано 25 тыс. руб. (Сибирь. 1918. 13 августа).

Таким образом, все сказанное выше ярко иллюстрирует преемственность региональных образовательных традиций, способствуя сохранению исторической памяти и актуализации прогрессивного педагогического опыта ушедших поколений, заложившего прочный фундамент развития в Иркутске системы подготовки педагогических кадров и дополнительного профессионального образования учителей.

Библиографический список

Вессель Н.Х. О необходимости введения народной системы образования и предварительных для этого занятий // Педагогические сочинения. Очерки об общем образовании и системе народного образования в Рос-

References

Vessel' N.Kh. 1959. On the need to introduce a popular education system and preliminary classes for it. *Pedagogicheskie sochineniya. Ocherki ob obshchem obrazovanii i sisteme narodnogo obrazovaniya v Rossii*

сии / сост. В.Я. Струминский. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. С. 47–67.

Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Типография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 393 с.

Гаращенко Л.В. А.Э. Третьякова и ее «Семейная школа» в Иркутске // Педагогический ИМИДЖ. 2017. № 1. С. 5–13.

Гаращенко Л.В. Организация подготовки учительских кадров в Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. 2014. Вып. 20. С. 63–67.

Гаращенко Л.В. Частные национальные школы в Иркутске (середина XIX – начало XX в.) // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2018a. Вып. 4 (22). – С. 187–196.

Гаращенко Л.В. Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX в.): монография. Иркутск: Оттиск, 2018b. 672 с.

Краткий исторический очерк учебных заведений г. Иркутска // Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 год. Иркутск: Губернская типография, [Б/г]. С. 117–147. (1902)

Летние учительские съезды и курсы // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. CLXVIX. Сентябрь. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1873. С. 30–49.

Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. 1912. № 7. С. 505–543.

Муромов И.Г. Картинки из детства // «Не забывайте рода своего...» / Отв. ред. Ю.П. Лыхин. Иркутск : Репоцентр А1, 2015. С. 422–446.

Оглезнева Г.В., Семенова Л.А. Народное образование // Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Востсибкнига, 2012. С. 197–212.

Педагогические курсы для преподавателей начальных народных училищ Пензенской губернии в 1882 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. ССXXXIV. Июль. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1884. Отд. IV. С. 17–30.

Педагогические курсы учителей и учительниц начальных народных училищ в гг. Миргороде, Гадяче и Кременчуге в 1881 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. ССXXXIII. Сентябрь. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1882. Отд. IV. С. 36–60.

Помелов В.Б. Учительские съезды и курсы в рос-

[Pedagogical writings. Essays on general education and the public education system in Russia]. Moscow: State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR. Pp. 47–67. (In Russ.)

Voitinskii V.S., Gornshtein A.Ya. 1915. Jews in Irkutsk. Irkutsk: Tipografiya P.I. Makushina i V.M. Posokhina. 393 p. (In Russ.)

Garashchenko L.V. 2017. A.E. Tretyakova and hers “Family School” in Irkutsk. *Pedagogicheskiy IMIDZH* [Pedagogical IMAGE]. No. 1. Pp. 5–13. (In Russ.)

Garashchenko L.V. 2014. The organization training of teachers in the Irkutsk province in the second half of the XIX – early XX centurie. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi gosudarstvennoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the East-Siberian State Academy of Education]. Iss. 20. Pp. 63–67. (In Russ.)

Garashchenko L.V. 2018a. Private national schools in Irkutsk (mid XIX – early XX centurie). *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. Pedagogical Review. Iss. 4 (22). Pp. 187–196. (In Russ.)

Garashchenko L.V. 2018b. Private educational institutions of Irkutsk (mid XIX – early XX centurie). Irkutsk: Ottisk. 672 p. (In Russ.)

1902. A brief historical sketch of educational institutions of Irkutsk. *Pamyatnaya knizhka Irkutskoi gubernii na 1902 god* [The memorial book of the Irkutsk province in 1902]. Irkutsk: Gubernskaya tipografiya Publ. Pp. 117–147. (In Russ.)

1873. Summer teacher congresses and courses. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Pt. CLXVIX. September. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Pp. 30–49. (In Russ.)

Lin'kov A. 1912. A height of educational business is in East Siberia. *Sibirskii arkhiv* [Siberian archive]. No. 7. Pp. 505–543. (In Russ.)

Muromov I.G. 2015. Pictures from childhood. “*Ne zabyvaite roda svoego...*” [“Do not forget your kind ...”]. Irkutsk: Reprintsentr A1. Pp. 422–446. (In Russ.)

Oglezneva G.V., Semenova L.A. 2012. Folk education. *Irkutskii krai. Chetyre veka: Istoriya Irkutskoi gubernii (oblasti) XVII–XXI vv.* [Irkutsk Territory. Four centuries: History of the Irkutsk province (region) of the XVII–XXI centuries]. Irkutsk: Vostsibkniga. Pp. 197–212. (In Russ.)

1884. Pedagogical courses for teachers of elementary public schools of the Penza province in 1882. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. Pt. ССXXXIV. July. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva. Sect. IV. Pp. 17–30. (In Russ.)

1882. Pedagogical courses of teachers and teachers of elementary public schools in he. Mirgorod, Gadyach and Kremenchug in 1881. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. Pt. ССXXXIII. September. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva. Sect. IV. Pp. 36–60. (In Russ.)

Pomelov V.B. 2018. Teachers congresses and courses

сийской провинции // Вопросы педагогики. 2018. № 4–2. С. 53–59.

Понятовская Е.В. Педагогическая интеллигенция Восточной Сибири: исторический аспект // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 2. С. 352–367.

Правила о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ (утв. 5 августа 1875 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. CLXXXI. Октябрь. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. Отд. I. С. 166–172.

Предоставление гор[одской] стипендии на высших женских курсах С.Ф. Поповой // Известия Иркутской городской думы. 1897. № 19–20. С. 757.

Сергеев Т.С. Курсовая подготовка и переподготовка учителей в педагогической системе И.Н. Ульянова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2010. № 3 (67). Т. 2. С. 179–184.

Сумбурова Е.И. Педагогические курсы и учительские съезды в Самарской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 447–457.

Терновая И.И., Терновой И.В. Как учились иркутяне. Иркутск: Оттиск, 2011. 260 с.

Loeb I.H., Gustavsson S. Challenges and development in and of vocational teacher education // Nordic Journal of Vocational Education and Training. 2018. Vol. 8. P. III–X. URL: http://www.njvet.ep.liu.se/issues/2018/v8/i3/01/njvet_18v8i3a1.pdf (дата обращения 05.05.2019 г.).

Сведения об авторе

Гарашченко Любовь Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: glovevita@mail.ru

Критерии авторства

Л.В. Гарашченко выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

in the Russian province. *Voprosy pedagogiki* [Questions of pedagogics]. No. 4–2. Pp. 53–59. (In Russ.)

Ponyatovskaya E.V. 2009. Pedagogical intelligentsia of Eastern Siberia: a historical aspect. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. No. 2. Pp. 352–367. (In Russ.)

1875. Governed about temporal pedagogical courses for teachers and teachers of initial folk schools (ratified on August, 5 1875). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. Pt. CLXXXI. October. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva. Sect. I. Pp. 166–172. (In Russ.)

1897. Providing of municipal grant at the higher courses for women S.F. Popova. *Izvestiya Irkutskoi gorodskoi dumy* [News of the Irkutsk City Council]. No. 19–20. P. 757. (In Russ.)

Sergeev T.S. 2010. Course training and retraining of teachers in the pedagogical system I.N. Ulyanova. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I.Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash state pedagogical university bulletin]. No. 3 (67). Vol. 2. Pp. 179–184. (In Russ.)

2008. Sumburova E.I. Pedagogical courses and teaching conventions are in the Samara province (second half of XIX–XX of centuries began). *Problemy otechestvennoi istorii: istochniki, istoriografiya, issledovaniya* [Problems of national history: sources, historiography, research]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. Pp. 447–457. (In Russ.)

Ternovaya I.I., Ternovoi I.V. 2011. How did the Irkutsk students learn? Irkutsk: Ottisk. 260 p. (In Russ.)

Loeb I.H., Gustavsson S. Challenges and development in and of vocational teacher education // Nordic Journal of Vocational Education and Training. 2018. Vol. 8. P. III–X. URL: http://www.njvet.ep.liu.se/issues/2018/v8/i3/01/njvet_18v8i3a1.pdf (дата обращения 05.05.2019 г.).

Information about the author

Liubov V. Garashchenko, Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), associate professor of the Department of Pedagogics, Irkutsk State University, 1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation, e-mail: glovevita@mail.ru

Attribution criteria

L.V. Garashchenko made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(57)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-167-176>

«...Как воинская часть, призванная для трудной и ответственной работы»: жандармы Забайкальской железной дороги в начале XX в.

© А.А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье раскрывается историю жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги, созданного в 1899 г. Автор исследует структуру, численность, а также характер службы жандармов, выявляя и анализируя цель создания, основные формы и методы ее деятельности. На основе значительного архивного материала, вводимого в научный оборот впервые, определяется главная особенность службы чинов этого ведомства, заключавшаяся в том, что железнодорожные жандармы выполняли обязанности как общей (уголовной), так и политической полиции. В соответствии с этим раскрывается деятельность службы по охране общественного порядка и спокойствия на станциях, вокзалах, в поездах и в полосе отчуждения дороги, с одной стороны, и работа по пресечению революционной деятельности, предотвращению террористических актов и забастовочных выступлений, с другой. Показано участие жандармов в организации секретной агентуры в среде рабочих и служащих. В заключение делается вывод о высоком уровне организации жандармской службы Забайкальской дороги в деле охраны правопорядка и бесперебойной работы железнодорожных служб. Вместе с тем результативность надзорной и правоохранительной работы жандармов могла быть значительно выше, если бы не деструктивная позиция Управления, заключавшаяся, несмотря на формальные запреты, в активном привлечении политических ссыльных для работы в различных службах дороги.

Ключевые слова: политическая полиция, жандармы, надзор, тайная агентура, Забайкальская железная дорога, Иркутская губерния, политические ссыльные, революционное движение, охранное отделение

Информация о статье: Дата поступления 28 июля 2019 г.; дата принятия к печати 26 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Иванов А.А. «...Как воинская часть, призванная для трудной и ответственной работы»: жандармы Забайкальской железной дороги в начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 167–176. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-167-176

«...As a military unit designed for the difficult and responsible work»: Gendarmes of the Transbaikal Railway at the beginning of XX century

© Alexander A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article reveals the history of the Gendarmerie police Department of the Transbaikal Railway, created in 1899. The author explores the structure, number, as well as the nature of the service of gendarmes, identifying and analyzing the purpose of the creation, the main forms and methods of its activities. On the basis of the considerable archival material put into scientific circulation for the first time, the main feature of the service of ranks of this agency is determined, which was that railway gendarmes performed duties of both general (criminal) and political police. According to this, the activities of the Public Order and Tranquillity Service at stations, train stations, trains and in the road exclusion lane are revealed, on the one hand, and work is carried out to suppress revolutionary activities, prevent terrorist acts and strikes, on the other. The participation of gendarmes in the organization of secret agents in the environment of workers and employees is shown. The resume concludes that the level of organization of the gendarmerie service of the Transbaikal Road in the field of law enforcement and smooth opera-

tion of railway services is high. At the same time, the effectiveness of the supervision and law enforcement work of the gendarmes could have been much higher had it not been for the destructive position of the Office, which, despite formal prohibitions, was to actively attract political exiles to work in various services of the road.

Keywords: Political police, gendarmes, supervision, secret agency, Transbaikai Railway, Irkutsk Province, political exiles, revolutionary movement, security office

Article info: Received July 28, 2019; accepted for publication August 26, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Ivanov A.A. 2019. «...As a military unit designed for the difficult and responsible work»: Gendarmes of the Transbaikai Railway at the beginning of XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 167–176. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-167-176

История политической полиции Российской империи второй половины XIX – начала XX в. все еще изучена недостаточно глубоко. Из имеющейся по этой теме научной литературы назовем лишь некоторых специалистов, внесших крупный вклад в разработку темы. Это, прежде всего, З.И. Перегудова (Перегудова, 2000), а также А.Н. Борисов, Б.Н. Григорьев, В.С. Измозик, Б.Г. Колоколов, Ф.М. Лурье, В.В. Романов, М.С. Чудакова, исследовавшие различные аспекты данной проблематики на общероссийском уровне (Борисов, 2001; Григорьев, Колоколов, 2007; Жандармы России, 2002; Лурье, 2006; Романов, 2007; Чудакова, 2003). С начала 2000-х годов ведется научное изучение истории региональных жандармских управлений, в том числе и иркутского. В статьях А.О. Барина, А.А. Иванова, С.Е. Кравцова, А.А. Савилова, А.В. Степанова, Т.В. Федоровой начато исследование надзорной деятельности Иркутского ГЖУ среди политических ссыльных и каторжан, работы по противодействию шпионажу иностранных разведок в годы Русско-японской и Первой мировой войн, рассмотрены особенности структуры и вопросы взаимодействия с общей полицией региона (Барин, 2008; Иванов, 2012; Кравцов, 2011; Мошкина, 2011; Плюта, 2006; Иванов, Савилов, 2019; Федорова, Степанов, 2017).

Несмотря на имеющиеся публикации по истории жандармского ведомства как на всероссийском, так и региональном уровнях, деятельность жандармского полицейского Управления Забайкальской железной дороги остается практически вне поля зрения исследователей. Сегодня по данной теме имеются лишь две небольшие статьи,

опубликованные в 2015–2017 годах и носящие, в большей мере, характер обзоров источников из центральных и местных архивов страны (Вейт, 2017; Муратова, 2015). К этому же жанру можно отнести и статью Г.М. Стафеева, состоящую из подборки документальных материалов по истории полицейской службы периода строительства Забайкальской железной дороги в 1895–1899 гг. (Стафеев, 2014). Именно в неизученности данной темы видит автор ее актуальность и значимость. Задача статьи – насколько позволяют ее рамки, восполнить имеющийся в историографии пробел, положив настоящей публикацией начало планомерного изучения этого оригинального исторического сюжета.

Письменных источников для исследования истории железнодорожной жандармской службы на Забайкальской дороге также немного. Это, прежде всего, Ф. 602 ГАИО (Иркутское отделение жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги, 369 ед. хр., 1903–1917 гг.), 603-й (Жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги, 447 ед. хр., 1901–1917 гг.) и 605-й (Иннокентьевское отделение жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги, 4 ед. хр., 1913 г.), 381-й фонд ГАРБ, включающий в основном приказы по управлению и личные дела сотрудников (Путеводитель по фондам..., 2017. С. 210–212; Путеводитель по дореволюционным фондам..., 1998. С. 47), а также Ф-305 ГАЗК – «Читинское отделение Забайкальского жандармско-полицейского Управления Забайкальской железной дороги (1899–1917)», который, судя по описи, также как и перечисленные

выше, состоит в большей степени из делопроизводственных материалов: документов по строевой части, приказов о назначениях и переводах сотрудников, увольнении в отставку и в запас армии, распоряжений о проведении занятий с нижними чинами и стражниками, об итогах учебных стрельб, осмотре оружия, внешнего вида и т. п.

Как видим, закрытый характер деятельности жандармского ведомства наложил отпечаток на имеющуюся немногочисленную и во многом однотипную документальную основу нашего исследования: архивные материалы бедны информацией и позволяют составить представление лишь о некоторых сторонах работы политической полиции: секретная агентура, содержание осведомителей, провокация среди рабочих и служащих и ее результативность, борьба со шпионажем во время двух войн – документы об этих и других формах политической деятельности жандармов в фондах практически не отложились. Можно лишь предположить, что данные материалы сдаче в архивы и не подлежали, или же были сожжены самими жандармами в начале марта 1917 г., когда Временное правительство поспешило объявить о ликвидации Штаба отдельного корпуса жандармов, губернских и областных управлений, а также полицейских управлений железных дорог, однако не позаботилось об обеспечении охраной их секретных архивов, содержащих имена тайных агентов и провокаторов.

Политическая полиция Российской империи являлась одним из основных инструментов борьбы государства с радикальным оппозиционным движением, важнейшей частью правоохранительной системы. Решая непростые задачи политического сыска, производства дознаний по политическим преступлениям, наблюдения за деятельностью революционных партий, жандармы имели и весьма сложную организационную структуру, особое место в которой принадлежало жандармским полицейским управлениям железных дорог (ЖПУ). Созданные еще в конце 1840-х годов, эти подразделения первоначально подчинялись Министерству путей сообщения и лишь в 1867 г. вошли в состав жандармского корпуса. По мере сооружения

Транссибирской магистрали, ЖПУ учреждались и в Сибири, исходя из принципа: одно управление приблизительно на две тысячи верст дороги.

На Забайкальской железной дороге полицейские структуры были образованы еще в ходе строительных работ. Большое количество привлекаемых уголовных ссыльных, каторжан Александровского централа, арестантов Иркутского тюремного замка, а также сезонных рабочих из различных регионов Сибири, потребовало учреждения здесь уже с 1 сентября 1895 г. двух должностей земских заседателей и восьми должностей урядников. Заседатели занимались надзором за ссыльными, урядники осуществляли полицейские функции. Однако таких незначительных сил правопорядка катастрофически не хватало, поэтому все полицейские органы, располагавшиеся в районах постройки дороги, обязывались оказывать содействие землемерам, строителям и представителям железнодорожной администрации по отчуждению земель и имущества под дорогу (Стафеев, 2014. С. 232).

В качестве отдельной службы на Забайкальской дороге жандармы оформились в конце января 1899 г. Ю.П. Колмаков называет и точную дату, и первоначальное наименование службы: «27 января. Организован жандармский полицейский надзор Омского жандармско-полицейского управления на строительстве Забайкальской железной дороги с резиденцией в Иркутске» (Колмаков, 2003. С. 124). В 1901–1904 гг. жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги именовалось по-разному: в некоторых источниках как Забайкальское жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги, в других – как железнодорожная полиция Забайкальской железной дороги. Структура ЖПУ ЗЖД состояла из управления, которым руководил начальник с помощью своего адъютанта, и станционных отделений, в разное время их было от 5 до 7. В 1905–1906 гг. жандармское полицейское управление имело шесть отделений: Иркутское, со станциями: Михайлево, Байкал, Хвойная, Маритуй, Шаражалгай; Байкальское – Култук, Утулик, Мурино, Выдрино, Танхой, Переменная, Мысовая, Посольская; Верхне-

удинское – Селенга, Татаурово, Онохой, Заиграево, Илька; Петровско-Заводское – Горхон, Тарбагатай, Талбага, Хохотуй, Баба, Хилок, Хушинга, Тайдут; Читинское отделение – Мозгон, Сохондо, Яблоновая, Ингода, Чита-вокзал, Кручина, Макковеево; Маньчжурское – Андриановка, Бурятская, Ага, Оловянная, Бырка, Хадабулак, Борзя, Харанур, Шарасун; Сретенское со станциями Карымская, Китайский разъезд Урульга (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 20).

Общую численность личного состава жандармского полицейского Управления Забайкальской железной дороги установить довольно трудно. Основываясь на различных косвенных данных, можно предположить, что, по всей видимости, она составляла около 170 человек, доходя в отдельные годы, связанные с увеличением общей нагрузки, как, например, в Русско-японскую войну, до 200, что было значительно больше, чем в губернских жандармских управлениях (ГЖУ). Для примера приведем количество нижних чинов в Иркутском ГЖУ на 1903 год: вахмистров – 4, унтер-офицеров – 42, писарей – 2, а всего – 48 сотрудников. Как видим, разница существенная (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 112. Л. 16).

Столь значительное отличие объясняется широтой обязанностей железнодорожных жандармов, выполнявших функции как общей, так и (после революции 1905 г.) политической полиции. Относясь в своей оперативно-розыскной деятельности к Департаменту полиции, ЖПУ в хозяйственной и строевой части подчинялись непосредственно Отдельному корпусу жандармов, который, в свою очередь, в строевом и хозяйственном отношении подчинялся министерству Военному. Именно отсюда среди железнодорожных жандармов были в почете и широко практиковались кавалерийские звания: корнет вместо поручика, штабс-ротмистр вместо капитана, вахмистр – вместо фельдфебеля. И вооружение жандармов ЖПУ ЗЖД было соответствующим: драгунская шашка с темляком, наган или револьвер «Смит и Вессон», а также, при необходимости, винтовка казачьего образца. В Верхнеудинском отделении, к примеру, вместо револьверов на 1 марта 1912 г. имелись

автоматические пистолеты системы Браунинг (ГАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 53. Л. 8).

Работа жандармерии имела сугубо закрытый характер. Даже архивные фонды сохранили лишь небольшую часть деятельности Штаба корпуса и региональных управлений, в том числе и в Восточной Сибири. Но вот парадокс: фамилии офицеров ведомства из года в год публиковались в статистических сборниках и региональных адресно-справочных календарях. Взяв подборку этих изданий за 1899–1916 годы, можно выявить конкретные фамилии служивших там людей. Для примера сделаем это, учитывая размеры статьи, лишь по одному году. Так, согласно справочнику «Весь Иркутск с отделом Забайкальской области», в 1908 г. возглавлял правление полковник Сергей Прокофьевич Евстафьев, адъютантом управления служил ротмистр Федор Семенович Никитин. Начальником ведущего Иркутского отделения являлся ротмистр Д.П. Руженцов, Байкальского отделения – ротмистр Б.К. Павлов, Верхнеудинского – ротмистр И.З. Плешаков, Петровско-Заводского – ротмистр П.Н. Кравченко, Сретенского – А.А. Борисовский, помощником начальника Маньчжурского отделения служил А.П. Шеристанов (звания двух последних в документе не указаны. – А.И.). Управление располагалось в Иркутске по Спасо-Лютеранской улице в доме Медведева, № 43 (Весь Иркутск..., 1908. С. 278–279).

Личный состав жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги (как и других жандармских структур) комплектовался уволенными в запас гвардии и армии фельдфебелями, вахмистрами и унтер-офицерами. Стремившийся быть принятым в жандармы, после соответствующей проверки и отбора «давал подписку», как правило, на пятилетний срок и распределялся в конкретное отделение на службу. Таким образом, забайкальские железнодорожные жандармы были людьми уже «состоявшимися», с немалым жизненным опытом и практическими навыками военной службы. Как правило, после достижения 40 лет, они увольнялись в запас. Вот, например, выписка из приказа начальника Управления, свидетельствующая об этой практике: «30 августа 1906 г.

унтер-офицер Иркутского отделения вверенного мне Управления Василий Шкарутин, как окончивший 1 сентября срок данной им подписки, увольняется в отставку как перешедший 43-летний возраст. По удовлетворении положенным от казны довольствием, названного унтер-офицера отправить по месту избранного им жительства» (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 53. Л. 165).

Для уволенных в запас из армии служба в структуре жандармских полицейских управлений железных дорог была весьма престижным и привлекательным в материальном отношении делом. Документы свидетельствуют, что денежное содержание железнодорожных жандармов, как, впрочем, и их коллег из губернских управлений, было достаточно высоким и составляло в 1907–1908 гг. у вахмистра – 540 руб., у унтер-офицера высшего оклада – 420 руб., среднего оклада – 360 руб. и низшего – 300 руб. в год. (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 3).

При этом Штаб отдельного корпуса жандармов разрешал «усилить» денежное содержание служащих на местах «за счет увеличения процента нижних чинов на высших окладах, упразднив вовсе низшие». Разрешение привело к тому, что в жандармском полицейском управлении Сибирской железной дороги унтер-офицеров низшего оклада в 1907 г. не было вообще, причем на среднем (по 360 руб. в год) состояло 75% состава, а на высшем (420 руб.) – 25%. В Забайкальском, Уссурийском и Китайском-Восточном управлениях низшего и среднего окладов не имелось в принципе, а все унтер-офицеры состояли на окладе в 420 руб. в год (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 13).

В отличие от жандармских унтер-офицеров, офицерам – начальникам отделений на Забайкальской железной дороге кроме жалованья делались еще и разовые доплаты. Так, из ведомости «столовых и особо-суточных» сумм за апрель 1906 г. следует, что начальнику Управления, к примеру, полагалось к жалованью еще 467 руб., начальникам отделений ротмистру Хохлачеву – 233 руб., Саттуту – 250, Клейфу – 322, Желенину – 367, Стахурскому – 287, Сокольскому – 276, помощнику начальника отделения ротмистру Анжело – 216 и прико-

мандированному к управлению ротмистру Булави-ну – 122 руб. При этом можно с уверенностью утверждать, что подобные выплаты были наверняка регулярными (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 36).

Чтобы правильно оценить размер денежного довольствия офицера жандармского полицейского управления Забайкальской дороги, у которого «при готовой квартире» только суточные составляли в среднем 300–400 рублей, следует сопоставить его с материальным содержанием чинов общей полиции в Иркутской губернии. Так, например, годовой оклад нижеудинского окружного исправника при казенной квартире составлял 1500 руб., его помощника – 1000 руб., земского заседателя – 1200 руб., полицейских надзирателей и секретаря – по 400 руб. в год (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 14. Л. 138 об.). Высокопоставленные служащие в системе Главного тюремного управления имели сходное жалованье: Иркутскому губернскому тюремному инспектору статскому советнику А.С. Зайцеву полагалось в 1910 г. в месяц 120 руб., плюс столовых – столько же; помощнику губернского тюремного инспектора коллежскому советнику Г.И. Гольшуху – 88 и 88 соответственно; секретарю н/ч (не имеющему чина. – А. И.) В.В. Доброхотову – 48 и 48 в месяц (ГАИО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 578. Л. 6). А вот нижние чины ГТУ имели мизерные оклады. Так, 3 декабря 1905 г. тюремные надзиратели и надзирательницы Иркутской губернской тюрьмы в числе 44 человек, ввиду крайней дороговизны в городе Иркутске на продукты первой необходимости, а также на квартиры и дрова, обратились с коллективной просьбой к губернатору об увеличении содержания с ноября месяца. Оказалось, что старшие надзиратели имели 40 руб., надзиратели – 24 р. 50 коп., а младшие – всего 20 руб. в месяц (ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 437. Л. 1).

Значительное место в повседневной службе чинов жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги отводилось строевой подготовке: жандарм должен был выглядеть всегда достойно, олицетворяя своей выправкой и внешним видом порядок и незыблемость государственных устоев. Начальник Управления два раза в год лично проверял строевую подготов-

ку нижних чинов всех отделений, по итогам которой, в случае необходимости, делались бескомпромиссные организационные выводы. Так, летом 1910 г. им были произведены инспекторские осмотры, выявившие неблагополучное состояние дел лишь на станции Слюдянка Байкальского отделения. Чтобы показать жандармскую службу «как есть», а не только с парадной стороны, приведем здесь несколько цитат из итоговой справки проверяющего.

Во время осмотра в строю находился 1 обер-офицер, 1 вахмистр и 15 унтер-офицеров. Наружный вид людей показался начальнику «хорошим», однако выправка и стойка «посредственными», люди были выведены в строй неосмотренными, почему многие оказались одетыми не по форме, амуниция плохо пригнана, поясные ремни не подтянуты, револьверы в кобурах висели на животе, а не на правом бедре, как то полагается. Фуражки измяты, одеты «разнообразно и неумело». К приходу проверяющего «строй не был выровнен, люди стояли не в затылок». Брать «шашки на караул» унтер-офицеры не умели, вообще шашечные приемы были проделаны плохо, «но дружно и вяло». При этом винтовки одевались, снимались и брались на изготовку «задевая и сбрасывая с головы погонным ремнем фуражки». Повороты делались опять же вяло, при маршировке люди не умели держать ногу, «равнение в рядах и в затылок» (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Далее начальник Управления осмотрел оружие нижних чинов, которое оказалось «в порядке, насколько можно поддерживать таковой, когда оно никем не осматривалось и совершенно не ремонтировалось». На лезвиях шашек имелись «застарелые следы ржавчины», у унтер-офицера Лавриченко в кобуре были тряпки, унтер-офицеры Гаврилов и Новиков вышли в строй в неформенных сапогах, Попов – с обломанным наконечником аксельбантов, а Гуськов совершенно их не имел... (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 2).

Команды на станциях Мысовая, Танхой и других Байкальского отделения, а также в Иркутске и Верхнеудинске, напротив, произвели самое отрадное впечатление: «воинский вид сохранен, поворо-

ты, вздваивание рядов, маршировка, шашечные приемы были проделаны хорошо. Оружие в порядке, унтер-офицеры одеты аккуратно и щеголевато. Словесные ответы довольно хорошие. Мундирная одежда прекрасно сохранена, оружие в боевом состоянии. Однако «строевая часть, – делал вывод начальник Управления, – все-таки «далеко не на той высоте, на которой, строго следуя закону и существующих распоряжений, она должна стоять как воинская часть, призванная для трудной и ответственной работы жандармско-полицейской железнодорожной службы». В заключение начальник указывал и причины недостатков: «не всегда поспешное, ревностное и серьезное выполнение закона, инструкции и распоряжений, при отсутствии энергичности, настойчивости и твердости – вот те главные пробелы, которые в деле нашей службы места иметь не могут и должны быть безвозвратно искоренены...» (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 2. Л. 13).

Следует сказать, что работа с обучением и воспитанием унтер-офицерского состава в жандармском управлении Забайкальской железной дороги проводилась постоянно и основывалась на умелом сочетании строгости и поощрения служащих: нарушители дисциплины сурово карались, а старательные и инициативные чины – обязательно поощрялись. Для иллюстрации этого тезиса приведем здесь два примера. Первый – из журнала приказов начальника Управления за вторую половину 1906 г.: Унтер-офицер Петровско-Заводского отделения Тимофей Терлецкий 2-го сентября 1906 г., следуя с поездом № 50, на разъезде Харагун, на 476 версте, почувствовал толчок и заметил, что один конец рельса «якобы торчит вверх». Приехав на разъезд, унтер-офицер потребовал от дорожного мастера дрезину, и вместе с ним отправился на указанную версту, где нашел лопнувшую рельсу, которая «сейчас же была заменена новой». За такую выдающуюся наблюдательность унтер-офицеру Терлецкому была объявлена начальником благодарность (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 169). А вот пример иного рода, взятый нами из приказа от 10 марта 1913 г.: Унтер-офицер Иркутского отделения ЖПУ Русин, позволил себе дать начальнику «неуместно-грубый ответ», за что и был арестован

«на 14 суток гауптвахты». По отбытии наказания следовало перевести его «на линию», т. е., скорее всего, значительно понизить в должности и, соответственно, в денежном окладе (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 31).

Повседневная деятельность жандармов Забайкальской железной дороги сочетала в себе своеобразное переплетение обязанностей общей полиции, таможенной службы и администрации магистрали. Прежде всего, Управление должно было обеспечить охрану общественного порядка на станциях, вокзалах, в поездах и в полосе отчуждения дороги, что осуществлялось различного рода действиями: наблюдением за порядком среди публики; предотвращением преступлений уголовного характера, к которым относились, в первую очередь, кражи, убийства, проявления хулиганства, увечий, поджогов, разбоев. На каждом вокзале и крупной станции Забайкальской железной дороги имелось специальное помещение, в котором располагался начальник отделения и несколько унтер-офицеров. Унтер-офицеры несли непосредственное дежурство на перронах, контролировали соблюдение порядка при встрече и отправлении поездов. Здесь велся журнал, в который заносились все происшествия, случившиеся за время суточного дежурства, меры, принятые личным составом по их устранению, а также, что немаловажно, отзыв потерпевшего (в специальной графе) на работу полиции. Кроме этого, жандармы проводили регулярные и весьма частые патрулирования станционного района, что предусматривало обход путей пассажирских и товарных станций, помещений паровозных депо, мастерских, прилегающих магазинов, парикмахерских и трактиров. При этом большое внимание обращалось на соблюдение санитарных и противопожарных мер. В ночное время жандармы совместно с железнодорожными служащими обязательно дежурили на перронах, осматривали пассажирские и грузовые вагоны, проверяли работу сторожей и охранников. Патрульно-постовая служба, таким образом, служила, известного рода, компенсацией отсутствующим сыскным отделениям в структуре жандарм-

ских полицейских управлений железной дороги (Гончарова, 2000. С. 22)¹.

Осмотр прибывающих грузов – также входил в число обязанностей жандармов. Зачастую обычная «рутинная» сверка сопроводительных документов с реальным содержанием поступившего груза могла дать самые неожиданные результаты. Вот, например, выписка из приказа начальника жандармского полицейского Управления Забайкальской железной дороги, которая подтверждает наш тезис: «Унтер-офицеру Иркутского отделения Викентию Дулько за обнаруженные им 6 мая с. г. в грузе, прибывшем со станции Москва на ст. Иркутск под документами «со швейной машиной и несгораемым ящиком» 87 револьверов системы Браунинг, пяти ружей центрального боя и 1000 винтовочных патронов, объявляю благодарность за разумное и добросовестное исполнение своих обязанностей» (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 91).

Борьба с хищениями железнодорожного имущества любой формы собственности также была в числе обязанностей жандармов. Полицейская служба на железной дороге, как, впрочем, и на других, не была легкой и подчас требовала немало мужества и личной храбрости. Приведем характерный пример: так, 29 ноября 1906 г. в отделение ЖПУ на станции Иркутск поступило заявление о хищении с открытой платформы шести пудов свинца, принадлежащих дороге. Дежуривший по станции унтер-офицер Якимчук, заподозрив в краже слесаря весового склада Федора Макаренко, отправился к нему на квартиру, находившуюся вне полосы отчуждения, а по сему подключил к расследованию стражников 5-й городской полицейской части. По прибытии на квартиру, Якимчук стал внимательно проверять письменный вид Макаренко, непроизвольно повернулся к нему спиной, а тот выхватил из кармана висевшего на вешалке пальто

¹ Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917): автореф. дис... канд. юр. наук. М.: Академия управления МВД России, 2000. 23 с.

Goncharova Y.V. Zhandarmesky Police Departments of Railways (1867–1917): Autoref. Diss.... edging. jurisprudence sciences. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2000. 23 p.

браунинг, выстрелил и ранил Якимчука. Стражники и Якимчук, как следует из докладной, схватили Макаренко, но тот, «обладая громадной физической силой, стал сопротивляться и во время борьбы успел произвести еще три выстрела, из коих одним вторично ранил унтер-офицера, а последним – смертельно себя в висок на вылет...» (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

По всей видимости, железнодорожные жандармы в силу своей служебной деятельности выполняли и обязанности представителей таможенного контроля, особенно на станциях, расположенных в приграничных территориях. В этом убеждает следующий документ, взятый нами из книги приказов начальника ЖПУ ЗЖД за август 1906 г.: «Управляющий Иркутской таможней препроводил мне на имя унтер-офицера Иркутского отделения Архипа Кириллова талон к ассигновке от 25 июля на получение из Иркутского казначейства названному унтер-офицеру за поимку контрабанды 41 руб. 8 коп.». Сумма – значительная, значит и заслуга унтер-офицера перед Иркутской таможней была весомая (ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 152 об.).

Как видим, характер действий железнодорожных жандармов был весьма широк. Выполняя

задачи общей полиции, сотрудники ЖПУ ЗЖД следили «за порядком и спокойствием» на станциях и вокзалах, обеспечивали сохранность железнодорожного полотна и подвижного состава, охраняли мосты и туннели, ремонтные мастерские и депо, стремились предотвратить кражи и расхищение имущества. Всё это относилось к обязанностям полиции уголовной, и следует сказать, что, судя по фактическому материалу, приведенному выше, служащие жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги с ними уверенно справлялись. Однако гораздо большее место в работе железнодорожных жандармов занимали обязанности полиции политической – наблюдение за проявлением активности леворадикальных партий, контроль за рабочим движением, предотвращение экономических и политических забастовок железнодорожников и рабочих предприятий, расположенных в полосе отчуждения, участие в урегулировании споров предпринимателей и служащих, а также противодействие агентурной деятельности иностранных разведок в ходе военных действий начала XX в.

Библиографический список

Баринов А.О. Стража: Очерки истории деятельности спецслужб России в Забайкалье в начале XX века (1901–1917). Чита: Экспресс-издательство, 2008. 247 с.

Борисов А.Н. Особый отдел империи. СПб.: Нева, 2001. 480 с.

Вейт А.В. Жандармерия Забайкальской железной дороги: историко-правовые аспекты // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: Изд-во БрГУ, 2017. Вып. 1 (27). С. 39–46.

Весь Иркутск с отделом Забайкальской области: Адресно-справочная и промышленная книга на 1908 год. Иркутск: Изд. Е.Р. Бендер, 1908. 345 с.

Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М. Молодая Гвардия, 2007. 852 с.

Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX век / сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. 640 с.

Иванов А.А. Иркутские жандармы // Клио. 2012. № 6. С. 69–77.

References

Barinov A.O. 2008. Guard: Essays on the history of Russian special services in Transbaikalia at the beginning of the 20th century (1901–1917). Chita: Express. 247 p. (In Russ.)

Borisov A.N. 2001. Special Department of Empire. St. Petersburg: Neva Publishing House. 480 p. (In Russ.)

Weit A.V. 2017. Gendarmerie of the Transbaikal Railway: Historical and Legal Aspects. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of Social and Economic Development of Siberia]. Bratsk: BrSU. Iss. 1 (27). Pp. 39–46. (In Russ.)

Bender E.R. 1908. All Irkutsk with the department of the Transbaikal region: Address-reference and industrial book for 1908. Irkutsk. 345 p. (In Russ.)

Grigoryev B.N., Kolokolov B.G. 2007. Everyday life of Russian gendarmes. Moscow: Young Guard. 852 p. (In Russ.)

Izmozik V.S. 2002. Gendarmes of Russia. Political search in Russia 15th–20th century. St. Petersburg: Neva. 640 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. 2012. Irkutsk gendarmes. Klio. No. 6. Pp. 69–77. (In Russ.)

- Иванов А.А., Савилов А.А. Участие иркутских жандармов в надзоре за политическими ссыльными (1860–1900 годы) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 114–121. DOI: 10.17223/15617793/442/14
- Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1940. Иркутск: Оттиск, 2003. 848 с.
- Кравцов С.Е. О некоторых направлениях деятельности губернских жандармских управлений в начале XX в. (по материалам Иркутской губернии) // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 144–153.
- Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649–1917. М.: Центрополиграф, 2006. 399 с.
- Мошкина З.В. Учреждение жандармского надзора на Нерчинской политической каторге // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 282–294.
- Муратова А.В. История становления Читинского отделения Забайкальского жандармско-полицейского управления Забайкальской железной дороги (1899–1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2015. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 153–160.
- Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.
- Плюта К.В. Антитеррористическая политика российского правительства во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / ответ. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Оттиск, 2006. Вып. 3 (15). С. 206–223.
- Путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области: в 2-х ч. Ч. 1: Досоветский период / сост. Ю.П. Колмаков, Е.А. Луговская, Н.В. Чичкова и др. Иркутск: Оттиск, 2017. 548 с.
- Путеводитель по дореволюционным фондам НАРБ / сост. А.И. Беч, З.Ф. Дамбаева, Э.Л. Доржиева и др. Улан-Удэ: Комитет по делам архивов Республики Бурятия, 1998. 165 с.
- Романов В.В. Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2007. 559 с.
- Стафеев Г.М. Полицейские органы на строительстве Забайкальской железной дороги (1895–1899) // 90 лет Забайкальской архивной службе: материалы научно-практической конференции. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. С. 228–239.
- Федорова Т.В., Степанов А.В. Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 134–144. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-134-144
- Ivanov A.A., Savilov A.A. 2019. Participation of Irkutsk gendarmes in the supervision of political quarrels (1860–1900). *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of the Tomsk State University]. No. 442. Pp. 114–121. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/442/14
- Kolmakov Yu.P. 2003. Irkutsk Record 1661–1940. Irkutsk: Ottisk. 848 p. (In Russ.)
- Kravtsov S.E. 2011. On some directions of activity of provincial gendarmerie administrations in the beginning of XX century (According to the materials of the Irkutsk province). *Sibirskaya ssylka: sb. nauch. st.* [Siberian Exil : Collection of scientific articles]. Irkutsk: Ottisk. Iss. 6 (18). Pp. 144–153. (In Russ.)
- Lurje F.M. 2006. Political search in Russia. 1649–1917. Moscow: Centropoligaf. 399 p. (In Russ.)
- Moshkina Z.V. 2011. Establishment of gendarmerie supervision at Nerchinsk Political Katorge. *Sibirskaya ssylka: sb. nauch. st.* [Siberian Exile. Collection of scientific articles]. Irkutsk: Ottisk. Iss. 6 (18). Pp. 282–294. (In Russ.)
- Muratova A.V. 2015. History of formation of the Chitinsky Branch of the Transbaikal Gendarmerie-Police Department of the Transbaikal Railway (1899–1917). *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. 2015* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook. 2015]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP. Pp. 153–160. (In Russ.)
- Peregudova Z.I. 2000. Political police in Russia (1880–1917). Moscow: ROSSPAN. 432 p. (In Russ.)
- Pluta K.V. 2006. Anti-terrorist fight of the Russian Government in the second half of the 19th and Early 20th centuries. *Sibirskaya ssylka. Sb. nauch. st.* [Siberian exil. Collection of scientific articles]. Irkutsk: Ottisk. Iss. 3 (15). Pp. 206–223. (In Russ.)
- Kolmakov Y.P. 2017. Guide to funds of the State Archive of the Irkutsk region: In 2 pt. Pt. 1: Pre-Soviet period. Irkutsk: Ottisk. 548 p. (In Russ.)
- Bech A.I. 1998. Guide to pre-revolutionary funds of NARB. Ulan-Ude: Committee for Archives of the Republic of Buryatia. 165 p. (In Russ.)
- Romanov V.V. 2007. Political police of the Russian Empire 1826–1860: the main trends of development. Ulyanovsk: Ulyanovsky State University. 559 p. (In Russ.)
- Stafeev G.M. 2014. Police bodies on the construction of the Transbaikal Railway (1895–1899). 90 let Zabaikal'skoi arkhivnoi sluzhbe. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii [90 years of the Transbaikal Archival Service. Proceedings of the scientific and practical conference]. Chita: TrahsBaikal State University. Pp. 228–239. (In Russ.)
- Fedorova T.V., Stepanov A.V. 2017. Counterintelligence Activities of the Department of the Irkutsk Provincial Gendarmerie Management in the Second Half of XIX – Early XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 13. No. 4. Pp. 134–144. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-

Чудакова М.С. Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. Ярославль: ЯрГУ, 2003. 330 с.

Сведения об авторе

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор,
исторический факультет,
Иркутский государственный университет,
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Критерии авторства

А.А. Иванов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

134-144

Chudakova M.S. 2003. Confrontation. Political investigation of pre-revolutionary Russia. Yaroslavl': Yaroslavl State University. 330 p. (In Russ.)

Information about the author

Alexander A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), Professor,
Department of History,
Irkutsk State University,
2 Chkalova Str., Irkutsk 664025, Russian Federation,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Attribution criteria

A.A. Ivanov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/99(419)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189>

Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны)

© В.В. Синиченко

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Вступление в мировую войну Японии и начало ею военных действий против германских колоний в Тихом океане вызвали взрыв прогерманских настроений как у народа Китая, так и у части военных властей Китайской республики. Присоединение к Японии бывших частей Германской империи в Китае (Циндао), предъявление Токио Пекину 21 требования, направленного на закабаление и подчинения Китая Японией привели к тому, что китайские военные власти разрешили германским военным провести переговоры с руководителями банд (хунхузами) в зоне русско-китайской границы. При германском участии напротив Никольск-Уссурийска формировался отряд более чем из двух тысяч бойцов, целью которого было вторжение на территорию Приморья и освобождение германских и австрийских военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных, разрушение русских железнодорожных коммуникаций. Хунхузы предприняли вторжение в июле 1915 г. на территорию России. Однако китайские вооружённые формирования не дошли до лагеря военнопленных в Никольск-Уссурийске, захватили одну деревню (Зеньковку) и нанесли поражение русскому военному отряду, двинувшемуся на освобождение деревни. К сожалению, российским властям, несмотря на полученные агентурные данные, не удалось предупредить поход хунхузов, а также из-за ряда проблем в управлении имеющимися войсками организовать разгром и преследование.

Ключевые слова: жандармы, контрразведка, немцы, Дальний Восток, агент, дивизия, полк, оружие, военнопленные

Информация о статье: Дата поступления 10 июля 2019 г.; дата принятия к печати 12 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Синиченко В.В. Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 177–189. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-177-189

Armed invasion of Chinese illegal formations in Russia in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War)

© Vladimir V. Sinichenko

East-Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Japan's entry into the World War caused an explosion of pro-German sentiments both in the people of China and in the military authorities of the Republic of China. The annexation of the former parts of the German Empire in China (Qingdao) to Japan, the presentation of Tokyo to Beijing 21 demands aimed at enslaving and subjugating China to Japan led to the fact that the Chinese military authorities allowed the German military to negotiate with the leaders of the gangs (Hunhuzes) in the Russian-Chinese zone boundaries. With German participation opposite Nikolsk-Ussuriysk, a detachment of more than two thousand fighters was formed, the purpose of which was to invade the territory of Primorye and liberate German and Austrian prisoners of war who were in prison camps as well as the destruction of Russian railway communications. Hunhuzes launched an invasion in July 1915 into the territory of Russia. However, the Chinese forces did not reach the prisoner of war camp in Nikolsk-Ussuriysk, captured one village (Zenkovka) and defeated a Russian military unit moving to liberate the village. Unfortu-

nately, in spite of the obtained intelligence data, the Russian authorities did not succeed in preventing the Hunghuz campaign, and because of a number of problems in the management of the available troops, they organized a rout and persecution.

Keywords: gendarmes, counterintelligence, Germans, Far East, agent, division, regiment, weapons, prisoners of war

Article info: Received July 10, 2019; accepted for publication August 12, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Sinichenko V.V. 2019. Armed invasion of Chinese illegal formations in Russia in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 177–189. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-177-189

Дальневосточный театр военных действий долгое время не был предметом пристального внимания отечественных и зарубежных историков. Однако в последние двадцать лет интерес к теме существенно возрос как у современных исследователей, публикующихся на Дальнем Востоке (Иконникова, 1996; Иконникова, 1999; Залесская, 2008; Качкин, 2013; Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны, 2016), так и в Сибири (Синиченко, Изаксон, 2016; Новиков, 2016; Позняк, 2018; Дацышен, 2019).

Очень популярна у исследователей тема присутствия военнопленных стран Центральных держав в Сибири и на Дальнем Востоке (Гордеев, 2002; Чащин, 2009; Вебер, Суржикова, 2014; Греков¹).

Отметим, что характер боевых действий на Дальнем Востоке во многом зависел от политики Китая. После начала Первой мировой войны в августе 1914 г. китайское правительство объявило о нейтралитете. Определить победителя в этой войне на первоначальном этапе было сложно. Но неожиданно для президента Китайской республики Юань Шикая активизировалась Япония, она объявила войну Германии и под этим предлогом напала

на германские концессии в провинции Шаньдун. Таким образом, Япония расширила свое присутствие на китайской земле. В январе 1915 г. Япония предъявила Китаю знаменитый ультиматум, который получил название «21 требование». Японцы, кроме всего прочего, требовали права на разработку полезных ископаемых в Маньчжурии, во Внутренней Монголии, а также в Центральном Китае; отказ Китая предоставлять свои порты другим иностранным державам; присутствия японской полиции и экономических советников в Северном Китае (Xu Guoqi, 2005. P. 98–105).

Китайский народ отреагировал на японскую оккупацию негативно. Это отношение перенеслось на союзников Японии, в частности России. На границе России и Китая возникли боевые столкновения между незаконными китайскими вооруженными формированиями – хунхузами и российскими войсками.

Отметим, что деятельность хунхузов в годы Первой мировой войны и использование китайских бандитов германской и японской разведкой получили определенное освещение в научной литературе. Прежде всего, изучали вопрос российские ученые, исследовавшие деятельность контрразведывательных отделений России, функционировавших в империи с 1908 г.

Прежде всего, стоит отметить работы А.А. Здановича и Б.А. Старкова, подробно исследовавших структуру и кадровый состав контрразведывательных подразделений России (Старков, 2006; Зданович, 2004).

Более подробное изучение истории детальности Иркутского контрразведывательного отделения (далее КРО) предпринял омский исследователь В.О. Зверев. Он отметил, что Иркутский военный

¹ Греков Н.В. Германские и австрийский военнопленные в Сибири (1914–1917) / Н.В. Греков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ah.milua.org/germany-and-austro-hungarian-pows-in-siberia-1914-1917> (дата обращения: 18.11.2016).

Grekov N.V. *Germanские i avstrijskij voennoplenny`e v Sibiri (1914–1917)*. [German and Austrian prisoners of war in Siberia (1914–1917)]. / N.V. Greeks. [Electronic resource]. Access mode: <http://ah.milua.org/germany-and-austro-hungarian-pows-in-siberia-1914-1917> (accessed: November 18, 2016).

округ получил наименьшее количество сотрудников армейской разведки – 11 (в других местах по 25) и сокращенное финансирование. К примеру, если ассигнования на КРО Петербургского военного округа составляли 158 320 руб., то финансирование иркутской контрразведки равнялось 108 520 руб. (Зверев, 2008. С. 71).

Вообще вопрос об эффективности деятельности российской контрразведки на востоке страны является дискуссионным. Так, Н.С. Кирмель говорил о низкой продуктивности контрразведки из-за ведомственных противоречий между жандармским управлением и КРО. Так, по мнению ученого, начальники КРО в своих требованиях к начальникам ГЖУ и охранных отделений о проведении совместных оперативно-розыскных мероприятий не считали нужным посвящать последних в суть дела (Кирмель, 2000²; Кирмель, 2001).

Исследователь Н.В. Греков в работе «Русская контрразведка в 1505–1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы» отмечал, что размеры германского и австрийского шпионажа на территории России были преувеличены, а поэтому «было бесполезно ожидать ликвидации агентурных сетей противника в Сибири, где их, вероятно, вовсе и не было» (Греков, 2000. С. 112).

В то же время в некоторых современных исследованиях не признают выводы предшественников и пишут об «эффективной и плодотворной работе» жандармов и контрразведчиков в годы Первой мировой войны (Федорова, Степанов, 2017. С. 142). В своей статье Т.В. Федорова и А.В. Степанов, оценивая контрразведывательную деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления, к сожалению, использовали в основном документы фонда 600 Государственного архива Иркутской области. Эти ведомственные материалы Иркутского губернского жан-

дармского управления, безусловно, рисовали страшную картину китайского и японского шпионажа, а в годы Первой мировой войны – бурной германской разведывательной деятельности в российском глубоком тылу с использованием китайских, греческих и даже американских агентов Берлина. Однако представляется, что их иллюстрация без анализа иностранной литературы и источников, сведений из других архивохранилищ, привела вышеназванных исследователей к однобоким и не всегда правильным выводам.

Очевидно, что в конце XIX в. на Востоке России шпионаж среди китайских иммигрантов не носил явного характера. Постоянно проживающее на территории России китайское население, конечно, не отличалось особо контактным поведением по отношению к русским поселенцам, жило обособлено, ограничиваясь пределами общины или профессиональных объединений. Однако факты диверсионных выпадов: перестрелки в приграничных районах во время «боксерского восстания» 1900 г., к примеру, обстрел Благовещенска, носили не постоянный, а единичный характер. Ситуация менялась только в годы войны, когда появлялся «заказчик» на проведение разведывательных и диверсионных мероприятий.

Так, в годы Русско-японской войны японское командование впервые стало использовать китайцев и корейцев. Как пишет А. Вотинов, китайцы и корейцы давали согласие сотрудничать с японцами, за что те платили им от 1 до 3 руб. за каждый переход через границу (Вотинов, 1939. С. 10).

Японские спецслужбы также активно использовали в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. для диверсий в русском тылу маньчжурских разбойников-хунхузов, предводители которых получали солидное материальное вознаграждение. Главными объектами хунхузов становились русские тыловые транспортеры с продовольствием, военным снаряжением и амуницией. Нередко они нападали на небольшие гарнизоны, портили полотна дорог и выводили из строя телеграф (Старков, 2006. С. 129).

Впоследствии практика использования китайских и корейских агентов у японцев сохранилась.

² Кирмель Н.С. Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири, 1906–1917 гг. : дис... канд. истор. наук : 07.00.02. Иркутск, 2000. 211 с.
Kirmel` N.S. Organization of Russian counterintelligence and her struggle with Japanese and German espionage in Siberia, 1906–1917: diss.... Cand. of historical Sciences: 07.00.02. Irkutsk, 2000. 211 p.

Однако отметим, что фактами масштабного японского шпионажа ни Департамент полиции, ни жандармы, ни контрразведывательное отделение, не располагали. Более того, число задержанных за японский шпионаж не соответствовало числу осужденных. К примеру, за период с 1908 по 1911 гг. Иркутским и Владивостокским КРО было зарегистрировано 46 подозреваемых в шпионаже, но ни одно дело не дошло до суда (Греков, 2000. С. 139).

Лиц, подозреваемых в шпионаже, арестовывали и высылали в административном порядке из страны. При этом улики чаще всего были настолько незначительны или собраны в недостаточном количестве, что, в случае возбуждения уголовного преследования, дело прекращалось или обвиняемых оправдывали.

Так, согласно донесению начальника Читинского охранного отделения, в начале ноября 1909 г. были получены сведения, что в г. Чите в японском магазине «Восходящее Солнце» служащие магазина Теракава, Тераяма и Нэдзу замечены в шпионской деятельности и контактах с японскими военными, посещающими Забайкалье. Теракава, Тераяма и Нэдзу заключены под стражу в Читинскую тюрьму. Но прокурором Читинского окружного суда на имя прокурора Иркутской палаты было направлено представление о недостаточности собранных улик, вследствие чего дело против японских подданных было прекращено (Государственный архив Иркутской области г. Иркутск (ГАИО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 793. Л. 10).

В годы Первой мировой войны японским опытом решила воспользоваться Германия. Она не жалела денег на организацию в тылу России диверсионных групп с целью освобождения немецких военнопленных и уничтожения военного снаряжения. Наибольшую опасность для российской контрразведки и жандармерии представляли банды хунхузов. (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 200. Л. 5).

Опасения диктовались явно антироссийскими настроениями части германского генералитета. Так, в разведывательном донесении в штаб Иркутского военного округа от 26 июля 1914 г. подчеркивалось, что Германия потребовала от правительства Китая в случае войны с Россией немедленно

предпринять шаги к захвату Китайской Восточной железной дороги. Германия обещала полную поддержку Китаю в войне (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 192. Л. 322).

Пекинское правительство экстренно созвало всех представителей военных ведомств для обсуждения этого вопроса. Некоторые командиры войск разделяли планы Германии (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 192. Л. 323).

9 августа 1914 г. поверенный в делах в Пекине направил в МИД секретную телеграмму о том, что Приамурский генерал-губернатор сообщил о нескольких случаях грабежей и убийств, произведенных хунхузами в пограничной с Китаем Приморской области. Генерал-губернатор считал необходимым предъявить китайскому правительству категорический протест относительно действий хунхузов, чтобы заставить его «очистить от разбойников пограничные районы».

Однако поверенный В.В. Граве считал совершенно невозможным делать какие-либо представления китайскому правительству, «обнаруживая тем самым слабую защищенность нашей границы». К тому же это представлялось бесцельным, ибо «китайское правительство при теперешних обстоятельствах бессильно сладить с хунхузами в Маньчжурии».

В.В. Граве считал необходимым принять энергичные меры по борьбе с разбойниками, не стесняясь при преследовании переходить границу (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 192. Л. 3).

В результате борьба с бандами хунхузов на территории в приграничной зоне ложилась на плечи местных властей и правоохранительных органов.

Агентурой охранного отделения под руководством ротмистра Бабина по вопросу приобретения оружия в г. Никольске-Уссурийском в ноябре 1914 г. был обнаружен китаец-разведчик, входивший в контакт с неким неизвестным, на квартире которого должна была состояться встреча с одним из главарей хунхузов «старшиной». Выступление хунхузов намечалось к празднику Рождества Христова (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 841. Л. 13).

С помощью китайца-разведчика удалось узнать, что упомянутый неизвестный имел свидание с двумя предводителями хунхузов. По их словам, контактировавший с ними немец – некто фон Крафт.

Отдельного корпуса жандармов ротмистр Бабин в спецтелеграмме № 51 сообщал руководству, что в окрестности станции Пограничной КВЖД часто появлялся немец – некто Крафт, вошедший в связь с главарями хунхузских шаек, занимавшихся до сего времени грабежами среди китайского и корейского населения. Немецкий офицер уговаривал главарей хунхузов осуществить вторжение в Россию с целью освобождения военнопленных, находящихся в лагерях Дальнего Востока России (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (г. Владивосток) (РГИА ДВ). Ф. 511 сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 33).

Хунхузы же вели с фон Крафтом двойную игру, давая на все обещания, выманивали у него деньги. Чтобы показать свою активность, они усилили на границе Амура грабежи среди мирного населения (рис. 1). Между тем решили не выступать против России и от дела освобождения военнопленных отказаться (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 841. Л. 25).

Начальник Владивостокского КРО, отдельного корпуса жандармов ротмистр Немысский 2 января 1915 г. в отношении № 7, отмечал такие же проблемы в Приморье: «По полученным негласным сведениям, полторы недели тому назад из китайского села Вэ-Фао-Цзы выступила шайка хунхузов в количестве около 1000 человек и направилась к северу от города Ми-Шань-Фу, что на западном берегу озера Ханка. Другая шайка в количестве около 1500 человек находится в городе Сан-Ча-Гоу и его окрестностях (То-Гу-Ланцза). В селе На-Цзе-Гоу, что приблизительно в 25 верстах от города Сань-Ча-Гоу собирается третья шайка, которая по предположению, будет состоять исключительно из корейцев.

По тем же сведениям, главным руководителем означенных шаек является китаец Ю Дебун, находящийся в настоящее время в городе Сань-Ча-Гоу, будто бы подкупленный немцами и получающий деньги для организации шаек и снабжения их всем необходимым из германо-китайского банка. Помощником Ю Дебуна по обучению военному делу шаек хунхузов являются германские офицеры. По слухам, активные выступления против русских отложены в виду трудности таковых в зимнее вре-

Рис. 1. Фотография осмотра места происшествия, где действовали хунхузы
Fig. 1. Photograph of inspection of the scene, where hunghutz acted

мя, недостаточности провианта для таких больших отрядов, а также ввиду принятия русскими властями мер противодействия» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 10).

8 января 1915 г. Немысский сообщал в штаб Иркутского губернского жандармского управления: «Получено от агентуры в Гирине от 22 декабря донесение следующего содержания: «По сведениям командиром 92-го полка, проживающим в А-Чэнь-Сянье, получено предписание от командира 23-й дивизии, сообщающее о донесении жандармского управления в Чаньчуне о дошедших слухах, указывающих на организацию германским подданным Фу Дэньманом шаек хунхузов из шайки «Я дунь дэнь», имеющей целью порчу русской железной дороги, а также при посредстве особого химического вещества – железнодорожных мостов около Лао-ша-гоу и Харбина. С той же целью отправлены хунхузы в уезды Дунь-нинсян и Нинань-сян (Нингута)» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 50).

В разведывательном донесении из Мукдена в штаб Приамурского военного округа от 7 марта 1915 г. говорилось, что китайская военная организация на 500 человек требовала от германцев денег, оружия и продовольствия. 29 марта сообщили, что китайцы предъявили немецким спонсорам ультиматум, если их не профинансируют в должном отношении, они будут грабить местное китайское население и будут потеряны для германской организации (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 398).

В разведывательном донесении от 1 апреля 1915 г. говорилось, что после того, как японские и российские дипломатические лица заявили китайскому правительству протест на деятельность германских дипломатов в Китае, китайские власти стали преследовать хунхузские шайки. Чжан Сифань, организатор китайских банд, был вынужден уехать из Мукдена. Немцы же были не довольны тем, что затратили крупные суммы на организацию военных отрядов хунхузов, но безрезультатно (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 398).

Несмотря на эти данные разведки, вскоре произошло вооруженное вторжение на территорию России китайских незаконных воинских формирований.

Так, 8 июля 1915 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления телеграммой сообщал в Петроград: «4 июля 1915 г. в р-не Никольск-Уссурийский совершено нападение хунхузов село Зеньковку ограблены китайские магазины при преследовании убито три казака, полицейский урядник, два крестьянина, ранен один крестьянин. Хунхузов убито трое. Донесение почтой» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 101).

9 июля 1915 Никольск-Уссурийское жандармское отделение в лице его начальника – ротмистра Посникова донесло ротмистру Немысскому во Владивосток, что по полученным сведениям за последнее время в Никольск-Уссурийске китайцами производилась усиленная скупка оружия и боевых 3-х линейных патронов для снабжения ими хунхузского отряда, находящегося в окрестностях маньчжурского города Санчагоу. Цель этого отряда состояла в нападении на г. Никольск-Уссурийский с целью освобождения военнопленных, для этой цели через реку Суйфунь строился мост. В отряде этом находились германские офицеры, которые руководили планируемой операцией. По сообщению начальника Никольск-Уссурийского жандармского отделения: «Патронами снабжаются не только хунхузский отряд, но и находящиеся в Никольск-Уссурийске военнопленные, что может подтвердить факт обыска, у военнопленных произведенный надлежащим военным начальством, которым были найдены патроны. Как на подозрительное лицо, скупающее патроны, агентура указала на одного китайца с отрубленными пальцами, который под видом старьевщика занимается означенным тайным промыслом и что этот китаец проживает на углу Муравьевской и Занадворовской улиц в фанзе огородника-китайца. Для обнаружения подозрительного китайца мною совместно с полицией был произведен в указанном агентурой месте обыск, не давший пока положительных результатов, но, тем не менее, через допросы проживающих в фанзе огородника китайцев было установлено, что китаец с отрубленными пальцами проживал временно в фанзе, но накануне обыска ушел неизвестно куда, почему для обнаружения его направлена агентура

и установлено наблюдение» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 102).

В качестве грозного предупреждения, жандарм считал следующий факт. В конце июня 1915 г. жандармы на Сенной площади Никольск-Уссурийска, где происходит торговля местными торговцами разных поддержанных вещей нашли солдатский башлык, в котором были завязаны патроны для трехлинейной винтовки русского образца (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 102.).

Факт нахождения означенных патронов, по мнению ротмистра Посникова, служил доказательством того, «...что хранение патронов в частях происходит небрежно и без всякого контроля и нижним чинам не внушено подлежащим начальством об ответственности по закону за продажу оружия и патронов в настоящее переживаемое Россией время» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 103).

10 июля 1915 г. ротмистр Посников предоставил обещанный подробный доклад о событиях в районе села Зеньковки.

5-го июля 1915 г. им было получено сообщение от пристава Спаского стана Иманского уезда о том, что 4 июля вечером на село Зеньковку, находящееся в 2-х верстах от станции Свягино Уссурийской железной дороги, совершено разбойное нападение хунхузов. Получив это сообщение, жандарм одновременно с товарищем прокурора Владивостокского окружного суда по Никольск-Уссурийскому участку с первым отходящим поездом выехал к месту происшествия, дабы на месте выяснить подробности нападения. Прибыв на станцию Свягино в час ночи, он немедленно приступил к выяснению обстоятельств разбойного нападения, причем обнаружилось следующее: ночью, около 23:30, в селе Зеньковка одновременно в нескольких пунктах улицы стали раздаваться учащенные выстрелы. Разбуженные неожиданной стрельбой крестьяне стали выбегать из домов, но ввиду того что пули летели по всем направлениям улиц – принуждены были скрыться. Наиболее смелые два крестьянина – Подолько и Нестреляй, вооружившись винтовками, стали стрелять. На произведенные Подолько и Нестреляем выстрелы, хунхузы ответили залпом, которым Подолько был ра-

нен в ногу разрывной пулей. Означенные крестьяне видели, что шайка хунхузов разбилась на несколько групп по 2–3 человека, из коих одни производили стрельбу, а другие начали громить китайские лавки. Стрельба и разгром китайских лавок продолжалась в течение двух часов. Когда стрельба совсем затихла, то выяснилось, что ограблено четыре китайских лавки, из которых было унесено около 1000 руб. и на 600 руб. товаров и, кроме того, хунхузы увели с собой 9 заложников-китайцев.

Как только началась стрельба в селе Зеньковке, со станции Свягино в село Спасское немедленно дана была телеграмма о высылке воинского отряда. Около 2 часов ночи прибыл отряд в составе 1 офицера – зауряд-прапорщика Ушакова и 52 нижних чина.

Отряд хунхузов до прибытия отряда успел отойти на железнодорожную ветку казенного лесопильного завода. Начальник отряда отделил 12 нижних чинов и с приставом Спаского стана Порнеком отправил их в село Зеньковку, а с остальной частью (40 солдат) направился на лесопильный завод. Пройдя по ветке 8 верст, отрядом был встречен товарный поезд, перевозивший из тайги бревна на завод, которым зауряд-прапорщик Ушаков воспользовался для дальнейшего преследования. Отряд хунхузов разбился на две части, из которых одна с заложниками и награбленной добычей углубилась в тайгу, а другая – пошла по линии железной дороги. На 15 версте хунхузы, увидев преследовавший их русский отряд, залегли в засаду в кустах, а несколько человек пошли по линии ветки. Прапорщик Ушаков, увидев удаляющихся хунхузов, высадил отряд и двинул его вдоль ветки. Хунхузы, находящиеся в засаде, пропустив мимо себя отряд, дали залп, которым были убиты 1 солдат и 1 полицейский стражник Омельченко и ранено тяжело 2 солдата, которые впоследствии на станции скончались. Прапорщик Ушаков, введенный в заблуждение обстановкой и думая что он со своим отрядом очутился между двумя отрядами хунхузов, распорядился подобрать убитых и раненых садиться в вагоны, чтобы ехать на станцию за подкреплением. Потери российских солдат были бы еще больше и разгром сильнее, если бы их во

время перестрелки не поддержали вооруженные крестьяне-ополченцы, которые пришли на выручку, но они также в перестрелке с хунхузами потеряли двух человек убитыми. Возвратившись на станцию, отряд Ушакова соединился с подошедшим отрядом 306 ополченческой дружины в составе 110 человек под командованием зауряд-капитана Травинского. Не зная численности хунхузов, Травинский соорудил блиндированный поезд (имеющиеся вагоны заложили двойным рядом

Рис. 2. Бой казаков Уссурийского казачьего войска и хунхузов

Fig. 2. Battle of Cossacks of the Ussuri Cossack Army and hunghutz

шпал) и выслал дозоры в разведку. Руководители сводного отряда решили укрепиться на станции Свягино, где и стали строить баррикады, на что было потрачено около трех часов (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 105) (рис. 2).

Около двух часов ночи 6 июля к отряду прибыл ротмистр Посников и исполняющий должность Иманского уездного начальника Филиппов. Обсудив обстановку для дальнейших действий, они отправились по железнодорожной ветке. На 38 версте Филиппов узнал, что шайка хунхузов ночевала на 32 версте в бараках китайских рабочих, вернулся туда и указал зауряд-капитану Травинскому двинуться в сопки. Начальник отряда, рассыпав цепь и выставив дозоры, отправился в сопки. Через три часа отряд вернулся безрезультатно. Таким образом, потери в среде гражданского населения и российских войск и успешный отход хунхузов стали возможны из-за нераспорядительности командиров – Травинского и Ушакова (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 106) (рис. 3).

Известие о дерзком марше хунхузов озадачило власти.

Рис. 3. Партия хунхузов в засаде на берегу реки Ляо-хэ

Fig. 3. Party of hunghutz in ambush on the banks of the river Liao-Ho

Департамент полиции 13 июля 1915 г. за № 171269 уведомил все подразделения полиции и жандармерии, что состоялось постановление Совета Министров о разрешении найма рабочих-китайцев на работы в Сибири и Восточной России до меридиана реки Волги. Однако вследствие вскрывшихся обстоятельств, связанных с политической ненадежностью китайцев, возможностью проникновения в ряды рабочих хунхузов, Департамент полиции приказал в случае прибытия рабочих-китайцев во вверенный надзору тех или иных подразделений район «...установить тщательное наблюдение в целях пресечения с их стороны шпионской деятельности и, при попытках их к такой, подвергать виновных немедленному аресту с возбуждением о них охранных переписок с целью последующей высылки их, как порочных иностранцев, из пределов Империи, сообщая о каждом случае подлежащему Штабу военного округа и донося Департаменту» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 186) (рис. 4).

Жандармы начали пристально следить за всеми китайцами.

Отдельного корпуса жандармов ротмистр Немысский 24 июля 1915 г. доносил в Иркутск, что по полученным им негласным сведениям, проживав-

Рис. 4. Связанные российской полицией за косы китайские преступники-хунхузы. Такая мера использовалась еще маньчжурами для предупреждения побегов китайцев

Fig. 4. Tied by Russian police for braids Chinese criminals hunghutz. This measure was also used by the Manchus to prevent Chinese escapes

ший в г. Никольск-Уссурийском в китайской лавочке, на углу Муравьевской и Корсаковской улице (рядом с дешевой столовой) китаец-коммерсант якобы покупал ружья по 35 руб., а револьверы по 20 руб. Скупленное оружие передавалось в Санчагоу, причем названный китаец, как торговец спиртом, выезжал для скупки оружия в Спасское, Раздольное, Шкотово и др. места и, будто бы, имел среди таможенного надзора своих людей, которые свободно его пропускали со спиртом и оружием.

При проверке сведений выяснено, что по Муравьево-Амурской улице Никольск-Уссурийска, рядом с имеющейся на углу дешевой столовой, находились три китайские мелочные лавочки, а именно: в доме № 2 и № 4, причем содержателями их являлись следующие китайцы: в доме № 2 – Ван Дянчен и Ван Дянфа; в доме № 4 – Сюй Дзилунь, Чжан Гуафу. Причем означенные китайцы, как негласно было установлено, действительно занимались скупкой оружия и продажей спирта. Они имели связь, с какими-то китайцами, которые доставляли им контрабандный спирт, и возможно, обменивали его на оружие. Китайцы были арестованы (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 136) (рис. 5, 6).

28 июля 1915 г. Немысский в донесении № 3088 в Иркутск уведомлял руководство: «Старший адъютант Военно-статистического отделения Штаба Приамурского военного округа сношением от 23 июля за № 395 сообщил нижеследующее: «Сообщая для сведения, что мною получены агентурные сведения о намерениях немцев в отношении всех военнопленных Приамурья. Находящиеся в Китае немцы стараются сорганизовать большую шайку хунхузов, имея в данное время отряд около 2000 человек, и вооружив ее, освободить всех пленных в Приамурском крае. На организацию шайки немцы средств не жалеют. В предупреждении арестов беглых немецких военнопленных в Китае, по дипломатическим каналам сообщено, что шайка (формируется) в Китае вблизи г. Никольск-Уссурийского» (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 144).

Было выяснено, что на китайской территории вблизи города Санчагоу на средства германцев еще в 1914 г. был сформирован хунхузский отряд

Рис. 5. Китайские преступники, привязанные к столбам в камерах временного содержания
Fig. 5. Chinese criminals tied to poles in holding cells

Рис. 6. Арестованные казаками бродяги-китайцы
Fig. 6. The tramp-Chinese arrested by Cossacks

Рис. 7. Хунхузы в игровом притоне – «Банковке»
Fig. 7. Hunghutz in the gambling den, the "Banking"

численность в 2,5 тыс. хорошо вооруженных бойцов. Руководители хунхузов под всевозможными предложениями выманивали у немцев деньги, пока последние, то есть германцы, не прекратили выдачу им средств на жизнь (рис. 7).

Такое безвыходное положение и надежда на приобретение вновь доверия от германцев заставили предводителей хунхузских шаяк, в целях грабежа, агрессивно выступить против России и вторгнуться на ее территорию. Первоначально это вылилось в нападение хунхузской шайки на село Зеньковку в Никольск-Уссурийском уезде, но планировались нападения хунхузов и в будущем, причем более угрожаемым пунктом являлся близко находящийся от границы с Китаем город Никольск-Уссурийский, где сосредоточены были более 25 000 военнопленных (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 157).

После этой информации военнопленных из лагерей, расположенных на Дальнем Востоке, стали переводить в центральную часть страны. Повидимому, получив эту информацию, германская разведка свернула финансирование хунхузов.

Фон Крафт по данным разведки узнав о переводе всех пленных офицеров из города Никольск-Уссурийского (ныне г. Уссурийск Приморского края) на ст. Красная речка около Хабаровска, «был этим опечален» и затем отозван из Маньчжурии в резидентуру – в Пекин. Во многом такое решение было вызвано и позицией китайских властей. Опасаясь развязывания военного конфликта, президент Китая Юань Шикай приказал вооруженным силам республики принять меры по роспуску незаконных вооруженных формирований в зоне русско-китайской границы и ликвидации банд (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 40–41).

Так, приказ о борьбе с хунхузами в приграничной зоне был отдан командиру 23-й дивизии Китайской республики (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 50).

Таким образом, германская операция по втягиванию хунхузов к широкомасштабному вторжению в Россию была свернута и дальнейшего вторжения крупных отрядов хунхузов в Россию не случилось.

Библиографический список

Вебер М.И., Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на Востоке России: взгляд Йохана Принца // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 340–361.

Вотинов А. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. 72 с.

Гордеев О. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.): историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные вопросы теории и истории государства и права: сб. ст. / отв. ред. С.А. Дробышевский. Красноярск: Универс, 2002. С. 30–62.

Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 2000. 209 с.

Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток: Рея, 2016. 296 с.

Дацышен В.Г. Итальянский гарнизон в Красноярске. Из истории Гражданской войны в Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 186–195.

Залеская О.В. Россия и Китай на Дальнем Востоке в 1911–1949 гг.: геополитическое взаимодействие наций и государственных образований // Молодые ученые СГА. М., 2008. С. 28–34.

Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны: монография / В.О. Зверев, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Омская академия МВД России. Омск : изд-во Омской академии МВД России, 2008. 167 с.

Зданович А.А. Отечественная контрразведка 1914–1920. Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 239 с.

Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1999. 366 с.

Иконникова Т.Я. Иностранная разведка в Приамурском крае в годы Первой мировой войны // Известия РГИА ДВ. 1996. Т. 1. С. 88–100.

Качкин А.Н. Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 167–174.

Кирмель Н.С. «...японские прачки и парикмахеры открыли... много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 54–59.

References

Veber M.I., Surzhikova N.V. 2014. Prisoners of war of the First World War in the East of Russia: view of Johan Prince. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. No. 47. Pp. 340–361. (In Russ.)

Votinov A. 1939. Japanese espionage in the Russian-Japanese War of 1904–1905. Moscow: Voениzdat NKO SSSR. 72 p. (In Russ.)

Gordeev O. 2002. Prisoners of war of the First World War in Siberia (August 1914 – February 1917): historical and legal aspects of the problem. *Aktual'ny'e voprosy` teorii i istorii gosudarstva i prava* [Actual problems of the theory and history of state and law. Sat. St.]. Krasnoyarsk: Univers. Pp. 30–62. (In Russ.)

Grekov N.V. 2000. Russian counterintelligence in the years 1905–1917: the spy and the real problems. Moscow: Moscow public scientific Fund; LLC "Publishing center of scientific and educational programs". 209 p. (In Russ.)

2016. The Far East of Russia and East Asia on the eve and during the First World War. Sat. St. Vladivostok: Publishing house "Ray". 296 p. (In Russ.)

Dacyshen V.G. 2019. The Italian garrison in Krasnoyarsk. From the history of the Civil War in Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 15. No. 2. Pp. 186–195. (In Russ.)

Zalenskaya O.V. 2008. Russia and China in the Far East in 1911–1949. Geopolitical interaction of nations and state entities. Young scientists of the SGA. Moscow. Pp. 28–34. (In Russ.)

Zverev V.O. 2008. Opposition to German military-industrial espionage in St. Petersburg on the eve of World War I. Monograph. Omsk: Izd-vo Omskoi akademii MVD Rossii. 167 p. (In Russ.)

Zdanovich A.A. 2004. Domestic counterintelligence 1914–1920. Organizational construction. Moscow: Kraft+. 239 p. (In Russ.)

Ikonnikova T.Y. 1999. Rear far East of Russia during the First World War. Khabarovsk: Publishing house of HGPI. 366 p. (In Russ.)

Ikonnikova T.Y. 1996. Foreign intelligence in the Amur region during the First World War. *Izvestiya RGIА DV* [Izvestiya RGHА FE]. Vol.1. Pp. 88–100. (In Russ.)

Kachkin A.N. 2013. Fight against espionage in the Far East: Khabarovsk counterintelligence Department and its leaders (1911–1917). *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian Sciences in the Far East]. No. 3. Pp. 167–174. (In Russ.)

Kirmel` N.S. 2001. "...Japanese laundresses and the barbers opened... many stores for the purpose of conspiracy espionage". *Voенno-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 3. Pp. 54–59. (In Russ.)

Новиков П.А. Полки из Иркутска в боях Первой мировой войны: 7-я и 12-я Сибирские стрелковые дивизии в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 1 (18). С. 63–72.

Позняк Т.З. Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до гражданской войны: проблемы выживания и общественного призрения // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 193–205.

Синиченко В.В., Изаkson Р.А. Монгольский вопрос в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Иркутской области) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 134–137.

Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб.: Питер, 2006. 306 с.

Федорова Т.В., Степанов А.В. Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 134–144.

Чашин А. Военнопленные Первой мировой войны в Сретенске // Сретенский район: история и современность: сб. ст. и материалов. 2-е изд. Чита: Экспресс-издательство, 2009. С. 123–160.

Xu Guoqi. Great War. China's Pursuit of a New National Identity and Internationalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 316 p.

Сведения об авторе

Синиченко Владимир Викторович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин,
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
Россия, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Критерии авторства

В.В. Синиченко выполнил исследовательскую работу. На основании полученных результатов провел обобщения, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Novikov P.A. 2016. Regiments from Irkutsk in the battles of World War I: 7th and 12th Siberian rifle divisions in 1914–1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. No. 1 (18). Pp. 63–72. (In Russ.)

Poznyak T.Z. 2018. Refugees in Vladivostok from the First World to the Civil War: problems of survival and social care. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 14. No. 2. Pp. 193–205. (In Russ.)

Sinichenko V.V., Isakson R.A. 2016. The Mongolian Question during the First World War (based on the State Archive of the Irkutsk Region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 408. Pp. 134–137. (In Russ.)

Starkov B.A. 2006. Spy hunters. Counterintelligence of the Russian Empire 1903–1914. St. Petersburg: Peter. 306 p. (In Russ.)

Fedorova T.V., Stepanov A.V. 2017. Counterintelligence activities of the special Department of the Irkutsk provincial gendarme Department in the second half of the XIX – early XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh texnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory] Vol. 13. No. 4. P. 134–144. (In Russ.)

Chashhin A. 2009. Prisoners of war of the First World War in Sretensk. Sretensky area: history and modernity: collection of articles and materials. Chita: Express Publishing House. Pp. 123–160. (In Russ.)

Xu Guoqi. Great War. China's Pursuit of a New National Identity and Internationalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 316 p.

Information about the author

Vladimir V. Sinichenko,
Dr. Sci. (History), Professor,
Head of the Department of civil law disciplines,
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110 Lermontov Str., Irkutsk 664071, Russian Federation,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Attribution criteria

V.V. Sinichenko made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(571.51)«1919»

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-190-199>

Избирательная кампания 1919 г. в городские думы Енисейской губернии: подготовка, ход и итоги

© А.П. Дементьев

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия

Аннотация: В работе на основании широкого круга архивных документов и материалов периодической печати представлен системный анализ избирательной кампании 1919 г. в Енисейской губернии с учетом итогов выборов во всех уездных городах. Это позволяет расширить представление о причинах поражения антибольшевистских сил в регионе. Существенное влияние на ход и результаты избирательной кампании оказали нормы нового законодательства, ограничения избирательных прав для военнослужащих, всевластие военщины, предвзятое отношение офицерского состава к социалистам. Агитация просоциалистических сил ограничивалась. В 1919 г. политические партии уже не имели ресурсов для самостоятельного участия в выборах, поэтому характерным для избирательной кампании стало создание широкой коалиции политических сил и общественных организаций. Голосование проходило в условиях массового абсентеизма горожан, явка на выборы колебалась от 8 до 33 процентов. Результаты голосования свидетельствовали о резком падении популярности социалистов; выросло влияние право-либеральных элементов: кадетов и домовладельцев. В итоге, позиционируя себя как представительные органы власти, отражающие интересы всех групп населения, городские думы, избранные в 1919 г., в реальности были оторваны от основной массы населения. В раздираемом противоречиями обществе они не могли превратиться в общепризнанный политический институт.

Ключевые слова: выборы, городские думы, избирательная кампания, Енисейская губерния, кадеты, социалисты, домовладельцы, гласные, агитация, абсентеизм

Информация о статье: Дата поступления 26 января 2019 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Дементьев А.П. Избирательная кампания 1919 г. в городские думы Енисейской губернии: подготовка, ход и итоги // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 190–199. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-190-199

Election campaign 1919 in the city dumas of the Yeniseisk gubernia: preparation, running, results

© Aleksandr P. Dement'ev

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract: The current paper presents a systematic analysis of the election campaign of 1919 in the Yeniseisk Gubernia, including the election results in all the uyezd towns. The research is based on the data from a wide range of archival documents and periodicals. It allows us to expand our understanding of the causes, which led to the defeat of the anti-Bolshevik forces in the region. A significant influence on the election campaign and its results was made by the new legislative norms, restrictions on the electoral rights for the military personnel, the absolute power of the military and a biased attitude of the officers to the socialists. Agitation of pro-socialist forces was restricted. In 1919, political parties no longer had the resources to participate in the elections independently, therefore a creation of a broad coalition of political forces and public organizations became a vivid characteristic of the election campaign. Voting took place in the conditions of mass absenteeism of citizens: the turnout ranged from 8 to 33 %. The voting results showed a sharp decline in the popularity of the socialists, whereas the influence of right-

liberals (the Cadets and the householders) increased. As a result, while the city dumas elected in 1919 presented themselves as representative bodies, which reflect the interests of all groups, in the reality they were cut off from the majority of the population. In the reality of full of contradictions society, they could not become a generally recognized political institute.

Keywords: elections, city dumas, election campaign, the Yeniseisk Gubernia, Cadets, Socialists, householders, members of the city дума, agitation, absenteeism

Article info: Received January 26, 2019; accepted for publication February 25, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Dement'ev A.P. 2019. Election campaign 1919 in the city dumas of the Yeniseisk gubernia: preparation, running, results. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 190–199. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-190-199

В исторической литературе утвердилось мнение, что органы местного самоуправления Сибири в годы революции 1917 г. и гражданской войны могли стать институциональной основой для интеграции общественных сил и как следствие превратиться в демократическую альтернативу большевизму. Поэтому изучение истории конструирования городских дум в 1919 г. в самый разгар русской междоусобицы позволяет расширить представление о причинах поражения антибольшевистских сил в регионе.

Исследования по истории местного самоуправления Сибири имеют обобщающий, общесибирский характер (Журавлев, 1998; Шиловский, 2003; Мышанский, 2004¹; Луков, 2005; Рынков, 2012; Чудаков, 2013; Шереметьева, 2016; 2017). Используемый авторами фактологический материал обрывочен и не дает представления о специфике ситуации в конкретных локальных социумах. Коллективная монография «История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX — начала XX века» (2006), выполненная под руководством М.В. Шиловского, лишь фиксирует самые общие тенденции. Слабо исследованной остается проблематика выборов в городские думы Енисейской губернии. Данная тема отражена, в первую очередь, в публикациях краеведческого характера, часть из которых имеет узкотерриториальный ха-

актер — посвящена истории отдельных городов (Крынштопа, 2003), нередко фактические ошибки, вызванные использованием небольшого количества источников. Так, Л.П. Бердников в книге «Вся красноярская власть: очерки истории местного советского управления и самоуправления (1917–1993)» указывает, что на выборах в Красноярскую городскую думу 1919 г. проголосовали всего 262 избирателя, что существенно расходится с данными источников (Бердников, 1996. С. 38). Различные аспекты участия политических партий в выборах 1919 г. отражены в публикациях А.В. Добровольского (2004), С.В. Канина (2006), А.А. Евстратчик и Г.М. Луцаевой (2018). Поэтому цель данной работы — представить системный анализ избирательной кампании 1919 г. в Енисейской губернии с учетом итогов выборов во всех уездных городах. Часть тезисов данного материала было апробировано на VIII краеведческих чтениях Красноярского края в 2016 г.²

Первые свободные, всеобщие, равные и прямые выборы в органы местного самоуправления Енисейской губернии состоялись летом 1917 г. В условиях массового революционного подъема активность избирателей колебалась от 34 до 60 %. Подавляющее количество мест гласных заняли со-

¹ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны: июнь 1918 – январь 1920 г.: дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2004. 239 с.
Myshansky A.A. Local governments of Siberia during the Civil War: June 1918 – January 1920: Dis. ... Candidate of Science (History). Omsk, 2004. 239 p.

² Дементьев А.П. Выборы 1919 г. в городские думы Енисейской губернии // Россия – Сибирь – Красноярский край: сборник материалов VIII Краеведческих чтений, Красноярск, 6 декабря, 2016 г. Красноярск, 2017. С. 159–167.

Dementiev A.P. Elections of 1919 to city dumas of the Yenisei province // Russia – Siberia – Krasnoyarsk Territory: a collection of materials of the VIII Local Lore Readings, Krasnoyarsk, December 6, 2016 Krasnoyarsk, 2017. p. 159–167.

циалисты, что свидетельствовало о выборе населением пути радикально-демократических преобразований, а не либеральных реформ (Дементьев, 2012). Тем не менее реализовать демократический потенциал представительные органы не успели. Придя к власти в ноябре 1917 г., большевики взяли курс на ликвидацию земства и городских дум, замену их Советами.

После свержения Советской власти в Сибири летом 1918 г. деятельность органов местного самоуправления была восстановлена на основе законодательства Временного правительства. Однако их эффективной работе мешал ряд обстоятельств. 27 июня 1918 г. согласно указу Западно-Сибирского комиссариата из состава городских дум были устранены члены партий большевиков и левых эсеров. Места леворадикальных гласных заняли кандидаты от других партий и общественных организаций пропорционально поданным летом 1917 г. голосам.

В обновленном составе Красноярской думы эсеры получили 34 места, что составляло 41 % от общего числа гласных; на втором месте по численности оказались кадеты: 28 гласных составляли 34 % (Знамя труда. 1918. 24 июля). В уездных центрах изменение состава городских дум привело к усилению правых элементов (кадетов и домовладельцев). Так, на 1 августа 1918 г. в Канской городской думе правые позиции занимали 13 гласных, что составляло половину ее состава, остальные 14 являлись эсерами и меньшевиками. Схожая ситуация сложилась в Енисейске (ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 10. Л. 47–48; Д. 11. Л.83).

В результате значительно ухудшился качественный состав гласных, неуклонно рос абсентеизм народных избранников. Как отмечала газета «Дело рабочего» характеризуя ситуацию в Красноярске: «Фракция эсеров оказалась качественно настолько слаба, что не решилась выдвинуть даже собственного городского головы и главное неаккуратно посещала собрания» (Дело рабочего. 1918. 1 сентября). Городским головой губернского центра стал лидер небольшой меньшевистской фракции А.П. Музыкин (фракция насчитывала 6 человек и составляла 7 % состава думы).

Таким образом, назревала необходимость проведения новых выборов. Еще 27 июня 1918 г. на экстренном совещании Красноярской городской думы было принято решение ходатайствовать во Временное Сибирское правительство о назначении досрочных думских выборов. Такой шаг гласные объясняли изменением настроений избирателей, несоответствием им нового состава думы (Воля Сибири. 1918. 30 июня). Новое голосование было назначено на декабрь 1918 г., однако провести его не удалось ввиду подготовки нового закона о выборах (Захаренко, 2017. С. 47).

27 декабря 1918 г. Временным Российским правительством адмирала А.В. Колчака были утверждены новые правила проведения выборов гласных городских дум. Основные положения закона касались уточнения круга лиц, не имевших права участвовать в выборах. Теперь избирать и быть избранными не имели права: монашествующие; люди, страдающие психическими заболеваниями и глухонемые; все категории заключенных, а также военнослужащие и чины милиции (Рынков, 2012. С. 138). Активный возрастной избирательный ценз повышался с 20 до 21 года, пассивный – до 25 лет, вводился одногодичный ценз оседлости. В результате существенно уменьшалось количество избирателей, особенно в городах, где располагались воинские гарнизоны. Так, если в Ачинске в 1917 г. право голоса имели 8145 человек, то в избирательные списки 1919 г. были включены только 3893 человека (Свободная Сибирь. 1919. 6 августа).

Сокращалось число гласных, избираемых в городские думы (Мышанский, 2004. С. 50). В Енисейской губернии их количество снизилось с 207 до 170. Как отмечает новосибирский историк В.М. Рынков, принятые изменения повышали требования к опыту кандидатов и должны были сделать городские представительные собрания более работоспособными (Рынков, 2012. С. 138).

Красноярск был разделен на пять многомандатных избирательных округов как город с численностью населения более 20 000 человек. В округах реализовывался принцип абсолютного большинства. От 1-го округа подлежали избранию 10 гласных, от 2-го – 10, 3-го – 11, 4-го – 16, 5-го – 18 (Тимофе-

ев, 2010. С. 16). Уездные города на округа не делились, там подлежало избранию от 25 до 30 гласных.

В историографии отсутствует единое мнение относительно используемой в 1919 г. модели выборов: часть исследователей, в том числе В.В. Мышанский (Мышанский, 2004. С. 50) и А.В. Дробченко (Дробченко, 2015. С. 244), указывают на применение принципа абсолютного большинства. Свою позицию авторы аргументируют фактами персонального голосования по избирательным округам. С другой стороны, В.М. Рынков, ссылаясь на текст закона от 27 декабря 1918 г., утверждает, что отдельные кандидаты не могли участвовать в выборах, закон регламентировал порядок составления и подачи только избирательных списков (Рынков, 2012. С. 156). Следовательно, по его мнению, выборы проходили по пропорциональной системе.

Наиболее аргументирована, на наш взгляд, точка зрения Д.Л. Шереметьевой. По мнению историка: «На введение мажоритарной избирательной системы власть не пошла, но два новшества принципиально меняли электоральные нормы. Первое заключалось во введении принципа «открытых списков». Теперь избиратель имел возможность голосовать за список целиком или выбирать кандидатов из разных списков. Второе новшество заключалось в изменении принципа подсчета голосов. Избирательные комиссии подсчитывали голоса, полученные каждым отдельно взятым кандидатом. Избранными считались те, кто получил большее число голосов, но не менее десятой части от общего их числа». (Шереметьева, 2017. С. 76).

По распоряжению Временного Российского правительства адмирала А.В. Колчака от 17 февраля городским управам поручалось немедленно начать выборное производство по новому закону. В их обязанности входило составление избирательных списков по городам и избирательным участкам. В Красноярске дата выборов была назначена на 31 августа, в Канске – 1 июня, Енисейске – 15 июня, Ачинске и Минусинске – 20 июля. Но условия гражданской войны вносили коррективы в сроки выборов. Активные боевые действия колчаковских войск с партизанскими отрядами в Урян-

хайском крае заставили перенести дату выборов в центре Минусинского уезда. В июле, по сообщению газеты «Минусинский край», значительная часть избирателей и самих гласных находилась на фронте; выборы были назначены на 20 августа 1919 г. (Минусинский край. 1919. 2 июля).

Избирательная кампания стартовала летом 1919 г. и наиболее активно проводилась в губернском центре. В уездных городах выборы прошли тихо и малозаметно. Ни одна из политических партий не решилась на самостоятельное и открытое участие в выборах, сказывалась слабость парторганизаций, снижение их влияния и авторитета среди населения. Характерным для выборной кампании 1919 г. стало создание широкой коалиции политических сил и общественных организаций. Праволиберальные силы охотно шли на союзы с домовладельцами, религиозными и национальными объединениями, в то время как левые активнее сотрудничали с квартиранимателями и профессиональными союзами.

В Красноярске основная борьба развернулась между «Союзом народных организаций» и «Блоком демократических и профессиональных организаций». Официальные данные о политических позициях кандидатов отсутствуют. Однако путем сравнения списков 1919 г. с партийными списками 1917 г. можно сделать вывод об их политической ориентации.

Среди кандидатов от «Союза народных организаций» доминировали кадеты, они составляли половину списка. Кроме них в данное объединение входили члены организаций казаков, мещан, старообрядцев, мусульман, торгово-промышленников, домовладельцев (Енисейский вестник. 1919. 24 августа). Своих кандидатов союз выставил в четырех из пяти избирательных округов Красноярска. Кроме того, Союз активно поддерживал список общества «Арендатор», заявив через свою газету «Свободная Сибирь», что по Николаевской слободе он не вступает с ним в конкуренцию (Свободная Сибирь. 1919. 30 августа). «Лицо» второго списка определяли умеренные социалисты: девять эсеров, два меньшевика, в общей сложности составляли 17 % кандидатов. Участники «Блока

демократических и профессиональных организаций» были представлены во всех округах города. Отдельными списками выступили союзы сибиряков-автономистов, квартиро- и коммунанимателей (ГАКК. Оп. 2. Д. 218. Л. 20–23).

В Канске, право-либеральные силы были представлены республиканско-прогрессивной группой. Треть кандидатов от данного объединения участвовала в выборах 1917 г. под тем же названием. Тогда группа представляла домовладельцев, вышедших из партии Народной свободы (Наш голос. 1917. 12 августа). Социалистическую окраску имел список трудовой группы. Кроме них в выборах участвовали мещане, а также союз квартиронанимателей и коммунанимателей (Канский вестник. 1919. 20 мая).

В Ачинске кадеты приняли участие в коалиционном списке «Объединившихся с союзом домовладельцев организаций: мещан, казаков, церковных прихожан, мусульман, торгово-промышленников, поляков, извозчиков». Из 25 кандидатов: девять, то есть 36 % являлись кадетами, партийность остальных не установлена. В «Блоке трудящихся и квартиронанимателей» семь человек (28 %) принадлежали к партии эсеров (ГАКК. Оп. 2. Д. 217. Л. 80–82). Самостоятельный список выставила еврейская община города.

Политическая борьба в Минусинске разгорелась между списками: домовладельцев, «Объединенных демократических организаций» и «Группы делового соглашения». Если первый представлял право-либеральный лагерь, то второй объединял социалистов: пять из 22 кандидатов в 1917 г. выступали на стороне эсеров (23 %). История «Группы делового соглашения» берет начало в октябре 1918 г., когда в Минусинске была сделана попытка произвести перевыборы городской думы. Из 35 кандидатов, представленных тогда в списке: девять относились к энесам, два к эсерам; в общей сложности представители партий составляли 31 %. В 1919 г. численность партийцев снизилась до шести (четыре – энеса, два эсера), что составило 20 % списка (Минусинский край. 1919. 9 августа). В Енисейске были зарегистрированы списки: союза домовладельцев, мещанского общества, «Группы

трудовой интеллигенции» и общества милосердия (ГАКК. Оп. 2. Д. 57. Л. 5–8).

Обращает на себя внимание резкое снижение числа кандидатов женщин, по сравнению с 1917 г. Тогда в Енисейской губернии женщин, баллотирующихся в городские думы насчитывалось 35 человек, в 1919 г. только одна. На данную ситуацию обратила внимание общественно-политическая газета «Канский вестник». В статье «Пробел» неизвестный автор констатировал, что данная ситуация негативно скажется на хозяйстве города, так как только женщины, обладающие «чувством изящного и большей отзывчивостью к страданиям голодного» могли эффективно решать вопросы: здравоохранения, образования, общественного питания, благоустройства (Канский вестник. 1919. 27 мая).

Если избирательная кампания 1917 г. строилась на обещаниях скорого разрешения всех проблем, то к 1919 г. подобный подход стал неактуальным. В своей программе представители «Союза народных организаций» Красноярска писали, что «достижение значительного улучшения в настоящей чрезвычайно тяжелой жизни Союз считает ни для себя, ни для всякой другой организации города решительно невозможным». Своими основными задачами Союз определял: восстановление финансов города и восстановление нормальной деятельности городского самоуправления, борьбу с безработицей, дороговизной продуктов питания, спекуляцией, голодом и падением производительности труда, предоставление земли в собственность по справедливой оценке (Свободная Сибирь. 1919. 31 августа).

В сфере конкретных городских вопросов Минусинская «Группа делового соглашения» выступала: за оптовую заготовку хлеба, организацию общественного производства предметов массового потребления, прогрессивно-подходящий налог, сохранение всех видов косвенного налога, прекращение продажи городских земельных участков в частную собственность, передачу в ведение города всех пустующих земель, открытие в городе средне-технического и низшего ремесленного училища по кожевенному, пимокатному и другим производствам, установление всеобщего обяза-

тельного обучения, оказание бесплатной медицинской помощи беднейшей части населения, завершение строительства Ачинско-Минусинской железной дороги (Минусинский край. 1919. 6 августа; 8 августа).

Агитация право-либеральных сил строилась на критике социалистов и их деятельности в 1917 г. Именно социалистов «Союз народных организаций» считал главными виновниками царившей разрухи. «Социализм убивает частную предприимчивость, понижает производительность труда и общее благосостояние народа, разжигает классовую вражду и, обостряя взаимное непонимание, ведет к гражданской войне» – указывала газета «Свободная Сибирь» (Свободная Сибирь. 1919. 30 августа).

Свою привлекательность в глазах избирателей либералы стремились поднять за счет персонального состава кандидатов. В газетных публикациях неоднократно описывались их местное происхождение, опыт работы в городском самоуправлении, заслуги в общественной и культурной жизни города. Так, согласно агитационным заявлениям участников минусинской «Группы делового соглашения» в объединение входили популярные общественные деятели и специалисты по различным областям: инженеры, техники, врачи, агрономы, учителя, кооператоры (Минусинский край. 1919. 19 июля).

Списки оппонентов, наоборот, критиковались за неизвестность имен, малозначительность их вклада в жизнь города (Свободная Сибирь. 1919. 27 августа). В ходе предвыборной борьбы минусинская «Группа делового соглашения» активно обвиняла конкурентов в неспособности взять на себя заботы о городском хозяйстве. Список домовладельцев критиковался за отсутствие известных для населения деятелей. В свою очередь, отдельные участники «Объединенных демократических организаций» порицались за приверженность к большевизму и бандитизму. «Человек, может быть, при теперешней дороговизне сапог не изнасил, в которых ходил воровать, а его уже в городскую думу ташат», – отзывался «Минусинский

край» о кандидате В.Г. Солдатове (Минусинский край. 1919. 19 июля).

Существенное влияние на ход агитационной кампании оказывали всевластие военных, предвзятое отношение многих офицеров к социалистам; предвыборная борьба проходила в недемократичных условиях. Так, в Красноярске военными властями была закрыта газета «Блока демократических и профессиональных организаций», запрещены несколько встреч кандидатов с избирателями. «Стеснение» предвыборной агитации Блока заставило общественных деятелей обратиться в Красноярский окружной суд с требованием отменить результаты голосования. По их мнению, «такое вмешательство органов власти в ту стадию избирательной кампании, когда формируется общественное мнение в горниле столкновений борющихся групп лишило красноярские выборы правильного и полного волеизъявления избирателей». Суд оставил данную жалобу без удовлетворения (ГАКК. Оп. 2. Д. 218. Л. 14–16). Даже политические противники Блока кадеты вынуждены были признать, что закрытие газеты оппонентов акт «нецелесообразный с государственной точки зрения» (Свободная Сибирь. 1919. 3 сентября).

Голосование проходило в условиях массового абсентеизма горожан. В большинстве сибирских городов на избирательные участки пришли не более 7–10 % имеющих право голоса (Добровольский, 1998. С. 249–253). В Красноярске проголосовало 2500 человек, что составило 8 % от общего числа избирателей (ГАКК. Оп. 2. Д. 218. Л. 14). В итоге либеральная газета «Свободная Сибирь» указывала, что выборы «не могут нам выразить подлинное лицо всей избирательной массы» (Свободная Сибирь. 1919. 3 сентября). Более активно, чем в целом по Сибири, участвовали в выборах жители уездных городов. В Канске отдали голоса 22 % избирателей, в Ачинске – 33 %, в Минусинске – 15 %, в Енисейске – 28 % (ГАКК. Оп. 2. Д. 60. Л. 22, 43, 51, 70).

Результаты голосования, как и в целом по Сибири, свидетельствовали о резком падении популярности социалистов, доминировавших в прежних составах городских дум; выросло влияние

право-либеральных элементов: кадетов и домовладельцев. В Красноярске убедительную победу одержал «Союз народных организаций». Достигнув преобладания в четырех из пяти избирательных округов города, союз получил 47 мест гласных,

что составило 72 % от всего состава думы (табл.). Из списка арендаторов, победивших в пятом избирательном округе, отправлено в думу 18 представителей (28 %). Остальные не добились достаточного количества голосов (ГАКК. Оп. 2. Д. 60. Л. 63).

Таблица
Распределение мест гласных в городских думах Енисейской губернии по результатам выборов в 1919 г.
Table
Distribution of seats in the city dumas of the Yeniseisk Gubernia by the results of elections in 1919

Города	Красноярск	Канск	Ачинск	Минусинск	Енисейск
	<i>Кол. / проц.</i>	<i>Кол./проц.</i>	<i>Кол./ проц.</i>	<i>Кол./ проц.</i>	<i>Кол./ проц.</i>
Списки кандидатов в гласные					
Союз народных организаций	47 / 72				
Блок демократических и профессиональных организаций					
Арендаторы	18 / 28				
Сибиряки-автономисты					
Комнатополномоченные					
Республиканско-прогрессивная группа		24 / 96			
Трудовая группа					
Мещане		1 / 4			2 / 8
Объединившиеся с союзом домовладельцев организации: мещан, казаков, церковных прихожан; мусульман, торгово-промышленников, поляков, извозчиков			25 / 100		
Еврейская община					
Домовладельцы				14 / 47	12 / 50
Объединенные демократические организации					
Группа делового соглашения				16 / 33	
Группа трудовой интеллигенции					8 / 33
Общество милосердия					2 / 8

В Канске абсолютную поддержку избирателей получила республиканско-прогрессивная группа. Её члены заняли 24 места гласных из 25 (96 %). Всего один гласный прошел по списку канских мещан (ГАКК. Оп. 2. Д. 60. Л. 22). В Ачинске 51 % избирателей проголосовал за «Блок объединившихся с союзом домовладельцев организаций: мещан, казаков, церковных прихожан; мусульман, торгово-промышленников, поляков, извозчиков»; 25 % отдали голоса «Блоку трудящихся и квартирнанимателей» и 20 % – списку еврейской общины. В результате все 25 мест гласных заняли представители широкой коалиции правых общественных организаций, среди них девять человек являлись кадетами, остальные 16 беспартийными (Ачинский край. 1919. 24 июля; ГАКК. Оп. 2. Д. 60. Л. 43).

В Минусинске домовладельцы и «Группа делового соглашения» разделили голоса избирателей: первые отправили в думу 14 гласных, вторые – 16. Пеструю картину представляли результаты выборов в Енисейске. Здесь список домовладельцев получил – 12 мест гласных, «Группа трудовой интеллигенции» – 8, мещанское общество – 3, общество милосердия – 2 (ГАКК. Оп. 2. Д. 60. Л. 70).

Библиографический список

Бердников Л.П. Вся Красноярская власть: очерки истории местного советского управления и самоуправления. (1917–1993). Факты, события, люди. Красноярск, 1996. 320 с.

Дементьев А.П. Итоги избирательной кампании 1917 г. в городские думы Енисейской губернии // В мире научных открытий. Красноярск, 2012. № 7. 1 (31). Гуманитарные науки. С. 43–54.

Добровольский А.В. К вопросу о выборах в городские самоуправления Сибири в 1919 году и провале тактики блока демократических сил // Проблемы истории местного самоуправления Сибири. XVII–XX вв. Новосибирск, 1998. Вып. 3. С. 249–253.

Добровольский А.В. Об эволюции тактики правых эсеров Сибири в 1919 г. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 1 (38). С. 127–132.

Дробченко В.А. Органы местного самоуправления в Томской губернии в период гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2015. 6 (2). С. 241–247.

В целом по губернии, право-либеральные элементы составили абсолютное большинство гласных в новом составе городских дум – 126 из 170, то есть 74 %. Кандидаты от просоциалистических списков заняли всего 8 мест (5 %). Остальные 36, то есть 21 % депутатов, формально находились на внепартийных позициях и защищали свои узкогрупповые интересы.

Таким образом, позиционируя себя как представительные органы власти, отражающие интересы всех групп избирателей, городские думы, избранные в 1919 г., в реальности, были оторваны от основной массы населения. Победа правых сил в губернии, которая в 1917 г. отмечалась радикальными настроениями, стала возможной только в условиях массового абсентеизма горожан. Тем самым большинство населения выражало свое недовольство или безразличие к происходящим событиям. В раздираемом противоречиями обществе, данные органы городского самоуправления не могли превратиться в общепризнанный институт, олицетворяющий гражданское единение.

References

Berdnikov L.P. 1996. All Krasnoyarsk authorities: essays on the history of local Soviet government and self-government. (1917–1993). Facts, events, people. Krasnoyarsk. 320 p. (In Russ.)

Dementev A.P. 2012. The results of the election campaign of 1917 in the city dumas of the Yeniseisk Gubernia. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific discoveries]. Krasnoyarsk. No. 7. 1 (31). *Gumanitarnyye nauki* [Humanitarian sciences]. Pp. 43–54. (In Russ.)

Dobrovolskiy A.V. 1998. On the question of the elections to the municipal governments of Siberia in 1919 and the failure of the democratic forces' tactics. *Problemy istorii mestnogo samoupravleniya Sibiri. XVII–XX* [Problems of local government of Siberia. XVII – XX centuries]. Novosibirsk. Iss. 3. Pp. 249–253. (In Russ.)

Dobrovolskiy A.V. 2004. On the evolution of tactics of the right SRs of Siberia in 1919. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Kuzbass State Technical University journal]. No. 1 (38). Pp. 127–132. (In Russ.)

Drobchenko V.A. 2015. Local authorities in the Tomsk Gubernia during the civil war (1918 –1919). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kuzbass State Technical University journal]. Kemerovo.

Журавлев В.В. Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 148–152.

Захаренко О.О. Проблема формирования института выборов на начальном этапе гражданской войны в июне 1918 года (на примере восстановления Красноярской городской думы) // Избирательное право и избирательный процесс: проблемы и перспективы. Сборник материалов научно-практической конференции. Курган, 2017. С. 44–48.

Евстратчик А.А., Лушчаева Г.М. Конституционные демократы Красноярска в борьбе за власть в период гражданской войны (июнь – февраль 1920 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 3 (33). С. 91–96.

История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / М.В. Шиловский и др. Новосибирск, 2006. 351 с.

Канин С.В. Развитие местного самоуправления в Енисейской губернии в 1917–1920 гг. // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2006. Вып. 12. С. 365–369.

Крынштопа Н.С. Город над Каном. Красноярск, 2003. 175 с.

Луков Е.В. К вопросу об изменении закона о выборах гласных городских дум Российским правительством А.В. Колчака // История белой Сибири: Материалы VI Междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 132–135.

Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и Гражданской войны. Новосибирск, 2012. С. 95–126.

Тимофеев А.Н. Последние гласные Красноярска (август 1919 – январь 1920) // Сибирский исторический альманах. Том 1. Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 14–18.

Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013. 423 с.

Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. 428 с.

Шереметьева Д.Л. Электоральная политика российской контрреволюции (июнь 1918 – декабрь 1919

№. 6 (2). Pp. 241–247. (In Russ.)

Zhuravlev V.V. 1998. The idea of popular representation during the Kolchak dictatorship. *Regionalnyye protsessy v Sibiri v kontekste rossiyskoy i mirovoy istorii* [Regional processes in Siberia in the context of Russian and world history]. Novosibirsk. Pp. 148–152. (In Russ.)

Zakharenko O.O. 2017. The problem of forming an institution of elections at the initial stage of the civil war in June 1918 (on the example of the Krasnoyarsk Duma restoration. *Izбирatelnoye pravo i izбирatelnyy protsess: problemy i perspektivy. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Suffrage and electoral process: problems and prospects. Collection of materials of the scientific-practical conference]. Kurgan. Pp. 44–48. (In Russ.)

Evstratichik A.A., Lushchayeva G.M. 2018. Constitutional Democrats of Krasnoyarsk struggling for power during the civil war (June – February 1920). *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of socio-economic development of Siberia]. No. 3 (33). Pp. 91–96. (In Russ.)

Shilovskiy M.V. 2006. The history of local authorities in Siberia in the second half of the XIX – early XX century. Novosibirsk. 351 p. (In Russ.)

Kanin S.V. 2006. The development of local authorities in the Yeniseisk Gubernia in 1917–1920. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [The Bulletin of KrassGAU]. Iss.12. Pp. 365–369. (In Russ.)

Krynshhtopa N.S. 2003. City over the Kan. Krasnoyarsk. 175 p. (In Russ.)

Lukov E.V. 2005. To the question of changing the electoral law of members of the city duma by the Russian government headed by A.V. Kolchak. *Istoriya beloy Sibiri. Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf.* [The history of White Siberia: Proceedings of the VI Intern. scientific conf.]. Kemerovo. Pp. 132–135. (In Russ.)

Rynkov V.M. 2012. Local authorities in the anti-Bolshevik camp in eastern Russia (mid 1918 – end 1922). *Politicheskiye sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Political systems and regimes in the east of Russia during the Revolution and the Civil War]. Novosibirsk. Pp. 95–126. (In Russ.)

Timofeyev A.N. 2010. Last members of the city duma of Krasnoyarsk (August 1919 – January 1920). *Sibirskiy istoricheskiy almanakh* [Siberian historical almanac]. Krasnoyarsk. Vol. 1. *Grazhdanskaya vojna v Sibiri* [Siberian Civil War]. Pp. 14–18. (In Russ.)

Chudakov O.V. 2013. City government in Siberia during the World War I and the period of social cataclysms (July 1914 – first half of 1918). Omsk. 423 p. (In Russ.)

Shilovskiy M.V. 2003. Political processes in Siberia in the period of social cataclysm of 1917–1920. Novosibirsk. 428 p. (In Russ.)

Sheremeteyeva D.L. 2017. Electoral policy of the Russian counter-revolution (June 1918 – December 1919).

года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 8. История. С. 72–83.

Шереметьева Д.Л. Электоральное поведение горожан Сибири на начальном этапе Гражданской войны (июль – ноябрь 1918 г.) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2016. № 3 (11). С. 184–195.

Сведения об авторе

Дементьев Александр Петрович,

кандидат исторически наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89,
e-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Критерии авторства

А.П. Дементьев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Vestnik NSU. Ser. Istoriya. Filologiya. Vol. 16. No. 8. Istoriya. Pp. 72–83. (In Russ.)

Sheremetyeva D.L. 2016. Electoral behavior of citizens of Siberia at the initial stage of the civil war (July – November 1918). *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskiye nauki* [Bulletin of Omsk University. Ser. Historical Science]. No. 3 (11). Pp. 184–195. (In Russ.)

Information about the author

Aleksandr P. Dement'ev,

Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of National History,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev,
89 Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk 66004989, Russian Federation,
e-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Attribution criteria

A.P. Dementev carried out research work, summarized obtained data and prepared the manuscript for printing, has an author's right to the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 929(571.1/.5)«1917/1944»

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-200-208>

Юристы времен «Белой Сибири» Н.И. Дмитраш и П.Я. Сечкин: штрихи к биографии (по архивным источникам)

© С.П. Звягин^а, С.В. Макаrchук^б

^а Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово, Россия

^б Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация: Статья посвящена двум выпускникам юридического факультета Императорского Московского факультета Павлу Яковлевичу Сечкину (1875–1943) и Николаю Ивановичу Дмитрашу (1880). Пору их профессиональной реализации пришлось на время революций 1917 г. и Гражданской войны (1918–1922 гг.). Основой для ее написания послужили документы, выявленные в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ), Государственном архиве Томской области (ГАТО), Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) и Государственном архиве Приморского края ГАПК), периодике. Получив высшее юридическое образование они долгое время работали по специальности. П.Я. Сечкин занимал различные посты в судебном ведомстве в городах Сибири. После революции 1917 г. он с семьей был вынужден эмигрировать в Маньчжурию (Китай). Здесь он занимал невысокие посты в управлении Китайско-Восточной железной дороге, был безработным. Из заполненных им документов можно узнать о наличии среди эмигрантов осведомителей. Преподавателем правовых дисциплин Государственного Дальневосточного университета стал Н.И. Дмитраш. Он занимался не только преподавательской, научно-исследовательской работой, но и комплектованием библиотеки юридической литературой, а также активной общественно-политической деятельностью во Владивостоке и Приморье. Оставшуюся часть жизни Н.И. Дмитраш провел в эмиграции. Судьба этих двух юристов и их семей – лишь часть наших знаний о жизни россиян в первой четверти XX в.

Ключевые слова: архивы, источники, П.Я. Сечкин, Н.И. Дмитраш, юрист, Сибирь, революция, Гражданская война, эмиграция, семья, безработица

Информация о статье: Дата поступления 7 июля 2019 г.; дата принятия к печати 12 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Звягин С.П., Макаrchук С.В. Юристы времен «Белой Сибири» Н.И. Дмитраш и П.Я. Сечкин: штрихи к биографии (по архивным источникам) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 200–208. DOI: [10.21285/2415-8739-2019-3-200-208](https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-200-208)

Lawyers of the times of “White Siberia” N.I. Dmitrash and P.Ya. Sechkin: touches on biography (according to archival source)

© Sergey P. Zvyagin^а, Sergey V. Makarchuk^б

^а Kemerovo state medical University, Kemerovo, Russian Federation

^б Kemerovo state University, Kemerovo, Russian Federation

Abstract: The article deals with two graduates of the Law Faculty of the Imperial Moscow Faculty Pavel Yakovlevich Sechkin (1875–1943) and Nikolai Ivanovich Dmitrash (b. 1880). The time of their professional realization came during the Revolutions of 1917 and the Civil War (1918–1922). The basis for its writing was the documents identified in the Central Historical Archive of Moscow, the State Archive of Tomsk Region, the State Archive of Khabarovsk Krai and the State Archive of Primorsky Krai, and periodicals. Having received higher legal education, they worked for a long time on purpose. P.Ya. Sechkin held various posts in the Judicial Department in the cities of Siberia. After the 1917 Revolution, he and his family were forced to emigrate to Manchuria (China). Here he held low positions in the management of China-Eastern Railway, was unemployed. Based on his written

documents someone can learn about the presence of the informants among immigrants. N.I. Dmitrush became a teacher of legal disciplines at the State Far Eastern University. He was engaged not only in teaching, research work, but also in completing the library with legal literature, as well as active social and political activities in Vladivostok and Primorie. N.I. Dmitrash spent the rest of his life in exile. The fate of these two lawyers and their families is only part of our knowledge about the life of Russians in the first quarter of the XX century.

Keywords: archives, sources, P.Ya. Sechkin, D.I. Dmitrash, lawyer, Siberia, revolution, Civil War, emigration, family, unemployment

Article info: Received July 7, 2019; accepted for publication August 12, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Zvyagin S.P., Makarchuk S.V. 2019. Lawyers of the times of "White Siberia" N.I. Dmitrash and P.Ya. Sechkin: touches on biography (according to archival source). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 200–208. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-200-208

Оба героя нашей статьи посвятили свою жизнь юриспруденции. В наши дни актуальной проблемой стало формирование в России правового государства и гражданского общества. Значительную роль в этом процессе могут сыграть высшие учебные заведения, особенно их профессорско-преподавательский состав, в первую очередь, правоведы. Об этом авторы уже имели возможность высказаться С.П. Звягин, С.В. Макаrchук, Д.Р. Тимербулатов (Звягин, Макаrchук, Тимербулатов, 2017), В.В. Сонин (Сонин, 2008).

Имеет смысл привести в контексте нашей темы региональный пример. В конце XIX – начале XX в. на огромной территории от Урала до Тихого океана функционировал лишь Томский университет. В условиях Гражданской войны активизировались разговоры и действия о создании еще одного университета, которым 27 октября 1918 г. стал Иркутский университет.

Общественность Дальнего Востока несколько лет вынашивала мысль о создании в регионе университета. Идея имела под собой определенную почву – во Владивостоке почти 20 лет успешно работал Восточный институт. Он был основан 21 октября 1899 г. как институт восточных языков и стран с целью подготовки кадров для административных и торгово-промышленных учреждений дальневосточного региона.

С 1918 г. Восточный институт, не справившись с финансовым крахом, начал распадаться. На базе этого института стали образовываться частные вузы (историко-филологический факультет, высший политехникум, юридический факультет, вос-

точный факультет). Все они возглавлялись бывшими профессорами Восточного института.

17 апреля 1920 г. временное правительство региона – Приморская областная земская управа – своим постановлением № 220 объединило Государственный Восточный институт и все отделившиеся его факультеты в Государственный дальневосточный университет (ГДУ) (История Дальневосточного..., 1999. С. 41).

У исследователей нет единого мнения, как это произошло. По сведениям Т.А. Орнацкой, первое заседание Комитета по учреждению во Владивостоке юридического факультета состоялось 30 мая 1919 г., его председателем был избран профессор Восточного института Н.И. Кохановский, а секретарем – Н.И. Дмитраш. Комитет поставил перед собой цели изыскания средств на учреждение во Владивостоке юридического факультета, разработки устава и проекта плана обучения, подбора профессорско-преподавательского состава и обеспечение учебными пособиями (Орнацкая, 2015. С. 153; Норкина, 2015¹).

По мнению В.В. Сониной, в 1919 г. при Восточном институте был создан частный юридический факультет, на котором работали преподаватели-

¹ Норкина А.В. «Первые шаги» юридического образования в ГДУ // http://www.rusnauka.com/47_NIO_2015/Istoria/2_205006.doc.htm/ (Дата обращения: 25 июня 2019 г.).
Norkina A.V. «First steps» of legal education in the SDU http://www.rusnauka.com/47_NIO_2015/Istoria/2_205006.doc.htm/ (Accessed: June 25, 2019).

правоведы: Н.П. Таберно, Н.Н. (правильнее Н.И. – С.З., С.М.) Кохановский, Н.И. Дмитраш и др. (Сонин, 2003).

Можно обратиться к периодической печати. 30 июля 1919 г. «Дальневосточное обозрение» известило читателей о создании во Владивостоке объединенной комиссии по учреждению университета. Её возглавил присяжный поверенный Ф.Ф. Вальден. В составе комиссии был и Н.И. Дмитраш (Дальневосточное обозрение. Владивосток, 1919. 30 июля).

По нашим сведениям, Николай Иванович связал свою судьбу с Владивостоком в 1914 г. В Восточном институте он читал такие курсы как консульское право, теорию государственного и международного права.

Н.И. Дмитраш выразил согласие работать в Государственном Дальневосточном университете (Дальневосточное обозрение. Владивосток, 1919. 17 сент.; 5, 21 сент.). Здесь он читал курсы: общая теория права, история философии права (Дмитраш, 1919). Н.И. Дмитраш как один из первых правоведов университета упомянут в обобщающей статье В.Г. Макаренко по истории вуза (Макаренко, 2014. С. 11).

Н.И. Дмитраш занимался привлечением в молодой вуз квалифицированных специалистов. В частности, переговоры о приезде С.П. Никонова велись не один год. Еще в середине сентября 1917 г. одна из владивостокских газет сообщила о согласии С.П. Никонова читать юридический курс в местном вузе (Голос Родины. Владивосток, 1919. 17 сент.). Сохранилась телеграмма профессора права С.П. Никонова из Иркутска во Владивосток на имя Н.И. Дмитраша от 30 ноября 1919 г. В ней говорилось о том, что ученый выедет из Иркутска при первой возможности (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 40. Л. 15). Через месяц в Иркутск вошли части 5-й Красной Армии, но профессору удалось покинуть город.

Если Сергей Павлович Никонов приехал, то Н.И. Дмитраш собирался уезжать. В связи с его отъездом в зарубежную командировку читать административное право поручили В.В. Энгельфельду. Об этом можно узнать из «рапорта» профессо-

ра В.В. Энгельфельда декану факультета общественных наук университета от 24 сентября 1920 г. (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 64. Л. 24).

Впоследствии у Н.И. Дмитраша возникла необходимость задержаться за границей. В приказе по отделу народного просвещения Временного Приамурского правительства от 2 мая 1922 г. содержалось разрешение Н.И. Дмитрашу продлить заграничную командировку до 23 мая. Ректор университета уведомил об этом декана факультета общественных наук уже 3 мая (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 12. Л. 1–1 об.).

Наряду с научно-педагогической деятельностью Н.И. Дмитрашу было поручено заведовать библиотечным фондом. Он принимал определенные меры к его упорядочению и сохранности. Так, 17 сентября 1920 г. Николай Иванович выступил на заседании правления Дальневосточного государственного университета. Он проинформировал собравшихся о том, что декан Восточного факультета Е.Г. Спальвин уезжает в США, а у него «на руках» находятся 198 вузовских книг, журналов и газет. Н.И. Дмитраш обратился к участникам заседания с просьбой «надо уговорить вернуть» Е.Г. Спальвина библиотечные издания (ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 1. Л. 112).

6 декабря 1920 г. на заседании правления Дальневосточного государственного университета он, как заведующий библиотекой факультета общественных наук, принял под свою ответственность книги и библиотечные карточки (ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 1. Л. 172). Но уже 4 февраля 1921 г. на заседании правления вуза в связи с убытием Н.И. Дмитраша обязанности заведующего библиотекой факультета общественных наук были переданы его помощнице – А.И. Дмитраш (ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 4. Л. 14 об.). Ещё предстоит узнать, кем эта женщина доводится нашему герою.

Н.И. Дмитраш не принял советскую власть. Более того, он пошел служить в стан ее врагов. По сведениям Н.А. Бутенина, в 1918 г. Н.И. Дмитраш был советником по иностранным делам в антибольшевистском Временном правительстве автономной Сибири правого социалиста-революцио-

нера П.Я. Дербера (Бутенин, 1986. С. 145)². Он придерживался левых политических взглядов и стоял во главе объединенной группы Трудовых народных социалистов Владивостока (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 12. Л. 41).

На 18 января 1919 г. в городе намечалось открытие Дальневосточного краевого съезда земств и городов. Предполагался и доклад нашего героя «О компетенции и пределах власти земского и городского самоуправления» (Сибирская жизнь. Томск, 1919. 21 янв.).

28 июня 1920 г. во Владивостоке был создан коалиционный Совет управляющих ведомствами. В него вошли коммунисты П.М. Никифоров и И.Г. Кушнарев, народные социалисты Я.С. Якум и Н.И. Дмитраш, кадет В.А. Виноградов, цензовики И.И. Циммерман, Б.Ю. Бриннер, Б.Я. Исаакович и беспартийный (бывший Главнокомандующий войсками Уфимской Директории, генерал-лейтенант – С.З., С.М.) В.Г. Болдырев (Кокоулин, 2005. С. 263).

Некоторое время Н.И. Дмитраш исполнял обязанности управляющего отделом юстиции Приморской областной земской управы (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 12. Л. 11).

Нами выявлена некоторая информация о частной жизни Николая Ивановича в годы его работы в вузе. Так, 20 мая 1920 г. на заседании правления Государственного Дальневосточного университета он хлопотал о предоставлении ему для проживания учебной аудитории № 4 сроком на каникулы. Дело было в том, что надо оставить занимаемую квартиру. Настолько тяжелым был тогда жилищный вопрос. Участники заседания удовлетворили его просьбу (ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 1. Л. 14 об.).

Продолжение этой темы последовало вскоре. 1–2 октября 1920 г. Н.И. Дмитраш на заседании правления ГДВУ просил о предоставлении ему

квартиры в университете. Его прошение было отклонено (ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 1. Л. 123). Очевидно, такое решение было принято в связи с его предстоящим отъездом в заграничную командировку.

Николай Иванович Дмитраш родился в 1880 г. Учился в Санкт-Петербургском и Московском университетах (Дальневосточное обозрение. Владивосток, 1919. 17 сент.; Дальний Восток. Владивосток, 1917. 5, 21 сент.). Нам оказалось доступно тонкое, по объему, «дело» студента юридического факультета Императорского Московского университета Н.И. Дмитраша.

В нём хранится несколько документов. В частности, московский градоначальник (генерал-майор А.А. Адрианов (Балязин, 1997. С. 19) – С.З., С.М.) подписал 28 сентября 1910 г. свидетельство. Оно было дано «вследствии прошения студенту Императорского Московского университета Н.И. Дмитрашу для предоставления при поступлении на военную службу о том, что проситель, проживая в Москве с 1909 г. по настоящее время под судом и следствием не был, и ныне не состоит, и ни в чем предосудительном полицией не замечен».

После окончания курса наук Н.И. Дмитраш подал 15 ноября 1910 г. прошение о допуске к испытательной комиссии в январе 1911 г. Прошение держать экзамены от него последовало 4 марта 1911 г. Диплом 2-й степени был присужден ему 20 мая 1911 г. Документ был подготовлен и подписан 4 июня 1912 г. Видимо, Николая Ивановича в то время не было в Москве. От него 22 июня 1912 г. последовало прошение о высылке ему диплома (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 469. Д. 715. Л. 1–2, 4, 7, 10–11).

Н.И. Дмитраш вступил в сословие помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, служил в юридической части Министерства путей сообщения. Во время деятельности Первой Государственной думы он вел стенограммы ее заседаний. Николай Иванович – составитель и редактор издания журнала «Сеятель» с третьего номера (данный духов-

² Бутенин Н.А. Крушение эсеро-меньшевистской контрреволюции на Дальнем Востоке (октябрь 1917–ноябрь 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1986. 207 с.
Butenin N. A. The collapse of the socialist-revolutionary-Menshevik counter-revolution in the Far East (October 1917–November 1918): Dis. ... cand. hist. sciences'. Tomsk, 1986. 207 p.

ный листок издавался в Санкт-Петербурге с 1908 г. – С.З., С.М.).

Из своей зарубежной командировки, о которой мы писали, Н.И. Дмитраш на Родину не вернулся. Последние годы Николай Иванович жил в Китае и США (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 12. Л. 41). Тем не менее его имя не упомянуто в соответствующей монографии Г.С. Стародубцева (Стародубцев, 2000).

Общим недостатком большинства публикаций о судьбе юристов белой Сибири является отсутствие сведений об их пребывании в эмиграции. Значительными информационными ресурсами в этом отношении располагает Государственный архив Хабаровского края. Здесь хранится фонд № 830 «Бюро по делам русской эмиграции» (БРЭМ – С.З., С.М.) в Харбине. Главным образом, это анкеты, заполненные в 1935–1945 гг. Они интересны не только подробными биографическими данными. В подавляющем большинстве анкет есть фотографии лиц, их написавших. Анкеты заполнялись от руки и таким образом являются автографами. Это положительно повлияло на степень достоверности сведений. Большую трудность при работе с анкетами представляет то, что они разобраны и систематизированы не по буквам алфавита. Учитывая, что общее количество дел фонда достигает более 80 тыс., это составляет большое неудобство.

Однако нам удалось выявить анкеты, заполненные Павлом Яковлевичем Сечкиным, составленные 27 октября 1935 и 20 мая 1937 гг. соответственно (ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3937. Л. 1–2). Содержащиеся в них сведения, а также скудные данные отечественных изданий дают возможность частично реконструировать судьбу этого человека.

Павел Яковлевич Сечкин родился 7 (по другим сведениям – 5 – С.З., С.М.) августа 1875 г. в семье православного мещанина в Томске (Волков)³. У него был брат – Федор Яковлевич Сечкин, умерший в Томске 2 июня 1904 г. Отпевание

Ф.Я. Сечкина проходило в Преображенской церкви, погребение состоялось на кладбище Женского монастыря (Сибирская жизнь. Томск, 1904. 3 июня).

В 1895 г. П.Я. Сечкин окончил Томскую мужскую гимназию, а в 1901 г. юридический факультет Императорского Московского университета. Есть основания предполагать, что после окончания курса наук он вернулся в Томск. Во всяком случае в Государственном архиве Томской области находится документ, относящийся к 1902–1903 гг., «Об утверждении плана на строительство дома П.Я. Сечкину по Дворянской улице» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 625. 4 Л.). Сейчас это улица Гагарина, которая пролегает от площади Батенькова до Новосоветской площади (Старикова, Захарова, Иванцова, Нестерова, Мороз, Банкова, 2012. С. 65–67). Она проходит параллельно проспекту Ленина, но на квартал дальше от реки Томь.

С 1901 по 1920 гг. П.Я. Сечкин служил в судебном ведомстве, в частности, в 1904 г. в Чите (ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3937. Л. 3). В 1910–1911 гг. он был прокурором Владивостокского окружного суда, в 1912 г. – товарищем прокурора Иркутского окружного суда, а в 1913–1917 гг. – судебным следователем по особо важным делам Иркутского окружного суда (Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. С. 229⁴; Спутник..., 1911. С. 1⁵). По должности выслужил звание личного почетного гражданина.

С сентября 1917 по 23 сентября 1920 гг. П.Я. Сечкин – прокурор Пограничного окружного суда. Учреждение располагалось в Харбине и в административном отношении обслуживало Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД – С.З., С.М.), находившуюся в то время под российской юрисдикцией. Из Иркутска в Маньчжурию он приехал вместе с семьей 26 сентября 1917 г.

⁴ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910. Отдел V. СПб., 1910. 291 с. The Siberian commercial and industrial calendar for 1910. Department V. SPb., 1910. 291 p. (In Russ.)

⁵ Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. / под ред. И.С.Кларка. Иркутск: Паровая топо-литография П. Макушина и В. Посохина, 1911. Вып. VII. 828 с.

³ Волков С.В. База данных: <http://forum.vgd.ru/post/> (Дата обращения: 5 января 2019 г.). Volkov S. V. Database: <http://forum.vgd.ru/post/> (Accessed: January 5, 2019). (In Russ.)

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что служебная деятельность П.Я. Сечкина проходила в пределах юрисдикции Иркутской судебной палаты (Курас Л.В., Курас Т.Л., Щербаков, 2003. С. 35). Данное судебное установление располагалось в весьма непривлекательных природно-климатических условиях. Это косвенно свидетельствует о нравственных качествах Павла Яковлевича.

Имя П.Я. Сечкина упомянуто в дневнике председателя Временного сибирского правительства, присяжного поверенного П.В. Вологодского. Осенью 1918 г. тот совершил поездку на Дальний Восток. В четверг 27 сентября (по новому стилю – 10 октября – С.З., С.М.) 1918 г. П.В. Вологодский зафиксировал приезд своей делегации из Владивостока в Харбин. В тот же день к нему пришли председатель и прокурор Пограничного окружного суда В.А. Скворцов и П.Я. Сечкин. Эти чиновники, писал П.В. Вологодский: «в передней путь (т. е. когда делегация ехала через Харбин во Владивосток – С.З., С.М.) отказались явиться ко мне».

На наш взгляд, причиной игнорирования В.А. Скворцовым и П.Я. Сечкиным председателя Временного сибирского правительства заключалась в их ориентации на «Деловой кабинет» генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата. Когда же генерал признал Омское правительство, то и руководители окружного суда посетили председателя правительства. В разговоре П.Я. Сечкин сообщил, что на станции Маньчжурия отряд атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова предполагает расстрелять большевика (А.К. – С.З., С.М.) Флегонтова и присяжного поверенного (М.А. – С.З., С.М.) Ваксберга (А Chronicle..., 2002. Р. 55). Это известие обеспокоило П.В. Вологодского. По счастью М.А. Ваксберг сумел скрыться (Василевский, 2000. С. 16). О его судьбе в свое время писал С.П. Звягин (Звягин, 2001).

После передачи КВЖД под китайскую юрисдикцию П.Я. Сечкин в 1920–1923 гг. служил советником китайского суда в Харбине. По случаю первой годовщины перехода суда КВЖД «под китайские законы» был дан банкет, на котором присутствовал и Павел Яковлевич (Мелихов, 1997. С. 97).

В 1923 г. он исполнял обязанности помощника юрисконсульта КВЖД. В 1924–1925 гг. Павел Яковлевич был без работы. В 1923–1926 гг. он имел частную практику. В 1926–1931 гг. управлял делами Харбинского политехнического института. Вуз был открыт 18 апреля 1910 г. как русско-китайский технический колледж. В 1935 г. перестал работать (Хисамутдинов, 2002. С. 302–303). В июле 1931 г. П.Я. Сечкин был уволен с этой должности.

С 1931 г. и до дня заполнения анкеты в 1938 г. он был без работы и жил на средства дочери, служившей стенографисткой телефонной компании. В одной из анкет писал, что хотел бы служить по своей специальности.

До осени 1935 г. П.Я. Сечкин имел советский паспорт, т. к. рассчитывал получить службу на КВЖД. Этот документ он сдал в консульство СССР в Харбине 27 октября 1935 г.

В обеих упомянутых анкетах в графе «языки» он ставил прочерк. Таким образом, выпускник гимназии и университета П.Я. Сечкин признался в незнании каких-либо языков, кроме русского. Его дочери владели английским языком. В графе «отношение к политике» писал: «беспартийный» или «аполитичен». В день заполнения анкеты он жил в Харбине на Сунгарском проспекте, 57, комната 17.

В анкетах были графы «Знакомые» и «Поручители». В 1935 г. П.Я. Сечкин среди знакомых указал Василия Гавриловича Галицкого, Евгения Степановича Павликовского. Своими поручителями он назвал Аарона Матвеевича Мордиховича и Николая Ивановича Агурова.

В 1938 г. в числе знакомых были указаны Аполлон Павлович Добротворский и Владимир Васильевич Политковский, среди поручителей – Борис Антонович Стржевский и Владимир Александрович Белобродский. На момент заполнения этой анкеты П.Я. Сечкин жил в доме № 5 по Бульварному проспекту, снимая частную квартиру за 24 гоби в месяц.

Есть основания считать, что во второй половине 1930-х гг. П.Я. Сечкин оказался в сложном финансовом положении. В мае 1938 г. юрист И. Родзаевский обратился с письмом к начальнику 3-го отдела БРЭМа. В нем говорилось, что

П.Я. Сечкин задолжал Опиц по двум распискам от 14 сентября 1937 г. и 28 июня 1938 г. 329,57 гоби. Из всей суммы долга он вернул только 10 гоби за аренду квартиры и теперь уклонялся от выплат (ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 587. Л. 16–17). Возможно, что Опиц имел (а) отношение к вино-бакалейному магазину «Густав Опиц» (Мелихов, 2003. С. 304).

П.Я. Сечкин являлся безработным, но ежемесячно получал от родственников 70 гоби и жил, по мнению И. Родзаевского, в свое удовольствие. Кредитор просил принудить П.Я. Сечкина возвращать долг хотя бы небольшими частями. 9 июня 1938 г. начальник отдела БРЭМа Матковский передал «по принадлежности» этот иск П.Я. Сечкину, проживавшему в Сунгарийском городке, дом № 57.

О семье П.Я. Сечкина можно сообщить следующее. 9 декабря 1927 г. в Харбине при родах умерла Евгения Петровна Сечкина (Ицкина) – вторая жена Павла Яковлевича (Волков)⁶.

В 1935 г. Павел Яковлевич являлся отцом четырех дочерей: Ольги – 32, Татьяны – 29, Маргариты – 28 и Евгении – 9 лет. Никто из дочерей не состоял на его иждивении. Ольга, Татьяна и Евгения жили в Шанхае, где Татьяна служила в телефонной компании, а ее сестры жили у своей тети – Берты Залмовны Дельбуч. Маргарита служила в Брюсселе (Бельгия).

Последняя запись в деле Павла Яковлевича датирована 2 мая 1940 г. В ней говорится, что П.Я. Сечкин живет в семье дочери Бадерской. По состоянию на 22 февраля 1944 г. дочь Павла Яковлевича и его зять (О.П. и М.В. Бандерские) проживали по адресу: Мудягоу, Увечный переулок, д. № 22, кв. № 1 (ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3937. Л. 11–12). Другая его дочь – Татьяна Павловна Stonham (так в тексте – С.З., С.М.) приняла английское подданство и была замужем за директором отделения Гонконг-Шанхайского банка в Маниле (Филиппины). Она регулярно посылала отцу деньги. Дочери Маргарита Павловна Чупалова и Евге-

ния Павловна продолжали жить соответственно в Бельгии и Шанхае. Достоянна внимания подпись под этой информацией – X-158. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 587. Л. 18–19). Очевидно, БРЭМ имело в эмигрантской среде своих осведомителей. В 1940 г. П.Я. Сечкин жил в Шанхае, где и умер 29 ноября 1943 г. (Волков)⁷.

Имя нашего героя не упомянуто в специализированной объемистой монографии китайского исследователя Ван Чжинчэн (Ван Чжичэн, 2008). Это обстоятельство мало о чем говорит, но мы решили донести до читателя это обстоятельство.

Размышляя над жизнью и судьбой наших двух юристов, можно сделать несколько выводов. Во-первых, обращает на себя внимание то, что они оказались выпускниками одного факультета, служили юристами в восточных регионах России, оба не приняли советскую власть, тот и другой оказались в эмиграции в Китае. Во-вторых, Еще предстоит продолжить поиск источников информации и узнать дальнейшие подробности профессиональной деятельности героев нашей публикации. В-третьих, отъезд семьей Н.И. Дмитраша и П.Я. Сечкина (из пяти человек), как и множества других в эмиграцию, не мог не сказаться на демографической статистике нашей страны тех лет. По сведениям Е.И. Тимонина, почти 2 млн россиян покинули Родину после Октябрьской революции 1917 г. (Тимонин, 2000. С. 3). В-четвертых, отъезд этих дипломированных юристов негативно повлиял на кадровый потенциал советских органов власти в Сибири. О невысоком уровне профессиональной подготовки чиновников тех лет можно судить по красноречивым данным, содержащимся в монографии Д.М. и М.В. Шиловских (Шиловский Д.М., Шиловский М.В., 2018. С. 262–314).

В-пятых, заслуживает интерес перипетии судеб Н.И. Дмитраша и П.Я. Сечкина, и семей на Родине, и в эмиграции. В-шестых, остается только догадываться, как Николай Иванович и Павел Яковлевич, их близкие все это пережили.

⁶ Волков С.В. База данных: <http://forum.vgd.ru/post/> (Дата обращения: 5 января 2019 г.).
Volkov S. V. Database: <http://forum.vgd.ru/post/> (Accessed: January 5, 2019). (In Russ.)

⁷ Волков С.В. База данных: <http://forum.vgd.ru/post/> (Дата обращения: 5 января 2019 г.).
Volkov S. V. Database: <http://forum.vgd.ru/post/> (Accessed: January 5, 2019). (In Russ.)

Библиографический список

- Балязин В.Н. Московские градоначальники. М.: ТЕРРА, 1997. 432 с.
- Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжуна, Лю Юйцинь, Бэй Вэньли, Л.П. Черниковой. М.: Русский путь: Библиотека – фонд «Русское зарубежье», 2008. 576 с.
- Василевский В. Забайкальская белая государственность. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
- Дмитраш Н.И. Краевой Государственный Университет во Владивостоке // Великий океан. 1919. № 2–3. С. 107–117.
- Звягин С.П. Министр юстиции Г.Б. Патушинский. Красноярск: Клатерианум, 2001. 92 с.
- Звягин С.П., Макаrchук С.В., Тимербулатов Д.Р. Юрист в культурной жизни Омска в начале XX века: феномен В.В. Едличко // Вестник Кемеровского государственного института культуры. 2017. № 4 (41). Вып. 2. С. 75–85.
- История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939 // Дальневосточный государственный университет, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока / ред. кол. В.И. Курилов (отв. ред.) и др.; сост. О.В. Усталова, К.Б. Абрамова, Е.М. Гончарова, Д.И. Мелюхов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1999. 628 с.
- Кокоулин В.Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 гг.). Новосибирск: НГУ, 2005. 292 с.
- Курас Л.В., Курас Т.Л., Щербиков Н.Н. История Иркутской судебной палаты. Улан-Удэ: Изд.-во полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. 254 с.
- Макаренко В.Г. Новые возможности высшего образования на Дальнем Востоке России: от Восточного института к Дальневосточному Федеральному университету // Известия Восточного института. 2014. № 1 (23). С. 9–13.
- Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.
- Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: Логос, 1997. 245 с.
- Орнацкая Т.А. Деятельность Комитета по учреждению юридического факультета во Владивостоке в 1919–1920 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 153–159.
- Сонин В.В. Юридическое образование на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Юридическое образование, наука, практика: взаимодействие и перспективы: Материалы Межрегион. научно-практ. конф. Владиво-

References

- Balyazin V.N. 1997. The Moscow town governors. Moscow: TERRA. 432 p.
- Wang Zhicheng. 2008. The history of Russian emigration in Shanghai. Trans. from Keith. Pan Chenglong, Xiao Huizhong, Liu Yuqin, Bei Wenli, L.P. Chernikova. Moscow: Russian way; Library-Fund "Russian abroad". 576 p. (In Russ.)
- Wasilewski V. 2000. Zabaikalsky white statehood. Chita: Search. 182 p. (In Russ.)
- Dmitrash N.I. 1919. Regional State University in Vladivostok. Great ocean. No. 2–3. Pp. 107–117. (In Russ.)
- Zvyagin S.P. 2001. Minister of Justice G.B. Petushinskiy. Krasnoyarsk: Klaretianum. 92 p. (In Russ.)
- Zvyagin S.P., Makarchuk S.V. Timerbulatov D.R. 2017. Lawyer in cultural life of Omsk in the early twentieth century: the phenomenon of V.V. Edlichko. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Vestnik of Kemerovo State Institute of Culture]. No. 4 (41). Vol. 2. Pp. 75–85 (In Russ.)
- Kurilov V.I. 1999. History of the far Eastern State University in documents and materials. 1899–1939. *Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet, Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka* [Far Eastern State University, Russian State Historical archive of the Far East]. Vladivostok: Eastern University PRES. 628 p. (In Russ.)
- Kokoulin V.G. 2005. Political parties in the struggle for power in Transbaikalia and the Far East (October 1917 – November 1922). Novosibirsk: NSU. 292 p. (In Russ.)
- Kuras L.V., Kuras T.L., Shcherbakov N.N. 2003. History of the Irkutsk Judicial Chamber. Ulan-Ude: Ed.-polygraph. complex of the ESSACA. 254 p. (In Russ.)
- Makarenko V.G. 2014. New opportunities of higher education in the Russian Far East: from the Eastern Institute to the far Eastern Federal University. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. [Proceedings of the Eastern Institute]. No. 1 (23). Pp. 9–13. (In Russ.)
- Melikhov G.V. 2003. White Harbin: mid–20s. Moscow: Russian way. 440 p. (In Russ.)
- Melikhov G.V. 1997. Russian emigration in China (1917–1924). Moscow: Logos. 245 p. (In Russ.)
- Ornatskaya T.A. 2015. Activities of the Committee on the Establishment of the Legal Faculty in Vladivostok in 1919–1920. Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice, Tambov: Gramota. No. 12 (62). In 4 pt. Pt. I. Pp. 153–159. (In Russ.)
- Sonin V.V. 2003. Legal education in the Russian Far East (1918–1922). *Yuridicheskoe obrazovanie, nauka, praktika: vzaimodeistvie i perspektivy: Materialy Mezhtregion. nauchno-prakt. konf.* [Legal education, science, practice:

сток: Изд-во ВГУЭС, 2003. С. 72–76.

Сонин В.В. Юридическое образование на Дальнем Востоке России // Правоведение. 2008 № 4. С. 6–10.

Старикова Г.Н., Захарова Л.А., Иванцова Е.В., Нестерова Н.Г., Мороз Е.В., Банкова Т.Б. История названий томских улиц. Изд. 3-е доп. и испр. Томск: «D'Print», 2012. 367 с.

Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М.: Книга и бизнес, 2000. 293 с.

Тимонин Е.И. Исторические судьбы русской эмиграции. Омск: Изд-во СибАДИ, 2000. 291 с.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во ДВУ, 2002. 360.

Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 347 с.

A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Vol. 1 / Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. Hoover Institution press. Stanford University. Stanford, California, 2002. 455 p.

Сведения об авторах

Звягин Сергей Павлович,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а, e-mail: whitesiberia@narod.ru

Макарчук Сергей Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет, Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, e-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Критерии авторства

С.П. Звягин и С.В. Макарчук выполнили научно-исследовательскую работу, на основании изученных архивных и библиографических источников, их анализа сделали обобщение, подготовили рукопись к печати. Имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

interaction and prospects: Proceedings of the Interregional scientific-practical. conf.]. Vladivostok: VSUES publishing House. Pp. 72–76. In Russ.)

Sonin V.V. 2008. Legal education in the Far East of Russia. Jurisprudence. No. 4. Pp. 6–10. (In Russ.)

Starikova G.N., Zakharova L.A., Ivantsova E.V., Nesterova N.G., Moroz E.V., Bankova T.B. 2012. History of names of Tomsk streets. Tomsk: "D Print". 367 p. (In Russ.)

Starodubtsev G.S. 2000. International legal science of Russian emigration (1918–1939). Moscow: Book and business. 293 p. (In Russ.)

Timonin E.I. 2000. Historical fate of the Russian emigration. Omsk: SibADI publishing House. 291 p. (In Russ.)

Hisamutdinov A.A. 2002. Russian emigration in China: the experience of the encyclopedia. Vladivostok: TLD publishing House. 360 p. (In Russ.)

Shilovsky D.M., Shilovsky M.V. Administrative-territorial structure and administrative apparatus of Asian Russia (late XVI – early XXI century). Novosibirsk: NGUEU. 347 p. (In Russ.)

A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Vol. 1 / Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. Hoover Institution press. Stanford University. Stanford, California, 2002. 455 p.

Information about the authors

Sergey P. Zvyagin,

Dr. Sci. (History), associate professor of the Department of History, Kemerovo State Medical University, 22a Voroshilova Str., Kemerovo 650056, Russian Federation, e-mail: whitesiberia@narod.ru

Sergey V. Makarchuk,

Dr. Sci. (History), professor of the Department of History of Russia, Kemerovo State University, 6 Krasnaya Str., Kemerovo 650043, Russian Federation, e-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Attribution criteria

S.P. Zvyagin and S.V. Makarchuk has got the scientific-research work, based on the study of archival and bibliographic sources, analyzed them, and made a compilation, prepared the manuscript for printing. They have copyrights on article and bear full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The authors state that there is no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 930.26

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-209-220>

Поставки советской авиационной техники Китайской Республике по «северному» маршруту как часть плана военно-технического сотрудничества в 1937–1938 гг.

© В.С. Мильбах, И.С. Назаренко

Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В представленной статье, опираясь на широкий круг источников (значительная часть которых ранее нигде не публиковались – архивные документы), рассматривается достаточно сложный и неоднозначный период советско-китайских отношений накануне Второй мировой войны. Раскрывается этап военно-технического сотрудничества в 1937–1938 гг., связанный с поставками авиации по «северному» маршруту из Иркутска в Ханчжоу (Китай), находившемуся в состоянии войны с Японией. Несмотря на напряженную международную ситуацию, угрозу войны мирового масштаба и связанную с этим необходимость накопления государством средств вооруженной борьбы и других материальных средств, советское военно-политическое руководство не отступило от заключенных с Китаем договоренностей по поставкам в 1937–1938 гг. образцов авиационной техники и комплектующих к ней. В крайне сложных политических, географических, климатических, порой за гранью человеческих возможностей, условиях поставки авиационной техники организовывались и осуществлялись по наземным и воздушным маршрутам. Авторы представили череду малоизвестных событий периода тяжелейших испытаний, выпавших на долю советских военных специалистов, которые оказывали военно-техническую помощь Китаю. Многие советские добровольцы отдали свои жизни и навсегда остались на земле Китая, с честью выполнив свой воинский долг. Военные поставки из Советского Союза помогли Китаю выстоять в напряженной борьбе с опытным, технически оснащенным и дерзким противником.

Ключевые слова: военная помощь Китаю, военно-техническое сотрудничество, советско-китайские отношения, Японо-китайская война, авиация, бомбардировщик, оперсводка, Иркутский авиационный завод, «северный» маршрут

Информация о статье: Дата поступления 23 марта 2019 г.; дата принятия к печати 22 апреля 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Мильбах В.С., Назаренко И.С. Поставки советской авиационной техники Китайской Республике по «северному» маршруту как часть плана военно-технического сотрудничества в 1937–1938 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 209–220. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-209-220

Deliveries of soviet aircraft to the Republic of China via the Northern route, as part of a plan of military-technical cooperation in 1937–1938

© Vladimir S. Milbach, Igor S. Nazarenko

Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract: Based on a wide range of sources (most of which – previously unpublished archival documents) the article considers a difficult period of Soviet-Chinese relations on the eve of the Second World War. The article reveals the stage of military-technical cooperation in 1937–1938, associated with the supply of aircraft to China fighting against the Japanese aggressors on the "Northern" route from Irkutsk to Hangzhou. Despite the threat of war on a global scale and the associated need for the state to accumulate means of armed struggle and other material means, the Soviet military and political leadership remained faithful to the agreements concluded with China on the supply of samples of aircraft and components to it in 1937–1938. In

difficult political, geographical, climatic conditions, sometimes beyond human capabilities, aviation equipment and accessories were organized and delivered via land and air routes. The authors present a series of little-known events of the period of difficult tests that fell on the shoulders of Soviet military specialists providing military-technical assistance to China. Many Soviet volunteers gave their lives and remained forever on the land of China, until the end of fulfilling their military duty. Military supplies from the Soviet Union helped China to survive in a tense struggle with an experienced, technically equipped and daring enemy.

Keywords: Military aid to China, military-technical cooperation, Sino-Soviet relations, Sino-Japanese War, aviation, bomber, persuade, Irkutsk aviation plant, the "Northern" route

Article info: Received March 23, 2019; accepted for publication April 22, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Milbach V.S., Nazarenko I.S. 2019. Deliveries of soviet aircraft to the Republic of China via the Northern route, as part of a plan of military-technical cooperation in 1937–1938. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 209–220. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-209-220

Угроза безопасности дальневосточным рубежам СССР во второй половине 1930-х годов, как считало советское руководство, исходила, в первую очередь, от усиления военного присутствия Японии в данном регионе. Изначально непростые и противоречивые отношения, а также определенные политико-идеологические разногласия с Чан Кайши коминтерновского и советского руководства, имевшего свои надежды в связи с социалистической революции в Китае в конце 1920-х годов, уступили место трезвым стратегическим расчетам и геополитическим соображениям. Одной из первоочередных внешнеполитических задач для руководства нашей страны стала поддержка Китая в борьбе против интервенции Японии. Советское руководство выступало за любые коллективные меры, прямо или косвенно направленные против агрессивной милитаристской политики Японии (Кризис и война, 1998. С. 235).

Несмотря на свои планы и первоначальный успех в начавшейся в сентябре 1931 г. войне, Япония не смогла захватить страну за три месяца. После событий 18 сентября 1931 года агрессивные действия японского империализма в Китае поставили на повестку дня политической жизни китайского народа вопрос о сплочении всех патриотических сил. Инициатором борьбы выступила Коммунистическая партия Китая, которая уже через четыре дня, призвала подняться на всенародную борьбу против агрессора. Под руководством партии в Северо-Восточной части страны развернулось партизанское движение (Бородин, 1965. С. 117–119).

К середине декабря 1932 г., после довольно длительного перерыва Китай и СССР восстановили дипломатические отношения. Их активность в этих отношениях, а также соотнесение политических интересов закономерно привели к развитию стратегического партнёрства между Китаем и СССР.

Несмотря на попытки международного сообщества поддержать и оказать помощь жертве агрессии, Китай, по сути, остался один на один с Японией. Инцидент у моста Лугоу, 8 июля 1937 г. послужил поводом, и Япония начала крупномасштабные боевые действия в Северном и Центральном Китае. Теперь положение в Китае кардинально изменилось.

Вооруженные силы Китая к началу войны, насчитывали 1 млн 600 тыс. человек и имели около 500 самолетов, 1000 орудий, в большинстве своем устаревших образцов, 70 танков. Японская армия превосходила китайскую по огневой средствам в 4–5 раз, по танкам – в 36 раз, по авиации – в 13 раз. Это приводит к тому, что несмотря на численное превосходство Китая, японцы теснили слабую и плохо обученную китайскую армию в глубь страны практически на всех направлениях (Колпакиди, 2012. С. 135).

Проводя анализ целей японской интервенции в Китае, полпред СССР в Японии 5 сентября 1937 г. писал, что «политика, проводимая Японией в Китае, имеет целью и нас. После того как Япония действует весь потенциал страны, приведет в действие всю свою военную машину, и в случае благоприятных для них условий в Китае (или каких либо

событий в Европе, Америке или Англии) или даже просто из отчаяния они могут броситься и на нас. Командование квантунской армии только об этом и мечтает...» (Широкоград, 2004. С. 73).

В этот исторический период в нашей стране проводился процесс глобальной модернизации экономики. Для страны это было не самое простое время, но, несмотря на это, СССР стал единственным государством, предложившим реальную помощь Китаю. Не стоит забывать также о том, что именно в то время – 1936–1939 гг. СССР оказывал масштабную военную-техническую и экономическую помощь республиканской Испании. Расширение оборонного потенциала на дальневосточных рубежах имело очень серьезное значение для Советского Союза. Для поддержки и оказания помощи Китаю в противостоянии с непосредственной угрозой утраты как внешнего, так и внутреннего суверенитета страны, советские власти изыскивали возможности и средства (Иванов, Волкова, 2009. С. 159–162).

Война, развязанная Японией против Китая, безусловно, стала основополагающим фактором, под действием которого выстраивались и развивались советско-китайские отношения. С 1937 г. Советский Союз оказывал помощь китайскому государству не только из чувства солидарности с китайским народом, но, прежде всего, потому что со стороны милитаристской Японии существовала также и серьезнейшая угроза безопасности самому СССР, в частности, советскому Дальнему Востоку. Японо-китайская война затрудняла реализацию плана нападения Японии на СССР. Не нарушая границ, не вступая в прямой военный конфликт с Японией, Советский Союз принял все необходимые меры для создания буферной зоны и необходимых условий, чтобы в случае необходимости суметь отразить агрессию Японии.

21 августа 1937 г. состоялось подписание договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой. Стороны огласили устные декларации, которые после были строго засекречены и не подлежали разглашению. Китай постарался максимально себя обезопасить в двусторонних отношениях с СССР. В связи с этим один из документов

провозглашал договоренность о том, что до восстановления отношений между Китаем и Японией, СССР и Япония не могут заключить с Японией договор о ненападении (Лузянин, 2015. С. 221–223).

Важнейшим фактором для создания политической и экономической ситуации в Китае в 1930-е годы также можно считать ситуацию вокруг создания единого фронта Гоминьдана и коммунистической партии Китая против милитаристской Японии (Мировицкая, 2012. С. 19).

Ситуация вокруг единого фронта в Китае продолжала привлекать пристальное внимание советского руководства в течение всего периода войны. Политика СССР в Китае складывалась исходя из интересов советского государства. Обе стороны были равно заинтересованы в том, чтобы именно Китай одержал верх в войне с Японией. В связи с этим сотрудничество двух стран в тот момент носило характер стратегического партнерства и, следуя национальным интересам Китая, было нацелено, прежде всего, на сохранение государственности в этой стране. Именно поэтому Советский Союз активно поддерживал создание единого фронта Гоминьдан – коммунистическая партия Китая. (Воскресенский, 1999. С. 225).

На характер советско-китайских отношений серьезное влияние оказывала также коммунистическая партия Китая, располагавшая собственными вооруженными силами. Подобное сотрудничество стало серьезным противовесом, готовым к сговору с Японией силам в Гоминьдане, кроме того, сдерживало усиление влияния США в Китае во время войны. Отстаивая национальные интересы и независимость Китая, правительство СССР активно поддерживало коммунистическую партию в ее сотрудничестве с Гоминьданом. В то же время руководство коммунистической партии Китая было нацелено на усиление борьбы за захват власти еще до окончания Японо-китайской войны.

Важнейшим положительным результатом этой войны стало усиление позиций Китая на мировой арене и катализация исторического процесса китайской революции, вследствие окончания противостояния между основными партиями в стране (Чэнь Вейцуй, Ли Сяотао, 2017. С. 332).

В сентябре 1937 г. советское руководство пригласило китайскую сторону в Москву. Во время визита гостям были продемонстрированы возможности советской военной техники. Представители советского руководства дали сигнал китайской делегации о том, что СССР готов предоставить Китаю необходимые кредиты для поставок оружия и расходных материалов. Договоренности об этом были заключены по просьбе китайской стороны во время переговоров в Москве. Представители Советского Союза заявили, что гарантируют необходимые поставки для обеспечения китайской армии советскими самолетами, танками, а так же подготовку узкопрофильных инструкторов и специалистов для армии Китая.

Кредитов не хватало, количество предоставляемых Англией и США материалов, вооружения и оборудования также оказалось недостаточно, вследствие чего Китай был поставлен в ситуацию, когда оказался вынужден искать оптимальные и более удобные пути поставок. В сложившихся обстоятельствах, когда военная техника, оружие, боеприпасы и оборудование мог поставлять в основном только СССР, Китай стремился получить как можно больше поставок. Исходя из этих соображений, Китайская сторона строила свои внешнеполитические взаимоотношения с Советским Союзом. Кроме того, еще одним важным фактором в той ситуации стала необходимость получения этой помощи в максимально сжатые сроки (Шматов, 2015. С. 23)¹.

Уже в середине сентября 1937 г. стороны согласовали военные поставки Нанкину с помощью долгосрочного советского кредита. Общий объем поставок был оформлен при помощи трех кредитных соглашений. Таким образом, Советский Союз

практически сразу начал поставлять Китаю все необходимое (Бармин, 1998. С. 160). Что касается погашения кредитов и процентов по ним, была достигнута договоренность выплаты Китаем за счет товаров, ценного сырья и редких металлов, согласно оговоренным спискам (Сладковский, 1974. С. 129).

Кроме того, Китай предложил в качестве платы за поставки военных материалов стратегическое сырье, используемое в военной промышленности: сурьма, олово, цинк, никель, вольфрам и красная медь, что в условиях тех исторических реалий было особенно актуально для Советского Союза (Лукин, 2013. С. 165).

Первоначально также предполагалась помощь в виде достаточного крупного кредита в размере 500 млн американских долларов, который должны были выделять частями на протяжении нескольких лет. Однако дальнейшая политическая и экономическая ситуации (в том числе и начало Второй мировой войны) внесли свои коррективы. Размеры кредита были уменьшены вдвое, а поставки техники уменьшились до суммы, чуть превышающей треть от первоначальной.

1 марта 1938 года стороны договорились на кредит в размере 50 млн долларов с начальной датой отсчета 31 октября 1937 г. (Сиполс, 1987. С. 107). Следующее кредитное соглашение было заключено уже 1 июля 1938 г. Оба кредита пошли на приобретение военных и иных материалов. Третье соглашение в размере 150 млн долларов заключено через год в июне 1939 г. и было реализовано только на 50 %, а затем с началом Великой Отечественной войны и вовсе перестало выполняться (Кризис и война, 1998. С. 235).

Советский Союз в разрез с традиционной международной практикой отнесся к своим обязательствам ответственно и уже осенью 1937 года, еще до официального оформления всех договоренностей, приступил к выполнению военных поставок в Китай (Жуков, 1973. С. 341). Следуя соответствующим договоренностям, в Китай шли медикаменты, вооружение, боеприпасы, нефтепродукты за счет кредитов. Так, за время с 1937–1941 гг. СССР поставил в город

¹ Шматов В.Г. Синьцзян в системе мероприятий Советского Союза по оказанию экономической и военно-политической помощи Китаю в период Японской агрессии 1931–1943 гг.: дис. ... на соискание уч. степени канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 171 с.
Shmatov V. City of Xinjiang in the activity system of the Soviet Union providing economic and military-political support to China during the period of Japanese aggression, 1931–1943. Dis. ... Candidate of Science (History). Barnaul, 2015. 171 p.

Нанкин около 1550 артиллерийских орудий, 1300 самолетов, 80 танков, свыше 15,3 тыс. пулеметов, более 180 млн патронов, более 2 млн. снарядов, 31,5 тыс. авиабомб, 1850 автомашин, тракторов, а также другое вооружение и материалы (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 341). Основные поставки были осуществлены с октября 1937 по сентябрь 1939 г. (Чуйков, 1983. С. 8).

Первые современные боевые самолеты были поставлены Китаю в сентябре 1937 года. С появлением у китайской армии новейших машин авиации Японии пришлось внести коррективы в свои планы по международной изоляции и завоеванию Китая (Мамаева, 2012. С. 31). На момент начала военных действий в распоряжении Китая имелось всего несколько сотен устаревших самолетов, полученных от Великобритании, США и Италии. На момент конца 1937 г., когда шли решающие бои за столицу гоминьдановского Китая – город Нанкин, из 500 самолетов в китайской авиации осталось всего 20 машин (Огороков, 2007. С. 274).

В середине сентября 1937 года разным частям советских ВВС было дано секретное распоряжение на выполнение «специального правительственного задания». Требовалось отобрать самые подготовленные и профессиональные экипажи для истребителей и для бомбардировщиков СБ и ТБ-3.

Этот этап сотрудничества двух стран в служебной переписки Разведывательного управления Красной армии и Наркома обороны СССР получил название «операция Z». Информирование о ситуации с поставками боеприпасов, боевых самолетов, горючего поступало от Разведывательного управления РККА раз в 1–3 дня.

Из-за того, что Япония заблокировала китайское побережье, Черноморский и Дальневосточный флот шел через нейтральные порты, чтобы доставить грузы в Китай.

Суда Черноморского и Дальневосточного пароходства доставляли грузы в Китай через нейтральные порты, так как японский флот осуществлял плотную блокаду китайского побережья. В конце ноября 1937 года из порта в Севастополе

отправились два парохода с 6182 т военных грузов на борту. Судна везли 30 артиллерийских тягачей «Коминтерн», 82 танка Т-26, 30 запасных моторов для этих танков, 20 76-мм зенитных пушек и 40 тыс. выстрелов к ним, 10 автомобилей ЗИС-6, 4 прожекторные установки, 50 45-мм противотанковых пушек, 2 звукоуловителя, и иное различное авиационное оборудование и т. д. Оба судна доставили груз в Гонконг и Хайфон в конце января 1938 г., и уже через 2 месяца оружие поступило в действующую армию.

За строительство Северо-Западной шоссейной дороги отвечали советские специалисты. Эта магистраль являлась связующей артерией между Китаем и СССР. Китайское правительство построило важную в стратегическом отношении автомобильную трассу, в результате помощи Советского Союза, по которой в Китай из СССР ввозилось военное вооружение (Дубинский, 1980. С. 187). Для Китая синьцзянский тракт стал «дорогой жизни», который обслуживало до 5200 советских грузовиков ЗИС-2.

Как показала практика, наиболее эффективным способом транспортировки авиатехники – истребителей в разобранном состоянии, оказалась перевозка при помощи автотранспорта, вследствие чего количество грузовых караванов к концу мая 1938 года было увеличено до 57 (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 137). Однако такая транспортировка, как оказалось, занимала значительное время. И перед советским руководством стояла задача решить данную проблему, оптимизировав процесс доставки.

Особую важность представлял вопрос перевоза бомбардировщиков. Решением вопроса стала организация двух воздушных маршрутов – «южного» и «северного». На «южном» маршруте была создана авиалиния, предназначавшаяся для перевозки людей и грузов, не имеющих значительной степени важности. Для обслуживания авиалинии выделялись бомбардировщики ТБ-3, переделанные в транспортные воздушные суда, а затем и двухмоторные ДС-3.

Соответственно работа над южной наземной трассой также оказалась в приоритете. Предпола-

галось, что разобранные и распределенные по ящикам и контейнерам самолеты будут транспортироваться в Алма-Ату. Там самолеты планировалось собирать, а после – переправлять в Китай уже по воздуху. Собранные самолеты должны были лететь по маршруту, который начинался в Алма-Ате и проходил через Кульджу (Инин), Шихэ, Урумчи, Гучэн (Цитай), Хами, Аньси, Сучжоу (Цзюцюань), Лянчжоу (Увэй) и заканчивался у реки Хуанхэ в Ланьчжоу (Дёмин, 2008. С. 115).

10 первых бомбардировщиков СБ отгрузили из Москвы 17 сентября 1937 года. Следующая партия – уже 16 самолетов – отправилась в Китай через неделю, 24 сентября. Еще пять были отправлены 27-го. Итоговый комплект поставки составил 31 машину, то есть полную бомбардировочную эскадрилью по штатам того времени. Несмотря на то, что южная трасса еще не была оборудована до конца, по требованию начальника УВВС РККА Я.И. Алксниса из Москвы транспортировка состоялась: Алкснис настаивал на том, чтобы ускорить процесс отправки самолетов, ежедневно отправляя шифрованные телеграммы в Алма-Ату.

Он телеграфировал 13 октября 1937 г.: «Чтобы не упустить время немедленно отправляйте первый эшелон СБ количестве 10 штук по назначению». Предупреждение от 14 октября: «Затяжка вылета первого эшелона СБ непонятна и нетерпима». Телеграфирование продолжалось до тех пор, пока не поступила информация об отлете.

Уже в середине октября 1937 года из Алматы в Китай вылетела первая группа в составе 21 бомбардировщика СБ. Оставшиеся 10 поднялись в воздух в качестве лидеров для переправки истребителей. Машины перевозили авиационных техников, которые заняли места стрелков, и боеприпасы – патроны, бомбы по 600 килограммов и отдельно взрыватели к ним.

Отсутствие времени на полноценную подготовку транспортировки и маршрута, а также недостаточная подготовка летчиков (налетать нужные часы на новых машинах не представлялось возможным в отведенные сроки) закономерно негативно сказались на выполнении поставленной задачи – в течение всей экспедиции регулярно про-

исходили аварии и поломки. Свое влияние оказали и неблагоприятные физико-географические условия предгорий. Так что полноценно наладить работу «южной трассы» удалось лишь к декабрю 1937 года.

Приоритетность «южной» трассы определила темпы проработки и организации «северного» маршрута. Хотя и работать над ними советское руководство начало практически одновременно, «северный» маршрут начал функционировать несколько позже. 23 сентября 1937 года приказом наркома К.Е. Ворошилова была организована перегонка бомбардировщиков «по особому маршруту». Этот маршрут пролегал из Иркутска в Ланьчжоу через Улан-Батор и Да-лан-Дзадаган. 31 бомбардировщик СБ был доставлен в Иркутск по транссибирской магистрали в разобранном состоянии, где затем за их сборку отвечал авиазавод № 125. Вся перевезенная партия машин должна была перейти в распоряжение китайцев. Руководителем последующих перелетов был назначен командир 64-й бомбардировочной бригады Забайкальского военного округа (ЗабВО) майор Г.И. Тхор, воевавший с сентября 1936 г. по июнь 1937 г. в Испании, в том числе и на бомбардировщиках СБ. В его ведении в конце 1937 года оказался перегон советской авиатехники в Китай. Выбор, павший на Г.И. Тхора, был обусловлен задачей обучить пилотов. Непосредственный участник военных действий, уже пилотирующий СБ, смог бы передать менее подготовленным летчикам необходимый опыт в управлении новыми бомбардировщиками, на которые бригада как раз перевооружалась. И первая группа была сформирована из состава экипажей 64-й авиабригады (Корнюхин, 2014. С. 327).

Однако к намеченному на 15 ноября сроку окончания операции реализовать переброску бомбардировщиков не удалось. Из Иркутска в Москву была направлена телеграмма: «Сборка птиц в Иркутске задерживается». Задержка была связана с тем, что сборка прибывших из столицы СБ никак не отразилась на основном плане завода. Начальник Главного управления автоприборостроения (ГУАП) М.М. Каганович (брат Лазаря Кагановича) 20 октября дал директору иркутского завода указание

ускорить подготовку машин. И уже 26 декабря пилоты смогли поднять машины в воздух и приступить к облету первых десяти собранных СБ из Москвы.

Заводской аэродром позволял майору Г.И. Тхору выполнять вторую часть поставленной перед ним задачи, а именно – тренировке новых экипажей бомбардировщиков. И к выполнению этой задачи Г.И. Тхор подошел бескомпромиссно – потребовал от пилотов игнорировать метеослужбия, чтобы количество налетанных часов достигло 30–35, отрабатывая при этом навигацию над незнакомой местностью. Предназначенные для тренировок самолеты занимали много места на заводской площадке, размеры которой были ограничены, что заставило директора авиазавода пожаловаться на майора в Москву с требованием убрать авиатехнику. Жалобы, однако, не принесли результата. Деятельность Г.И. Тхора не ограничивалась одними лишь тренировками экипажей бригады. Майор лично облетел весь запланированный маршрут до Ланьчжоу и обратно на связном Р-5.

Еще до группы Г.И. Тхора «особым маршрутом» перелетели три ТБ-3 в сопровождении двух Р-5, приставленных на случай вынужденной посадки и для охраны в течение рейса. Самолеты перелетели с грузом боеприпасов – бомбами и патронами, и сели в Сучжоу 19 ноября 1937 года. Того, что могла бы перевезти первая группа новых бомбардировщиков, хватило бы только на один боевой вылет. Китайцы располагали запасами иностранных бомб, однако использовать их на тот момент было невозможно: конструкции бомбодержателей отличались, их нужно было переделывать, с чем чуть позже успешно и справились китайские техники.

Первые же 15 бомбардировщиков вылетели из Иркутска спустя некоторое время. Под руководством капитана В.И. Клевцова группа из девяти СБ и трех Р-5 с грузом добралась до Сучжоу 7 декабря, отправившись дальше уже по знакомому маршруту до Ланьчжоу. Следующие две группы бомбардировщиков вел уже сам майор Г.И. Тхор, включившийся затем в боевые действия, в которых, однако, ему не довелось поучаствовать долго – вскоре лет-

чика отозвали в пункт постоянной дислокации. В феврале 1938 г. за успешное выполнение поставленных перед ним задач Г.И. Тхору было присвоено звание полковника. В марте того же года полковник Г.И. Тхор вернулся в Китай в качестве главного советника по авиации в Китае. Однако полковнику ставились и привычные уже задачи. Так, в июне этого года Г.И. Тхор вновь руководил перелетом бомбардировщиков СБ с Иркутского авиазавода по «северному» маршруту.

Эффективность работы советских летчиков в тяжелых погодных условиях позволила поддерживать объемы переброски авиатехники в рамках заключенных с Китаем договоров, и очередная партия бомбардировщиков СБ – 60 единиц, прибыла в Иркутск уже к середине мая 1938 года. Планы на данную партию были те же – собрать, укомплектовать и отправить в Ланьчжоу «северным» маршрутом.

Как сообщалось в оперативной сводке № 81 от 3 июня 1938 г. «Первая группа в составе 13 самолетов «СБ» перегонялась из Иркутска по северному маршруту в «Зет» (под командованием полковника т. Тхор). 30 мая сосредоточена в Улан-Баторе и 5.6 предположено перегнать её в Да-лан-Цадаган. Всего самолетов – 266» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 139).

Оперативные сводки, составление которых было поручено заместителю начальника разведуправления РККА майору госбезопасности Гендину, крайне показательны. Они рельефно отражают масштаб правительственных задач, поставленных перед советскими летчиками, степень возложенной на них ответственности, и характер трудностей, которые им пришлось преодолевать.

Так, оперсводкой № 84 от 7 июня 1938 г. до московского руководства доводилось следующее:

«1. В 5.00 6.6 из Иркутска в Улан-Батор вылетели 8 самолетов «СБ», но в связи с ухудшением погоды в районе Слюдянка – Мысовая самолеты вернулись в Иркутск.

2. В 9.00 6.6 из Да-лан-Цадагана в Сучжоу, на разведку трассы перелета вылетели три самолета ТБ-3 с т. Изотовым и ведущими экипажами самолетов «СБ». В 13.50 самолеты благополучно призем-

лились Сучжоу» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 144).

На следующий день в оперсводке № 85 сообщалось: «15 самолетов «СБ» (под командованием полковника т. Тхор) вылетели из Иркутска, в 13.50 7.6 благополучно приземлились в Улан-Баторе» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 145).

Оперсводкой №87 от 10 июня 1938 г. доводилось: «В Улан-Баторе 30.5 и 7.6 сосредоточены две группы самолетов «СБ» в количестве 28 машин. Дальнейший перелет этих машин в Да-лан-Цадаган и далее на юг был несколько задержан т. Изотовым в связи с необходимостью разведки маршрута и ознакомление с ним ведущих экипажей» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 148).

Оперсводка № 88 от 11 июня 1938 г. информировала о том, что в этот день «в 2.10 из Улан-Батора на юг вылетели 13 самолетов «СБ» (группа Титова) и в 4.20 самолеты благополучно приземлились в Да-лан-Цадагане. В 12.30 того же дня в том же составе вылетела из Да-лан-Цадагана в Сучжоу (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 149).

Информация, служащая основной для оперативных сводок, поступала как из Китая, так и из Монголии и Прибайкалья. Например, 14 июня сообщалось: «Группа т. Титова в составе 12 самолетов «СБ» в 7.00 12 июня, вылетевшая из Сучжоу на восток, в 10.20 того же дня благополучно приземлилась в Ланьчжоу. В 10.00 13 июня группа т. Титова в том же составе вылетела на Восток, в Ханьхоу, с посадкой в Сиани» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 152).

Два дня спустя в оперативных сводка была отражена информация о процессе подготовки авиатехники к перелету из Иркутска по «северному» маршруту: «Для руководства приёмкой и облетом машины 15.6 на Иркутский завод № 125 прибыл полковник т. Тхор. В настоящее время на Иркутском заводе принято 15 самолетов «СБ» (третья группа)» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 157).

Несмотря на то, что содержание оперсводок объективно скупо, в них все равно прослеживается, что подготовка и перелет не всегда проходили планоно и без происшествий. Случаи катастроф тоже были. Так, в той же оперсводке № 92 от

16 июня 1938 г. отмечалось: «Поиски лётчика Мурсукаева, пропавшего без вести 23.5 во время облета «СБ» продолжаются. По донесению комбрига т. Изотова гидросамолет, специально высланный на озеро Байкал, заметил в районе Слюдянка большое масляное пятно, расплывшееся на воде и занявшее примерно 70.000 м²» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 158).

Г.И. Тхор готовил свою группу к полетам в любых погодных условиях, однако эти тренировки были направлены на успешное выполнение боевых задач. Но транспортирование техники, требующие максимальной эффективности и сохранности самолетов, было приостановлено почти на неделю из-за дождей в Иркутске. Об этом свидетельствует содержание оперсводки № 94 от 19 июня 1938 г. Велика вероятность, что именно непогода стала причиной запрета на полеты, который был снят только с утра 22 июня: «1. В 6.55 22.6 из Иркутска на юг вылетела третья группа в составе 15 самолетов «СБ» и в 8.45 того же дня вся группа благополучно приземлилась в Улан-Баторе. Параллельно проводилась и доставка авиацией комплектующих и боеприпасов, о чем говорится в этой же оперсводке: «четыре самолета ТБ-3 с грузом авиатронов, 21.6 вылетевших из Да-лан-Цадагана на юг (летели из Улан-Батора) благополучно приземлились в Сучжоу (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 167).

В 12.50 23.6 из Да-лан-Цадагана в Сучжоу (под командованием п-ка т. Тхор) прибыла благополучно вторая группа в составе 13 самолетов «СБ». Два самолета из этой группы из-за неисправной материальной части задержались в Да-лан-Цадагане» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 169).

Оперативные сводки позволяют проанализировать и статистический учет самолетов, перегоняемых в Китай. Например, оперсводкой № 99 от 24 июня 1938 г. сообщалось: «Количество самолетов на 25 июня 1938 г. – 278: СБ – 72; И-16 – 80; И-15 – 116; ТБ – 5, УТИ – 5» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 173).

Содержание оперсводки № 102 от 28 июня 1938 г. свидетельствовало о том, что «полковник Тхор с остальным составом летчиков, перегоняв-

ших самолеты «СБ» (вторая группа) в Ланьчжоу, на двух самолетах «ТБ-3» в 16.30 27.6 благополучно возвратилась в Да-лан-Цзадаган» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 176).

Постоянная работа над действиями экипажей, с одной стороны, и повышение эффективности транспортировки и последующей сборки СБ в Иркутске техниками и инженерами позволили к концу июня наладить бесперебойную поставку самолетов по «северному» маршруту в Китай. Так, 29 июня в Москву было сообщено:

«1. Вторая группа в составе 13 самолетов «СБ» прибывшая в 8.00 26.6 в Ланчжоу, передана «друзьям» и вся группа в том же составе под управлением экипажей «друзей» 27.6.38 г. вылетела из Ланьчжоу в Ханькоу.

2. Третья группа в составе 15 самолетов «СБ», находящаяся в Улан-Баторе, при благоприятной погоде (под командованием полковника т. Тхор) 29.6 будет отправлена далее на юг.

3. В Иркутске на заводе № 125 прибыла последняя четвертая группа в составе 18 самолетов «СБ» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 177).

Следующая оперсводка также сообщала об успехах:

«1. Третья группа 15 самолетов «СБ» 29.6 приземлилась в Да-лан-Цзадагане и в 1.00 30.6 эта группа в том же составе вылетели из Да-лан-Цзадагана. В 3.00 в составе 14 машин благополучно приземлились в Сучжоу, один самолет «СБ» (летчик т. Лебедев) имел вынужденную посадку в 100 км северо-восточнее Сучжоу.

2. Вторая группа в составе 13 самолетов «СБ» в 8.00 26.6 вылетела из Ланьчжоу на восток и благополучно прибыла в Ханькоу.

3. В 1.00 30.06 из Да-лан-Цзадагана вылетели на юг тяжёлые самолеты ТБ-3 с грузом патрон; все самолеты в 5.00 того же дня благополучно прибыли в Сучжоу» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 178).

Содержание оперсводки № 105 от 2 июля 1938 г. вновь свидетельствовало о том, что несмотря на возросший опыт летного состава и технической группы плохие погодные условия являются серьезным препятствием в работе системы транс-

портировки авиации в Китай. Так, например, в данном случае погода мешала осуществить прием в Иркутске и последующий облёт:

«1. В 2.15 1.7 из Сучжоу на юго-восток вылетела третья группа в составе 15 самолетов «СБ» (под командованием полковника т. Тхор) и в тот же день благополучно приземлилась в Ланьчжоу.

3. В Иркутске закончилась откачка воды с заводского аэродрома, размокшего в связи с сильными дождями, шедшими все последние дни. 1.7 начался облёт четвертой группы самолетов «СБ» (18 самолетов). Аэродром еще сырой и посадка производится строго в ограничителях» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 181).

Оперсводка № 114 от 13 июля 1938 г. вновь сообщала о возникших трудностях по вине погоды: «В течение 10-го и 11-го июля в районе Иркутской идут дожди; аэродром завода №125 размыт, облёт машин временно прекращен. На 11.7 экипажами перегонщиков полностью принято 11 самолетов «СБ» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 195).

Как отмечалось в оперсводке № 119, только «19 июля четвертая группа самолетов СБ (18 шт.), под командованием п-ка т. Тхора вылетела из Иркутска и благополучно прибыла в Улан-Батор. 21 июля в 4 часа последняя партия самолетов «СБ» (18 шт.) благополучно прибыла из Улан-Батора в Да-лан-Цзадаган. После чего 22 июня в 3.30 благополучно прибыла в Ланьчжоу (без посадки в Сучжоу) (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 201, 204, 205).

Оперсводкой № 123 от 25 июля 1938 г. сообщалось: «1. переброска 60 самолетов «СБ» из Иркутска в Ланьчжоу закончена. Всего с начала операции «Зет» китайским властям передано 122 самолета «СБ». 2. В 9.00 24.7 12 самолетов из состава 4-й группы вылетели из Ланьчжоу в Ляньшань» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 206).

Оперативные сводки, составленные в дальнейшем, несли в себе информацию о вводе техники в строй и ее последующей эксплуатации. Однако зачастую встречались сообщения о случившихся катастрофах. Так, оперсводкой № 125 от 7 августа сообщалось о катастрофах, произошедших 5 августа 1938 г.: «И-15 – тренировочный полет, врезался

в землю и сгорел; в Урумчи ТБ-3 при взлете рухнул и взорвался; на авиабазе в Алма-Ате при взрыве сгорел ТБ-3 (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 209).

Оперсводка № 153 от 25 октября 1938 г. свидетельствовала, что аварии и катастрофы происходили не только при транспортировке техники. Китайские летчики, равно как и советские, выполняли свои задачи в тяжелых условиях, а нехватка необходимого опыта зачастую и приводила к катастрофе: «На 22.10 в Ланьчжоу во время тренировки лётчиков- китайцев разбито три самолета И-15; один лётчик погиб». Упоминается о катастрофе «ДС-3 летчик Мальмин с 20 волонтерами в районе Наньцзян (80 км южнее Хальцжун). Экипаж 4 чел. (24 чел.) погибли» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 280, 283).

Дальнейшие оперсводки, поступающие наркомату обороны СССР по поставкам авиатехники китайской стороне свидетельствуют, что до конца 1938 г. в Китай автотранспортом было доставлено 100 самолетов И-15, сборка которых проходила в Хами, и 20 самолетов СБ, собранных в Алма-Ате (11 ноября в Ланьчжоу оформлена актом окончательная сдача китайцам 20 самолетов СБ) (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1116. Л. 249, 273, 286).

Усилия и должный уровень подготовки советских военных специалистов позволили значительно сократить потери китайской армии уже к началу 1939 года. Если с середины 1937 года армия Китая теряла в пять раз больше, чем Япония, то к концу 1939 года это соотношение удалось не просто уменьшить, но перевести в пользу китайской стороны и сделать равным 1:1,2. Потери японской армии в Китае к осени 1939 года составили 25–30 тысяч человек ранеными и убитыми (Дубинский, 1980, С. 83).

Период с 1937 по 1938 гг. ознаменовался значительными поставками советской авиатехники в

Китай. Всего китайской стороне было передано около 550 единиц боевых машин, среди которых 400 истребителей и 150 бомбардировщиков. Придерживаясь заключенных с Китаем 1937–1938 гг. торгово-экономических договоренностей, советское руководство выполняло свои обязательства перед союзником, и не прекращало отправку военной техники на Восток, несмотря на возрастающую угрозу мировой войны и связанную с ней необходимость накопления собственных средств вооруженной борьбы, в том числе самолетов и их комплектующих.

Масштабные поставки авиационной техники серьезно повлияли на ход войны и позволили китайским войскам сначала сократить потери, а затем и добиться перелома в конфликте. Ожидаемой капитуляции Китая не последовало благодаря советской технике – японская армия оказалась скована. Для примера, к началу 1944 года японские войска в Китае насчитывали 560 тыс. человек. Естественно, при более продуманной, согласованной и эффективной координации действий между двумя главными военно-политическими силами страны результаты могли оказаться совершенно другими.

Советская дипломатическая, морально-политическая, финансово-экономическая, военнотехническая поддержка, включая поставки новейших самолетов и другого вооружения, направление летчиков-добровольцев, военных советников и других специалистов сыграли важную роль в борьбе Китая против японских захватчиков. Все эти факторы способствовали сдерживанию желания капитулировать некоторой части членов гоминьдана, а также сохранению Китая в рядах стран антифашистской коалиции вплоть до победного окончания Второй мировой войны (Астафьев, 1984. С. 75–76).

Библиографический список

- Астафьев Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 74–82.
- Бармин В.А. СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. (региональный фактор внешней политики Советского Союза). Барнаул, 1998. 191 с.
- Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в

References

- Astaf'ev G.V. 1984. International assistance to the Soviet Union to China (1917–1945 gg.). *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 9. Pp. 74–82. (In Russ.)
- Barmin V.A. 1998. The Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941 (The regional dimension of the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul. 191 p. (In Russ.)
- Borodin B.A. 1965. Soviet assistance to the Chinese

антияпонской войне 1937–1941 гг. М.: Мысль, 1965. 200 с.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 412 с.

Дёмин А.А. Авиация Великого соседа. Кн. 1. У истоков китайской авиации. М.: Фонд «Русские витязи», 2008. 544 с.

Дубинский А.М. Советско-китайские отношений в период Японо-китайской войны 1937–1945 гг. М.: Мысль, 1980. 284 с.

Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2: 1917–1945 гг. / отв.ред. Е.М. Жуков и др. М.: Мысль, 1973. 294 с.

Иванов В.В., Волкова И.В. Оказание военно-технической и экономической помощи СССР Китаю в 1937–1941 гг. // Проблемы культуры и межкультурной коммуникации: материалы Международной конференции. Комсомольск-на-Амуре: изд-во АмГПГУ, 2009. С. 159–162.

Колпакиди А.И. Спецназ ГРУ: самая полная энциклопедия. М.: Эксмо; Яуза, 2012. 864 с.

Корнюхин Г.В. Воздушная война над СССР. 1941. М.: Вече, 2014. 384 с.

Кризис и война: Междунар. отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах / А.Д. Богатуров, Е.Г. Капустян, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров; Моск. обществ. науч. фонд. М., 1998. 352 с.

Лузянин С.Г. Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). М.: ИДВ РАН, 2015. Т. 2. На азиатском направлении. С. 221–237.

Лукин А.В. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М.: Вест Мир, 2013. 704 с.

Мамаева Н.Л. Дипломатия СССР и США и проблема внутривосточной стабильности в Китае в период Японо-китайской войны // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне: сборник материалов Международной конференции. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. С. 30–36.

Мировицкая Р.А. Советский Союз и Китайская республика 1930-е годы, проблемы внутривосточной стабильности в Китае // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне: сборник материалов Международной конференции, ноябрь 2010 г. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. С. 18–29.

people in the anti-Japanese War of 1937–1941. Moscow: Mysl'. 200 p. (In Russ.)

Voskresenskii A.D. 1999. Russia and China: theory and history of interstate relations. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond; Izdatel'skii tsentr nauchnykh i uchebnykh program. 412 p. (In Russ.)

Demin A.A. 2008. Aviation of the Great neighbor. Book 1. At the origins of Chinese aviation. Moscow: Fond "Russkie vityazi". 544 p. (In Russ.)

Dubinskii A.M. 1980. The Sino-Soviet relations during the Sino-Japanese War 1937–1945. Moscow: Mysl'. 284 p. (In Russ.)

Efimov G.V., Dubinskii A.M. 1973. International relations in the Far East. Book 2. 1917–1945. Moscow: Mysl'. 294 p. (In Russ.)

Ivanov V.V., Volkova I.V. 2009. Provision of military-technical and economic assistance of the USSR to China in 1937–1941. *Problemy kultury i mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* [Problems of culture and intercultural communication. Proceedings of the international conference]. Komsomol'sk-na-Amure: AmGPGU. Pp. 159–162. (In Russ.)

Kolpakidi A.I. 2012. Special Forces of the Main Intelligence Directorate: the most complete encyclopedia. Moscow: Eksmo; Yauza. 864 p. (In Russ.)

Kornyukhin G.V. 2014. Air war over the Soviet Union. 1941. Moscow: Veche. 384 p. (In Russ.)

Bogaturov A.D. 1998. Crisis and war: International relations in the center and on the periphery of the world system in the 30–40s. Moscow. 352 p. (In Russ.)

Luzyanin S.G. 2015. China in the years of the Second World War (1939–1945.). Moscow: Institut Dal'nego Vostoka (IDV) RAN. Vol. 2. *Na aziatskom napravlenii* [In the Asian direction]. Pp. 221–237. (In Russ.)

Lukin A.V. 2013. Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations. Moscow: Ves' Mir. 704 p. (In Russ.)

Mamaeva N.L. 2012. Diplomacy of the USSR and the USA and the problem of internal political stability in China during the Sino-Japanese War. *Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy vo Vtoroi mirovoi voine: sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii* [The Role of the USSR and China in achieving victory in World War II. Proceedings of the international conference]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN. Pp. 30–36. (In Russ.)

Mirovitskaya R.A. 2012. Soviet Union and the Republic of China of the 1930s, problems of internal political stability in China. *Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy vo Vtoroi mirovoi voine: sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii, noyabr' 2010 g.* [The Role of the USSR and China in achieving victory in World War II. Proceedings of the international conference]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka

Окороков А.В. Русские добровольцы. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 368 с.

Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. М.: Наука, 1987. 336 с.

Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 439 с.

Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983. 252 с.

Чэнь Вейцуй, Ли Сютао. Историческая память и советская военная помощь Китаю (1937–1943 гг.) // Ярославский педагогический вестник, 2017. № 6. С. 332–336.

Широкоград А.Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М.: Вече, 2004. 448 с.

Сведения об авторах

Мильбах Владимир Спартакович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22, e-mail: v.milbach@yandex.ru

Назаренко Игорь Сергеевич,

старший преподаватель кафедры боевого применения подразделений артиллерийской разведки, Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22, e-mail: gocha.nazar@yandex.ru

Критерии авторства

В.С. Мильбах, И.С. Назаренко выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

RAN. Pp. 18–29. (In Russ.)

Okorokov A.V. 2007. Russian volunteers. Moscow: Yauza; Eksmo. 368 p. (In Russ.)

Sipols V.Ya. 1987. Foreign policy of the Soviet Union. Moscow: Nauka. 336 p. (In Russ.)

Sladkovskii M.I. 1974. History of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917). Moscow: Nauka. 439 p. (In Russ.)

Chuikov V.I. 1983. Mission in China. Moscow: Voenizdat. 252 p. (In Russ.)

Chen Weiqui, Li Xiaotao. 2017. Historical memory and Soviet military aid to China (1937–1943). *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 6. Pp. 332–336. In Russ.)

Shirokorad A.B. 2004. Russia and China. Conflicts and Collaboration] Moscow: Veche. 448 p. (In Russ.)

Information about the authors

Vladimir S. Milbach,

Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 22 Komsomol Str., St. Petersburg 195009, Russian Federation, e-mail: v.milbach@yandex.ru

Igor S. Nazarenko,

Senior lecturer of the Department of Combat Use of Artillery Intelligence Units, Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 22 Komsomol Str., St. Petersburg 195009, Russian Federation, e-mail: gocha.nazar@yandex.ru

Attribution criteria

V.S. Milbach, I.S. Nazarenko carried out research work, on the basis of the obtained results they made a generalization, prepared the manuscript for printing, have copyright on the article and are responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors state that there is no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 32:342(091)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-221-232>

Региональные структуры Бурят-Монгольской АССР в 1943–1945 годах

© Е.Т. Протасов

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье представлены основные аспекты многогранной работы партийных, государственных органов власти и управления, хозяйственных организаций автономной республики в условиях мобилизационной экономики второй половины войны. Развернувшееся социалистическое соревнование в основных отраслях народного хозяйства способствовало выполнению и перевыполнению производственных заданий и повышенных обязательств коллективов промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Образцы трудового героизма показали лучшие передовики и новаторы производства, которые награждались государственными и ведомственными наградами. Региональные и местные органы власти проводили целенаправленную разъяснительную, массово-политическую работу в коллективах и по месту жительства. В условиях военного времени повсеместно повысилась трудовая дисциплина, ответственность и организованность, усилился режим экономии на производстве и в быту. Проявился огромный материальный и духовно-нравственный потенциал в ходе массового патриотического движения населения по оказанию помощи фронту. На добровольные денежные пожертвования жителей республики были созданы танковые колонны, авиационные эскадрильи. Сотни тысяч теплых вещей, одежды и индивидуальных подарков были направлены на фронт бойцам Красной армии. Эта масштабная работа получила высокую оценку со стороны политического руководства Советского государства.

Ключевые слова: партийные и государственные органы власти и управления, народное хозяйство, мобилизация, социалистическое соревнование, предприятия, сельскохозяйственные организации, передовики производства, разъяснительная работа, добровольный сбор средств, единство фронта и тыла

Информация о статье: Дата поступления 15 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 20 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Протасов Е.Т. Региональные структуры Бурят-Монгольской АССР в 1943–1945 годах // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 221–232. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-221-232

Regional Government Departments of the Buryat-Mongol ASSR in 1943–1945

© Evgeny T. Protasov

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract: The main aspects of complex work of the party and state authorities as well as the economic government departments of the autonomous republic under the conditions of mobilization economy of the second half of war are presented in this article. The developed socialist competition in primary branches of the national economy promoted performance and overfulfillment of production targets and the raised obligations of staff of the industrial and agricultural enterprises. Examples of labor heroism were shown by the best leaders and innovators of production who were awarded with the state and departmental awards. Regional and local authorities carried out purposeful explanatory, mass and political work in collectives and at the place of residence. In the conditions of wartime labor discipline, the responsibility and organization were everywhere increased, the regime of economy on production and in life amplified. Huge material, spiritual and moral potentials were shown during the grass-roots patriotic movement of the population on assistance to the front. On voluntary monetary donations of inhabitants of the republic tank columns, aviation squadrons were created. Hundreds of thousands of warm clothes, clothes and individual gifts were directed to the front to fighters of the Red Army. This large-scale work was highly appreciated from the political leaders of the Soviet state. In the conditions of wartime labor discipline, the responsibility and organization was

everywhere increased, the regime of economy on production and in life amplified. Huge material and spiritual and moral potential was shown during the grass-roots patriotic movement of the population on assistance to the front. On voluntary monetary donations of inhabitants of the republic tank columns, aviation squadrons were created. Hundreds of thousands of warm clothes, clothes and individual gifts were directed to the front to fighters of the Red Army. This large-scale work was received an appreciation from the political leaders of the Soviet state.

Keywords: party and public authorities of the power and management, national economy, mobilization, socialist competition, enterprises, agricultural organizations, production leaders, explanatory work, voluntary fundraising, unity of the front and rear

Article info: Received April 15, 2019; accepted for publication May 20, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Protasov E.T. 2019. Regional Government Departments of the Buryat-Mongol ASSR in 1943–1945. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 221–232. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-221-232

В 1943 году продолжалась напряженная работа органов власти Бурят-Монгольской АССР по координации помощи фронту. В январе того же года по инициативе передовых предприятий страны в отраслях промышленности началось Всесоюзное социалистическое соревнование по оказанию помощи фронту, которое нашло широчайший отклик и вызвало всемерную поддержку. ЦК ВКП(б) совместно с ГКО и ВЦСПС учредили переходящие Красные знамена для победителей в соревновании, были подготовлены условия его проведения в каждой отрасли. Коллективы предприятий республики активно включились в соревнование (История Бурятской АССР, 1959. С. 436). Первыми инициативу передовых предприятий поддержали коллективы Паровозовагонного завода, Мясокомбината, железнодорожной станции Мысовая. Передовики производства вносили свои предложения по улучшению работы предприятий, принимали индивидуальные обязательства. В республике не было ни одного предприятия, не включившегося во Всесоюзное и предоктябрьское соревнование (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3780. Л. 78). Для поощрения победителей социалистического соревнования аймаков, колхозов, совхозов, МТС, бригад, лучших по профессии областной комитет партии 12 августа также учредил областную Доску почета передовиков сельского хозяйства при газетах «Бурят-Монгольская правда» и «Бурят-Монголой Унэн», а также переходящее Красное знамя Совнаркома БМАССР и обкома партии (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3792. Л. 4, 7). Кроме этого, были учреждены переходящее Красное знамя Совнаркома республики

и денежные премии в социалистическом соревновании в отдельных отраслях (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 14. Д. 106. Л. 29), а также среди аймаков и городских финансовых органов за лучшее выполнение государственных бюджетов (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 7. Д. 406. Л. 55).

С самого начала военного периода в тыловых регионах, как известно, не создавались комитеты обороны (История Великой Отечественной войны, 1961. С. 181). Но вместе с тем партийные комитеты, соответствующие бюро и секретариаты, а также государственные органы с учетом их возросшей роли начали выполнять те же задачи и теми же формами и методами. Они стали во многом не политическими, а главными координирующими и оперативными хозяйственно-экономическими и военно-оборонными органами, а местные Советы и комсомольские организации в значительной мере переключились на осуществление организационно-общественных и воспитательных функций (Федоров, 2016. С. 67). Фактически на местах сложилась как и в центре аналогичная система управления. Предельно жесткая, небывалая централизация явилась непосредственным продолжением реализованной еще довоенной тенденции к крайнему централизму (Коновалов, 2006. С. 116). Но во многом оказавшейся вынужденной, она могла бы быть квалифицирована и как государственно-партийный тоталитаризм. Однако в складывающейся тогда невероятно тяжелой обстановке при характеристике системы управления не принимать во внимание ее назначение было бы не совсем

правильным и объективным (Базаржапов, 2000. С. 124.).

Поскольку в военный период Верховным Советом БМАССР были проведены всего две сессии, его Президиум как высший орган государственной власти в соответствии с конституционными нормами принимал важные решения, а также утверждал членов Правительства и других должностных лиц. Так, первым заместителем Председателя Совнаркома был назначен И.И. Волков, заместителями Председателя Правительства – М.А. Ершов, В.А. Крылов, М.М. Могнонов, А.В. Петряков и А.Я. Фомин, Г.Ц. Бельгаев, управляющим делами Совнаркома – С.И. Баторов, наркомом местной промышленности – К.В. Гурьянов, земледелия – М.Ф. Фролов, А.Т. Константинов, В.И. Дубровский, коммунального хозяйства – А.В. Страхов и А.В. Алеханов, торговли – В.Б. Танхаев, пищевой промышленности – Г.И. Розов, А.П. Петухов и И.В. Попов, председателями Комитета по физкультуре и спорту – О.В. Евстифеева, Р.И. Щелкунова и И.Л. Альцман, радиофикации и радиовещания – И.Е. Седых, К.К. Балдаев и Г.Ф. Баханов, начальниками управлений по делам архитектуры, промышленности стройматериалов – Д.Д. Тармаев, лесами местного значения – А.Ф. Ляпина, по делам искусств – Б.Я. Медовый, В.А. Муромов и Г.Н. Архинчеев, автоуправления – П.К. Пехарев, руководителем дорожного управления – Б.У. Цыреторов, кинофикации – Н.П. Тюрнев и Н.А. Занданов, трудовых резервов – А.А. Гармаш (ГАРБ. П-1. Оп. 1. Д. 113. Л. 14, Д. 115. Л. 22, Д. 4207. Л. 25, Д. 427, Л. 178, Д. 119. Л. 6) и другие. При этом 25 января 1943 года бюро обкома партии рассмотрело вопрос «Об укреплении руководящими кадрами наркомзема БМАССР» (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4207. Л. 25), на котором был утвержден новый руководитель ведомства М.Н. Балков и все три его заместителя. Как мы видим, ротация в составе высшего исполнительного органа была более активной из-за частичной мобилизации руководителей в действующую армию, повышенных требований военного времени и множества возникающих хозяйственно-управленческих проблем.

Возрастало значение лекционной пропаганды, живое слово лектора, пропагандиста, как штык в бою, разило врага. По направлению Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в республике выступали известные лекторы. Это профессора Батищев (философ), Захарова (историк), Новоселов и Ляпин (экономисты), пропагандистские группы под руководством Д.М. Воронова, С.А. Юдачева и других. Они выступали с лекциями и докладами перед партийно-хозяйственным активом, а в рабочих и сельских аудиториях о текущем моменте и международном положении, проблемам продолжавшейся войны, отвечали на многочисленные вопросы (Санжиев, 1995. С. 55). Региональные и местные партийные и советские работники, представители науки и культуры считали участие в лекционной пропаганде и политических беседах среди населения своим кровным делом, патриотическим долгом. В организаторской и политической работе республиканские органы власти опирались на печать и радио, поднимали их роль, добивались, чтобы они полнее выполняли миссию коллективных организаторов. Исключительное значение средств массовой информации заключалось в том, что они разъясняли решения центральных органов власти и военного управления, задачи трудовых коллективов в условиях войны, выступали организаторами социалистического соревнования за успешное выполнение и перевыполнение производственных планов и обязательств (Дергач, Евланова, 1980. С. 92). Вместе с тем государственные, партийные органы повышали ответственность руководителей за порученный участок работы. Как не обеспечившие необходимую работу в соответствии с требованиями военной обстановки был освобожден от должности целый ряд руководителей райисполкомов, совхозов, МТС.

По решению обкома партии и Правительства республики в январе 1943 года была проведена научно-практическая конференция по изучению и освоению природных ресурсов Бурят-Монголии в целях дальнейшего использования этих ресурсов для нужд фронта и народного хозяйства. По итогам конференции было намечено издать ее материалы и документы, а первому секретарю обкома партии

С.Д. Игнатьеву поручено подготовить брошюру «О задачах изучения и освоения экономических ресурсов Бурят-Монголии» (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3996. Л. 39). Наряду с этим был утвержден план практических мероприятий, согласно которому наркомам, руководителям ведомств и управлений республики было поручено включать в свои производственные программы рекомендованные вопросы. Была выражена также просьба к Иркутскому горно-металлургическому институту, Иркутскому государственному университету и Восточно-Сибирскому геологическому управлению по включению в планы своих научно-исследовательских работ намеченную тематику и оказанию необходимой научно-технической помощи наркоматам и организациям республики в реализации решений конференции. В республиканском институте языка, литературы и истории расширялись различные экономические исследования. Кроме этого, Бурят-Монгольское книжное издательство выпустило повесть Х. Намсараева «Илалтын туяа» (Луч победы) и литературный сборник произведений бурятских писателей: Ц. Галсанова, Х. Намсараева, Ц. Номтоева, Ш. Нимбуева, Ч. Цыдендамбаева, Ж. Тумунова, Д. Корсакова, П. Малакшинова (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3795. Л. 13, 23). Со стороны республиканских органов власти были приняты меры по улучшению работы союза писателей и музыкально-драматического театра. Почти весь военный период в Улан-Удэ работал эвакуированный из Харькова театр русской драмы, художественным руководителем которого был народный артист СССР, депутат Верховного Совета Украинской ССР Г.А. Крамов. Театр показал на сцене пьесы К. Симонова «Русские люди», П. Корнейчука «Фронт», а также различные произведения классической и советской драматургии. Завершая почти трехлетнюю работу в автономной республике, руководители этого творческого коллектива в своем открытом письме подчеркивали: «На долгие годы сохранится содружество искусства русского и бурят-монгольского народов. В братском единении искусства советских народов содержится залог дальнейшего расцвета советского театрального искусства, социалистического по содержанию, национального по форме. Сохранятся и

укреплятся творческие связи между Харьковским русским театром и государственным ордена Ленина Бурят-Монгольским театром». 25 мая 1944 года Почетными грамотами Президиума Верховного Совета БМАССР были награждены данный театр, а также двадцать его артистов и работников (Бурят-Монгольская правда. 1944. 28 мая).

В ходе оказания помощи материальными ресурсами фронту от населения каждого района в фонд теплой одежды для бойцов Красной армии направлено более 17 тыс. пар валенок, более 5,1 тыс. полушубков, шуб и дох, свыше 19 тыс. телогреек, 7,7 тыс. ватных брюк (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3581. Л. 97–98). В действующие воинские части от республики был отправлен 21 вагон с подарками: мясо и колбасные изделия и копчености, соленый омуть, сухари, пряники. Также своевременно направлено 5 вагонов индивидуальных подарков от населения. Стоимость этих подарков воинам-землякам стрелковой дивизии № 93 составляла 2,4 млн рублей (Бурятия в годы Великой Отечественной войны, 2000. С. 338–339)¹. 3 февраля 1942 года по поручению обкома партии республиканская комиссия по сбору теплых вещей направила партизанским отрядам валенки, полушубки, шапки-ушанки, меховые рукавицы, шерстяные варежки и носки (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3993. Л. 5). С большим подъемом среди населения проходил сбор денежных средств в 1942 году на строительство эскадрильи самолетов имени социалистической Бурят-Монголии. Только в Джидинском районе было собрано и внесено 2784599 рублей. Заведующая молочно-товарной фермой колхоза «Улан-Удунга», депутат Верховного совета РСФСР внесла 160 тыс. рублей, члены колхоза «Победитель» Тарбагатайского аймака, призывник Г. Ф. Болонев и жена фронтовика А.Л. Васильева – по 100 тыс. рублей, бригадир тракторной бригады колхоза имени Сталина Селенгинского района Базыр Очи-

¹ Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2000. 322 с.
Buryatia in days of the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of documents. Ulan-Ude: Buryat. book publishing house, 2000. 322 p.

ров и член колхоза «Коммунизм» того же аймака, участник Великой Отечественной войны, инвалид Дарма Чимитов – по 150 тыс. рублей. Члены колхоза «Улан-Эрхирик» направили на создание боевых самолетов 302 тыс. рублей, а его председатель Дампил Санжиев передал 102 тыс. рублей. Обком партии направил телеграмму в Центральный Комитет ВКП(б), в которой сообщалось о том, что трудящиеся республики собрали и внесли в Госбанк 23 млн рублей на строительство названной эскадрильи (Протасов, 2016. С. 63). Массовое движение по сбору средств на строительство танковой колонны им. 25-летия Красной армии нарастало с каждым днем, приняло своеобразную форму патриотического соревнования. Крупные денежные суммы внесли учительница средней школы № 1 Екатерина Танская, народный артист СССР Гомбо Цыдынжапов и многие другие. Все они получили персонально благодарственные письма от И.В. Сталина (Санжиев, 1995. С. 62–63), а Е.А. Танская кроме этого в 1945 году была награждена орденом Ленина. Также следует отметить, что еще в апреле 1941 года Председателем Президиума Верховного Совета автономной республики была выдвинута 32-летняя Гунсын Аюшеевна Цыденова. Во время войны в ее задачи входило обеспечение фронта хлебом, лесом, теплой одеждой. Она ездила по сельским районам, информировала и рассказывала о фронтовых делах, оказывала постоянную помощь в организации уборки урожая и сдаче продуктов сельского хозяйства государству (История Бурятии, 2011. С. 6). Такие же поручения имели и другие руководители республиканских государственных органов власти.

Продолжался перевод на военную специфику работы местной промышленности, имевшей задания Наркомата обороны. Швейные, кожевенно-меховые и обувные предприятия начали пошив обмундирования для вооруженных сил страны: шинелей, стеганок, полушубков, шапок, нательного белья, рукавиц, валенок, ботинок и другой одежды. Улан-Удэнский стекольный завод наряду с производством основной продукции изготавливал автомобильное стекло с факетом, аптечную посуду для госпиталей, а также сложные фасонные ша-

потные изделия для сталелитейного цеха Паровозовагонного завода. Мебельные фабрики организовали выпуск лыж, деревянных частей самолетов и стрелкового оружия, ящики для транспортировки снарядов и мин (Тармаханов, 1979. С. 172). Согласно постановлению Совнаркома республики и бюро обкома промкомбинаты сельских районов, Паровозовагонный и Тимлюйский цементный заводы, а также другие предприятия различных отраслей начали выполнение заданий по изготовлению 101700 пар армейских лыж (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3778. Л. 59–65). Таким же решением в республике проводился массовый сбор теплых вещей и белья для Красной армии, при этом председателем региональной комиссии по этой работе являлся партийный лидер С.Д. Игнатъев (ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 339. Л. 74–79; Д. 3781. Л. 95–98.) За военный период предприятия местной промышленности сверх плана выпустили 6400 пар валенок, 32000 шубных овчин, 65 вагонов пиломатериалов (Книга памяти, 2005. С. 11).

23–24 января 1943 года проводился пленум обкома партии, обсудивший вопросы итогов 1942 хозяйственного года и очередных задачах парторганизации (докладчик С.Д. Игнатъев) и культурно-бытового обслуживания и политического воспитания трудящихся (докладчики С.М. Иванов и Б.С. Санжиев). На пленуме отмечалось, что преодолевая огромные трудности, народное хозяйство республики перестроилось на военный режим. Полноценно работали предприятия промышленности, транспорта, связи и других отраслей, а валовое производство промышленной продукции в регионе возросло за истекший год на 18,7 %, а к 1940 году составило 143,5 %. Патриотическими чувствами была проникнута бригада формовщиц Паровозовагонного завода, которой руководила Корытова, снимавшая со станка 280 деталей, выполнявшая дневные задания на 250 %. А модельщики модельного цеха Вертиховский и Ерофеев выполняли три нормы в день, это становилось обычным явлением в производственной жизни республики. Колхозы и совхозы достойно справились с выполнением установленных заданий по поставкам государству зерна, мяса и других про-

дуктов сельскохозяйственного производства. Стахановскими делами отличались труженики колхоза «Социализм» Джидинского аймака, «Коминтерн» и «Арбижал» Заиграевского и Селенгинского аймаков, другие хозяйства (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4203. Л. 11–12).

Совместным решением Совнаркома и обкома партии была одобрена инициатива рабочих, служащих и инженерно-технических работников Хоринского леспромхоза о проведении фронтового месячника по лесозаготовкам, в ходе которого они обязались добиться повышения производительности труда по рубке не менее 20 %, на подвозке – не менее 15 % и по вывозке леса также не менее 15 % (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3996. Л. 63–64). Республиканские органы власти поздравили коллективы Мясоконсервного комбината, Управления связи, Механического завода треста «Лесосудомашстроя» и других с присуждением переходящего Красного знамени ВЦСПС и отраслевых наркоматов за достижение высоких показателей во Всесоюзном социалистическом соревновании за 1942 год. Наряду с этим коллектив связистов республики, а также Паровозовагонный завод своей самоотверженной работой еще трижды получали переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны, а также вторые и третьи всесоюзные премии (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 389. Л. 20). Коллектив завода также неоднократно получал премии, переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомлеса СССР. Кроме этого 286 передовых работников колхозов Бурят-Монголии награждены значком «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства», 65 передовиков Почетной грамотой Президиума Верховного Совета БМАСР и 63 человека получили благодарность Правительства республики за производственные результаты, показанные в 1942 году (ГАРБ. Ф. Р-475. П-1. Д. 389. Л. 22). Имена знатных колхозниц Шурыгиной, Киселевой, Цырендоржиевой, Герасимовой и других были известны далеко за пределами республики. По достоинству оценивали нелегкий труд медиков. Указом Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями были награждены медицинские работники за самоотверженную работу в эвакуаци-

онных по лечению раненных участников войны. А в январе 1944 года 13 работников Мясокомбината за образцовое выполнение правительственных заданий по снабжению продуктами питания Красной армии и Военно-Морского флота были награждены высокими государственными наградами, в том числе орденом Ленина – директор предприятия И.М. Калачев, орденом «Знак Почета» – рабочие М.Г. Иванова, А.И. Кривогорницына, Д.Ц. Цыремпилова, главный инженер К.А. Карасев, главный технолог С.И. Емельянов. Руководителю комплексной бригады Паровозовагонного завода Г.И. Коваленко за выдающиеся заслуги в ремонте паровозов было присвоено звание Героя Социалистического труда.

17 февраля 1943 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза старшине Ж. Тулаеву. Прославленный снайпер уничтожил 313 фашистов, подготовил 33 опытных снайпера, среди которых Д. Будаев, Д. Ухинов, А. Труднев, Б. Ербаев, уже отличившиеся в боях и награжденные орденами и медалями. А вот как вспоминали в Бурят-Монголии члены семьи и родственники о командующем 109-й гвардейской дивизии Второго Украинского фронта, генерал-майоре, Герое Советского Союза Илье Васильевиче Балдынове. Когда в сообщениях Совинформбюро объявлялась благодарность Верховного Главнокомандующего гвардейской дивизии под командованием И.В. Балдынова все дружно кричали «Ура!» и шли к соседям и в школу с гордостью рассказывать об этом радостном событии (Банчиков, 2000. С. 27–28). Следует отметить, что данная дивизия получила тринадцатую такую благодарность 26 апреля 1945 года за освобождение города Брно в Чехословакии, а также участвовала в освобождении Белграда, Будапешта, Вены и Праги в качестве столиц европейских государств, прошла через границы восьми стран (У подвига нет срока, 2010. С. 27). В патриотических и вдохновляющих целях в газете «Бурят-Монгольская правда» было опубликовано письмо бурятского народа сынам и дочерям, сражающимся на фронтах Великой Отечественной войны.

6–7 марта 1943 года пленум обкома партии обсудил доклад секретаря обкома А.У. Хахалова о росте областной партийной организации. За годы войны выросла тяга советских людей в партии и были приняты кандидатами в члены партии более 3000 человек. Необходимо отметить, что к концу войны насчитывалось 13515 членов и кандидатов в члены партии в 911 первичных организациях, то есть больше, чем в начале войны. Заметно возросла активность и боевитость комсомольских организаций республики, их вклад в общее дело (Королева, 2015. С. 27)². Рост численности коммунистов являлся убедительным свидетельством возросшей активности и высокого патриотизма трудящихся. Около 60 % членов партии трудились в ведущих отраслях экономики (Очерки истории, 1970. С. 370–371). В постановлении пленума были определены задачи по дальнейшему отбору в партию лучших рабочих, колхозников и представителей интеллигенции, улучшению идейно-воспитательной работы в парторганизациях, трудовых коллективах. Был также рассмотрен организационный вопрос. В связи с переходом на должность первого секретаря Сталинградского обкома партии С.Д. Игнатьева первым секретарем обкома избран А.В. Кудрявцев, ранее работавший вторым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана, а затем начальником политуправления Наркомзема СССР (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4204. Л. 5–10). Также обком ВКП(б), Президиум Верховного Совета и Совет Народных Комиссаров БМАССР обратились с письмом ко всем трудящимся республики об организации социалистического соревнования в честь 20-летия республики (Бурятия в годы Великой Отечественной войны, 2000. С. 194–199)³, которое получило повсеместную поддержку

² Королева Т.М. Молодежная политика Советского государства и ее реализация в Восточной Сибири: середина 1950-х – 1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук: Улан-Удэ, 2015. 33 с.

Koroleva T.M. Youth policy of the Soviet state and its implementation in wastewater Siberia: mid-1950s – 1991: autoref. dis. ... doctor. east. Sciences. Ulan-Ude, 2015. 33 p.

³ Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2000. 322 с.

и было подкреплено вдохновенным трудом и высокими результатами труда. Было решено также подготовить выставку «Социалистическая Бурят-Монголия за 20 лет», специальный фильм «Социалистическая Бурят-Монголия – фронту», соответствующие сборники и брошюры (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3996. Л. 43–44).

11 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета БМАССР рассмотрел вопрос «О практике выполнения местными Советами статей 56 и 57 Конституции республики», в котором отмечал, что Советы лучше определялись со своими задачами в военное время, необходимо регулярно созывать сессии и вносить на их рассмотрение важнейшие дела обороны страны (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 395. Л. 64–64 об.). На заседании того же государственного органа состоялось обсуждение состояния разбора жалоб и заявлений трудящихся в исполкоме Улан-Удэнского горсовета и его отделах (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 395. Л. 193), а также в Наркомторге, Бурмонторге, Буркоопсоюзе и тресте столовых (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 395. Л. 226–226 об.). В течение 1942–1943 годов заслушивались вопросы о выполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава» (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 395. Л. 195), трудоустройства и трудового обучения инвалидов войны (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 395. Л. 127–129), состоянии работы по рассмотрению жалоб семей военнослужащих (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 395. Л. 128), а также об удовлетворении бытовых нужд семей военнослужащих и инвалидов войны города Улан-Удэ. В государственных хранилищах отложились многочисленные документы и материалы по переписке аппарата парламента и его юридической группы с различными организациями и гражданами по вопросам начисления пособий, надбавок, персональных пенсий, трудоустройства и другим вопросам социального характера (Хронологическое соб-

Buryatia in days of the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of documents. Ulan-Ude: Buryat. book publishing house, 2000. 322 p.

рание законов..., 1958. С. 321–323⁴; ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 29. Л. 3–5). Совнарком РСФСР принял постановление «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны»⁵.

6 июля 1943 года в городе Улан-Удэ состоялась шестая (юбилейная) сессия Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР, посвященная 20-летию республики. В докладе Председателя Совнаркома республики, депутата С.М. Иванова отмечалось: «За прошедшие два десятилетия сформировалась национальная государственность Бурят-Монгольской АССР. Темпы и размах социально-экономического развития БМАССР свидетельствуют об устойчивой и позитивной динамике. По сравнению с 1923 годом выпуск валовой продукции возрос в 1932 году в 12 раз, 1937 году – 44 и в 1941 году в 79 раз. За истекшие двадцать лет поистине великие перемены произошли в социально-культурной жизни народа. Расходы на народное образование возросли с 655 тыс. руб. до 48 млн руб., число учащихся с 21 тысячи возросло до 90 тыс. человек. В 1941 году грамотность взрослого населения достигла 92 %, около трех тысяч учителей достойно несут знания в народные массы. Театры и музеи, библиотеки и клубные учреждения, кино и радио, повседневно поднимают культурный уровень трудящихся. Поддерживая патриотический почин тамбовских колхозников, трудящиеся республики собрали и внесли на строительство эскадрильи самолетов «Социалистическая Бурят-Монголия» и танковой колонны имени 25-летия Красной Армии более 41 миллиона рублей, 10 фунтов золота, 8 пудов серебра и сдали в фонд Красной Армии, а также для рабочих оборонных предприятий 23 тыс. пудов продовольствия» (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 389. Л. 6–26). После названного доклада было оглашено приветствие Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) Верховному Совету Бурят-Монгольской АССР, Совнаркому, обкому партии, в

котором выражалась твердая уверенность, что «трудящиеся Бурят-Монголии вместе со всеми народами Советского Союза выполняют священный долг перед Родиной и отдадут все свои силы делу разгрома немецко-фашистских захватчиков» (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 389. Л. 28–29). С большим воодушевлением также были восприняты приветственные послания Президиума Верховного Совета СССР, Президиума Верховного Совета РСФСР. С поздравлениями и приветствиями на заседании выступили Премьер-министр, Маршал Монгольской Народной Республики Чойбалсан, представители делегации рабочих города Улан-Удэ Мокрецов, Усть-Ордынского Бурятского национального округа Ильин, делегации воинских частей Лазов, делегации пограничных войск Барменков, Герой Советского Союза Тулаев, народный артист СССР Цыдынжапов. Сессия приняла приветственное письмо Верховному Главнокомандующему, Маршалу Советского Союза И.В. Сталину (ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 389. Л. 68–69).

В течение 1944 года успешно продолжалось экономическое развитие республики. Выпуск валовой продукции предприятиями промышленности увеличился на 13 % по сравнению с 1940 годом, в том числе продукция металлообрабатывающей промышленности – на 58 %, местной государственной промышленности на – 74,3 %, кооперативной промышленности – на 42,1 % (Золотоев, 1963. С. 63). С конца 1944 года и в течение первого полугодия следующего года происходила перестройка работы многих предприятий промышленности Бурят-Монголии, перевод их на производство мирной продукции. Предприятия республики оказывали помощь в восстановлении промышленности и транспорта освобожденных районов страны: Брянской и Курской областей, Украины и Белоруссии. Труженики сельского хозяйства региона, воодушевленные победами на фронтах Красной армии, несмотря на тяжелый по климатическим условиям год и возрастание трудностей военного времени, выполнили свои обязательства перед государством по поставкам сельскохозяйственных продуктов, за исключением зерна. Колхозами было сдано значительное количество животноводческой продукции

⁴ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1958. 332 с.

⁵ О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны: постановление Совнаркома РСФСР от 22 мая 1942 года.

авансом в счет поставок 1945 года. Бурят-Монгольская АССР также получила в апреле 1944 года переходящее Красное знамя ГКО за успешное выполнение осенне-зимнего ремонта тракторов МТС и совхозов (История Бурятии, 2011. С. 192). Всего за военный период сельское хозяйство республики сдало государству около 15 млн пудов зерна, 2 млн пудов мяса, свыше 5 млн пудов овощей и картофеля, более 5 млн пудов шерсти и другой продукции (Женщины Бурятии, 2005. С. 6).

Проходивший 18–19 декабря 1943 года очередной пленум обкома партии обсудил меры по дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов и А.В. Кудрявцева. Также были обсуждены на пленуме вопросы улучшения партийного руководства комсомольскими организациями (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4206. Л. 3–97). 7 января 1944 года газета «Правда» писала: «Обогащенные громадным опытом работы по военному, трудящиеся нашей страны вступили в 1944 год. Новые задачи встали перед нами. Новые хозяйственные планы ждут своего выполнения». Выступая на областном партийном пленуме в марте 1944 года Председатель Совнаркома С.М. Иванов сказал, что местная промышленность значительно расширила производственные мощности существующих предприятий и вновь создала 150 предприятий, цехов и артелей. В результате объем выпускаемой продукции отрасли по сравнению с 1940 годом возрос на 68,3 %. В аймаках республики организовано 14 продкомбинатов, 6 пищекомбинатов, которые явились необходимой базой для освоения новых видов продукции и дальнейшего увеличения производства товаров широкого потребления из местного сырья в сельских населенных пунктах. В истекшем году выпущено товаров местного производства и реализовано через товаропроводящую сеть на сумму 43 317 800 рублей, что составляет к общей сумме товарооборота республики 9,2 %. Но вместе с тем в отрасли имелись серьезные недостатки. Количество товаров народного потребления и продовольствия еще далеко не соответствовало запросам трудящихся. Причинами неудовлетворительной работы некоторых предприятий являлось неполное использование произ-

водственных мощностей и оборудования, отсутствие у отдельных руководителей производственной инициативы и настойчивой борьбы за формирование и использование местной сырьевой базы, отсутствие систематической работы за создание и укрепление постоянных составов рабочих (ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4391. Л. 45–46).

Под руководством органов государственной власти и управления по итогам социалистического соревнования за 1943 год проявлялось общее повышение объемов производства в стране и республике, постепенно сдавались в строй действующих новые предприятия различных отраслей индустрии, повышались производительность труда и эффективность работы трудовых коллективов. Почти все основные предприятия региона закрепились в числе передовых. Несколько раз удостоивались переходящего Красного знамени ГКО и отраслевых наркоматов коллективы Паровозогагонного завода, Мясоконсервного комбината, депо Улан-Удэ, Судоремонтного завода. Другим предприятиям присуждались Всесоюзные премии, а также премии соответствующих наркоматов. Значительно перевыполнили планы заводы трестов «Маслопром» и «Росглавхлеб», на 30 тыс. центнеров рыбы больше чем в 1942 году обеспечили добычу рыболовческие хозяйства республики. Несмотря на ограниченность ресурсов, региональные власти прилагали целенаправленные усилия на строительство Бичурского сахарного завода, Улан-Удэнской суконной и махорочной фабрик, расширение Вальшно-войлочной фабрики, реконструкцию отдельных предприятий. Наряду с этим 30 марта 1945 года на заседании Совнаркома БМАССР был обсужден вопрос «О мерах улучшения организации работы аппарата Совнаркома, народных комиссариатов и управлений при СНК БМАССР» (Администрации Главы..., 2014. С. 26)⁶, где отмечалось: «В целях быстрой ликвидации указанных в по-

⁶ Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия – 90 лет. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2014. 63 с.
90 years of Administration of the Head and Government of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude: Republican printing house, 2014. 63 p.

становлении ЦК ВКП(б) и XIX пленума обкома партии ошибок и недостатков в работе советских и хозяйственных организаций, считать важнейшей задачей Совнаркома, наркоматов и управлений коренную перестройку руководства советскими и хозяйственными организациями, постановку действенной проверки и контроля исполнения и неуклонное проведение мер по серьезному улучшению работы аппарата Совнаркома, наркоматов, управлений и соответствующих отделов исполкомов аймачных и городских Советов депутатов трудящихся». Подверглась осуждению практика в работе многих руководителей наркоматов и учреждений, когда вместо самостоятельного решения вопросов и проведения в жизнь мер по выполнению порученного дела, они зачастую ограничивали свою работу внесением множества вопросов на обсуждение Совнаркома, изданием приказов и распоряжений, слепо веря в силу этих документов, без живой и оперативной работы по организации и проверки их исполнения. Было намечено принятие решительных мер по ликвидации отмеченных ошибок и недостатков в работе советских и хозяйственных организаций республики. Следует также отметить, что за военный период были проведены 13 пленумов обкома ВКП(б), обсудивших 39 вопросов, 253 заседания бюро областного комитета, при этом около 20 % его постановлений были совместными с Совнаркомом республики (Цыкунов, 2014. С. 405).

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, Указом Президиума Верховного Совета СССР от

8 мая 1945 года «Об объявлении 9 Мая праздником Победы» этот день был установлен днем всенародного торжества – праздником Победы.

Таким образом, в автономной республике в 1943–1945 годах государственными органами власти и управления продолжалась целенаправленная работа по организации всесторонней помощи тыла фронту. Региональные структуры ВКП(б) проявили себя настоящей мобилизационно-патриотической партией, ведущей и организующей силой общества. В многогранной деятельности проявили себя оборонно-массовые, общественные организации. Большая роль принадлежала комсомолу республики. В ходе развернувшегося социалистического соревнования промышленные предприятия, сельскохозяйственные организации выполняли и перевыполняли производственные задания, повышенные обязательства. Отдельные передовики производства и специалисты достигли выдающихся результатов, они были награждены государственными наградами. Повысилась трудовая дисциплина и ответственность в организациях и учреждениях, усилился режим экономии на производстве и в быту. Массовое патриотическое движение населения по оказанию помощи фронту принесло невиданные результаты. На добровольные денежные пожертвования жителей республики были созданы танковые колонны, авиационные эскадрильи. Несколько десятков железнодорожных вагонов теплых вещей, одежды и индивидуальных подарков было собрано и отправлено для бойцов действующей армии. Все это получило высокую оценку Центрального комитета партии, Президиума Верховного Совета и Совнаркома СССР, союзных министерств и ведомств, а также подшефных воинских частей и организаций.

Библиографический список

- Базаржапов В.Б. Трудовой подвиг тыла. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2000. 160 с.
- Банчиков Г.Г. Воспоминания о генерале Балдынове. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2000. 142 с.
- Дергач М.С., Евланова М.Н. Историография партийного руководства государственными и общественными организациями // Историография Великой Отечественной войны: сб. ст. М., 1980. 153 с.

References

- Bazazhapov V.B. 2000. Labor feat of the rear. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo. 160 p. (In Russ.)
- Banchikov G.G. 2000. Memories of General Baldynov. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo. 142 p. (In Russ.)
- Dergach M.S., Evlanova M.N. 1980. Historiography of party leadership of state and public organizations. *Istoriografiya Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik statei* [Historiography of the Great Patriotic War: collection of arti-

Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и воспоминания (к 60-летию Победы). Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 316 с.

Золотоев А.К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1963. 165 с.

История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 2. 557 с.

История Бурятской АССР: в 2 т. / ред. П.Т. Хаптаев [и др.]. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. Т. 2. 643 с.

Книга памяти: в 8 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. Т. 8. 348 с.

Коновалов А.Б. Партийная номенклатура в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 592 с.

Очерки истории Бурятской организации КПСС / под ред. А.У. Хахалова, Д.Д. Лубсанова, Б.М. Митупова, Ц.О. Очирова, Г.Л. Санжиева. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1970. 611 с.

Протасов Е.Т. Формирование и становление государственных институтов Бурятии (1923–1991 гг.): историография и источники. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2016. 300 с.

Санжиев Б.С. Общегражданско-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун и в годы Великой Отечественной войны (Странички воспоминаний: годы и события) / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Сибирь, 1995. 180 с.

Тармаханов Е.Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии в 1938–1959 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1979. 334 с.

У подвига нет срока: статьи, воспоминания, письма военных лет, фронтовые дневники, документы / сост. А.Т. Дадаева, Ф.Г. Дардаева, Г.С. Нижникова, Г.Г. Хобракова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. 227 с.

Федоров А.Н. «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 65–73.

Цыкунов Г.А. Советский опыт освоения Сибири // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 2. С. 401–410.

Сведения об авторе

Протасов Евгений Тарасович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента,

cles]. Moscow. 153 p. (In Russ.)

2005. Women of Buryatia during the Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and memoirs (on the 60th anniversary of the Victory). Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 316 p. (In Russ.)

Zolotoev A.K. 1963. Buryatia during the Great Patriotic War (1941–1945). Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo. 165 p. (In Russ.)

2011. History of Buryatia: in 3 vol. Vol. 3. XX–XXI. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN. 464 p. (In Russ.)

1961. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 2. 557 p. (In Russ.)

Khaptaev P.T. 1959. History of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic: in 2 vol. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo. Vol. 2. 643 p. (In Russ.)

2005. Book of memory: in 8 vol. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. Vol. 8. 348 p. (In Russ.)

Konovalev A.B. 2006. Party nomenclature in the system of regional power (1945–1991). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 592 p. (In Russ.)

Khakhalov A.U., Lubsanov D.D. 1970. Essays on the history of the Buryat organization of the CPSU. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo. 611 p. (In Russ.)

Protasov E.T. 2016. The formation and development of state institutions of Buryatia (1923–1991): historiography and sources. Ulan-Ude: Izd-vo BGSKhA im. V.R. Filippova. 300 p. (In Russ.)

Sanzhiev B.S. 1995. Socio-political life and national-cultural building of Soviet Buryatia on the eve and during the Great Patriotic War (Pages of memories: years and events). Irkutsk: Sibir'. 180 p. (In Russ.)

Tarmakhanov E.E. 1979. Industry and the working class of Soviet Buryatia in 1938–1959. Novosibirsk: Nauka. Sib. Otdelenie. 334 p. (In Russ.)

Dadaeva A.T., Dardaeva F.G. 2010. The feat has no time limit: articles, memoirs, letters of the war years, front-line diaries, documents. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. 227 p. (In Russ.)

Fedorov A.N. 2016. "Chelyabinsk affair": replacement of the party leadership of the Chelyabinsk region in 1949–1950. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 6. Pp. 65–73. (In Russ.)

Tsykunov G.A. 2014. Soviet experience in the development of Siberia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [Historical and Economic Research]. Vol. 15. No. 2. Pp. 401–410. (In Russ.)

Information about the author

Evgeny T. Protasov,
Cand. Sci. (History), associate professor of the Department of Management,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова Министерства сельского хозяйства Российской Федерации,
Россия, 670024, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Пушкина, 8,
e-mail: protasov-evg@mail.ru

Критерии авторства

Е.Т. Протасов самостоятельно выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, Ministry of Agriculture of the Russian Federation,
8 Pushkin Str., Ulan-Ude 670024, Republic of Buryatia, Russian Federation,
e-mail: protasov-evg@mail.ru

Attribution criteria

E.T. Protasov had got a scientific research, summarized the obtained data, prepared the manuscript for printing, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 355/359

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-233-242>

Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах в 1945–1953 гг. (на материалах Восточной Сибири и Монголии)

© В.Н. Воронцов^а, М.С. Суханова^б

^а Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

^б Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается партийно-политическая работа в Советской армии после Второй мировой войны на основе документов воинских соединений, дислоцированных в Восточной Сибири и Монголии. Эти, впервые изученные источники, позволяют существенно скорректировать сложившиеся в историографии представления, показав тесную взаимосвязь процессов в обществе и Вооруженных силах в разные периоды времени, диалектическое единство образовательной деятельности в СССР. Коммунистическая партия аккумулировала доступную информацию о развитии всех сфер жизни общества, включая внутриармейские процессы. Важным параметром партийных документов является то, что они составлялись для внутреннего использования и отражают не только достижения, но и проблемы. В 1941–1945 гг. коммунистический режим в значительной степени эволюционировал, оперативно адаптируясь к меняющейся обстановке, новым вызовам и задачам. Опыт войны и обращение к образам русской истории отчасти изменили советский подход к государственному управлению. В ходе Великой Отечественной войны была существенно скорректирована и национальная политика. В данной статье показано, какие из этих вынужденных политических новаций сохранились, как они в дальнейшем трансформировались. Охарактеризован сложившийся стиль работы политических органов, приведены планы мероприятий и тематическое содержание учебного материала, включая марксистско-ленинскую подготовку офицеров. Советская повседневность периодически перемежалась политическими кампаниями разных масштабов и значимости.

Ключевые слова: коммунистическая партия, партийная и политическая работа, Советская армия, Восточно-Сибирский военный округ, политработники, приказы, Политическое управление, донесения, планы, повседневность, адаптация, гибкость

Информация о статье: Дата поступления 1 мая 2019 г.; дата принятия к печати 3 июня 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Воронцов В.Н., Суханова М.С. Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах в 1945–1953 гг. (на материалах Восточной Сибири и Монголии) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 233–242. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-233-242

Party and political work in the Soviet armed forces in 1945–1953 (on the materials of Eastern Siberia and Mongolia)

© Vladislav N. Vorontsov^а, Maria S. Sukhanova^б

^а Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation

^б Saint Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract: The article examines the party and political work in the Soviet Army after the Second World War on the basis of documents of military units stationed in Eastern Siberia and Mongolia. These for the first time studied sources allow to correct essentially the representations which have developed in historiography, having shown close interrelation of processes in society and armed forces in different periods of time as well as dialectical unity of educational activity in the USSR. The Communist

Party accumulated available information on the development of all spheres of society, including intra-army processes. An important parameter of party documents is that they were compiled for internal use and reflect not only achievements, but also problems. In 1941–1945, the Communist regime largely evolved, quickly adapting to the changing environment, new challenges and tasks. The experience of the war and the appeal to the images of Russian history partly changed the Soviet approach to public administration. During the Great Patriotic War the national policy was significantly adjusted. This article shows which of these forced political innovations survived, how they were transformed later. The developed style of work of political bodies is characterized, action plans and thematic content of educational material, including Marxist-Leninist training of officers are given. Soviet everyday life was periodically punctuated by political campaigns of different scales and significance.

Keywords: Communist Party, party and political work, Soviet Army, East Siberian Military District, political workers, orders, Political management, reports, plans, everyday life, adaptation, flexibility

Article info: Received May 1, 2019; accepted for publication June 3, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Vorontsov V.N., Sukhanova M.S. 2019. Party and political work in the Soviet armed forces in 1945–1953 (on the materials of Eastern Siberia and Mongolia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 233–242. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-233-242

Всесоюзная коммунистическая партия являлась основой политической системы, созданной большевиками после взятия власти в октябре 1917 г. Партия приобрела доминирующие позиции в политической иерархии, возложив сама на себя практически неограниченный спектр полномочий. К середине 1920-х гг. основные управленческие функции, ранее еще выполнявшиеся органами государственной власти, перешли к партийному аппарату. Впредь именно партия выступала инициатором и руководителем всех политических и идеологических кампаний, экономических и социокультурных проектов в СССР. Юридически не имея права вторгаться в деятельность советов, хозяйственных организаций и профсоюзных структур, большевистская партия на практике стояла за подавляющим большинством решений этих органов, полностью определяя дальнейшее развитие страны¹. Необходимо особо подчеркнуть интегрированный характер советской административно-командной системы. Позднее, в 1967 г., эта роль будет сформулирована следующим образом: «Осуществляя свою руководящую роль через систему государственных и общественных организаций, партия объединяет и направляет их усилия к общей цели, действуя присущими ей методами

организаторской и идейно-воспитательной работы» (50 лет ..., 1967. С. 43)².

Великая Отечественная война стала всеобъемлющим испытанием государственного строя СССР, советских принципов военного строительства, политической и социально-экономической модели социализма, методов формирования психологического настроя на победу, навыков обеспечения единства тыла и фронта... Особо подчеркнем, что в ходе тяжелейшего внешнего противоборства 1941–1945 гг. коммунистический режим в значительной степени эволюционировал, с исключительной оперативностью адаптируясь к меняющейся обстановке, новым вызовам и более сложным задачам.

Западные авторы пристрастно, но довольно аргументировано подчеркивают эти приспособленческие, прагматические таланты большевиков, их способность к резким политическим поворотам и маневрам. Например, «...опыт войны и обращение к образам русской истории также внесли важные изменения в советский подход к государственному управлению, советские правители были вынуждены апеллировать не столько к «героиче-

¹ Морозова Т.И. Организация и деятельность Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) (май 1924 – август 1930): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. С. 3.

² 50 лет Великой Октябрьской Социалистической революции. Торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 3–4 ноября 1967 г.: стенографический отчет. М.: Политиздат, 1967. 232 с.

ским» большевистским традициям, сколько к традициям русского народа» (Майнер, 2010. С. 26).

Отечественные историки придерживаются более взвешенной позиции, но признают эволюцию в советской национальной политике в 1941–1945 гг. Ее условные этапы: советское великодержавие при подготовке к войне, «здоровый, правильно понятый национализм» – укрепление великодержавия, возврат к советскому патриотизму в конце войны (Синицын, 2018. С. 81, 367).

Перевод войск с военного на мирное положение – сложная и многоплановая задача, успешное решение которой служит показателем относительной зрелости и возросшей эффективности социалистического строя. Вопросы восстановления и развития народного хозяйства практически сразу стали приоритетной темой (КПСС в резолюциях, 1954. С. 437–474, 502–550³; Очерки истории Иркутской..., 1977; Очерки истории Читинской..., 1986). В настоящее время запущен процесс существенного переосмысления подходов к советскому экономическому укладу с учетом его ранее засекреченной обширной военной части, в частности «реализации плана конверсии избыточной военной промышленности в 1945–1950 гг.», «зарождения и становления новых отраслей военно-промышленного комплекса в первое послевоенное десятилетие» (Симонов, 2015. С. 239–323). Значительный интерес представляет и внешнеполитическое значение советской военной мощи и опыта (Внотченко, 1966; Топчий, 2018).

Как ранее нами уже отмечалось (Воронцов, 2018а. С. 219), отечественные историки проделали большую работу по изучению механизма послевоенной стабилизации политического режима (Пыжиков, Данилов, 2002. С. 9), сюжета «Победители, власть и общество» (Пихоя, 2009. С. 22–38), динамики властных и общественных настроений, сложившихся в СССР после 1945 г. и включавших перманентные репрессии (Степанов, 2009; Негода, 2019. С. 216).

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 3. 1930–1954 гг. Изд. 7-е. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. 691 с.

Из отечественных авторов наибольшую методологическую ценность представляют многочисленные труды С.В. Волкова, в которых системно рассматривается дореволюционный офицерский корпус (Волков, 1993), советский истеблишмент (Сайт историка Сергея Владимировича Волкова <http://swolkov.org/sov/index.htm>), в целом элитные группы традиционных обществ мира (Волков, 2017). Также повторим, что мемуары, описывающие послевоенные «будни» войск очень немногочисленны (Воронцов, 2018b. С. 240), значительно уступая по суммарной информативности источникам личного происхождения по военным годам (Гречко, 1979) и др.

Значительный концептуальный интерес представляют и гипотезы зарубежных исследователей, анализировавших как «политические императивы послевоенного восстановления» (Фильтцер, 2011. С. 13–23), и рассматривавших демобилизацию «как политический и культурный... процесс» (Герварт, Хорн, 2014. С. 11–12).

Особо подчеркнем, ту же последовательную западную пристрастность в трактовках и послевоенных решений. «Несмотря на широкую официальную пропаганду, война оставалась для режима опасной памятью, особенно пока у власти был Сталин. Слишком много людей были свидетелями паники и катастрофы 1941 г., репрессий и депортаций, а также бессмысленной гибели солдат из-за действий некоторых командиров и политических комиссаров. Война, конечно, показала массу примеров подлинного самопожертвования, патриотизма и героизма, но память об этом была опасной. Слишком большое внимание к военным событиям грозило возвысить настоящих героев войны, таких как маршал Жуков, и вознести их выше самого Сталина. Это было неприемлемо, сталинизм был монотеизмом» (Майнер, 2010. С. 53). Эпитеты «настоящие», «мнимые», «вознести» вряд ли можно считать научными определениями.

В мае 1946 г. военно-исторический отдел Генерального штаба преобразован в военно-историческое управление, получившее на следующее пятилетие задачу составления краткого и полного описания Великой Отечественной войны, от-

дельных важнейших операций и наиболее поучительных боев (Пишу исключительно по памяти, 2017. С. 6). Повышение статуса, отвечающего за военно-историческую работу органа, позволяет усомниться в нежелании высшей власти создать объективную панораму прошедшей войны, что было немыслимо без тщательной разработки источниковой базы, которая, как быстро выяснилось, содержала значительные хронологические лакуны. Управление приложило все усилия, чтобы инициировать сбор воспоминаний и свидетельств советских командиров. Не можем не подчеркнуть всепронизывающую советскую практику секретности, среди прочего проистекающую из опасения, что убедительная реконструкция причин событий может вооружить практическим знанием не только советских военных и гражданских руководителей, но и зарубежных идеологических противников.

С учетом всего вышеотмеченного для проверки сложившихся в историографии тезисов проанализируем партийно-политическую работу в Советской армии на послевоенных материалах, дислоцированных в Восточной Сибири воинских соединений. Выявленный источниковый массив, на наш взгляд, позволяет существенно скорректировать представления, наглядно показав тесную взаимосвязь процессов в обществе и вооруженных силах в разные периоды времени, смену ролей при этом ведущих и ведомых, диалектическое единство образовательной деятельности.

В силу руководящих и контролирующих полномочий коммунистическая партия аккумулировала доступную информацию о развитии всех сфер жизни общества, в том числе о внутриармейских процессах. Важным параметром партийных архивных документов является то, что они в основном составлялись для внутреннего использования и, соответственно, отражают не только достижения, но и проблемы, с которыми сталкивались «исполнители партийной воли» на местах.

Источниковая база обладает рядом особенностей: в Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится опись № 122/16 Политического управления Восточно-Сибирского военного округа. На листах с оглавлением архивных дел преобладают

штампиками «Уничтожено» (по истечению срока хранения). Например, это касается бывших единиц хранения: Планы работы парторганизации управления; протоколы заседаний бюро парторганизации управления; протоколы общих собраний; переписка по военно-шефской работе; объяснительные записки к статистическим отчетам, поступающим от политорганов; статистический отчет комсомольской организации и т. д. В то же время сохранились приказы по личному составу управления, отразившие ежедневные назначения на ночные дежурства офицеров (ЦАМО. Ф. 122. Оп. 488838. Д. 1; Оп. 488840. Д. 1).

Напротив, в фондах воинских соединений (корпусов и дивизий) партийные документы представлены достаточно полно, обеспечивая рельефную и обоснованную реконструкцию. Например, в фонде 934 «Управления 49-го стрелкового корпуса», выведенного в Красноярск и там, в ноябре 1946 г., расформированного, сохранились: годовые описи политотдела; планы его работы; доклады, политические и специальные донесения, докладные записки работников политотдела корпуса о состоянии партполитработы и политикоморальном состоянии личного состава; протоколы собраний парторганизации; протоколы собраний партийного актива; протоколы заседаний бюро парторганизации. В других фондах, как, например, № 1305 – 110-й Гвардейской стрелковой дивизии (дислоцировалась в Иркутске), наряду с собственной документацией представлена и широкая папка документов, «спущенных» вышестоящими политическими органами. Такая историографическая ситуация в общем, если не нейтрализует, то в значительной степени смягчает вышеупомянутое уничтожение документов Восточно-Сибирского военного округа.

Советская повседневность периодически перемежалась политическими кампаниями разных масштабов и значимости. Политическая работа в войсках не исключение. 26 декабря 1945 г. начальник Главного политического управления Красной армии генерал-полковник И.В. Шикин отдал приказ № 92: «27.11.45 г. Заместитель командира по политической части 37-го гвардейского минометного

полка майор Пальтов, получив инструкцию ЦК ВКП (б) «об организационной и агитационно-пропагандистской работе в связи с выборами в Верховный Совет СССР», вместо того чтобы лично провести работу по изучению инструкции с коммунистами, передал ее через своего ординарца заместителю командира по политической части дивизиона майору Дмитриченко, а последний в тот же день утерял инструкцию ЦК ВКП (б). Начальник политического отдела 5-й Ударной армии генерал-майор Кощеев не только не принял необходимых мер к сохранению инструкции ЦК ВКП (б), но даже своевременно не донес в Политическое управление Группы войск об утере этого важнейшего документа.

Приказываю: 1) За утерю инструкции ЦК ВКП(б) «об организационной и агитационно-пропагандистской работе в связи с выборами в Верховный Совет СССР» – заместителя командира по политической части 37-го гвардейского минометного полка майора Пальтова и заместителя командира по политчасти дивизиона этого же полка майора Дмитриченко снять с занимаемых должностей и зачислить в распоряжение Политического управления Группы Советских войск в Германии для назначения с понижением. 2) Начальнику политического отдела 5-й Ударной армии генерал-майору товарищу Кощееву за невыполнение указания Главного политического управления Красной армии о порядке хранения инструкции ЦК ВКП(б) объявить выговор. 3) Обращаю внимание начальника политического управления Группы Советских войск в Германии генерал-лейтенанта товарища Пронина на недопустимость подобных случаев и предлагаю навести настоящий порядок в политических органах по сохранению партийных документов. Приказ объявить политическим работникам до заместителя командира полка по политической части включительно (ЦАМО. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–2). Начальник организационно-инструкторского отдела Политического управления Восточно-Сибирского военного округа полковник Вашура направил приказ в подчиненные соединения для исполнения и руководства с грифом «совершенно секретно».

Шикин Иосиф Васильевич (1906–1973), в Красной армии с 1939 г., в 1949–1950 гг. начальник Военно-политической академии имени В.И. Ленина, затем в аппарате ЦК КПСС. Дадим справки и на упомянутых в его приказе персоналии на основе данных сайта «Подвиг народа», где в наградных документах красноречиво отмечены их достижения в организации политической работы во фронтовых условиях:

Пронин Алексей Михайлович (1899–1987). В Красной армии с 1919 г. С апреля 1944 г. член Военного совета 8-й гвардейской армии (Советская военная администрация, 2009. С. 904)⁴. Этой армией командовал В.И. Чуйков.

Кощеев Евстафий Евсеевич, 1898 г. рождения, в Красной армии с 1918 г., участник Гражданской войны, в 1942–1943 гг. был заместителем начальника Политического управления Сталинградского фронта.

Вашура Петр Владимирович родился в 1910 г., в Красной армии с 1941 г., с октября 1942 г. заместитель командира 265-й стрелковой дивизии по политической части, с июля 1943 г. – начальник политотдела той же дивизии.

Пальтов Григорий Константинович, 1914 г. рождения, призван в 1941 г. Кишиневским райвоенкоматом.

Дмитриченко Степан Прохорович, 1912 г. рождения, в Красной армии с 1933 г., в боях на Курской дуге в июле 1943 г. – заместитель командира 299-го гвардейского минометного дивизиона по политической части.

Призвав к служебному порядку и строгой дисциплине политические органы, приступили к перестройке в работе в мирных условиях. По сравнению с периодом боевых действий появилось внимание и ресурсов уделить собственно документообороту и организации партийно-политической подготовки личного состава. Работа строилась как в целом по воинским соединениям, так и отдельно с его офицерским, сержантским и рядовым составом.

⁴ Советская военная администрация в Германии. 1945–1949 гг. Справочник / отв. ред. Я. Фойтцки, А.В. Доронин и др. М.: РОССПЭН, 2009. 1031 с.

Обратимся к плану работы на период с 15 сентября по 1 октября 1945 г. политотдела 57-го стрелкового Хинганского корпуса (дислоцировавшегося в г. Чойболсан и там к 27 октября расформированного) (ЦАМО. Ф. 946. Оп. 1. Д. 2). Было намечено 12 мероприятий с указанием сроков исполнения и персональных ответственных: 1) Провести совещание работников политотдела по вопросам: а) «Итоги работы политотделов и политаппарата в связи с подготовкой к маршу; б) Передача личного состава, не подлежащего демобилизации, в 39-ю армию и работа в связи с демобилизацией старших возрастов.

2) Проверить работу политотделов и партполитаппарата дивизий по вопросам: а) Постановка агитационно-пропагандистской работы и политическое воспитание личного состава в соответствии с приказом 0198, обращение товарища Сталина к народу, по договору о дружбе и союзе между СССР и Китайской республикой; б) Создание и организационное укрепление партийных и комсомольских организаций стрелковых рот и им равных подразделений в связи с отправкой коммунистов и комсомольцев в 39-ю армию; в) Состояние работы по росту рядов ВКП(б) и ВЛКСМ; г) Работа с рядовым, сержантским и офицерским составом на марше; д) Причины возникновения чрезвычайных происшествий и меры борьбы с ними; е) работа по вопросам награждения и оформления аттестационных материалов; ж) Работа с шоферами и ездовыми, вьюководжатыми;

3) Провести совещание начальников политотделов дивизий с вопросом: Ход партийно-политической работы на марше и подготовка к демобилизации старших возрастов;

4) Проверить подготовительную работу партполитаппарата дивизий к демобилизации старших возрастов. Рекомендовать провести с ними беседы, политинформации на темы: а) Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации старших возрастов; б) Права и обязанности граждан СССР; в) Сообщения Чрезвычайной Государственной комиссии об ущербе, причиненном немецкими захватчиками за период Отечественной вой-

ны; г) Высоко держать честь и достоинство советского воина за рубежом родной земли;

5) Проверить и организовать помощь политотделам дивизий по работе среди местного населения;

6) Оказать помощь комсоргам полков и батальонов в организации работы по директиве № 19 Главного политического управления рабоче-крестьянской Красной армии;

7) Проверить работу политотделов дивизий о приведении в порядок партийного хозяйства;

8) Подготовить и провести комсомольские активы дивизий с вопросом: «Состояние комсомольской работы на марше и очередные задачи комсомольских организаций»;

9) Провести совещание помощников начальников политотделов по работе среди комсомола с вопросом: Состояние работы комсомольских организаций на марше и организационное оформление комсомольских организаций в связи с откомандированием части комсомольцев в 39-ю армию;

10) По Управлению корпуса для офицерского состава прочитать лекции на темы: а) История Маньчжурии; б) Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны;

11) Провести совещание с комсоргами первичных организаций с вопросом: Задачи марша и работа парторганизаций в связи с демобилизацией старших возрастов (ЦАМО. Ф. 946. Оп. 1. Д. 309. Л. 46–47).

В начале октября 1945 г. упор в политработе в 109-й гвардейской стрелковой Бериславско-Хинганской Краснознаменной ордена Суворова дивизии (готовилась к переброске из г. Чойболсан (Монголия) на станцию Мальта Иркутской области, передислокация с 25 октября по 1 ноября) был сделан на организацию торжественных встреч демобилизуемых с командованием с организацией обедов и бесед, на разъяснения демобилизуемым коммунистам порядка взятия на учет по месту жительства в парторганизациях, на оформление дел на прием и учет демобилизуемых коммунистов, на подготовку лозунгов и транспарантов для оформления эшелонов (ЦАМО. Ф. 1302. Оп. 1. Д. 1. Л. 18; Д. 85. Л. 91–92). Для демобилизованных проводи-

лись политзанятия на темы: 1) Сообщение Государственной Чрезвычайной комиссии о нанесении ущерба СССР немецко-фашистскими захватчиками; 2) О международном положении СССР и задачи отпускников; 3) Как вести себя в дороге и на Родине; 4) Что должен знать демобилизованный (закон о демобилизации от 24 июля 1945 г.).

С 1 января 1946 г. Политическое управление Восточно-Сибирского военного округа (начальник полковник В.Е. Поморцев) установило для нижестоящих органов следующий порядок: 1) Очередные донесения о политико-моральном состоянии личного состава, настроениях военнослужащих, проводимой в войсках партийно-политической работе, ходе боевой и политической подготовки войск и культурно-бытовом обеспечении личного состава предоставлять два раза в месяц к 1 и 15 числу каждого месяца. 2) Тематические донесения по отдельным вопросам партийно-политической работы политорганы соединений предоставляют по специальным заданиям политуправления округа, а также по собственной инициативе с целью обобщения опыта работы. Как правило, политотделы соединений заданий на представление тематических донесений политработниками частей не дают, а готовят их своими силами, привлекая к этому делу наиболее опытных работников, на основании собственных материалов, докладных и, главным образом, личного изучения работниками политотдела положения дел на месте и их личного общения с людьми. 3) О каждом случае чрезвычайного происшествия доносить шифром немедленно с кратким указанием характера, времени, места и причин его и какие приняты меры. После этого, не позднее чем через 2–3 дня, о каждом случае высылать... подробное письменное донесение, в котором должны быть изложены обстоятельства и причины происшествия, указаны звание, ФИО, партийность, возраст, национальность совершившего преступления, имеет ли он судимость, был ли в плену..... 4) К 1 числу каждого месяца политорганы предоставляют специальное донесение о чрезвычайных происшествиях и состоянии дисциплины за истекший месяц, производят подробный анализ наиболее характерным происшестви-

ям, вскрывают причины, доносят о принятых мерах... . Обращаю внимание на необходимость систематической высылки в политуправление округа наиболее характерных документов, отражающих внутривнутрипартийную, политическую и боевую работу, жизнь и быт военнослужащих (протоколы партийных собраний и партактивов, приказы командования, боевые листки, стенгазеты, письма, фотографии и т. д.). Обо всех важных событиях, интересных фактах, ценной инициативе, хорошем начинании, о подвигах и находчивости военнослужащих, заслуживающих популяризации, доносить телеграфом ... (ЦАМО. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 57. Л. 3–4).

Но, пожалуй, наиболее впечатляющим в выявленной документации стали тематические планы марксистско-ленинской подготовки офицеров (для командиров взводов и равных им) Красной армии на 1945–1946 гг. Их разослал начальник отдела пропаганды управления агитации и пропаганды Главного политического управления генерал-майор М.А. Миронов. Они включали в себя 32 тематические лекции по «Истории нашей Родины», причем практически все темы в по-прежнему отражали вышеупомянутый великодержавный подход, никак не показывая возвращение к советскому патриотизму. Вот некоторые из лекций: 4) Образование русского национального государства. Иван III; 5) Формирование русского многонационального государства. Иван IV; 6) Борьба русского народа с польской и шведской интервенцией в XVII веке. Минин и Пожарский; 10) Разгром русскими войсками прусской армии Фридриха II и взятие Берлина (1760); 14) Великие русские революционеры-демократы: Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов; 15) Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов; 21) Роль русского фронта в Первой мировой войне (1914–1918); 32) Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила в Советском Союзе (ЦАМО. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 57. Л. 130). При этом в числе рекомендуемой литературы статьи В.И. Ленина и в числе прочих «О национальной гордости великороссов». Эта публикация содержала предписание: нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне

царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти 9/10 населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесценивает, prostitute его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами» и оценку России 1914 г. как «тюрьмы народов» (Социал-демократ, 12 декабря 1914 г.). Таков причудливый диссонанс с подчеркиванием роли русского фронта в Первой мировой войне на самих лекциях. Как бы то ни было, младшие офицеры ориентировались на изучение именно истории русского народа.

Напротив, в марксистско-ленинской подготовке командиров рот, батальонов и равных им основной упор был сделан на изучение Краткого курса истории ВКП(б) по хронологии ее развития. Характерны названия лекций «Партия большевиков – направляющая и организующая сила советского народа в борьбе за социализм, за свободу и неза-

висимость», «Учение Ленина-Сталина об идеологических (организационных, тактических, теоретических) основах большевистской партии»; «Ленинско-Сталинское учение о национальном вопросе»; «Партия большевиков – вдохновитель и организатор борьбы советского народа за победу над немецко-фашистскими захватчиками и японскими империалистами». Аналогичная подготовка для командиров полков и равных им предусматривала более широкое привлечение первоисточников, таких работ В.И. Ленина как «Что делать» и «Материализм и эмпириокритицизм».

Таким образом, с окончанием Второй мировой войны в Советской армии была налажена плановая политическая подготовка. Взять курс на полное использование идейного опыта недавно минувших сражений и продолжение выбранного в них же политико-идеологического и национального курса.

Библиографический список

Герварт Р., Хорн Дж. Военизированные конфликты в Европе после Первой мировой войны: введение // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 8–31.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.

Волков С.В. Элитные группы традиционных обществ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 352 с.

Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе – сентябре 1945 г. М.: Военное изд-во МО СССР, 1966. 326 с.

Воронцов В.Н. Военные комиссариаты Иркутской области после Второй мировой войны: проблемы повседневной деятельности // Известия Лаборатории древних технологий. 2018а. Т. 14. № 3. С. 217–226.

Воронцов В.Н. «На штаты мирного времени»: послевоенная судьба сформированных на Забайкальском фронте в 1941–1943 гг. стрелковых корпусов и дивизий. Известия Лаборатории древних технологий. 2018б. Т. 14. № 4. С. 239–247.

Гречко Л.П. Единственная привилегия. М.: Воениздат, 1979. 175 с.

References

Gervart R., Khorn Dzh. 2014. Paramilitary conflicts in Europe after World War I: introduction. *Voina vo vremya mira: Voениzirovannyye konfliktki posle Pervoi mirovoi voiny. 1917–1923* [War in peace: Paramilitary conflicts after World War I. 1917–1923]. Moscow: Novee literaturnoe obozrenie. Pp. 8–31. (In Russ.)

Volkov S.V. 1993. Russian officer corps. Moscow: Voениzdat. 368 p. (In Russ.)

Volkov S.V. 2017. Elite groups of traditional societies. Moscow: Russian Foundation for education and science. 352 p. (In Russ.)

Vnotchenko L.N. 1966. Victory in the Far East. Military history essay on the hostilities of the Soviet troops in August – September 1945. Moscow: Voен. izd-vo MO SSSR. 326 p. (In Russ.)

Vorontsov V.N. 2018a. The military commissariats of the Irkutsk region after the Second World War: problems of daily activities. *Izvestiya Laboratorii Drevnikh Tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 14. No. 3. Pp. 217–226. (In Russ.)

Vorontsov V.N. 2018b. “To the staff of peacetime”: the postwar fate of the infantry corps and divisions formed on the Zabaykalsky front in 1941–1943. *Izvestiya Laboratorii Drevnikh Tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol.14. No. 4. Pp.239–247. (In Russ.)

Grechko L.P. 1979. The Only privilege. Moscow: Voениzdat. 175 p. (In Russ.)

Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 / пер. с англ. В. Артемова. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр. Б.Н. Ельцина», 2010. 455 с.

Негода Н.В. Особенность деятельности командования Киевского военного округа в период массовых политических репрессий 1937–1938 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 210–218.

Очерки истории Иркутской организации КПСС. Ч. 2, кн. II (1946–1975 гг.). Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1977. 288 с.

Очерки истории Читинской областной организации КПСС / сост. Н.В. Гордеев. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1986. 432 с.

Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. Т. 1 / М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 560 с.

Пихоя Р.Г. Под знаком Сталина. М.: Русь-Олимп, 2009. 256 с.

Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 319 с.

Синицын Ф.Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР–1945. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.

Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 504 с.

Степанов М.Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан: Изд-во ГОУ ДПО «ХРИПК и ПРО» «РОСА», 2009. 238 с.

Топчий И.А. Процесс военного строительства на Корейском полуострове. Т. 1. Иркутск: Форвард, 2018. 352 с.

Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны: монография. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 359 с.

Сведения об авторах

Воронцов Владислав Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
e-mail: woronzow@mail.ru

Суханова Мария Сергеевна,
соискатель, специалист по УМР 1 категории,
Санкт-Петербургский государственный экономический

Miner S.M. 2010. Stalin's Holy war. Religion, nationalism and allied politics. 1941–1945. Moscow : ROSSPEN, Fond "Presidential center. B. N. Yeltsin". 455 p. (In Russ.)

Negoda N.V. 2019. The peculiarity of the activities of the command of the Kiev Military District in the period of mass political repression of 1937–1938. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. Vol. 15. No. 2. Pp. 210–218. (In Russ.)

1977. Essays on the history of the Irkutsk organization of the CPSU. Pt. II, book II (1946–1975). Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 288 p. (In Russ.)

Gordeev N.V. 1986. Essays on the history of the Chita regional organization of the CPSU. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 432 p. (In Russ.)

2017. I write solely from memory... the Commanders of the Red Army on the catastrophe of the first days of the Great Patriotic War. Vol. 1. Moscow: "Russian Foundation for the promotion of education and science". 560 p. (In Russ.)

Pikhoya R.G. 2009. Under the sign of Stalin. Moscow: Rus`-Olimp. 256 p. (In Russ.)

Pyzhikov A.V., Danilov A.A. 2002. The birth of a superpower. 1945–1953. Moscow: OLMA-PRESS. 319 p. (In Russ.)

Sinitsyn F.L. 2018. The Soviet nation and the war. The national question in the USSR–1945. Moscow: Tsentrpoligraf. 543 p. (In Russ.)

Simonov N.S. 2015. Defense industry of the USSR: the rate of economic growth, structure, organization of production, management. Moscow: Russian Foundation for education and Science. 504 p. (In Russ.)

Stepanov M.G. 2009. Political repressions in the USSR during the Stalinist dictatorship (1928–1953): a view of Soviet and post-Soviet historiography. Abakan: Publishing house GOU DPO "HIPK ABOUT ROSA". 238 p. (In Russ.)

Topchy I. A. 2018. The Process of military construction on the Korean Peninsula. Vol.1. Irkutsk: Forward. 352 p. (In Russ.)

Fil'tser D. 2011. Soviet workers and late Stalinism: the working class and the restoration of the Stalinist system after the Second World War: Monograph. Moscow: Fond "Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina". 359 p. (In Russ.)

Information about the authors

Vladislav N. Vorontsov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Irkutsk State Transport University,
15 Chernyshevsky Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: woronzow@mail.ru

Maria S. Sukhanova,
PhD candidate,
Saint Petersburg State Economic University,

университет,
Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21,
e-mail: kazanskaya.masha@mail.ru

Критерии авторства

В.Н. Воронцов и М.С. Суханова выполнили научно-исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

21 Sadovaya Str., Saint Petersburg 191023, Russian Federation,
e-mail: kazanskaya.masha@mail.ru

Attribution criteria

V.N. Vorontsov and M.S. Sukhanova performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, own the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-243-247>

Важное историографическое событие: рецензия на монографию Сергея Бирюка «Март 1944. Битва за Псков»*

© Л.В. Корчевина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья представляет собой рецензию на книгу С. Бирюка «Март 1944. Битва за Псков». В ней вслед за автором обосновывается научная новизна работы, так как он первым поставил перед собой задачу всестороннего исследования Псковской военной операции, о которой были лишь разрозненные и небольшие сведения. С.Н. Бирюк плодотворно использовал рассекреченные в последнее время документы обеих воюющих сторон. В рецензии подчеркивается большая ценность опубликованной монографии, но в то же время обращается внимание на некоторые недостатки, касающиеся её содержания и оформления.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Псковская операция, наступление, оборона, история, документы, источники, эмпирический материал, исследование

Информация о статье: Дата поступления 17 июля 2019 г.; дата принятия к печати 12 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Корчевина Л.В. Важное историографическое событие: рецензия на монографию Сергея Бирюка «Март 1944. Битва за Псков» // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 243–247. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-243-247

Important historiographic event: review of the monograph by Sergei Biryuk “March 1944. The Battle of Pskov”*

© Larisa V. Korchevina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article is a review of the book by S. Biryuk “March 1944. The Battle of Pskov”. In this article, after the author of monograph the scientific novelty of the work is substantiated, since he was the first to set the task of a comprehensive study of the Pskov military operation, about which there were only scattered and small information. Biryuk S.N. fruitfully used recently declassified documents of both warring parties. The review emphasizes the great value of the published monograph, but at the same time draws attention to some of the shortcomings regarding its content and design.

Keywords: Great Patriotic War, Pskov operation, offensive, defense, history, documents, sources, empirical material, research

Article info: Received July 17, 2019; accepted for publication August 12, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Korchevina L.V. 2019. Important historiographic event: review of the monograph by Sergei Biryuk “March 1944. The Battle of Pskov”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15.

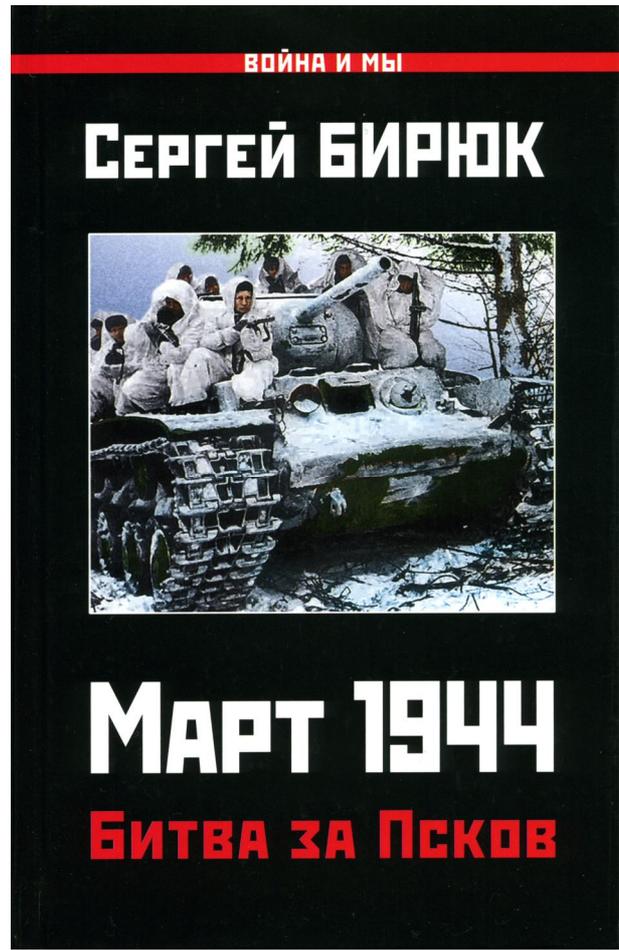
* Бирюк С.Н. Март 1944. Битва за Псков. Москва: Яуза, 2019. 256 с.

* Biryuk S.N. March 1944. The Battle of Pskov. Moscow : Yauza, 2019. 256 p.

Любая новая книга о сражениях Великой Отечественной войны, изданная в XXI веке, привлекает внимание историков. Прежде всего, это связано с введением в оборот недавно рассекреченных архивных документов и привлечением самого разнообразного информационного материала, доступ к которому возрос благодаря интернету.

Вот и автор рецензируемой книги использует литературу, базирующуюся на современных источниках (в том смысле, что они «открылись» современникам), и сам плодотворно извлекает из них нужную информацию. К ним, в частности, относятся трофейные документы вермахта, хранящиеся в фондах Национального управления архивов и документации США (NARA). Среди них – приказы, донесения, сводки, журналы боевых действий. Всё это определило важное достоинство работы – приближение к объективности благодаря освещению событий на основе материалов обеих воюющих сторон. С. Бирюк их либо цитирует, либо пересказывает. Поэтому в тексте часто встречаются обороты: «по немецким данным», «по оценке немцев», «немцы отмечают», «немецкие данные подтверждают» (или «не подтверждают»), «согласно немецким документам» и т. п. В книге более ста дословных и пересказанных фрагментов этих документов, которые перемежаются с другой информацией.

Однако указанное достоинство обернулось своими издержками. Параллельное использование немецких и отечественных материалов, требует, как видно, более внимательного к ним отношения, чтобы не появлялись нелепые и досадные пассажи, подобные этим: «Противник, видя развертывание советских войск для атаки, не мог помешать ему. К сожалению, у немцев было недостаточно артиллерийских боеприпасов» (Март 1944, 2019. С. 54); «...советские войска имели двукратное преимущество в живой силе и пятикратное превосходство в тяжелой и легкой артиллерии. Такое соотношение сил не позволяло рассчитывать на прорыв немецкой обороны и выполнение боевой задачи» (Март 1944..., 2019. С. 98). Возможно, во втором примере лишь опечатка, и с начала 90-х годов стало даже

привычным встречать их в разных текстах. Тем не менее, такие типографские промахи, которые искажают смысл, явно недопустимы.

Следует немного слов сказать об авторе книги. Сергей Николаевич Бирюк – краевед, член Военно-исторического клуба «Кольчуга», закончил финансово-экономический факультет и не принадлежит к числу профессиональных историков. Однако это не мешает ему успешно закрывать белые пятна военной истории и первым представить подлинную картину всей Псковской наступательной операции, о которой имелись лишь скудные и разрозненные сведения. В течение трех лет Сергей Николаевич Бирюк был включен в трудоёмкий процесс поиска и обработки материалов для своей монографии.

Получить представление о том, что выбор темы для исследования во многом обусловлен её неразработанностью и ограниченностью информа-

ции, можно не только из предисловия, написанного автором. Достаточно обратиться лишь к некоторым хорошо известным источникам, чтобы в этом окончательно убедиться. Так, во многих «Хрониках Великой Отечественной войны», основанных на сводках Совинформбюро, трудно или совсем невозможно найти упоминания о Псковской операции. Просматривая дни от 9 марта по 15 апреля 1944 года, когда осуществлялась эта операция, сразу можно заметить, что большая часть сообщений касается боевых действий на Украинских фронтах (Хроника... URL: <https://dic.academic>. Дата обращения: 03.07.19)¹.

Псковская военная операция обделена вниманием и в популярной энциклопедии – «Википедии», поскольку о ней очень мало публикаций. По ссылкам и литературе видно отсутствие работ, специально посвященных Псковской наступательной операции. Материал о ней размещен в разделе «Фронтовые операции, начатые в 1944 году и не входившие в состав стратегических». Собственно операций в списке всего шестнадцать. В рубрике «Ход операции» даются сведения разного объёма: от трех предложений до нескольких абзацев. Причем некоторые представлены даже с выделением этапов. В контексте нашей оценки важности работы С. Бирюка необходимо отметить, что первенство по минимуму предложений о ходе операций принадлежит, по данным энциклопедии, именно Псковской операции. Есть, правда, в данном списке одна такая (Ондавская), о которой и совсем ничего не сообщается (Список операций... URL: <https://wikipedia.org>. Дата обращения: 03.07.19)².

О необходимости и своевременности выхода в свет монографии о Псковской операции говорит и то, что даже в книге А. Исаева и А. Драбкина «История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», изданной в 2018 году, ей не нашлось места. Это и понятно, поскольку «История...» изложена на

576 страницах одним томом стандартного среднего формата. Поэтому вряд ли стоило в аннотации особо подчеркивать, что это ПОЛНАЯ история войны. Главное на самом деле не в информационных пробелах, которые естественны, а в информации, способной ввести в заблуждение читателя. Препградой последнему как раз и служит рецензируемая работа, которая всем своим содержанием опровергает мнение авторов названной книги о военной ситуации на Северо-Западе страны в марте и апреле 1944 года. Исаев и Драбкин написали об отходе немцев после провала под Ленинградом к Нарве и Пскову и уплотнении ими обороны, но не стали даже упоминать о планах советского командования по её прорыву и о кровопролитных боях на этой линии обороны. Знакомство с книгой С. Бирюка вынуждает сомневаться в правдивости следующего утверждения авторов «Истории...»: «Весной 1944 г. на Северо-Западном направлении боевые действия между войсками Красной армии и вермахта замерли» (История..., 2018. С. 274).

Порядок изложения материала и структура рецензируемой работы традиционны для описания военной операции. Несмотря на терминологическую вариативность, по сути, они одинаковы. Вначале рассматриваются цели, планы, задачи, даются характеристики условий их осуществления, материально-технических возможностей и кадровых ресурсов противоборствующих сторон. Основное содержание книги посвящено ходу военных действий, которые предстают в хронологическом порядке день за днем чередой атак и контратак, потерь и приобретений. Автор не предлагает глубокий анализ и не дает эмоциональных оценок, но насыщая свой труд концентрированной фактографией, вносит большой вклад в продвижение к истинному знанию о войне.

Каждая из четырех глав монографии завершается выводами командования соответствующей боевой единицы, а перед выводами располагается параграф об общих потерях. О потерях конкретных сражений постоянно сообщается в основном тексте этих глав. Их названия лаконичны и обоснованы: «Наступление 42-й армии», «Наступление 118-го стрелкового корпуса» и т. д.

¹ Хроника Великой Отечественной войны. Словари и энциклопедии. URL: <https://dic.academic>. Дата обращения: 03.07.19.

² Список операций вооружённых сил СССР во второй мировой войне. Википедия. URL: <https://wikipedia.org>. Дата обращения: 03.07.19.

В конце издания пять приложений, в основном с выдержками из сводок. «Заключение» работы содержит, как и весь текст, множество отсылок к документам обеих воюющих сторон. Для выводов наиболее подходящими оказались их отчеты. Очевидным минусом выглядит самый последний абзац «Заключения», а соответственно, и всей работы: «Немецким войскам в ходе отступления из-под Ленинграда удалось избежать окружения, сохранить костяк пехотных подразделений и практически полностью сохранить материальную часть артиллерии, что, несмотря на недостаток боеприпасов, способствовало успешному отражению советского наступления» (Март 1944, 2019. С. 212). Такой вывод, соответствующий, к сожалению, действительности, было бы уместно расположить в другой части текста, а не делать заключительным аккордом книги о Великой Отечественной войне, написанной российским патриотом.

Несомненными плюсами монографии являются иллюстративные материалы. По нашим подсчетам, в ней 28 фотографий, на которых запечатлены военачальники, огневые точки, орудия. Реальные и планируемые направления военных действий, расположения армий и их подразделений отображены на 19 картах и схемах. Жаль только, что многие из них рассмотреть без лупы невозможно. Насчитывается также 47 таблиц в основной части книги и 11 – в приложениях. В них компактным образом представлены ценные количественные данные, позволяющие сравнивать силы сторон по всем доступным показателям. Впечатляюще выглядят таблицы о потерях сторон с выделением убитых, раненых, пропавших без вести. С.Н. Бирюк иногда решал своего рода головоломки, находя способы вычисления и определения потерь по косвенным данным.

Библиографический список

Драбкин Артём, Исаев А.В. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 1 т. Москва: Яуза-каталог, 2018. 576 с.

Бирюк С.Н. Март 1944. Битва за Псков. Москва: Яуза-каталог, 2019. 256 с. (Сер. Война и мы).

Рецензируемый труд, как уже ясно, содержит большой массив конкретных данных, без которых невозможно адекватное восприятие и полноценное осмысление войны. Причем анализом богатейшего эмпирического материала, который имеется теперь благодаря автору книги о Псковской операции, могут заняться представители самых разных социальных наук.

Работа С. Бирюка – это, прежде всего, научное исследование, в котором зафиксировано огромное количество фактов на основе документальных источников. В ней нет интригующих сюжетов и живописных эпизодов, свойственных литературе, которая нацелена на широкий круг читателей. А расширить его можно, в первую очередь, повышая степень доступности восприятия текста. Для этого достаточно хотя бы список сокращений разместить не в конце, а в самом начале издания, а ещё лучше, – особенно малоизвестные из них, – разъяснить по ходу изложения.

Выявленные недостатки рецензируемой работы в виде некоторых типографских недоработок, стилистических погрешностей и содержательных упущений нисколько не снижают её безусловной научной ценности. Даже если бы их обнаружилось ещё больше, то и тогда монография не утратила бы своей несомненной значимости уже только потому, что стала первой публикацией, которая масштабно представила Псковскую наступательную операцию.

Издание книги «Март 1944. Битва за Псков» – важное историографическое событие. Она не только обогащает знаниями о Великой Отечественной войне, но и вдохновляет на дальнейшие поиски, уточнения, обобщения.

References

Drabkin Artem, Isaev A.V. 2018. The history of the Great Patriotic War of 1941–1945. Moscow: Yauza-katalog. 576 p. (In Russ.)

Biryuk S.N. 2019. March 1944. The Battle of Pskov. Moscow: Yauza-katalog. 256 p. (Ser. Voina i my).

Сведения об авторе

Корчевина Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: larisa.kortshevina@hotmail.com

Критерии авторства

Л.В. Корчевина провела научное рецензирование, обобщила полученные оценки и написала рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Larisa V. Korchevina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: larisa.kortshevina@hotmail.com

Attribution criteria

L.V. Korchevina had got a scientific review, summarized the evaluations and wrote the manuscript, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(571.53)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-248-251>

Нестереотипный взгляд на императора Николая II и его правление: рецензия на монографию «История России, которую приказали забыть. Николай II и его время» А.А. Борисюка*

© М.В. Чирикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В рецензии приведен анализ книги А.А. Борисюка «История России, которую приказали забыть. Николай II и его время». В ней обозначен нестандартный подход автора к исследованию эпохи последнего российского императора и его роли в событиях начала прошлого века, основанный на широкой историографической базе.

Ключевые слова: монография, николаевская эпоха, стереотип, нестереотипный взгляд, советская историография

Информация о статье: Дата поступления 10 августа 2019 г.; дата принятия к печати 9 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Чирикова М.В. Нестереотипный взгляд на императора Николая II и его правление: рецензия на монографию «История России, которую приказали забыть. Николай II и его время» А.А. Борисюка // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 248–251. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-248-251

Non-stereotypical view of Emperor Nicholas II and his reign: a review of the monograph Borisuk A.A. “The history of Russia, which was ordered to forget. Nicholas II and his time”*

© Marina V. Chirikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The review provides an analysis of the book by A.A. Borisuk “History of Russia, which was ordered to forget. Nicholas II and his time”. It outlines the based on a wide historiographic data author’s non-standard approach to the study of the era of the last Russian emperor and his role in the events of the beginning of the last century.

Keywords: monograph, the era of Nicholas, stereotype, non-stereotypical view, soviet historiography

Article info: Received August 10, 2019; accepted for publication September 9, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Chirikova M.V. 2019. Non-stereotypical view of Emperor Nicholas II and his reign: a review of the monograph Borisuk A.A. “The history of Russia, which was ordered to forget. Nicholas II and his time”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 248–251. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-248-251

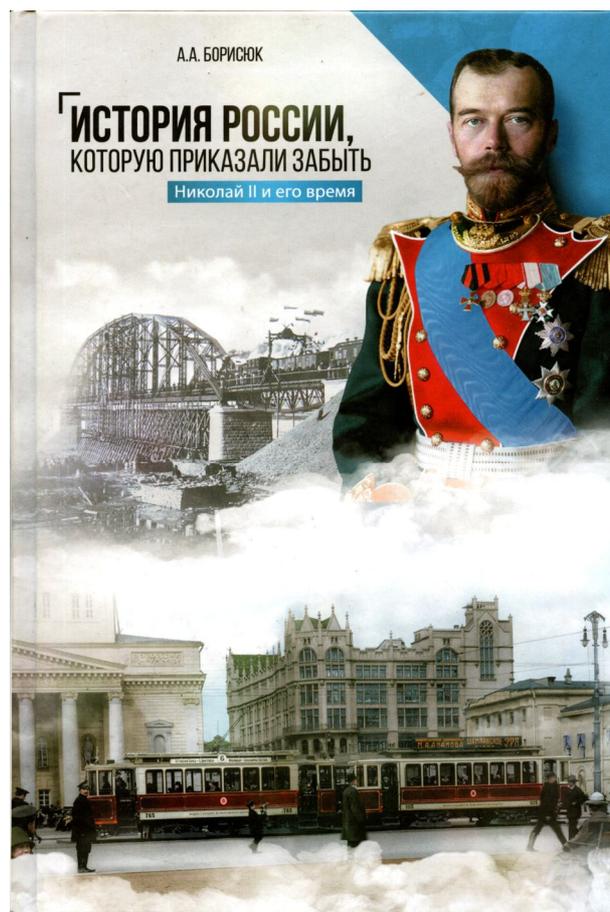
* Борисюк А.А. История России, которую приказали забыть. Николай II и его время. М. : Вече, 2018. 240 с.

* Borisuk A.A. The history of Russia, which was ordered to forget. Nicholas II and his time. Moscow : Veche, 2018. 240 p.

XX век, по мнению многих историков, политологов и просто неравнодушных к России, – один из самых сложных, противоречивых и трагичных столетий в её истории. Начавшись с колоссальных достижений в разных областях жизни и открывавший оптимистичные перспективы нашей родине в будущем, он привёл к двум апокалиптическим катастрофам, которые стоили жизни миллионам российских граждан и утратой всех высот, достигнутых накануне. Первая произошла в 1917 г., когда под влиянием революционных настроений общества пала, казалось бы, незыблемая Российская империя, а подданные этого государства вынуждены были либо эмигрировать из страны, либо пытаться адаптироваться к новой жизни, подчас рискуя стать жертвой революционных событий.

Вторая катастрофа, во многом похожая на предшествующую, связана с распадом уже Советской империи. Снова наша страна пережила не только сокращение территорий и населения, но и так называемую «утечку мозгов», и резкое падение уровня жизни, приведшее к увеличению смертности населения, в том числе и по причине роста криминальных структур. По сути, Россия дважды за век вынуждена была переродиться, утратив многие завоевания в разных общественных сферах, начать своё развитие практически с нуля.

Но, если в 1991 г. ликвидация СССР имеет какие-то рациональные объяснения, связанные и с промахами в области идеологии, экономики, политики, социального развития, то с причинами исчезновения с карты мира Российской империи всё гораздо запутаннее. Корнем такой неясности, в первую очередь, является отсутствие достоверной информации о событиях, предшествовавших революциям 1917 г., а порой и формирование фальшивых сведений об этой эпохе советской пропагандой. С точки зрения истории, совсем недавно специалисты получили доступ к источникам для их исследования и формирования нестереотипного представления о периоде конца XIX – начала XX в. в России. Так что вероятность новых открытий или новых представлений об эпохе последнего российского императора очень велика.

Одну из таких попыток – пересмотреть имеющиеся данные о Российском государстве в период правления Николая Александровича – предпринял А.А. Борисюк в своей монографии «История России, которую приказали забыть. Николай II и его время». Автор поставил перед собой цель развенчать сложившиеся мифы о самом Николае и итогах его правления в разных сферах жизни общества. Для этого он предложил оригинальную структуру изложения материала: первоначально речь идет о достижениях николаевской России в экономике, науке и технике, социальной политике (образование, медицина, культура); затем анализируются события внешней политики страны и революционные потрясения 1905–1907 гг., а также февраля 1917 г.; в заключение – сделана попытка дать объяснение падению империи.

Все исследование состоит из одиннадцати глав. Содержание книги строится по определенной логической схеме: успехи страны (1–6 глава) – проблемы, вызванные чередой исторических событий

(7–10 глава) – кризис государственности (11 глава). Представленные в конце приложения резюмируют эту логику в виде кратких итогов. Так, в первом приложении подобраны оценки личности Николая II, сделанные и его соратниками, и недоброжелателями, что свидетельствует о попытке автора быть объективным. Во втором, А.А. Борисюк систематизировал 25 мифов об описываемом периоде, представив их в форме таблицы, в которой указано содержание каждого из них и раздел книги, где дается опровержение оному. Однако, пожалуй, самым интересным и трудоёмким является третье приложение, в нём автор приводит конкретные исторические данные, подтверждающие прогрессивное развитие практически всех регионов Российской империи: от Москвы и Петербурга/Петрограда до Сибири и Дальнего Востока; от Прибалтики до Закавказья и Средней Азии.

Обработав огромный массив исторических источников и литературы, А.А. Борисюк постарался донести до читателя те сведения, которые не получили широкого распространения в советской историографии или были извращены. Для большей убедительности историк использовал метод сравнения результатов политики последнего русского императора и успехов советского руководства, которые так громко провозглашались в СССР. В монографии приводится большое число таблиц, упрощающих восприятие статистической информации, приводимой автором.

В то же время, стоит отметить ряд моментов, которые, возможно, стоит изменить при условии дальнейшего исследования этой эпохи. Так, например, в первых шести главах монографии автор несколько злоупотребляет статическими сведениями при отсутствии их глубокого анализа. Кроме того, нередко историк возвращается к одной и той же мысли/выводу, особенно это заметно в крайних главах работы. Возможно, имеет смысл дополнительно отредактировать эту часть книги.

В процессе чтения нередко возникало впечатление о некой предвзятости автора к советскому прошлому и своеобразной идеализации личности Николая II. Такая уверенность А.А. Борисюка в исключительной значимости императора в развитии

страны кажется несколько преувеличенной. А его стремление найти причины разрушения империи только в стремлении политической элиты России отказаться от собственного пути развития, ориентации на Запад (предполагалось две альтернативы – либеральная или марксистская) и соответственно в её предательстве царя и народа слишком категоричными. Вероятно, автор прав в том, что роль Николая Александровича не в полной мере оценена в российской историографии, а значит, требует переосмысления. Но высокую степень ответственности главы государства за происходящие события в подвластных ему территориях никто не отменял, предполагаем, что доля вины Николая II в них всё же была.

Попытка автора сломать сложившиеся и ставшие уже хрестоматийными представления о временах начала XX века, крайне не просто воспринимается специалистами и обывателями. Это касается, например, причин революционных потрясений в России, событий Первой мировой войны и т. д. Осознавая тот факт, что Великая война 1914–1918 гг. была практически вычеркнута советской историей из двадцатого столетия, тем не менее, сложно принять версию исследователя, что она никак не повлияла на февральские события 1917 г. Склонны думать, что в этом случае стоит искать «золотую середину», между советской версией причин революций и гипотезой А.А. Борисюка.

Несмотря на указанные выше недочеты, работа «История России, которую приказали забыть. Николай II и его время» – достойное исследование, в котором впервые собраны и представлены интересные статистические сведения о Российской империи начала прошлого века. Автор сумел представить николаевскую эпоху в совершенно новом свете, умело апеллируя фактами и выстраивая их в достаточно стройную композицию. Вызывают большой интерес и самобытные гипотезы А.А. Борисюка о личности Николая II и его роли в развитии империи, об участии нашей страны в Первой мировой войне, о причинах революционных событий и др. Возможно, в ближайшем будущем его точка зрения будет полностью доказана и станет новой хрестоматийной истиной.

Сведения об авторе

Чирикова Марина Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: chirikovamv@mail.ru

Критерии авторства

М.В. Чирикова провела научное рецензирование, обобщила полученные оценки и написала рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Marina V. Chirikova,

Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: chirikovamv@mail.ru

Attribution criteria

M.V. Chirikova had got a scientific review, summarized the evaluations and wrote the manuscript, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. **Инициалы и фамилии авторов**: располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 1200–1400 печатных знаков, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Английский перевод** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. **Благодарности**. После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. **Раздел «Библиографический список»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.V. & Author, C.S. 2005, Title of article, Title of Journal, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социогенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40–82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. **Раздел «Сведения об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. **Раздел «Критерии авторства».** Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Journal of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk national research technical university

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;

2.3. **Initials and surnames of the authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should consist of 1200–1400 symbols, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.

2.6. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.7. **Acknowledgments**. After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.

2.8. Section **"References"**. It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Socio-genesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. **Section "Criteria of authorship"**. It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 3 (32) 2019

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.09.19. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 32,5.
Тираж 500 экз. Заказ 211. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83